II-10
Р-140

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

и

ПАНТЕОНЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго.

1843.

ЭП
Ф.ИИ-6999.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАР... АКАДЕМ.
Ленингр... Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

РЕПЕРТУАРЪ

ИЛИ

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАННЫХЪ.

Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго.

=

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

(20 листовъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1843.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

I. Волшебный бочонокъ или сонъ на яву. Старинная Нѣмецкая сказка въ 2-хъ дѣйствіяхъ, перед. съ Нѣмецкаго *Н. А. Полевымъ*.

II. Полчаса за кулисами, Комедія, соч. *Н. А. Полеваго*.

III. Польскій театръ. *Статья первая*. Историческій взглядъ на театръ въ Польшѣ, со-времени его основанія. *С. П. Побѣдоносцева*.

IV. Парижскія Тайны. Романъ Е. Сю. Часть шестая. Пер. *В. М. Строева*.

V. Матеріалы для исторіи русскаго театра. А. И. Аѳанасьевъ, артистъ-комикъ Императорскаго С.-П.-Б. театра. Статья г-на *Быстрорѣцкаго*.

VI. Искусство и художники. Рашель. Статья *В. С. Межевича*.

VII. Стихотворенія. *Ни вздоха, ни слова!... Д. Горева*.—Аплодисменты, *Д. Т. Ленскаго*. — *Не разлюби, не позабудь!* (Романсъ) *Д. Горева*.

VIII. Провинціальные театры въ Россіи. § 16. Астраханскій театръ. Статья *К. П.*—§ 17. Екатеринославскій театръ, во-время Петропавловской ярмаркѣ, *П. М.* — § 18. Таганрогскій театръ. *Хр. Фонъ-Бока*. — § 19. Театръ въ Брестъ-Литовскѣ, *Е. Кузнедворскаго*. — § 20. Театръ въ Самарѣ. *Истаго Самарянина*.

IX. Смѣсь. Балеты у Римлянъ и балеты въ настоящее время.—Актеръ адвокатъ своего дѣла. — Способъ угощать гостей, не издерживая ни копейки.—Военные театры въ Африкѣ. — Провинціальныя аффиши.—Дѣйствіе краснорѣчія на вора. — Фабрикація парижкихъ водевилей. — Безцеремонный пѣвецъ. — Происхожденіе знаменитой фразы: *Ridendo castigat mores*. — Дебютантъ въ затруднительномъ положеніи.— Тальма–кредиторъ Наполеона. — Авторская плодовитость.—Наружность и привычки Шиллера. — Анекдоты и мелочи.

X. Хроника Иностранныхъ театровъ. Парижскіе театры.— Вѣнскіе театры.—Лондонскіе театры.

XI. Фельетонъ. Петербургскіе театры. — Извѣстія изъ Москвы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ «РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА» НА БУДУЩІЙ 1844 ГОДЪ.

КЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ, ВО ВЕСЬ РОСТЪ, ПАРИЖСКОЙ АКТРИСЫ РАШЕЛЬ, РИСОВАННЫЙ СЪ НАТУРЫ И ЛИТОГРАФИРОВАННЫЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

ПЕТРУХАРЬ РУССКАГО

ИЛИ

ПАНТЕОНЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843 года, сентября 30 дня.

Цензоръ С. Шутора.

1843.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВѢДОМОСТЕЙ С.-П.-Б. ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦІИ.

ВОЛШЕБНЫЙ БОЧОНОКЪ,

ИЛИ

СОНЪ НА ЯВУ.

СТАРИННАЯ НѢМЕЦКАЯ СКАЗКА, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Передѣланная П. А. Полевымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Ганцъ, бѣдный бочаръ
Кунигунда, жена его.
Гретхенъ, дочь его.
Баронъ Гохвольшпицвицъ, знатный баронъ.
Іоганнъ Пумпанкикокъ, управитель его.
Фрицъ, Губертъ, подмастерья Ганца.
Бургмейстеръ мѣстечка.
Конрадъ Шварцъ, Фридрихъ Вейссъ, Іоганнъ Ротъ, жители мѣстечка.
Илья Бушъ, старый бѣднякъ.
Трактирщикъ.
Поэтъ.
Антикварій.
Музыканты, посѣтители и посѣтительницы гостинницы, слуги барона.

Дѣйствіе въ домѣ Ганца, и въ гостинницѣ, подъ вывѣскою *Бѣлаго Лебедя*.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ обширную комнату, гдѣ видны орудія бочарнаго ремесла, бочки, бочонки, обручи. Огромная бочка стоитъ неотдѣланная; въ сторонѣ столъ и стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фрицъ, *работаетъ и поетъ*, Гретхенъ, *входитъ съ корзинкою.*

ФРИЦЪ, *напѣваетъ*. Тралала! Ахъ! какъ Гретхенъ мила!

ГРЕТХЕНЪ. Онъ обо мнѣ говоритъ!

ФРИЦЪ *бросаетъ молотокъ*. Она меня съ ума сведетъ! Нѣтъ ея—ни за что́ приняться не хочется, а только объ ней и думаешь. Тутъ она.... пойдетъ-ли какая-нибудь работа на умъ? Все говорилъ-бы съ ней, все цѣловалъ-бы ее....

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! негодный, что́ такое онъ говоритъ! *(Съ досадою кидаетъ въ него цвѣткомъ).*

ФРИЦЪ. Гретхенъ! это вы?

ГРЕТХЕНЪ. Это вы! Какъ вы смѣете безъ меня говорить обо мнѣ такъ дерзко?

ФРИЦЪ. Дерзко? Да, что́-жъ такое я дерзко говорилъ? Если вы подслушивали, такъ можете пересказать....

ГРЕТХЕНЪ. Никогда я не подслушиваю — я шла мимо и нечаянно услышала....

ФРИЦЪ. Такъ повторите, что́ вы нечаянно услышали.

ГРЕТХЕНЪ. Вотъ еще какія прихоти! Повторять его слова!

ФРИЦЪ. Да что́-жъ такое я говорилъ? Что вы очень милы? Правда!

ГРЕТХЕНЪ. Неправда — я очень дурна и очень немила.

ФРИЦЪ. Я невиноватъ, что вы мнѣ милой кажетесь, что безъ васъ мнѣ скучно и работа не йдетъ на умъ....

ГРЕТХЕНЪ. Ну, а при мнѣ, когда я съ вами?

ФРИЦЪ. Тогда.... Да что́-жъ тогда?...

ГРЕТХЕНЪ. Вы сейчасъ изволили громко объ этомъ говорить!

ФРИЦЪ. Право не помню, что́ такое я говорилъ!

ГРЕТХЕНЪ, *лукаво.* Не помните?

ФРИЦЪ. Ахъ! да, вспомнилъ! Простите, Гретхенъ, я сказалъ, что мнѣ — всегда цѣловать васъ хочется!

ГРЕТХЕНЪ. Какъ-же вы смѣли?

ФРИЦЪ. Что́-жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь это, ей Богу, правда!

ГРЕТХЕНЪ. Онъ еще и увѣряетъ! Да, развѣ я позволяю вамъ себя цѣловать?

ФРИЦЪ. То-то и бѣда, что такъ рѣдко, да и то ошибкой, да и то, ручку.... вотъ, какъ на примѣръ, теперь! *(Цѣлуетъ ея руку.)*

ГРЕТХЕНЪ, *не отнимая руки.* Полноте-же! Что́ это вы затѣяли? Какъ будто вамъ нечего дѣлать!

ФРИЦЪ. Виноватъ-ли я, что при васъ я ничего другаго дѣлать не могу?

ГРЕТХЕНЪ. Такъ я уйду!

ФРИЦЪ. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ примусь за работу! *(Цѣлуетъ руку ея).*

ГРЕТХЕНЪ. Этакъ-то вы за работу принимаетесь? Перестаньте-же!—Ну, если кто нибудь увидитъ?

ФРИЦЪ. Да, я ужъ пересталъ, и кому увидѣть!

(Голова Губерта видна изъ дверей.)

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже *и* Губертъ.

ФРИЦЪ. Что́ это значитъ, г. Губертъ? Не подсматриваете-ли вы за мною?

ГУБЕРТЪ. Нѣтъ! я смотрю.

ФРИЦЪ. И ничего не видите!

ГУБЕРТЪ, *усмѣхаясь*. Нѣтъ! кое-что вижу.

ФРИЦЪ. И никому о томъ не осмѣлитесь сказать?

ГУБЕРТЪ. А кто мнѣ запретитъ?

ФРИЦЪ. Я.

ГУБЕРТЪ. А какимъ образомъ?

ФРИЦЪ. Я васъ прибью—и дѣло кончено.

ГУБЕРТЪ. Кончено? Попробуйте!

ГРЕТХЕНЪ. Фрицъ! что вы дѣлаете! Ахъ! г. Губертъ, какой вы злой! Вы хотите на насъ наклеветать!

ГУБЕРТЪ. На *васъ*? Да, вамъ-то тутъ что такое? Я хочу только сказать, что этотъ щеголеватый хвастунъ умѣлъ подбиться въ милость мейстера и наединѣ цѣлуется съ его дочкой!

ФРИЦЪ. Что, что такое! Подбился въ милость мейстера?

ГРЕТХЕНЪ. Фрицъ! ради Бога!

ГУБЕРТЪ. Прикажите ему быть посмирнѣе. Мы кое-что знаемъ и молчать не будемъ, если отъ него честнымъ людямъ житья нѣтъ!

ФРИЦЪ. Бездѣльникъ!

ГУБЕРТЪ. Мы не были бездѣльниками, пока не явился щеголекъ, бѣлоручка, Богъ знаетъ откуда! Я былъ первымъ подмастерьемъ г. Ганца, и думалъ, что буду зятемъ его.

ГРЕТХЕНЪ. Зятемъ! Ахъ, Боже мой! Никогда! никогда!

ГУБЕРТЪ. Никогда! Никогда! Когда я все скажу, такъ щеголя вашего прогонятъ, а у васъ и спрашивать не будутъ!

ФРИЦЪ. За твою наглость съ тобою надобно разсчитаться иначе! *(Онъ схватываетъ Губерта и бросаетъ его на полъ.)*

ГУБЕРТЪ. Ай, ай! помогите!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и ГАНЦЪ.

ГАНЦЪ. Ба, ба, ба! Что это такое?

ФРИЦЪ. Ничего, мейстеръ—я сколачиваю пустую бочку.

ГАНЦЪ. Ха, ха, ха! Эге! дружище, Губертъ! И ты подался этому молокососу? Этакой мужичина—ребенку!

ГУБЕРТЪ. Хорошъ онъ ребенокъ—спросите-ка у меня....

ФРИЦЪ, *перебивая*. Мейстеру нечего у тебя спрашивать....

ГУБЕРТЪ. Такъ у дочки вашей спросите....

ГАНЦЪ. Губертъ! ты знаешь, что я сплетниковъ и клеветниковъ терпѣть не могу—поди вонъ!

ГУБЕРТЪ. Поди вонъ! Хорошо, я-то пойду, да смотрите, чтобы г-жа Гретхенъ не оставалась здѣсь.

ГАНЦЪ. Замолчи!

ГУБЕРТЪ. Пожалуй, я замолчу, да худо, если заговорятъ другіе.... Вы вѣрите Фрицу, а послушайте-ка что̀ другіе объ немъ разсказываютъ.... *(въ сторону)* Добро ты, негодяй, бѣлоручка—ужъ я тебя подстерегу! *(Уходитъ)*....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, *кромѣ* Губерта.

ГАНЦЪ. Хмъ! Гретхенъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, зачѣмъ ты здѣсь!

ГРЕТХЕНЪ. Я.... я.... папенька.... я вамъ завтракъ принесла.... я думала, что вы здѣсь....

ФРИЦЪ. Она и не ошиблась: вы въ-самомъ-дѣлѣ здѣсь.

ГАНЦЪ. Разумѣется. Ну, а Фрицъ вѣрно занятъ былъ работой и не замѣтилъ тебя....

ГРЕТХЕНЪ. Да, онъ все возился съ своими бочонками, да кадочками....

ГАНЦЪ. И дурака Губерта колотилъ? Съ бочонками, да съ кадочками! Хорошо, хорошо! Ну, гдѣ-же завтракъ? Давай! Фрицъ! не хочешь-ли?

ФРИЦЪ. Покорно благодарю—я ужъ завтракалъ.

ГАНЦЪ. Ну, а что̀-же такое хотѣлъ разсказать Губертъ? Что̀ вы оторопѣли? Гретхенъ! Фрицъ!

(Онъ садится къ столу.)

ФРИЦЪ. Мейстеръ!

ГРЕТХЕНЪ. Папенька!

ГАНЦЪ. Ха, ха, ха! Ну, да, я мейстеръ и папенька, да что̀ далѣе?

ФРИЦЪ. Далѣе ничего, кромѣ того, что вы добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ!

ГАНЦЪ. Покорно благодарю, и нехудо прибавить, что у добрѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка премиленькая дочка.... Ха, ха, ха! Слушайте дѣти — неужели вы думаете, будто я такой простякъ, что ничего не замѣчаю?

ФРИЦЪ. Клянусь вамъ, мейстеръ, что дочь ваша—ангелъ!

ГАНЦЪ. Право? Ничуть не ангелъ — дѣвчонка, такъ, недурна, а Фрицъ добрый малый, славный работникъ, и поддержитъ славу перваго бочара, которая еще дѣду моему принадлежала, отцу моему досталась и мной поддержана. Знаменитая Франкфуртская бочка сдѣлана дѣдомъ моимъ. Отецъ мой сработалъ дивный бочонокъ, въ которомъ поднесли рейнвейнъ Императору, а я.... Ну, правда, я ничего еще такого не сдѣлалъ.... да, все за сборомъ дѣло—некогда! Сегодня у сосѣда именины, завтра у сосѣдки пирушка—тамъ то́, здѣсь это....

ФРИЦЪ. Ахъ! мейстеръ! посмотрите—вотъ рисунокъ той бочкѣ, которая составитъ славу вашу.... Вы помните, что въ Гейдельбергъ заказываютъ бочку.... я осмѣлился....

ГАНЦЪ. Покажи, покажи! *(смотритъ на рисунокъ.)* Такъ, такъ, превосходно — какая рѣзьба, какой вѣрный размѣръ — чудо! Фрицъ! другъ мой! обними меня! Ты бочаръ по-сю-пору лучше меня! Гретхенъ! Дѣти мои! Послушай, Фрицъ: ты любишь дочь мою? Признавайся!

ФРИЦЪ. О Боже мой!

ГАНЦЪ. А ты, Гретхенъ?

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! вы знаете, что маменька мнѣ запрещаетъ....

ГАНЦЪ. Ну, что́ твоя маменька дура знаетъ!... *(слышенъ крикъ Кунигунды:* «А гдѣ мой пьяница? Куда онъ опять дѣвался?») Да, да, правда, правда! Нельзя матери не слушаться.... Но, погодите, дѣти, погодите! Знаешь-ли, Фрицъ, если мы представимъ этотъ рисунокъ Гейдельбергской бочьки, и если намъ закажутъ ее, и если мы сдѣлаемъ ее—тогда мы не оберемся заказовъ и денегъ—сыграемъ свадьбу, и станетъ танцовать на нашей бочкѣ!

ФРИЦЪ, *бросаясь къ нему.* Ахъ! мейстеръ!

ГРЕТХЕНЪ. Добрый папенька!

ГАНЦЪ. Ну, ну, хорошо.—Молчать—матери не сказывать! Дѣло останется между нами.... Да, что ты принесла мнѣ на завтракъ?... кусокъ черствaго хлѣба!

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ, папенька! я и то унесла у маменьки тихонько.... Она говоритъ, что не дастъ вамъ ни завтрака, ни обѣда....

ГАНЦЪ. И винца бутылочки будто нѣтъ?

ГРЕТХЕНЪ, *печально.* Нѣтъ ни капли въ домѣ.... Я посылала къ г-ну Шварцу, онъ отвѣчалъ, что прежде надобно заплатить долгъ....

ГАНЦЪ. Долгъ? Чортъ его побери—долгъ!

ГРЕТХЕНЪ. И тотъ, что вчера былъ и шумѣлъ съ вами, опять приходилъ.... Говоритъ, долгъ....

ГАНЦЪ. Да, что они съ ума что-ли сошли? Какъ будто имъ нечего лучше дѣлать, какъ только за долгами таскаться—Чортъ-бы ихъ побралъ!... А впрочемъ, Ганцъ, что взялъ, отдавать надобно.... Хмъ! Плохо.... Тутъ ни веселье, ни работа наумъ не пойдутъ.... *(Садится задумчиво).* Сны золотые, а на яву жизнь хуже желѣзной.... Работай, работай—отдохнуть некогда....

(Задумывается).

ФРИЦЪ, *робко.* Мейстеръ!

ГАНЦЪ. Ну что такое?

ФРИЦЪ. Извините меня—мнѣ хотѣлось угодить вамъ—у меня была бездѣлка—я продалъ ее, и купилъ....

ГАНЦЪ. Свистокъ, освистывать людскую глупость?

ФРИЦЪ. Нѣтъ, не свистокъ, а.... извините.... *(Бѣжитъ и приноситъ бутылку вина)* Я знаю, что вы любите иногда стаканчикъ хорошаго винца.... Не угодно-ли вамъ!

ГАНЦЪ. Какъ? Рейнвейнъ? Ахъ! ты, плутишка, мотъ какой—покупать вино.... Добрый Фрицъ! *(Откупориваетъ и отвѣдываетъ).* Славное винцо! Фрицъ—ты добрый малый!

ФРИЦЪ. Я радъ, если только могъ угодить вамъ....

ГАНЦЪ. И какъ угодилъ! *(Пьетъ и смакуетъ).*

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! милый Фрицъ!

ФРИЦЪ. Гретхенъ!

ганцъ. Вчера, мы славно погуляли у сосѣда Шварцкопфа—что́ за лихой сосѣдъ что́ за вино, что́ за доброта сердечная—вотъ человѣкъ по-моему: грошъ ребромъ! Такъ и надобно! Если сегодня есть кусокъ хлѣба и глотокъ вина, завтра будетъ день, и кусокъ хлѣба будетъ, и вина бутылка будетъ, а что́-же еще надобно человѣку!...

гретхенъ. А любовь, папенька?

ганцъ. Ну, не худо и она, при бутылочкѣ добраго вина, да вѣдь это съ молоду, а подъ старость—правда и подъ старость любовь, какъ печка, подлѣ которой погрѣться не худо.... Что́-жъ? Если хотите, деньжонокъ немного не худо бы—много ихъ на кой чортъ? Хлѣба съ душу, денегъ съ нужду! А знаешь-ли Фрицъ—вѣдь я, еслибы только захотѣлъ, такъ и разбогатѣлъ-бы....

фрицъ. Почему-жъ вы не захотите, мейстеръ?

ганцъ. А на что́ мнѣ захотѣть? Сыщу-ли я тогда дочери своей зятя умнѣе и добрѣе, нежели теперь, когда у меня, кромѣ двухъ здоровыхъ рукъ, да ремесла, ничего больше нѣтъ? Лучше-ли будутъ дѣлаться мои бочки и бочонки, если я буду богатъ?

фрицъ. Тогда можно перестать сколачивать бочки и бочонки, а только наливать ихъ виномъ.

ганцъ. А что́ ты, и въ-самомъ-дѣлѣ? Такъ знай-же, что недавно у меня были груды золота и дорогихъ каменьевъ, такихъ, что я и назвать не умѣю. Просто, я бралъ ихъ горстями, да и раздавалъ кому попало—да, да, право, горстями раздавалъ золото! Ха! ха! ха!

гретхенъ. Вы шутите, папенька!

ганцъ. А ты ужъ было и обрадовалась! Охъ! вы, дѣвчонки.... Что́, если-бы въ-самомъ-дѣлѣ я могъ пригоршнями золото раздавать, ты на Фрица и посмотрѣть не захотѣла-бы....

гретхенъ. Ахъ! Ни за что!

ганцъ. Не бойся Фрицъ—Гретхенъ будетъ твоя, только работай, да будь честенъ. Я старъ—люблю погулять, отдохнуть, и съ тобой не разстанусь.... А золота много было у меня, да не бойся—во снѣ!

фрицъ. Во снѣ?

ганцъ. Да, во снѣ-ли, на яву-ли, не знаю, а что-то на сонъ похоже.... Вѣдь этакая дурь въ голову придетъ.... Видишь—вотъ ужъ по три ночи грезится мнѣ, будто иду я изъ нашей гостинницы Бѣлаго Лебедя, отъ этого мошенника содержателя, который поитъ добрыхъ людей скверным виномъ, и будто иду я, иду, и каждый разъ прихожу куда-то въ такую дичь, а на встрѣчу мнѣ, каждый разъ, попадется старикъ Илья Бушъ, и начнетъ разговаривать, и пойдемъ мы, и идемъ мы, и идемъ.... и идемъ....

гретхенъ, *смѣясь.* Ну, и приходите, папенька?

ганцъ. И приходимъ, и каждый разъ какая-то дверь, а за дверью погребъ, а въ погребѣ бочки....

фрицъ А въ бочкахъ вино?

ганцъ То-то, что не вино, а золото. «Сосѣдъ!», говоритъ каждый разъ мнѣ Илья Бушъ—вѣдь это кладъ! Да, говорю, кладъ! Вотъ мы и начнемъ выкатывать бочонки одинъ, другой, третій, четвертый, пятой,—ну, словомъ, навалимъ вотъ этакую гору бочонковъ.... И всякій разъ вижу, будто стою на этой горѣ, и держу за руки тебя, Гретхенъ, и Фрица, и будто вокругъ насъ толпа народа, и г-нъ бургмейстеръ, и всѣ мнѣ кланяются, и будто мать твоя, Гретхенъ, стоитъ подлѣ насъ, и такая ласковая, и не бранится....

фрицъ. Ну ужъ явно, что все это вы во снѣ видѣли! Слышите-ли? На яву не такъ!...

ганцъ. Да, она ужь и сегодня съ-позаранку поетъ свою всегдашнюю пѣсню.... А сонъ мой такой забавный.... Да, и что тутъ дѣлаетъ Илья Бушъ, у котораго, какъ у меня, за душой гроша нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кунигунда *и* губертъ

кунигунда. (*слышна еще за дверьми.*) Кто, да какъ смѣлъ? Да я развѣ не хозяйка въ домѣ? Куда онъ запропастился, старый пьяница? (*входитъ*) Что ты тутъ дѣлаешь,

дорогой, любезный муженекъ? *(Ганцъ старается допить бутылку, такъ, чтобы жена не видала).* Ты, сударыня, зачѣмъ сюда зашла, въ мастерскую? Вонъ, пошла, садись за свое кружево, да за пяльцы! *(Фрицъ работаетъ и стучитъ)* Полно ты стучать, проклятый нахалъ! Охота теперь напала работать, а то сидишь, поджавши руки, пѣсни поешь, да съ дѣвками шалишь!... А тебѣ и нужды нѣтъ — хоть трава не расти — ни за чѣмъ не посмотришь—только-бы напиться, да шататься.... Что́ у тебя тамъ такое? *(Ганцъ прячетъ бутылку; она схватываетъ ее)* Это что́? Откуда вино? Кто тебѣ далъ?

ганцъ. Это вода, душа моя, чистая вода!

кунигунда. Какая вода — будто я не вижу! Такъ ты этакъ-то здѣсь кутишь? Этакой-то ты примѣръ благонравія другимъ подаешь? Съ утра пить?

ганцъ. Да, что́-жъ, моя дражайшая половина, если ты узнала, такъ я запираться не стану — ну, выпилъ винца, за то теперь примусь за работу веселѣе!

кунигунда. Такъ ты еще и за работу не принимался, а ужъ напился..,. Да, кто тебѣ завтракать давалъ? Это твои затѣи, сударыня? Какъ-же ты смѣла, когда я запретила именно, когда я.... А вина гдѣ достали? Кто принесъ? Гдѣ денегъ взялъ? Въ домѣ гроша нѣтъ, а онъ рейнвейнъ пьетъ! Ахъ! ты, разбойникъ, пьяница!... Ахъ! бѣдная моя голова! Запропала я за тобою.... *(начинаетъ плакать. Ганцъ спокойно принимается за работу, напѣвая пѣсню).*

ганцъ. Фрицъ! пособи-ка передвинуть сюда эту бочку!

кунигунда. Посмотрите, добрые люди—я плачу и терзаюсь, а ему и нужды нѣтъ! А тебѣ и нужды нѣтъ? А! говори—тебѣ и нужды нѣтъ?

ганцъ. И, милая Кунигунда! Ты дѣлаешь свое, а мы свое.

губертъ, *Кунигундѣ, указывая на Гретхенъ и Фрица, который за бочкою говоритъ съ нею.* Посмотри-ка сюда, хозяйка!

кунигунда. Какъ? При мнѣ? Шептаться съ этимъ негодяемъ? Вотъ до чего довело твое потворство дочери.... Вонъ, сейчасъ вонъ....

фрицъ. Кто, сударыня, вонъ?

КУНИГУНДА. Ваша милость, сударь!

ГУБЕРТЪ. И такъ-таки! Щеголекъ, бѣлоручка!

КУНИГУНДА, *Ганцу.* Что-же ты-то молчишь? Чего еще ты дожидаешься?

ГАНЦЪ. Да что тамъ такое опять сдѣлалось? О чемъ ты шумишь, душа моя?

КУНИГУНДА. О чемъ я шумлю! Да, что ты, глаза-то пропилъ что-ли, что ничего не видишь?

ГАНЦЪ. Нѣтъ! все вижу, и все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ: ты, душа моя, бранишься; мы слушаемъ и ждемъ, когда ты устанешь и перестанешь—кажется, все въ порядкѣ и какъ надобно.

КУНИГУНДА. А что дочь-то твоя съ Фрицомъ шепчется?...

ГАНЦЪ. Ну, за то ты не шепчешь, а кричишь такъ, что, я думаю, на другомъ концѣ города слышно.

КУНИГУНДА. При мнѣ, при тебѣ—въ нашихъ глазахъ!

ГАНЦЪ. А развѣ лучше, еслибы она за-глазами съ Фрицомъ шепталась? Что-жъ тутъ за бѣда такая, что они говорятъ одинъ съ другимъ?

КУНИГУНДА. Сейчасъ прогони Фрица изъ дома!

ФРИЦЪ. Г-жа Кунигунда!

КУНИГУНДА. Ни словечка—сейчасъ, сію минуту!

ГУБЕРТЪ. Такъ-таки, хозяйка, такъ и надобно!

КУНИГУНДА. А ты, безстыдница, негодная дѣвчонка — сейчасъ въ свою комнату, сейчасъ—я запру тебя и не выпущу....

ГРЕТХЕНЪ. Маменька! помилуйте! Что такое я сдѣлала?

КУНИГУНДА. А! ты еще спорить! *(Беретъ ее за руку и ведетъ)* Вотъ я съ тобой справлюсь, вотъ я тебя.... *(Уводитъ ее)*. Ты забудешь у меня.... Ты будешь меня слушаться!... *(Губертъ слѣдуетъ за нею.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, *безъ* Кунигунды *и* Губерта.

ГАНЦЪ. Туча пролетѣла и громъ замолчалъ. Ты что запечалился, Фрицъ?

ФРИЦЪ. Мейстеръ! это нестерпимо! всякій день одно и тоже—чортъ побери!

ГАНЦЪ. Ничего, братецъ, ничего, вѣдь она не съ сердцовъ, а такая привычка, да и я ужъ такъ привыкъ, что когда однажды она на три дня уѣхала и никто не шумѣлъ—мнѣ скучно было!

ФРИЦЪ. Бѣдная Гретхенъ! ее запираютъ—меня со двора гонятъ!

ГАНЦЪ. Не ходи!

ФРИЦЪ. Что изъ этого будетъ!

ГАНЦЪ. Перемелется—будетъ мука, изъ которой мы напечемъ пироговъ на свадьбу.

ФРИЦЪ. Да, вамъ тутъ хорошо разсуждать, а бѣдная Гретхенъ сидитъ, да плачетъ въ заперти.

ГАНЦЪ. Мы заставимъ ее смѣяться!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже *и* Іоганнъ Ротъ.

РОТЪ. Сосѣдъ! Сосѣдъ! слышалъ-ли ты новости?

ГАНЦЪ. Что такое? Ужъ не поумнѣлъ-ли нашъ бургмейстеръ?

РОТЪ. Что бургмейстеръ! Ахъ! дай отдохнуть—задохся.... вѣдь опрометью бѣжалъ! Въ нашъ городъ пріѣхалъ....

ГАНЦЪ. Кто?

РОТЪ. И остановился въ гостинницѣ Бѣлаго Лебедя....

ГАНЦЪ. Да кто такой?

РОТЪ. Знаменитый, великій, знатный, великолѣпный, баринъ, баронъ, богачъ.... Сколько слугъ! Сколько каретъ, лошадей, людей, ящиковъ.... Тьфу! задохся....

ГАНЦЪ. Какой баронъ?

РОТЪ. Баронъ.... баронъ.... Имя такое длинное—я едва вытвердилъ—баронъ Іоганнъ, Христоферъ, Лудовикъ, Филиппъ, фонъ-Гохвольшпицвицъ!

ФРИЦЪ. Боже мой! Баронъ Гохвольшпицвицъ!

РОТЪ. Да, да, любезный! Онъ, онъ самъ—весь въ золотѣ, въ пудрѣ, двое часовъ въ камзолѣ—манжеты этакія—глядитъ такъ сердито—трость въ рукѣ превысокая, съ золотымъ набалдашникомъ, на башмакахъ пряжки какія....

ФРИЦЪ, *въ сторону.* Это онъ! Зачѣмъ онъ здѣсь?

ГАНЦЪ. Ну, такъ мнѣ-то что́ за дѣло до твоего барона Гохъ.... воль.... гохъ, какой-бы онъ ни былъ!

РОТЪ. Что́ ты, сосѣдъ! Да, теперь въ гостинницѣ протолпиться нельзя—собраніе такое! Говорятъ, что самъ г-нъ бургмейстеръ приходилъ, спрашивалъ.... всѣ разинули рты, и глядятъ, какъ сычи....

ГАНЦЪ. Вѣрно, имъ дѣлать больше нечего.

ФРИЦЪ, *въ сторону.* Мнѣ надобно развѣдать! Зачѣмъ онъ здѣсь! Что́ это значитъ?

(Уходитъ поспѣшно.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ганцъ *и* Ротъ.

РОТЪ. Ну, а слышалъ-ли ты, что г-жа Крикрикъ дочь просватала?

ГАНЦЪ. На здоровье!

РОТЪ. А г-нъ Пфефферлингъ боленъ.... жестокій насморкъ!

ГАНЦЪ. Желаю ему выздоровѣть.

РОТЪ. Но у меня этотъ баронъ съ ума не сходитъ! Зачѣмъ онъ здѣсь? Что́ значитъ пріѣздъ его? Ты ничего не слыхалъ?

ГАНЦЪ. Сей-часъ слышалъ, какъ жена бранилась.

РОТЪ. Нѣтъ, о баронѣ?—Побѣжать, развѣдать еще!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже *и* Вейссъ.

ВЕЙССЪ. Сосѣдушка, сосѣдушка! Скажи пожалуста, что́ за вздоры такіе? Что́ это значитъ? Баронъ—перстень—ты—бутылка вина....

РОТЪ. Что, что такое? Какая бутылка? какой перстень?

ВЕЙССЪ. Будто вы ничего не знаете, г-нъ Ротъ!

РОТЪ. Истинно ничего не знаю!

ВЕЙССЪ. А ты, сосѣдъ? Тебѣ надо знать!

ГАНЦЪ. Право, охоты нѣтъ—и своего дѣла, и своихъ заботъ столько!

ВЕЙССЪ. Да вѣдь дѣло-то тебя касается!

РОТЪ. Его?

ГАНЦЪ. Меня? Какъ меня?

ВЕЙССЪ. Какъ-же? Вѣдь перстень-то оказался баронскій!

РОТЪ. Какой перстень?

ВЕЙССЪ. Который любимецъ сосѣда, щеголекъ Фрицъ заложилъ трактирщику за бутылку вина, а бутылку принесъ сосѣду, и сосѣдъ выпилъ ее!

ГАНЦЪ. Слушай, г-нъ Вейссъ—если ты еще осмѣлишься повторять такія гадкія сплетни, я раздѣлаюсь съ тобой не добромъ!

ВЕЙССЪ. Да, какія сплетни сосѣдъ? Вѣдь это теперь цѣлый городъ говоритъ, и я прибѣжалъ узнать у тебя, правда-ли это?

ГАНЦЪ. Какъ, цѣлый городъ говоритъ?

ВЕЙССЪ. Какъ-же? Говоритъ такъ: вчера твой Фрицъ приходитъ къ трактирщику, требуетъ бутылку лучшаго рейнвейну, обѣщаетъ заплатить послѣ, а въ залогъ даетъ перстень, золотой, съ гербомъ. Тому что за дѣло — взялъ перстень, отпустилъ бутылку, и что-же? Какъ сегодня пріѣхалъ баронъ и остановился въ гостинницѣ — онъ глядь, поглядь, анъ на ливреѣ-то баронской такой-же гербъ, какой на перстнѣ. Онъ струсилъ и перстень представилъ барону, а тотъ настѣны полѣзъ — давай сюда бургомистра....

ГАНЦЪ, *въ сторону*. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ мнѣ сказалъ что продалъ что-то.... Неужели? Да нѣтъ, нѣтъ! Фрицъ мошенникъ, Фрицъ воръ — неправда, клевета! *(громко)* Сосѣдъ! ты лжешь!

ВЕЙССЪ. Всѣ говорятъ!

ГАНЦЪ. Такъ всѣ лгутъ! И почему знаютъ въ городѣ, что Ганцъ пилъ или нѣтъ вино? И почему Ганцъ не могъ купить себѣ бутылки вина за свой трудовой грошъ?

РОТЪ, *Вейссу.* Сосѣдъ! онъ горячится! Тутъ что-нибудь да есть!

ВЕЙССЪ, *Роту.* Разумѣется! *Ганцу,* Ну, что, сосѣдъ—твой подмастерье Губертъ подтвердилъ управителю баронскому, что ты пилъ сегодня вино, а всѣ знаютъ, что у тебя гроша нѣтъ, и что сосѣдъ Шварцъ подалъ на тебя просьбу въ неуплатѣ долга....

ГАНЦЪ. Ну да, если ты, проклятый сплетникъ, все такъ хорошо знаешь, такъ узнай-же....

ВЕЙССЪ *и* РОТЪ. Что такое? что такое?

ГАНЦЪ. Гдѣ Фрицъ? Я пойду и оправдаю его и себя—Фрицъ честный малый и Ганцъ честный человѣкъ....

ВЕЙССЪ. Хоть долгу и не платишь сосѣду Шварцу!

ГАНЦЪ. Да, да, а Шварцъ твой бездѣльникъ, хоть и никому не долженъ.... Фрицъ, Фрицъ! гдѣ ты? Поди сюда! *(уходитъ поспѣшно).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Вейссъ *и* Ротъ.

РОТЪ. Ну сосѣдушка! каково дѣльцо завязалось?

ВЕЙССЪ. Будетъ о чемъ поговорить и потолковать! *(въ сторону)* Надобно остаться здѣсь, узнать хорошенько — спрячусь гдѣ-нибудь.... *(громко)* Прощай, сосѣдъ! *(идетъ, возвращается и прячется за бочку).*

РОТЪ. Прощай, прощай! Что узнаешь, скажи мнѣ! *(въ сторону).* Пусть идетъ, а мы здѣсь постережемъ! Вотъ тебѣ и честный Ганцъ! Куда-бы тутъ прикорнуться? *(прячется за столъ и задвигаетъ себя бочонкомъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Вейссъ и Ротъ, *спрятавшись.* Пумпанникокъ *и* Губертъ. *За ними нѣсколько слугъ.*

ПУМПАННИКОКЪ. Я говорю тебѣ, любезный другъ, что если этотъ молодецъ точно тотъ, кого я ищу — талеръ тебѣ на водку — два тебѣ талера!

ГУБЕРТЪ. Ужъ я вамъ говорю, что онъ тотъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. Ты сказывалъ, что онъ съ полгода живетъ у твоего хозяина?

ГУБЕРТЪ. Да, съ полгода.

ПУМПАНКИКОКЪ. Такъ! Высокъ собой, хорошъ, ловокъ, повѣса?

ГУБЕРТЪ. Ну, что̀ за хорошъ! А ужъ повѣса, такъ повѣса! Вотъ, недавно, въ воскресенье, въ танцахъ, онъ сшибъ съ ногъ сына г-жи Шмильцъ, а г-ну бургмейстеру къ косѣ вороній хвостъ прицѣпилъ.

ПУМПАНКИКОКЪ. Такъ, такъ! Это онъ!

ГУБЕРТЪ. У меня невѣсту отбиваетъ.

ПУМПАНКИКОКЪ. Всѣ его примѣты!

ГУБЕРТЪ Ну, а что̀, если его найдете вы, такъ вѣдь его повѣсятъ?

РОТЪ *и* ВЕЙССЪ, *спрятавшись*. Повѣсятъ?

ПУМПАНКИКОКЪ. Кто тутъ говоритъ?

ГУБЕРТЪ. Я говорю вамъ, что его надобно повѣсить за то, что онъ баронскіе перстни воруетъ, невѣстъ отбиваетъ, бургмейстерамъ вороньи хвосты цѣпляетъ....

ПУМПАНКИКОКЪ. Хорошо, хорошо. Поди-же ты, разставь стражу такъ, чтобы онъ не ускользнулъ изъ рукъ моихъ, какъ только что появится....

РОТЪ, *спрятавшись*. Э! э!

ВЕЙССЪ, *спрятавшись*. А! А!

ПУМПАНКИКОКЪ. А я подожду тебя здѣсь.

ГУБЕРТЪ. Но если мейстеръ мой!... Знаете — онъ этого повѣсу такъ любитъ....

ПУМПАНКИКОКЪ. Я твой защитникъ!

ГУБЕРТЪ. А если жена мейстера.... (*почесываетъ затылокъ.*)

ПУМПАНКИКОКЪ. Кто посмѣетъ спорить противъ меня, главнаго баронскаго управителя, его высокомочія, г-на Леопольда, Христофора фонъ Пумпанкикока! Ступай!

(Губертъ уходитъ съ слугами.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, *безъ* Губерта *и слугъ.*

ПУМПАНКИКОКЪ. Это онъ, точно онъ!

РОТЪ *и* ВЕЙССЪ, *спрятавшись.* Онъ?

ПУМПАНКИКОКЪ. Что́ тутъ за странное эхо! Если онъ, такъ г-ну барону будетъ чѣмъ порадоваться, а этотъ г-нъ бочаръ поразсчитается за то́, что позволяетъ любезничать съ дочкой молодымъ шалунамъ.... Ба, ба, ба! Да, кажется, онъ и не замедлилъ.... Ну, вотъ вѣдь и тутъ: добрые люди въ двери ходятъ, а онъ въ окно лѣзетъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже *и* Фрицъ, *влѣзаетъ въ окно и оглядывается.*

ФРИЦЪ, *стоя на окнѣ.* Они меня не замѣтили, кажется!

ПУМПАНКИКОКЪ, *прячется.* Ну, такъ точно! Я не ошибаюсь — это онъ! Проворенъ! Да, онъ–ли это? Надобно взглядѣться хорошенько, чтобы вмѣсто орленка не поймать вороны!

ФРИЦЪ, *прыгая съ окна.* Проклятая неосторожность! Я самъ себѣ измѣнилъ! Мерзавецъ трактирщикъ.... То-то онъ и улыбался такъ коварно, такъ завистливо смотрѣлъ на перстень.... Что́ теперь дѣлать? *(садится въ задумчивости).*

ПУМПАНКИКОКЪ. Экая залетная птичка! Такъ вотъ куда онъ спрятался!

ФРИЦЪ. Гретхенъ, милая Гретхенъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. Гретхенъ?

РОТЪ *и* ВЕЙССЪ. Гретхенъ?

ФРИЦЪ. Неужели они хотятъ заставить меня силою жениться на рябомъ уродѣ, на этой долговязой Матильдѣ?

ПУМПАНКИКОКЪ. Вотъ, какъ отзывается онъ о своей высокоблагородной невѣстѣ?

ФРИЦЪ. Я терпѣть ее не могъ, когда не зналъ тебя и никого не любилъ, а теперь, теперь—я люблю тебя

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Академия Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Гретхенъ, и не разстанусь съ тобою—ни за что не разстанусь!

ПУМПАНКИКОКЪ. Увидимъ! Но какъ дать знать моимъ товарищамъ? Онъ тотчасъ улизнетъ отсюда....

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже *и* ГРЕТХЕНЪ.

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! Боже мой! Что они такое говорятъ? Что это за люди — какіе страшные! Фрицъ! Ты-ли это?

ФРИЦЪ. Моя Гретхенъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. Э, э! Какая красивая пташечка! Да, вкусъ не дуренъ! Вѣдь вотъ, поднте-же: у бочаровъ такія дочери, а у бароновъ....

ГРЕТХЕНЪ. Скажи, ради Бога, что ты сдѣлалъ? Тебя ищутъ, спрашиваютъ!

ФРИЦЪ. Ничего, ничего, милый другъ.... Такъ, вздоръ, бездѣлка!

ГРЕТХЕНЪ. Нѣтъ! ты такъ встревоженъ! Что такое сдѣлалось.... Говорятъ, какой-то баронъ.... я не смѣю повторить тебѣ....

ФРИЦЪ. И ты могла повѣрить? Могла сомнѣваться во мнѣ?

ГРЕТХЕНЪ. Никогда не сомнѣвалась, никому не вѣрю!

ФРИЦЪ. Такъ ты меня любишь, Гретхенъ?

ГРЕТХЕНЪ Ахъ! какъ люблю! Теперь только вижу, какъ я люблю тебя!

ФРИЦЪ. Такъ они не разлучатъ насъ—пускай ихъ приходятъ сюда!

ПУМПАНКИКОКЪ, *выходя*. Если позволите — къ вашимъ услугамъ!

ФРИЦЪ, *закрывая лицо*. Ахъ! что это!

ПУМПАНКИКОКЪ. Ничего—это я, милостивый государь—Фрицъ, кажется, такъ теперь ваше имя?

ГРЕТХЕНЪ, *обнимая Фрица*. Ахъ! Фрицъ! Мнѣ страшно!...

ПУМПАНКИКОКЪ. Мнѣ жаль, моя красавица, что я долженъ разлучить тебя съ твоимъ Фрицомъ, но зачѣмъ ты рубишь дерево не по себѣ....

ФРИЦЪ, *отталкивая его.* Прочь, толстякъ! Если ты осмѣлишься сказать одно грубое слово этому ангелу — я выкину тебя въ окно!

ПУМПАНКИКОКЪ. Э, э, э! Милостивый государь! Послушайте добраго совѣта — вы знаете отъ кого я посланъ — вы напрасно будете противиться — со мной люди.... сопротивленіе безполезно!

ФРИЦЪ. Прочь—убирайся отсюда!

ПУМПАНКИКОКЪ. Ну, такъ извините, я отсюда не пойду безъ васъ!

ФРИЦЪ, *гордо.* Я тебѣ приказываю!

ПУМПАНКИКОКЪ. Извините — я не слушаю! Эй! сюда, сюда, Робертъ, Генрихъ, Рудольфъ!

ГРЕТХЕНЪ. Фрицъ!

ФРИЦЪ. О, я умру прежде, нежели разлучусь съ моею Гретхенъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, *слуги и* Кунигунда Ротъ *и* Вейссъ, *выбѣгаютъ впередъ.*

КУНИГУНДА. Кто тутъ смѣетъ шумѣть? Что́ за разбойники такіе?

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! маменька! они пришли взять Фрица!

КУНИГУНДА. А! вы здѣсь, господинъ Фрицъ? Да, какъ вы осмѣлились показаться въ моемъ домѣ послѣ всего того, что́ вы надѣлали.

ФРИЦЪ. Я ничего не надѣлалъ такого, г-жа Кунигунда, за что́ меня стóило-бы выгнать изъ вашего дома!

КУНИГУНДА. Какъ сударь? Красть баронскіе перстни, да еще ничего не надѣлалъ?

ФРИЦЪ. Кто смѣетъ сказать, что я укралъ баронскій перстень? Кто?

КУНИГУНДА. Кто? Да всѣ!

ФРИЦЪ. Тотъ получитъ добрую пощочину, кто осмѣлится сказать мнѣ это!

ГУБЕРТЪ. Да, вотъ я первый скажу!

ФРИЦЪ, *даетъ ему пощечину.* Ну, такъ вотъ и расплата за то! Нѣтъ-ли еще кого? Г-нъ Вейссъ, г-нъ Ротъ! Неугодно-ли?

ВЕЙССЪ *и* РОТЪ. Нѣтъ! покорнѣйше благодаримъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже *и* Ганцъ.

ГАНЦЪ. Что это значитъ? Зачѣмъ у меня столько незваныхъ гостей?

КУНИГУНДА. Да, вотъ еслибы ты получше разбиралъ, кого принимаешь къ себѣ, такъ не принялъ-бы къ себѣ плута, который....

ГАНЦЪ. Молчи, старая трещотка! Фрицъ! слушай—со мной не надо много словъ: ты честный человѣкъ? Такъ или нѣтъ? Погляди на меня!

ФРИЦЪ. Мейстеръ! еслибы усомнились вы во мнѣ, такъ я и оправдываться не сталъ-бы, а взялъ свою шляпу и раскланялся съ вами!

ГАНЦЪ. Ну, если такъ, давай руку, и—чортъ побери, пойдемъ и уличимъ всѣхъ сплетниковъ, что они лгутъ и клевещутъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. А позволь узнать, любезный, кто ты, и знаешь-ли ты, что это за птица, твой Фрицъ!

ГАНЦЪ. Я Ганцъ, честный бочаръ, хозяинъ этого дома, а Фрицъ мой подмастерье,—славный малый и лихой работникъ. А ваша милость кто?

ПУМПАНКИКОКЪ. Я—мое высокомочіе, главный управитель превосходительнаго барона Іоганна, Христофора, Людовика, Филиппа фонъ-Гохвольшпицвица, Леопольдъ, Христофъ фонъ-Пумпанкикокъ!

ГАНЦЪ. Э, э! Да какое-же длинное названье у твоего высокомочія! А зачѣмъ-бы изволили вы ко мнѣ пожаловать?

ПУМПАНКИКОКЪ. Взять твоего Фрица!

ГАНЦЪ. Я самъ съ нимъ явлюсь, а взять не позволю, ни тебѣ, ни твоему барону!

ПУМПАНИКИКОКЪ. Г-нъ Фрицъ! подумайте!

ФРИЦЪ. Ахъ! Гретхенъ!

КУНИГУНДА, *отталкивая его отъ дочери.* Неугодно-ли по дальше! А ты, старый лентяй, что ты затѣваешь на свою голову? за кого ты заступаешься?

ГАНЦЪ. Убирайся!

ПУМПАНИКИКОКЪ. Бочаръ! подумай—тебѣ худо будетъ!

ГАНЦЪ. Посмотримъ! Фрицъ! сюда!

ПУМПАНИКИКОКЪ. Я употреблю силу!

ГАНЦЪ. Или ты думаешь, что бѣднаго бочара и защитить не кому? Сосѣди! не выдайте! Бѣгите къ судьѣ!

ГРЕТХЕНЪ. Папенька!

КУНИГУНДА. Ты съ ума сходишь!

РОТЪ. Сосѣдушка! съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тягайся!

ВЕЙССЪ. Меня не впутывай въ дѣло!

ГАНЦЪ. Такъ я одинъ не уступлю, когда надобно защитить честнаго человѣка....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Баронъ Гохвольшпицвицъ.

БАРОНЪ. Какъ? Ты здѣсь, сынъ недостойный?

КУНИГУНДА, ГРЕТХЕНЪ, ВЕЙССЪ *и* РОТЪ. Сынъ!

ФРИЦЪ. Батюшка! *(Онъ становится передъ нимъ на колѣни).*

ТѢ ЖЕ. Батюшка!

БАРОНЪ. Увлеченный низкими склонностями, недостойный великихъ предковъ твоихъ! Гдѣ нахожу я тебя? Въ какомъ обществѣ?

ФРИЦЪ, *гордо встаетъ.* Въ обществѣ честныхъ людей, батюшка.

БАРОНЪ. Честныхъ? Подмастерье бочара, товарищъ нищихъ, сообщникъ пьяницъ, любовникъ мѣщанки!

ГРЕТХЕНЪ. Любовникъ!

КУНИГУНДА. Извините, сударь, и позвольте вамъ сказать, что вы ошибаетесь — дочь моя честная дѣвушка, а развѣ сынъ вашъ плутъ и негодяй!

БАРОНЪ. Что́ это, не матушка-ли твоей красотки? Слѣдуй за мной—ни слова больше!

ФРИЦЪ. Я не пойду съ вами — я не разстанусь съ той, которую выбрало мое сердце!

БАРОНЪ. Ты смѣешь....

ФРИЦЪ. Ахъ! г. Ганцъ!...

ГАНЦЪ, *онъ все время стоялъ задумчивый.* Позвольте, г. баронъ, позвольте—теперь дѣло не такъ. Пока вы были такой-же бочаръ, какъ я—пока ты былъ мой Фрицъ.... Теперь—вы баронъ, и сохрани меня Богъ, если я стану поощрять васъ не повиноваться вашему родителю. Дочь моя вамъ не пара!...

ФРИЦЪ. Вы отвергаете меня!

ГАНЦЪ. Вы меня обманули, вы вкрались въ мой домъ—и въ мое сердце.... *(крѣпко обнимаетъ его)* Ахъ! Фрицъ! зачѣмъ ты баронъ! Зачѣмъ ты обманулъ меня!.... Г-нъ баронъ! возмите вашего сына!... Дочь! не плачь! Станемъ плакать вмѣстѣ!...

(Гретхенъ бросается къ нему въ объятія).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Прежняя декорація. Вечеръ. На столѣ свѣчка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гретхенъ, *одна.*

ГРЕТХЕНЪ. Вотъ цѣлый день прошелъ и Фрица нѣтъ—и еще пройдутъ дни, недѣли, годы... и я не увижу его.... О Боже! не видать Фрица—никогда, никогда! Теперь только узнаю, какъ я любила, люблю его....

ЯВЛЕНІЕ II.

Гретхенъ, *и* Фрицъ, *въ плащѣ.*

ГРЕТХЕНЪ. Что́ вамъ угодно? Кто вы, сударь?

ФРИЦЪ. Гретхенъ!

ГРЕТХЕНЪ, *бросаясь къ нему.* Фрицъ! ты ли это? *(Отступаетъ отъ него.)* Баронъ! Что вамъ угодно? Зачѣмъ вы пришли сюда?

ФРИЦЪ. Гретхенъ! могъ-ли я ожидать, что ты встрѣтишь меня такъ холодно....

ГРЕТХЕНЪ. Вы забываете, что вы баронъ, а я—бѣдная дочь бочара!

ФРИЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Ты моя, ты всегда, вѣчно моя Гретхенъ—никто не разлучитъ насъ! Гретхенъ! я вырвался у нихъ и прибѣжалъ къ тебѣ. Умоляю тебя—убѣжимъ отъ нихъ, скроемся. Нѣсколько добрыхъ друзей и вѣрныхъ мнѣ людей защитятъ насъ. Мы скроемся отъ всего свѣта. Нашего убѣжища никто не найдетъ — поспѣшимъ, завтра будетъ поздно! Гретхенъ! Я люблю тебя, я не перенесу разлуки съ тобою....

ГРЕТХЕНЪ. И я не перенесу ее.

ФРИЦЪ. Такъ поѣдемъ—убѣжимъ!

ГРЕТХЕНЪ. Нѣтъ! Я не поѣду и не убѣгу.

ФРИЦЪ. Безсовѣстная! И ты говоришь, что любишь меня....

ГРЕТХЕНЪ. Люблю-ли? О Фрицъ!

ФРИЦЪ. Не ужели ты мнѣ не вѣришь? Неужели ты боишься....

ГРЕТХЕНЪ. А мой отецъ, баронъ?

ФРИЦЪ. О.... Онъ будетъ радоваться твоему счастью!

ГРЕТХЕНЪ. А вашъ отецъ, баронъ?

ФРИЦЪ. Онъ долженъ будетъ согласиться!

ГРЕТХЕНЪ. Для чего-же онъ не соглашается?

ФРИЦЪ. Ты терзаешь меня, Гретхенъ—время дорого—поспѣшимъ! Такъ-то ты меня любишь! Не ты-ли говорила, что никогда не разлучишься со мною? Я все для тебя покидаю—мое званіе, богатство, знатность....

ГРЕТХЕНЪ. А чѣмъ буду я у васъ?

ФРИЦЪ. Моей женой, моей подругой!

ГРЕТХЕНЪ. Твоей женой Фрицъ! О милый другъ! Пощади меня—могу ли противиться тебѣ—я такъ люблю тебя! Фрицъ! пощади меня....

ФРИЦЪ, *обхватывая ее.* О, убѣжимъ, убѣжимъ!

ГРЕТХЕНЪ, *вырываясь.* Нѣтъ, нѣтъ! Безъ благословенія отца твоего я не пойду съ тобой.... А мой отецъ—онъ не согласится.... Проклятіе ихъ!... Фрицъ! ради Бога!

ФРИЦЪ. Хорошо—такъ для чего-жъ жить, если Гретхенъ не будетъ моею? Прощай! Ты не увидишься больше со мной.... Скоро услышишь ты, что твой Фрицъ погибъ....

ГРЕТХЕНЪ. Фрицъ!... Что-жъ?... Я не долго переживу тебя! *(улыбается)* Можетъ-быть, ты скорѣе услышишь о смерти твоей Гретхенъ.... Намъ будетъ тамъ весело—я буду ждать тебя....

ФРИЦЪ. А здѣсь?

ГРЕТХЕНЪ. А здѣсь—прощай! *(Она бѣжитъ вонъ.)*

ФРИЦЪ. Гретхенъ! Постой — такъ-ли мы должны разстаться съ тобою! О! когда я навсегда потерялъ Гретхенъ—и мнѣ жить не долго!

(Онъ спѣшитъ вонъ и въ дверяхъ сталкивается съ Ротомъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ротъ *одинъ.*

РОТЪ. Этакъ заторопился! Да, кто это! Шляпа съ перомъ? Плащъ? Тутъ шашни! Я увѣренъ, что это былъ молодой баронъ. Гдѣ-же голубка его? Эхъ! опоздалъ немного, а то навѣрно засталъ-бы парочку любовниковъ, какъ они умильно прощаются....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ротъ *и* Ганцъ.

РОТЪ. Здравствуй, сосѣдушка! Какъ поживаешь?

ГАНЦЪ, *угрюмо.* Хорошо.

РОТЪ. Хорошо лучше всего, а я зашолъ было утѣшить тебя....

ГАНЦЪ. Напрасно безпокоился. *(Онъ садится къ столику, подгорюнившись).*

РОТЪ. Что это сегодня у тебя ни пѣсенъ веселыхъ, ни стуку не слышно? А то, бывало, съ утра сосѣдямъ спать не даешь, поешь и стучишь себѣ.... Право, мнѣ жаль тебя.... Я спорилъ за тебя со всѣми....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ВЕЙССЪ.

ВЕЙССЪ. А, ты ужъ здѣсь сосѣдушка? И я тоже пришолъ навѣстить добраго пріятеля.... Право, я такъ люблю тебя, г-нъ Ганцъ!... Мало-ли что́ другіе говорятъ, да я и вѣрить не хочу....

РОТЪ. Вотъ, говорятъ, что г-нъ Шварцъ непремѣнно требуетъ съ тебя долга своего, и непремѣнно хочетъ посадить тебя въ тюрьму, если ты завтра не заплатишь ему.

ВЕЙССЪ, *съ другой стороны.* А объ исторіи твоей съ барономъ какія диковинки разсказываютъ....

РОТЪ. Ну, нашелся было женишекъ твоей Гретхенъ!

ВЕЙССЪ. Какой молодецъ!

РОТЪ. Какова-бы парочка была!

ВЕЙССЪ. Злые люди говорятъ, будто ты зналъ, что онъ баронъ....

РОТЪ. Я осинъ, кричавши, что никто этого не зналъ! Казалось, что онъ вѣкъ бочаромъ былъ....

ВЕЙССЪ. Сосѣдъ! да ты не слушаешь!

ГАНЦЪ. Что́ вамъ надобно? Зачѣмъ пришли вы ко мнѣ? Подите съ Богомъ, сосѣди—мнѣ не до васъ!

ВЕЙССЪ. И вѣстимо, особливо, когда злые люди не щадятъ твоей чести....

ГАНЦЪ, *горько.* Моей чести? Пожалуста, добрые сосѣди—убирайтесь къ чорту, если не хотите испытать честности моихъ кулаковъ! Слышите-ли?

РОТЪ, *Вейссу.* Сосѣдушка! онъ вздурился!

ВЕЙССЪ. Уйдемъ за добра ума! *(они бѣгутъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАНЦЪ, *одинъ.*

ГАНЦЪ. Проклятые сплетники! А впрочемъ, Ганцъ, теперь людскіе язычки славно поработаютъ, заплатятъ

тебѣ за то́ что прежде не могли тебя трогать.... Бѣдная Гретхенъ! тебя заѣдятъ злые люди! Куда дѣваться? Что́ дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ганцъ и Гретхенъ.

ганцъ. Бѣдная Гретхенъ! куда ты дѣнешься?

гретхенъ. Къ вамъ папенька, у васъ укроюсь я и отъ злыхъ людей, и отъ горя моего!

ганцъ. Охъ! мой дружечекъ!

гретхенъ. Да, папенька — только вы остались! Маменька бранитъ меня, подруги мои знаться со мною не хотятъ, а чѣмъ-же я виновата? Развѣ я знала, что онъ баронъ? Развѣ вы не позволяли мнѣ любить его?

ганцъ. Да, негодный обманщикъ! Какъ онъ притворялся....

гретхенъ. Нѣтъ, папенька, онъ не притворялся — онъ любилъ меня, такъ, какъ я его любила....

ганцъ. Забудемъ его, дочь моя—онъ обманулъ насъ....

гретхенъ. Папенька! простите меня!

ганцъ. Что́ такое?

гретхенъ. Вѣдь я еще люблю его, не могу разлюбить....

ганцъ. Охъ! да вѣдь и я его люблю, негодяя, и у меня унесъ онъ всѣ мои радости, всѣ мои надежды.... Какую бочку затѣвали мы съ нимъ дѣлать! Что́ я теперь безъ него?

гретхенъ. Какой онъ былъ милый и добрый!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Кунигунда.

кунигунда. Это что́ значитъ, любезнѣйшій супругъ, что ты сложилъ руки и ничего не дѣлаешь? Самъ надѣлалъ глупостей, да теперь и носъ повѣсилъ!

ганцъ. Эхъ, Кунигунда, не до того мнѣ теперь! И безъ тебя ни на что́-бы не глядѣлъ!

КУНИГУНДА. Да, что ты, баронъ какой что-ли, что вздумалъ еще горевать? Да, время-ли теперь? Да, знаешь-ли, что у насъ въ цѣломъ домѣ гроша нѣтъ?

ГАНЦЪ. Все равно!

КУНИГУНДА. Все равно! Да, знаешь-ли ты, что отъ городоваго судьи приходили и сказали, что если ты завтра не заплатишь г-ну Шварцу, такъ у тебя все заберутъ и изъ домишка насъ выгонятъ?

ГАНЦЪ. Пускай!

КУНИГУНДА. Пускай! Вотъ еще хорошо! Поди проси, кланяйся, уговаривай, принимайся за работу. Что ты руки-то сложилъ?

ГРЕТХЕНЪ. Маменька! не печальте папеньку вашими упреками!

КУНИГУНДА. А ты какъ смѣешь мнѣ указывать, негодная? Да, не отъ тебя-ли вся бѣда? Не въ твою-ли смазливую рожицу влюбился этотъ повѣса? И что выдумалъ? переодѣться бочаромъ — бочки сколачивать! Хорошу было бочку сколотили! Что теперь объ насъ говорятъ! А не говорила-ли я? не говорила-ли, что этого негодяя надобно выгнать? У меня сердце чуяло, что это волкъ въ овечьей кожѣ!

ГАНЦЪ. Таръ, таръ, таръ! Замолчишь-ли ты, проклятая трещотка?

КУНИГУНДА. Такъ мнѣ-же молчать надобно? Такъ я-же молчи? Ахъ! ты, старый пьяница! Вѣкъ-то ты такъ безпутнымъ жилъ, такъ и умереть хочешь? Что ты думаешь? Счастье-то у тебя само подъ окномъ постучится что-ли?

ГАНЦЪ. Да, коли Богъ что дастъ, такъ и въ окно подастъ? *(Слышенъ стукъ у окна).*

ГАНЦЪ. Что такое? Кто тамъ стучитъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, *и* Илья Бушъ, *подъ окномъ.*

ИЛЬЯ БУШЪ. Дома-ли г-нъ Ганцъ?

ГАНЦЪ. Илья Бушъ! А, Боже мой! что это такое? Мой сонъ по три ночи! *(Радостно)* Илья Бушъ! Илья Бушъ!

Какъ это до-сихъ-поръ мнѣ въ голову не приходило? Эй, старый пріятель! Гдѣ ты? гдѣ ты?

(Онъ бѣжитъ вонъ).

КУНИГУНДА. Чему онъ обрадовался? Что́ за гость такой дорогой, этотъ старый потаскуша?

ГРЕТХЕНЪ. Ахъ! маменька, знаете-ли вы, что Илья Бушъ....

КУНИГУНДА. Знаю, что онъ только и думаетъ, гдѣ-бы ему даромъ напиться—да я его отучу жаловать къ намъ, лоскутника этакаго.... Гдѣ онъ, дорогой пріятель!

(Бѣжитъ вонъ).

ГРЕТХЕНЪ. А папенька такъ обрадовался ему! Что́ это значитъ? Ахъ! если Илья Бушъ можетъ развеселять его, я готова расцѣловать этого добраго старичка!

(Идетъ за матерью).

ЯВЛЕНІЕ X.

Илья Бушъ *и* Ганцъ.

ГАНЦЪ. Такъ ты говоришь, что можешь припомнить мѣсто и доведешь меня?

ИЛЬЯ. Разумѣется, если только ты не боишься, что чортъ тебѣ голову оторветъ!

ГАНЦЪ. Вотъ есть чего чорта бояться, когда я и людей не боюсь. Но, добрый Илья, садись, садись, пожалуста, и разскажи мнѣ!

ИЛЬЯ. Видишь, братецъ, Ганцъ, у меня и языкъ худо ворочается, если не поразмочишь его. Проклятый трактирщикъ давно пересталъ мнѣ отпускать въ долгъ, а наличныхъ держать у меня привычки нѣтъ....

ГАНЦЪ. Эхъ! дружище! радъ-бы.... *(ищетъ въ карманахъ).* Право, ни одного гроша!... Ужъ я тебя потомъ выкупаю въ винѣ—припомни только и разскажи все, да хорошенько!

ИЛЬЯ. Что́ тутъ припоминать—я все такъ помню, потому-что столько разъ пересказывалъ.... Ты ужъ не по-

мнишь дѣда моего? То-то былъ лихой старикъ—жилъ лѣтъ сто.... Ужъ я не знаю, какъ ему досталось это преданіе, но зналъ онъ, что у насъ въ лѣсу, за горами, тамъ.... Да, я не могу тебѣ этого сказать, гдѣ именно, зарытъ кладъ. Скупяга, который зарылъ его, наложилъ на него условье, и тотъ, кто условіе выполнитъ, возметъ кладъ руками, а ежели кто станетъ искать его, не выполняя условія, тому будетъ худо. Дѣдъ передалъ эту повѣсть мнѣ....

ганцъ. И ты ни разу не испыталъ счастья?

илья. Да, вѣдь голова-то мнѣ дороже клада! Бывали, говорилъ мнѣ дѣдъ, смѣльчаки, да иной ворочался съ кривой шеей, другаго такъ бывало отдѣлаютъ, что онъ недѣлю съ мѣста не сходитъ.... Повѣрье въ народѣ забыто, и кладъ лежитъ на мѣстѣ, которое только я одинъ знаю....

ганцъ. А какое-же условіе клада?

илья. Да, такое, что его никто не выполнитъ. Видишь: тотъ получитъ кладъ, кто ремесломъ бочаръ....

ганцъ. Ну!

илья. И у кого дочь такая красотка, что въ нее влюбится знатный человѣкъ, ловкій и красавецъ.

ганцъ. Ну! Ну!

илья. И согласится на ней жениться....

ганцъ. Илья! Другъ мой!

илья. Еще не все: если этотъ красавецъ захочетъ понравиться красавицѣ не знатностью, не богатствомъ, и красавица полюбитъ его не за знатность и богатство, а такъ, за то, что онъ молодецъ.... Постой постой — еще не все: и если женихъ и отецъ красавицы дадутъ слово сдѣлать такую бочку, въ которой можно было-бы на свадьбѣ обѣдать сорока человѣкамъ.... Ну, ты самъ видишь....

ганцъ. Кладъ мой! Илья, Илья! Пойдемъ, откроемъ, его!

илья. Ты съ ума сошелъ!

ганцъ. Нѣтъ, нѣтъ! Бери шляпу — пойдемъ! Постой, я только надѣну плащъ мой....

(Бѣжитъ вонъ).

илья. Да, погоди, дай узнать, скажи....

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Кунигунда и Гретхенъ.

КУНИГУНДА. Зачѣмъ изволили пожаловать, г–нъ Бушъ? Аль опять муженька моего хотите на разгулье вести?

ИЛЬЯ. И радъ–бы, сударыня, да не на что́ — гроша въ карманѣ ни единаго, ни у него, ни у меня!

КУНИГУНДА. Таковскіе вы гуляки, чтобы вамъ голодомъ умереть! *(Ганцъ вбѣгаетъ одѣтый)* Куда собраться изволилъ, на ночь глядя?

ГАНЦЪ. Молчи Кунигунда — скоро ты перестанешь бранить меня, а къ тебѣ, Гретхенъ, приведу я твоего Фрица!

ГРЕТХЕНЪ. Моего Фрица! Что́ вы говорите? А отецъ его?

ГАНЦЪ. Самъ придетъ за тебя свататься!

КУНИГУНДА. Да, что́ ты? Не ряхнулся–ли?

ГАНЦЪ. Нѣтъ! Моя разлапушка, женушка милая! *(Обнимаетъ ее)*.

КУНИГУНДА. Убирайся!

ГАНЦЪ. Изволь, моя раскрасавица, а ужъ ты сама расцѣлуешь меня, когда я ворочусь! *(Зажигаетъ свѣчу въ фонарѣ)*. Илья! въ путь–дорогу!

ИЛЬЯ. Сосѣдъ! смотри!

ГАНЦЪ. Я все разскажу тебѣ! Гретхенъ! обними меня! Кунигунда! прощай!

(Бѣжитъ, и тащитъ за собою Илью).

КУНИГУНДА, *спѣшитъ за нимъ*. Да, погоди, погоди!

(Гретхенъ складываетъ руки и молится).

=

Направо гостинница Бѣлаго Лебедя, и подлѣ нея столы и скамейки, гдѣ сидятъ и пьютъ посѣтители Налѣво садъ, и около рѣшетки его также скамейки. Музыка играетъ вальсъ, и молодые люди танцуютъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТРАКТИРЩИКЪ, ВЕЙССЪ, ШВАРЦЪ, *и посѣтители сидятъ за столомъ, на которомъ стоятъ кружки пива.*

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну, ужъ диковинки, сосѣдушка! Разскажи, разскажи еще подробнѣе, пожалуста!

РОТЪ. Я вамъ говорю, ужъ я не стану лгать. Видите, этотъ старинный, огромный и великолѣпный замокъ, который вотъ уже два года продается, и котораго никто не покупаетъ....

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну, да и не диво, если за него просятъ такую кучу денегъ, что весь нашъ городишка купить можно!...

РОТЪ. Вотъ и этотъ пріѣзжій баронъ, его высокосіятельство, господинъ Гохвольшпицвицъ, толкнулся было купить, да видно не по карману.... И что́ за замокъ! Золото, серебро, мраморъ.... Да, и Богъ знаетъ чего нѣтъ—королевскій дворецъ иной хуже его!

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну, ну! вѣдь мы его знаемъ!

РОТЪ. Вотъ, изволите вы видѣть—третьяго дня явился покупатель. Что́ запросили—далъ, и всю сумму вывалилъ наличными деньгами....

ТРАКТИРЩИКЪ. Ужъ будто деньгами!

РОТЪ. Монета къ монетѣ—все одного чекана!

ТРАКТИРЩИКЪ. Тьфу ты пропасть какая!

РОТЪ. Вотъ тутъ-то и диво-то: никто не знаетъ откуда взялся и куда дѣвался! Заплатилъ деньги и ушелъ....

ШВАРЦЪ. Ушелъ? Куда-же ушелъ?

РОТЪ. А кто-жъ его знаетъ! Говорятъ, деньги-то пахли чѣмъ-то такимъ—ну, то есть, и сказать-то не хорошо! И еще говорятъ.... Только, чтобы это между нами....

ВСѢ, *сдвинувшись къ нему.* Ну, ну! Что́, что́ такое?

РОТЪ. Говорятъ, что покупатель-то и не ушелъ, а такъ, куда-то провалился....

ТРАКТИРЩИКЪ. Сквозь землю?

РОТЪ. Ужъ я не знаю куда провалился, а такъ запахло сѣрой, что едва закурили ладаномъ!

ШВАРЦЪ. Любезные друзья! Тутъ нечисто, да оно такъ и должно быть. Люди сдѣлались такіе грѣшники, такіе немилосердые, такіе жадные къ деньгамъ.... охъ! что ужъ нечистому теперь съ ними своя воля....

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Бургмейстеръ.

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Ничего, ничего, не безпокойтесь—сидите, сосѣди, сидите!

ТРАКТИРЩИКЪ. Не прикажете-ли кружечку пивца, или винца?

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Нехудо. Послѣ дѣлъ всегда такъ пить хочется, а мы сегодня поработали въ судѣ....

ТРАКТИРЩИКЪ. А что-же сегодня?

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Да, вотъ и по претензіи почтеннѣйшаго г-на Шварца, наложена опись на домъ и все имѣніе Ганца.

ШВАРЦЪ. Охъ! по неволѣ принужденъ! Шутка-ли? Долженъ двадцать шесть талеровъ! По неволѣ долженъ былъ забрать его имѣньишко!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Впрочемъ, кажется, вы много не досчитаетесь—весь домишко, и все, что нашли, едваль стоятъ десятка полтора талеровъ....

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну, а о самомъ Ганцѣ неизвѣстно, г-нъ бургмейстеръ?

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Да, вотъ и объ этомъ производили судебное изслѣдованіе—пропалъ!

РОТЪ. И слѣдовъ нѣтъ?

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Никакихъ. Жена и дочь показали, что, назадъ тому недѣля, Ганцъ, одной изъ нихъ отецъ, а другой мужъ, неизвѣстно куда отлучился вечеромъ изъ дома, съ Ильею Бушемъ, а съ-тѣхъ-поръ ни о Ганцѣ, ни объ Ильѣ слыхомъ не слыхать.

ШВАРЦЪ. Я думаю, при нынѣшнемъ развращеніи людскомъ, что нечистый воспользовался своею добычею, и прибралъ обоихъ негодяевъ.

ВСѢ. Да, да, избави Господи!

ТРАКТИРЩИКЪ. Охъ!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Вообще, любезные друзья, изъ примѣра Ильи Буша и Ганца можемъ мы поучиться, до чего доводятъ людей пьянство и развращеніе.

ТРАКТИРЩИКЪ. Но, г-нъ бургмейстеръ, нельзя-же человѣку не выпить....

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Выпить и выпить разница. Вино веселитъ сердце человѣка, но кто предастся ему, того оно погубитъ до конца. Объ Ильѣ Бушѣ я не говорю—этотъ ужъ пьяница, бѣднякъ и бродяга, а Ганцъ былъ мастеровой, отецъ семейства....

РОТЪ. Жена какая почтенная—дочь какая милая.... (*всѣ смѣются.*)

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну, да гдѣ хозяинъ за обѣдомъ хмѣленъ, тамъ домашніе съ утра пьяны! (*всѣ хохочутъ.*)

РОТЪ. И какую сказку выдумали! Будто отецъ не зналъ, что молодой баронъ живетъ у него въ домѣ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Однакожъ и поступокъ барона....

БУРГМЕЙСТЕРЪ, *угрюмо.* Ну, о людяхъ знатныхъ слишкомъ легко отзываться нельзя—что̀ вина другимъ, то̀ имъ извинительно....

ТРАКТИРЩИКЪ. Вы совершенно правы.... Я.... я хотѣлъ только сказать, что Ганцъ виноватъ кругомъ....

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Вейссъ.

ВЕЙССЪ. Вы говорите о Ганцѣ, господа.... Ахъ! г-нъ бургмейстеръ! все-ли вы въ добромъ здоровьѣ? О Ганцѣ? Ну, съ нимъ разсчетъ конченъ!

РОТЪ. Какъ такъ?

ВЕЙССЪ. Конченъ, сосѣдушка, конченъ!

ВСѢ. Разскажите, разскажите! (*окружаютъ его.*)

РОТЪ, *въ сторону.* Проклятый Вейссъ! всегда у него въ запасѣ новость, которой никто не знаетъ!

(*Съ досадою отходитъ въ сторону*).

ВЕЙССЪ. Ганцъ приказалъ вамъ всѣмъ жить счастливо. — Онъ.... удавился!

ВСѢ. Удавился!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Ну, любезнѣйшій, извините, и позвольте не повѣрить! Какъ подобное происшествіе могло-бъ быть извѣстно не мнѣ первому, начальнику города?

РОТЪ, *въ сторону.* Который всегда и все узнаетъ послѣдній.

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Я только, что сейчасъ изъ засѣданія суда, и по всѣмъ свѣдѣніямъ выходитъ, что хотя Ганца въ наличности не имѣется, но гдѣ онъ находится неизвѣстно.

ВЕЙССЪ. Такъ я вамъ докладываю, что онъ находится въ петлѣ!

ШВАРЦЪ. Бѣдное семейство! осталось безъ крова и безъ куска хлѣба! Охъ! тяжки грѣхи человѣческіе! Немилосерды люди! Друзья мои и почтенные сограждане! не будемъ осуждать бѣдняка....

РОТЪ. Такъ ужъ извините, г-нъ Вейссъ, Ганцъ не удавился, а утопился!

ВЕЙССЪ. Помилуйте! Да, мнѣ сосѣдъ Ѳома сказалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Ганцъ виситъ на осинѣ!

РОТЪ. Неправда—мнѣ сосѣдъ Варѳоломей говорилъ, что при немъ вытащили его изъ воды!

ВСѢ. При немъ?

РОТЪ. Да, да при немъ....

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Такъ, что-жъ вы молчите, милостивый государь, о событіи, столь казусномъ?...

РОТЪ. Я только-что хотѣлъ говорить....

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ *и* ПУМПАНКИКОКЪ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Господа, господа! дорогу и мѣсто г-ну управителю барона!

(*Всѣ сторонятся, кланяются, шаркаютъ*).

ПУМПАНКИКОКЪ. Не безпокойтесь, милостивые государи, не безпокойтесь!

ТРАКТИРЩИКЪ. Помилуйте! честь посѣщенія.... (*Ставитъ отдѣльно скамейку.*)

ПУМПАНКИКОКЪ, *садясь.* А! г-нъ бургмейстеръ!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Ваше высокомочіе!

ПУМПАНКИКОКЪ. Да, садитесь, пожалуста! Нѣтъ-ли чего нибудь.... только самаго лучшаго! Мы не привыкли къ дряни!

(Трактирщикъ бѣжитъ. Всѣ стоятъ въ почтительномъ положеніи, кромѣ Бургмейстера, сѣвшаго съ Пумпанкикомъ).

БУРГМЕЙСТЕРЪ. А мы сей часъ говорили о новомъ владѣльцѣ замка—вѣроятно, вы изволили слышать, что его купилъ кто-то, то есть, нѣкто — вѣроятно, знатнѣйшая особа....

ПУМПАНКИКОКЪ. Какъ мнѣ не знать! Купилъ, м. г., его, купилъ его.... то есть, купилъ его—нѣкто.

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Такъ, сударь!

ПУМПАНКИКОКЪ. И купилъ его, купилъ его, то есть.... Да, что́ за шумъ такой?

(Вейссъ и Ротъ между тѣмъ сильно спорили и начинаютъ ссориться. Ихъ окружаетъ толпа).

ВЕЙССЪ. Ты всегда былъ безтолковымъ перепощикомъ!

РОТЪ. Ты всегда выдумывалъ глупыя новости!

ВЕЙССЪ. Сплетникъ!

РОТЪ. Лжецъ!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Господа! что́ вы? Въ присутствіи моемъ, въ присутствіи столь важной особы.... О чемъ дѣло?

ВЕЙССЪ. О Ганцѣ!

РОТЪ. Да, о Ганцѣ!

ВЕЙССЪ. Онъ удавился!

РОТЪ. Онъ утопился!

ВЕЙССЪ. Ну, такъ знайте-жъ, что я.... я, своими собственными глазами....

РОТЪ. Могли-ль вы видѣть, когда при мнѣ — при мнѣ онъ въ рѣку бросился!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. А какъ-же ты его не спасалъ?

ВЕЙССЪ. А! какъ ты его не спасалъ?

РОТЪ. Я и бросился, и кричу ему: Ганцъ! Ганцъ! Ганцъ!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣже, Ганцъ и Илья Бушъ.

ГАНЦЪ, *катитъ тѣлежку, на которой стоитъ бочонокъ.* Что́ надобно? Я здѣсь!

ВСѢ, *въ изумленіи.* Что́ это? Ганцъ? (*Ганцъ выкатываетъ тѣлежку на средину сцены, и садится на бочонокъ*).

ГАНЦЪ. Что́ вы всѣ на меня глаза уставили? Что́ такое съ вами сдѣлалось?

ВЕЙССЪ. Такъ ты не утопился?

ГАНЦЪ. Самому-бы тебѣ утопиться!

РОТЪ. Ты не удавился?

ГАНЦЪ. Неугодно-ли тебѣ попробовать!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. А если ты живъ и цѣлъ, такъ ты долженъ отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи, въ томъ, куда ты отлучался....

ГАНЦЪ. А тебѣ на что́? Ходилъ за своимъ дѣломъ.

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Какъ ты смѣешь такъ дерзко отвѣчать? Да ты и шляпы не снимаешь, передъ мною, бургмейстеромъ и начальникомъ города!

ГАНЦЪ. Самъ сперва сними, да поклонись мнѣ.

БУРГМЕЙСТЕРЪ. А! я расправлюсь съ тобой, озорникъ! Въ тюрьму!

ШВАРЦЪ. Да, вѣдь надобно-жъ его и за то придержать, что у него недостаетъ на уплату мнѣ.

ГАНЦЪ. Тебѣ? Ахъ! ты, скаредъ этакой!

ШВАРЦЪ, *вскакивая.* Г-нъ бургмейстеръ!

ГАНЦЪ. Ну, братцы, не ласково-же встрѣчаете вы меня.... А! товарищъ Илья!

ИЛЬЯ. Да, а между-тѣмъ не худо-бы промочить горло!

ГАНЦЪ. А зачѣмъ стало? Вотъ стоитъ какая-то бутылочка, и съ виду такая привѣтливая!

(*Берется за бутылку Пумпанкикока.*)

ТРАКТИРЩИКЪ. Тсъ! это не по тебѣ винцо, пріятель!

ГАНЦЪ. Почему не по мнѣ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Это бутылка его высокомочія!

ГАНЦЪ. Этого толстяка?

ПУМПАНКИКОКЪ, *вскакивая.* Г-нъ бургмейстеръ!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. А! Дерзскій бунтовщикъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. Негодяй!

ТРАКТИРЩИКЪ. Наглецъ!

ВЕЙССЪ *и* РОТЪ. Бродяга!

ганцъ, *опять садится на свой бочонокъ.* Э, э! тише, тише! Что такое? Мы, кажется, всѣ люди знакомые.... Слушайте! Ты, господинъ Пумп.... Панъ.... Помъ, какъ тебя зовутъ, поди къ своему барону, и скажи ему, что его зоветъ сюда новый владѣтель замка, который онъ хотѣлъ купить, и который отнынѣ называется Гохволь-Фуссъ, по имени того, кто его купилъ — скажи, чтобы онъ немедленно явился сюда, и съ сыномъ своимъ....

пумпанникокъ. Ха! ха! ха! Онъ съ ума сошелъ!

ганцъ, *трактирщику.* Ты, плутъ, сей часъ дай двѣ дюжины бутылокъ лучшаго вина, и приготовь двѣ бочки пива.

трактирщикъ. Ха, ха, ха! Рѣхнулся!

ганцъ. Ты, сплетникъ, Вейссъ, бѣги къ баронессѣ Кунигундѣ фонъ Гохволь-Фуссъ, и проси ее, и съ дочерью, пожаловать немедленно сюда, къ супругу ея, барону Ганцу фонъ Гохволь-Фуссу! (*Общій хохотъ*).

ганцъ. Ты, Ротъ, бѣги и зови сюда весь городъ—скажи, что баронъ Ганцъ фонъ Гохволь-Фуссъ празднуетъ обрученіе дочери своей Маргариты съ барономъ Фрицомъ фонъ Гохвольшпицвицомъ.

пумпанникокъ. Такая дерзость!

бургмейстеръ. Вы видите, что онъ съ ума сбрелъ.... Не велишь-ли ты и мнѣ чего-нибудь?

ганцъ. Какъ-же! Сей часъ возьмитесь за руки съ этимъ скаредомъ Шварцомъ, и—пляшите подъ мою пѣсню! Ну, живо всѣ!

пумпанникокъ. Г-нъ бургмейстеръ!

бургмейстеръ. Возмите-ка, молодца....

ганцъ. Меня? Стой, стой! Кто смѣетъ взять меня, высокоповелительнаго барона Ганца фонъ Гохволь-Фусса, знаменитѣйшаго и умнѣйшаго человѣка? Хотите-ли видѣть тому доказательства, вѣрныя, неоспоримыя доказательства?

бургмейстеръ. Гдѣ у тебя доказательства, сумасшедшій негодяй?

ганцъ, *стучитъ кулакомъ въ бочонокъ.* Здѣсь, здѣсь! Кому угодно видѣть? Подходите! Смотрите! Ну, кому угодно? (*всѣ толпятся въ сторонѣ*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Г-нъ бургмейстеръ! нѣтъ-ли тутъ какого злаго умысла?

ГАНЦЪ. Чего вы боитесь? (*поднимаетъ крышку съ бочонка*). Тутъ находится то, отъ чего дуракъ умнѣетъ, трусъ храбрѣетъ, красавица влюбляется въ урода, болтунъ молчитъ, зайка говоритъ, хромой плясать начинаетъ, красавецъ женится на старухѣ, а я изъ бочара Ганца сдѣлался барономъ. Ну, хотите видѣть такую диковинку? (*Закрываетъ крышу, отходитъ съ Ильею Бушемъ, беретъ бутылку, наливаетъ ему и себѣ и пьетъ*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Позвольте, г-нъ бургмейстеръ, я пожертвую собой!... (*Идетъ, поднимаетъ осторожно крышку, глядитъ въ бочонокъ и отскакиваетъ съ крикомъ:* «Ахъ!»)

ГАНЦЪ. Что?

ТРАКТИРЩИКЪ, *кланяется, изгибается.* Ахъ! ваше высоко.... велико.... г-нъ Ганцъ!

ГАНЦЪ. Не мнѣ, братъ, кланяйся, а вонъ кому! (*указываетъ на бочонокъ*). Неугодно-ли, господа, еще кому? А ты — вина и двѣ бочки пива! Живо!

ТРАКТИРЩИКЪ. О Боже мой! весь мой погребъ—я самъ —жена, дѣти мои.... Ахъ! г-нъ Ганцъ! Ахъ! (*бѣжитъ*) Вина, вина! эй! кто тамъ!

РОТЪ. Что съ нимъ сдѣлалось? Дай-ка и я....

ВЕЙССЪ. И я.... (*Поднимаютъ крышку, присѣдаютъ съ крикомъ:* «Ахъ!» *и на колѣняхъ ползутъ къ Ганцу*).

ГАНЦЪ. Что, господа, уменъ я? Хорошъ я?

РОТЪ *и* ВЕЙССЪ. Великій человѣкъ!

ГАНЦЪ. То-то-же—великій! Ступайте, куда я васъ посылалъ—мигомъ!

РОТЪ. Прежде ручку поцѣловать!

ВЕЙССЪ. Прежде въ ножки поклониться!

(*Бѣгутъ, сталкиваются, падаютъ и убѣгаютъ опрометью*).

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Да, что-такое у него въ боченкѣ, г-нъ Пумпанкикокъ? Неугодно-ли вмѣстѣ?

ПУМПАНКИКОКЪ. Очень радъ....

(*Поднимаютъ крышку, въ изумленіи отступаютъ, бросаются смотрѣть снова и сталкиваются лбами*).

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Извините!

ПУМПАНКИКОКЪ. Да, ничего—маленькая шишка! (*третъ лобъ*).

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Господинъ Ганцъ!

ПУМПАНКИКОКЪ. Милостивый государь!

ГАНЦЪ. Что̀, господа, понравилась вамъ начинка моего бочонка, а кажется, что-бы такое? Вздоръ (***Подходитъ**, беретъ горсть монетъ и встряхиваетъ ихъ*), то̀, безъ чего, говорятъ мудрецы, человѣкъ можетъ обойдтись, и быть счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ.... *Шварцъ подходитъ къ бочонку и стоитъ въ почтительномъ положеніи*)....

ПУМПАНКИКОКЪ. Вы изволили приказывать мнѣ извѣстить барона, моего повелителя, о желаніи вашемъ видѣться съ нимъ....

ГАНЦЪ. Да, братецъ, ступай скорѣе — скажи ему, что ты видѣлъ, и прибавь, что у меня такихъ боченковъ осталось еще въ запасѣ дюжины двѣ, послѣ покупки замка.... (***Пумпанкикокъ** бѣжитъ опрометью*).

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Г-нъ Ганцъ.... баронъ.... князь! Я также хотѣлъ-бы доказать вамъ мое усердіе....

ГАНЦЪ. Ну, такъ попляшите съ г-мъ Шварцомъ!

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Но, помилуйте!

ГАНЦЪ. Я такъ хочу!...

БУРГМЕЙСТЕРЪ. Отказать не смѣю! Г-нъ Шварцъ! неугодно-ли?

ШВАРЦЪ. Но я двадцать лѣтъ не плясалъ!

ГАНЦЪ. Вздоръ!

ШВАРЦЪ. Охъ! грѣхи! Люди такъ развратились.... (*пляшутъ*).

ГАНЦЪ. Что̀ господа, смѣшно, невѣроятно, несбыточно? А не хотите-ли испытать? Еслибы кто теперь поставилъ подлѣ кого-нибудь изъ васъ бочонокъ съ золотомъ и попросилъ васъ отдернуть въ присядку, многіе-бы изъ васъ отказались? Всѣ мы люди грѣшные, какъ говоритъ благочестивый г-нъ Шварцъ....

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже, Кунигунда, Гретхенъ, Вейссъ, Трактирщикъ, *съ бутылками.*

гретхенъ, *бросается на шею къ отцу.* Ахъ! папенька! Милый, добрый папенька! Ты живъ, здоровъ! Сколько я за тебя молилась, сколько плакала!

трактирщикъ. Пиво катятъ, самое лучшее, изо льда прямо, чудное, пѣнистое, а вотъ и вино!

кунигунда. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

вейссъ, *указываетъ на бочонокъ.* Вотъ оно, г-жа Кунигунда! Посмотрите!

кунигунда, *поднимаетъ крышку, смотритъ и бѣжитъ къ мужу.* Милый мой дружочикъ! Муженекъ мой безцѣнный! Золото мое, серебро мое!

ганцъ. Драгоцѣнная моя Кунигунда! Золотая моя, серебряная!... Вотъ еще чудесное свойство моего бочонка— злую жену онъ дѣлаетъ смирною и заставляетъ любить мужа! Безцѣнный бочонокъ!

кунигунда. Гдѣ ты запропастился? гдѣ ты шатался?

ганцъ. Кунигунда! а это что? (*Указываетъ на бочонокъ*).

кунигунда. Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣдь только такъ....

ганцъ. По старой привычкѣ? Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Посмотри—вотъ изъ этихъ господъ никто стараго не помнитъ!

бургмейстеръ. Располагайте мною!

шварцъ. Если я, грѣшникъ, погибшій въ беззаконіяхъ, могу чѣмъ-нибудь....

кунигунда. Хорошъ ты, грѣшникъ! Знаешь-ли ты, Ганцъ, что они безъ тебя сдѣлали съ нами?

шварцъ. Сударыня! пощадите — не я, а г-нъ Бургмейстеръ!

бургмейстеръ. Вотъ хорошо! Да не вы-ли покоя не давали, съ вашимъ проклятымъ долгомъ?

шварцъ. Я? Съ долгомъ? Да, вотъ какъ я думаю о долгѣ, объ этой суетѣ, этомъ беззаконіи, что сей часъ

еще готовъ ссудить г-ну Ганцу, сколько ему угодно—хоть сотню талеровъ!

ганцъ. Ха, ха, ха! Теперь мнѣ и мукою повѣрятъ, когда въ закромѣ пшеницу видятъ! (*Слышенъ шумъ, и вдали музыка*). Ну, Гретхенъ! За то́, что ты такъ любила меня, я готовлю тебѣ подарокъ! Знаешь-ли кто сей часъ сюда будетъ?

гретхенъ. Боже мой! не ошибаюсь-ли я? Сердце мое такъ забилось! Вѣрить-ли ему?

ганцъ. Ему-то и вѣрь, а все другое.... надобно испытывать моимъ бочонкомъ!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣже, Баронъ, Фрицъ *и* Пумпанкикокъ.

фрицъ *бѣжитъ впереди всѣхъ*. Гретхенъ! Гретхенъ!

гретхенъ. Фрицъ! (*Они робко останавливаются*).

баронъ. Услышавъ о желаніи вашемъ, почтенный г-нъ Ганцъ, видѣться со мною, я спѣшилъ воспользоваться позволеніемъ вашимъ. Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ моего сына!

ганцъ. Къ вашимъ услугамъ, баронъ, и рекомендую вамъ жену мою и дочь.

баронъ. Какое милое прелестное созданіе! Какъ счастливъ тотъ, кому судьба судила обладать такимъ сокровищемъ, какъ онъ будетъ счастливъ!

ганцъ. И какъ богатъ г-нъ баронъ!

баронъ. Что́ богатство! Оно-ли замѣнитъ красоту и добродѣтель.... Я слышалъ, вы купили замокъ?

ганцъ. Да, г-нъ баронъ, и даю его за дочерью въ приданое, а кромѣ того — дюжину вотъ этакихъ бочонковъ—не угодно-ли и вамъ приложиться къ нему?

баронъ. Позвольте взглянуть! (*Смотритъ и не можетъ опомниться отъ изумленія*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Громкая музыка. Толпа народа, Ротъ *впереди всѣхъ. Дѣвушки несутъ вѣнки. Катятъ бочку пива.* Поэтъ *распоряжается хоромъ.* Антикварій *съ огромнымъ свиткомъ подъ мышкою.*

ХОРЪ, (*изъ Фрейшица.*)

Прославимъ прославимъ
Великаго мужа,
Прославимъ, прославимъ
Стократно его!

(*Дѣвушки подносятъ вѣнки*).

ПОЭТЪ. Я взялся быть изъяснителемъ тѣхъ чувствъ, которыя всѣ жители города изъявляютъ вамъ, покровителю Музъ!

ГАНЦЪ. Знаю братъ, до чего ты добираешься—пожалуй, да только пусть Музы твои воспѣваютъ не меня а вотъ кого (*Указываетъ на бочонокъ*).

АНТИКВАРІЙ. Много лѣтъ посвятилъ я занятіямъ наукою, и изыскивая знаменитые роды людей великихъ, имѣлъ счастіе найдти и ваше родословіе: вы единственная отрасль великаго и славнаго рыцаря Ганца фонъ Фусса, сопутника Императору Барберуссѣ, женатаго на дочери Марокскаго Императора, свояка Абиссинскому царю Негусу—вотъ доказательства неоспоримыя! Смотрите, достойный потомокъ предковъ великихъ!

(*Развертываетъ длинную родословную*).

ГАНЦЪ. Право? За это стóитъ подарить тебя дюжиною моихъ предковъ. Видите, баронъ, теперь и за знатностью дѣло не станетъ!

БАРОНЪ. Вы шутите, г-нъ Ганцъ—надобны-ли родословныя? Стóитъ взглянуть на васъ, и одинъ взглядъ убѣдитъ, что вы потомокъ....

ГАНЦЪ. Абиссинскихъ царей, за дочь котораго не стыдно посвататься какому-нибудь барону....

БАРОНЪ. Развѣ вы позволите?

ГАНЦЪ. Боюсь—вѣдь вы не соглашались!

БАРОНЪ. Я испытывалъ чувства сына моего и безцѣнной дочери вашей.... Вѣдь я самъ послалъ его къ вамъ....

ГАНЦЪ. Право? Стало-быть....

ФРИЦЪ. Гретхенъ!

ГРЕТХЕНЪ. Фрицъ! (*Онъ цѣлуетъ руку ея*).

ГАНЦЪ. О ты, драгоцѣнный бочонокъ, волшебное средство, отъ котораго явились у меня великіе предки, жена замолчала, дочь сдѣлалась счастлива, и всѣ увѣрились, что я умный и знаменитый человѣкъ—спасибо тебѣ! — Илья Бушъ! какъ обѣщано — каждый день тебѣ вина сколько ты выпьешъ....

ИЛЬЯ БУШЪ. А больше мнѣ ничего и не надо!

ГАНЦЪ. А то, пожалуй, братецъ, не хочешь-ли и ты въ родню Абиссинскому царю? За этимъ дѣло не станетъ!— Господа! Прошу гулять на мой счетъ!

ВСѢ. Да здравствуетъ великій Ганцъ!

ГАНЦЪ. Дѣти! ко мнѣ!

ФРИЦЪ. Боже мой! Мнѣ кажется, что все это я вижу во снѣ!

ГАНЦЪ. Да что-жъ такое и жизнь наша? Сонъ на яву! Хорошо, кому грезится, что онъ обладаетъ волшебнымъ бочонкомъ, какой у меня! Господа! Сердечно желаю каждому изъ васъ по дюжинѣ такихъ бочонковъ!

Хоръ начинаетъ: «Прославимъ! Прославимъ!» — *Занавѣсъ опускается.*

ПОЛЧАСА ЗА КУЛИСАМИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Дюкъ де-Шапюи, старый волокита.
Кокинелло, секретарь его.
Жакъ, камердинеръ его.
Дюмонъ, чиновникъ канцелярскій.
Зефиретта, танцовщица.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Дюка де-Шапюи, въ 1775 году.

Богато-убранная комната. Направо письменный столъ. Налѣво клѣтка съ попугаемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кокинелло, *съ бумагами.*

Двѣнадцатый часъ, а онъ все еще почивать изволитъ.... Заспался что-то сегодня! Видно, вчера гдѣ-нибудь зашалиться изволили.... А пора-бы, кажется, и перестать.... Годы мудрости давно наступили.... Ахъ! что это! Я болтаю здѣсь такъ громко, и не подумаю, что въ кабинетѣ не говорятъ ничего, кромѣ лестнаго, и такого, что̀ можетъ нравиться.... (*громко*) Благодѣтель и начальникъ мой еще такъ бодръ и свѣжъ, и при высокихъ душевныхъ свойствахъ, одаренъ здоровьемъ и силою необыкновенными.... Что̀ передъ нимъ нынѣшняя молодежь... Разложимъ дѣла... (*раскладываетъ бумаги*).. Просьбы...

ба этого бѣднаго откупщика Граппоша — сюда поближе! Доказательства правоты его такъ блестящи, такъ тронули меня, такъ близки къ моему сердцу.... Дѣло несчастной вдовы Агнесы Филутье.... Преглупое и пребезтолковое— да за сиротъ ея ходатаемъ графъ Шовсури.... Старшей-то сироткѣ шестнадцать лѣтъ, и очень не дурна бѣдняжка.... Просьба о помѣщеніи послѣдняго сироты отставнаго капитана Жюліана Плижену въ какое-нибудь общественное заведеніе, на королевскій счетъ.... Который бишь у него этотъ послѣдній сирота? Кажется, двадцатый? Что за благословеніе Божіе въ дѣткахъ этому почтенному г-ну Плижену, и вотъ—дѣтки ему не въ тягость—точно кошелекъ, куда онъ сбираетъ благотворенія, да и кто откажется помочь *бѣдному отцу семейства?* Просьба подрядчика, г-на Волерье о перетраченныхъ имъ деньгахъ.... И хочетъ получить ихъ *безъ траты?* Извините, любезнѣйшій: завтракъ вашъ былъ хорошъ, да вѣдь на то, что вы требуете, и пообѣдать сытно можно—это до *завтра!*... О претензіи колониста Поврома.... Старые дрязги—предлагаетъ десять со ста—не угодно-ли по десяти за сто, а то прогуляетесь еще десять лѣтъ.... Вѣдь такія дѣла все равно, что недвижимое имѣніе наше.... Гдѣ-же и руки погрѣть? Десять процентовъ! Какое это имѣніе, если изъ десяти процентовъ владѣть имъ! Правда, нынче доходы у всѣхъ становятся плохи.... Еще таки при такомъ добромъ начальникѣ, каковъ мой....

ЯВЛЕНІЕ II.

Кокинелло Жакъ, *идетъ зѣвая.*

кокинелло. А, почтеннѣйшій, г-нъ Жакъ!

жакъ. Здравствуйте, г-нъ Кокинелло!

кокинелло. Здоровы-ли, мой любезнѣйшій?

жакъ. Да, только не выспался. Вчера прогулялъ цѣлый вечеръ....

кокинелло. А что нашъ Дюкъ?

жакъ. Да, ужъ зѣвнулъ три раза.

КОКИНЕЛЛО. И скоро изволитъ встать?

ЖАКЪ. А кто-жъ его знаетъ: Занятъ — велѣлъ подать къ себѣ моську и чешетъ ее.

КОКИНЕЛЛО. Житье барамъ!

ЖАКЪ. И секретарямъ ихъ не худо.

КОКИНЕЛЛО. А каммердинерамъ еще лучше секретарей.

ЖАКЪ, *треплетъ его по плечу.* Полно-те, г-нъ Кокинелло. Что́ за житье нашему брату лакею! Развѣ крохи какія-нибудь—ну, а вы иное дѣло....

КОКИНЕЛЛО. Э, г-нъ Жакъ! Я промѣнялся-бы на ваше. Должности у насъ съ вами одинаково почетныя, но вы всегда такъ близки къ барину, да и какой секретарь не позавидуетъ барскому каммердинеру!

ЖАКЪ. Ну, а я опять къ вамъ съ тою просьбою — пожалуста! Человѣкъ такой добрый!

КОКИНЕЛЛО. Видите, мой любезнѣйшій, право, нельзя!

ЖАКЪ. Вотъ—что́ нельзя такому умному человѣку, какъ вы!

КОКИНЕЛЛО. И какъ отказать такому почтенному человѣку, какъ вы, но истинно—дѣло презатруднительное!

ЖАКЪ. Такія-ли вы дѣла дѣлали. Я ужъ его обнадежилъ—не оставьте меня въ словѣ....

КОКИНЕЛЛО. Нѣтъ! ужъ воля ваша, любезнѣйшій г-нъ Жакъ—не могу.

ЖАКЪ. А! какъ вамъ угодно! Что́жъ? Я заступлю ваше мѣсто, и при случаѣ самъ доложу барину....

КОКИНЕЛЛО. Позвольте, позвольте! Ужъ вы и разсердились.... Ну, не совѣстно-ли вамъ? Разумѣется, все это можно помаленьку обдѣлать, но чтожъ вы сами-то ничего не скажете о нашей разбойницѣ!

ЖАКЪ. О Зефиреттѣ?

КОКИНЕЛЛО. Да. Еслибы намъ удалось наконецъ освободить нашего добраго Дюка отъ этой негодяйки....

ЖАКЪ. Трудно.

КОКИНЕЛЛО. Да, если мы представимъ доказательства ясныя, неоспоримыя.... Послушайте: она съ каждымъ

днемъ становится наглѣе и безстыднѣе.... Мы не можемъ быть увѣрены за будущій день. Честь нашего Дюка страдаетъ, да честь....

ЖАКЪ. И лобъ!

КОКИНЕЛЛО. Что́ о лбѣ (*въ сторону*) пустомъ! (*громко*) Подумайте—и вы и я, мы въ безпрерывной опасности: подъ лихой часъ нѣсколько словъ, и намъ останется запѣть—«Я въ пустыню удаляюсь!»

ЖАКЪ. Да, послушайте, г-нъ Кокинелло—я радъ, только признаюсь — вотъ вы и такого дѣлишка сдѣлать не хотите, о которомъ я васъ прошу....

КОКИНЕЛЛО. О Боже мой! все, что́ хотите.... Вѣдь вы знаете, что Дюкъ препоручилъ мнѣ собрать всѣ свѣдѣнія о шалостяхъ Зефиретты....

ЖАКЪ. Ну?

КОКИНЕЛЛО. И то есть, что́ у меня есть теперь—я вамъ скажу, что если только вы поможете, Зефиретта напляшется подъ нашу дудку....

ЖАКЪ. Ну, отбить ее совершенно—право, нельзя! Вѣдь я его хорошо знаю.... Развѣ поторговаться съ нею?

КОКИНЕЛЛО. Нѣтъ, нѣтъ! можно — только надобно смѣлѣе и рѣшительнѣе! (*звонокъ*).

ЖАКЪ, Я заговорился съ вами и забылъ о нашемъ старичишкѣ! (*Звонятъ еще*) Этакъ его взбудоражило! Что́ съ нимъ такое сдѣлалось? (*Звонятъ*) Бѣгу—не вздохнешь до-тѣхъ-поръ!

КОКИНЕЛЛО. Такъ, смотрите-же, г-нъ Жакъ, сегодня-же начинайте, а я ужъ подкрѣплю! Пожалуста! (*провожаетъ его и жметъ ему руку*).... А я къ вашимъ услугамъ—располагайте мной!

ЯВЛЕНІЕ III.

КОКИНЕЛЛО, *одинъ*.

КОКИНЕЛЛО. Мерзавецъ! Вотъ, извольте тутъ служить! Не угоди этому негодяю лакею, такъ и укажутъ двери, и мѣста не найдешь! О Боже мой!какъ трудно пробираться въ честь—чего не испытаешь? чего не натерпишься? чего не уви-

дишь?... Увидишь, какъ съ улицы въ переднюю знатнаго барина явится великанъ, а пока дойдетъ до кабинета, сдѣлается вотъ какой маленькой.... Увидишь, какъ.... Да, просто увидишь, чѣмъ люди кажутся, и что́ они въ самомъ дѣлѣ. Увидишь комедію, такую комедію.... Вѣдь иной думаетъ, глядя изъ партера, что на сценѣ въ-самомъ-дѣлѣ настроены сады и палаты великолѣпныя, а еслибы онъ ближе подошелъ, такъ узналъ-бы, что сады и палаты—крашеная холстина....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кокинелло *и* Дюмонъ.

кокинелло. Ну, что́ вы?

дюмонъ. Бумаги, которыя вы мнѣ приказали приготовить....

кокинелло. Подойдите сюда. Пора вамъ было приготовить ихъ! Вы, сударь, становитесь безпечны, лѣнивы!

дюмонъ. Я просидѣлъ за ними всю ночь. Работы было множество—вы такъ поздно изволили отдать ихъ....

кокинелло. Это что́ значитъ? Вы, кажется, осмѣливаетесь умничать, смѣете разсуждать? Знаете-ли вы, сударь, что вашъ безпокойный характеръ заставитъ меня наконецъ обратить на васъ всю строгость мою....

дюмонъ. Простите великодушно! Я только осмѣлюсь доложить, что еслибы бумаги были мнѣ отданы прежде, нежели вы вчера изволили поѣхать на обѣдъ къ г-ну Ришару....

кокинелло. Не у васъ-ли мнѣ спрашиваться, когда отдавать, и ѣхать или не ѣхать мнѣ куда-нибудь обѣдать? Вы дерзки, сударь—замолчите!

дюмонъ. Я переписалъ снова и ту бумагу, которую вчера подписалъ Дюкъ....

кокинелло. Что́ такое? Для чего-жъ это?

дюмонъ. Вѣроятно, вы не изволили замѣтить, что онъ подписалъ ее, конечно ошибкою—вверхъ ногами....

кокинелло. Да, вѣроятно, это ошибкою.... (*въ сторону*). Дюкъ дремалъ и не замѣтилъ.... (*громко*). Хорошо, извольте идти. Что-жъ вы еще мѣшкаете? Что вамъ еще надобно?

дюмонъ. Я осмѣлюсь еще разъ....

кокинелло. Да, долго-ли вы будете осмѣливаться?

дюмонъ. Осмѣлюсь покорнѣйше просить васъ доложить Дюку о прибавкѣ мнѣ жалованья....

кокинелло. Какая жадность! Какая дерзость! Такъ стало вы еще недовольны наградою, недавно полученною?...

дюмонъ. Войдите въ мое горестное положеніе—вся награда состояла изъ 200 франковъ!

кокинелло. Двѣсти франковъ! Такъ будто это бездѣлица, маловажная сумма? Когда по всѣмъ частямъ стараются теперь соблюсти экономію....

дюмонъ. И тому годъ прошелъ—я вѣчно за работой—больная жена, пятеро дѣтей! Ахъ! Боже мой! ея стоны, ихъ плачъ отнимаютъ у меня всякую возможность работать....

кокинелло. Годъ прошелъ! Что-жъ вамъ, каждую недѣлю развѣ давать награды? Жена, дѣти — а кто вамъ велѣлъ жениться, если самому ѣсть нечего? Да, да, кто вамъ приказывалъ нарожать себѣ такую кучу голодныхъ ребятъ?

дюмонъ. Еслибы вы изволили уравнять меня въ жалованьѣ съ вашимъ племянникомъ.... я охотно взялъ-бы и его должность на себя—при маленькой прибавкѣ....

кокинелло. Такъ вы хотите вытѣснять интригами вашихъ товарищей? Вы, сударь, интригантъ, вы дерзки, вы безстыдны.... вы....

дюмонъ. Я думалъ, что могу угодить вамъ, если его занятія приму на себя, а онъ останется числящимся при должности, съ своимъ жалованьемъ.

кокинелло. Да, что у него за должность? Онъ по своему отдѣленію ставитъ только нумера на бумагахъ, а и всѣхъ-то бумагъ у него десять въ годъ! И вы, сударь, такъ безстыдны, что ни-зачто требуете жалованья....

Сюда идутъ! Вѣрно, Дюкъ! Хорошо, хорошо! Идите скорѣе вонъ—я увижу.... (*почти выталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кокинелло, *одинъ, сгибается смиренно.*

КОКИНЕЛЛО. Нѣтъ!... Никого нѣтъ!... (*распрямляется*) Все таки душѣ отраднѣе, когда за поклоны каммердинеру пошумишь на эту дрянь.... Вотъ, мнѣ кажется, вещи совершенно безполезныя на бѣломъ свѣтѣ—эти, такъ называемые, *честные люди*, то есть, дураки, у которыхъ недостаетъ ни ума, ни смѣлости быть людьми порядочными.... Честнымъ всякій дуракъ можетъ быть, а надобно умъ цѣнить.... умъ главное дѣло.... Вотъ таки и я: если сегодня удастся мнѣ намѣкнуть Дюку о бѣлокурой Полинькѣ Монбижу, и еслибы Полинька смѣнила эту негодяйку Зефиретту.... И что нашелъ въ ней Дюкъ—стрекоза, попрыгунья, верченая каналья! То-ли дѣло Полинька.... Ужъ и мое желѣзное сердце таетъ отъ ея голубыхъ глазокъ.... А всего шестнадцать лѣтъ.... Что-жъ? Годика черезъ два потомъ и мы предложимъ ей руку и сердце, если только успѣю сжить съ рукъ этого грубіяна Жака—подлеца, лакея, взяточника.... (*слышенъ шумъ—онъ опять сгибается.*) Тутъ что-нибудь не даромъ! О судьба! наградишь-ли ты наконецъ меня за все, за десять лѣтъ ползанья.... Правда, и не даромъ—изъ передней доползъ до кабинета, гдѣ вотъ расхаживаю довѣренною особою Дюка, когда тамъ почище меня стоятъ, какъ на угольяхъ.... Ахъ!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кокинелло *и* Жакъ.

КОКИНЕЛЛО. Что, г-нъ Жакъ?

ЖАКЪ, *разстанавливаетъ по столу коробочки, скляночки, блюдечки.* Ну, что!

КОКИНЕЛЛО. Изволили встать?

ЖАКЪ. Да.

КОКИНЕЛЛО. Изволятъ сюда идти?

ЖАКЪ. Идетъ—несетъ его нелегкая!

КОКИНЕЛЛО. А развѣ сегодня не въ духѣ?

ЖАКЪ. Не въ умѣ—какъ всегда.

КОКИНЕЛЛО. Да, что такое сдѣлалось?

ЖАКЪ. Ничего—отъ Зефиретты какую-то записку принесли—закашлялся, взбѣсился—рветъ и мечетъ....

КОКИНЕЛЛО. Неужели?

ЖАКЪ. Я проглотилъ порядочную оплеуху....

КОКИНЕЛЛО. Все къ лучшему!

ЖАКЪ. Слуга покорный!

КОКИНЕЛЛО, *усмѣхаясь.* Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.... Близъ знатнаго барина, что близъ огня — иногда обожжешься, а потомъ и погрѣешься.

ЖАКЪ. Проклятая! Разсердила его!

КОКИНЕЛЛО. Тѣмъ лучше—вотъ тутъ-то и поработать.... Смотрите только.... Эхъ! любезнѣйшій! Что за бѣда маленькая оплеушка....

ЖАКЪ. Сами-бы вы попробовали! (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОКИНЕЛЛО, *одинъ.*

КОКИНЕЛЛО. Попробовали!... Охъ! помнимъ.... Да, тебѣ что, лакейская харя, а какъ мнѣ, чиновнику, который равенъ ему, который, можетъ-быть, со-временемъ самъ.... (*слышенъ кашель*). Ахъ! это онъ!... (*цѣпѣнѣетъ*). Нѣтъ! не онъ.... (*слышенъ смѣхъ съ кашлемъ*) Видно развеселился.... Прикинемся и мы веселыми.... (*Дюкъ шумитъ за кулисами*). Бранится! Ахъ!.. (*дѣлаетъ кислую рожу*) А я ужъ было хотѣлъ намѣкнуть о Полинькѣ Монбижу....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДЮКЪ, *въ утреннемъ сюртучкѣ и въ колпакѣ,* и КОКИНЕЛЛО.

ДЮКЪ, *въ дверяхъ разгоняетъ платкомъ собачонокъ.* Тссъ! ты, проклятая! Испугала его! Прочь, негодная! (*увидя*

Кокинелло, который униженно кланяется). Поди братецъ, отними моего Азорку—она загрызетъ его! (*Кокинелло бросается разнимать собачонокъ*). Гадкая, презлая, а не могу отвыкнуть.... Настоящая Зефиретта!... Какова безстыдница? Двадцать тысячь еще! И какъ повелительно! Да, стóишь-ли ты вся-то двадцати тысячь! Мнѣ надобно показать характеръ.... Я скажу ей.... (*кашляетъ и ѣстъ лепешки изъ коробочки*). Тьфу! задушило!... Чего-ты мнѣ стóишь по-сю-пору!... Нѣтъ, нѣтъ! (*встаетъ и топаетъ ногою*) Ой! ой! Какая боль! (*третъ ногу*).

кокинелло. Здоровье ваше.... (*бросается тереть ногу*).

дюкъ, *садится въ кресла*. Ничего ничего! Подагра....

кокинелло. Ужасная болѣзнь!

дюкъ, *усмѣхаясь*. Расплата за старые грѣхи.... Ну, оно еще не дорого мнѣ досталось.... годами наслажденій.... пожили мы....

кокинелло, *улыбаясь*. И теперь еще живете—и *какъ!*

дюкъ. А что-жъ? Живемъ еще....

кокинелло. Еслибы я осмѣлился умолять васъ быть умѣреннѣе въ наслажденіяхъ.... Клянусь, что преданность моя оправдываетъ мою дерзость....

дюкъ. Да что-жъ дѣлать, братецъ, если жизнь все еще увлекаетъ своими прелестями, и когда мои необыкновенныя силы.... (*кашель и ложечка сыропу*) Тьфу!... (*роняетъ платокъ. Кокинелло опрометью бросается и поднимаетъ*) Вотъ и вчера прошалили у молодаго дюка де-Савиньи—Что за вина! Что за трюфели.... Я обожрался, объѣлся.... Вели, братецъ, принести мнѣ абсинтовой эссенціи.... Нѣтъ! подай-ка лучше вотъ это.... Ну, а ты что, дуралей? (*идетъ къ попугаю*) Кокинелло! дай, братецъ, ему сахару! (*Кокинелло даетъ*) Негодная Зефиретта! Двадцать тысячь! А вотъ еще посмотримъ.... О, проклятая! (*перечитываетъ записку и деретъ*). Будто мнѣ не кѣмъ тебя замѣнить! Я докажу тебѣ, докажу! (*топаетъ ногою*) У! пропасть какая! Пошевелить не дастъ.... (*бросается въ кресла*) Ну, что у тебя?

кокинелло. Дѣла.

дюкъ. Готово-ли письмо къ графу?

кокинелло. О борзой собакѣ?

дюкъ. Да, братецъ, дѣло пренужное!

кокинелло. Вотъ оно.

дюкъ. Да, кажется, онъ не подписался ко мнѣ въ письмѣ своемъ: *покорнѣйшій*? Смотри, братецъ, не просто-ли *покорный?*

кокинелло. Какъ осмѣлился-бы я не разсмотрѣвши прежде написать!

дюкъ. То-то-же смотри! (*Подписываетъ дрожащею рукою и медленно*) Странно—руки дрожатъ.... отъ чего-бы, кажется! Я слишкомъ утомляю себя занятіями.... Сегодня надобно отдохнуть.... Да, я-же такъ взбѣшенъ, взволнованъ—вся кровь кипитъ, какъ кипятокъ! (*кашель и лепешки*). Вотъ, говорятъ, старайтесь укрощать свои страсти.... Будто въ нашей волѣ, если у насъ, вмѣсто крови, огонь въ жилахъ....

кокинелло, *въ сторону*. Мышій!

дюкъ. Дѣла всѣ до завтра—не докладывай мнѣ ни одной бумаги....

кокинелло. Дѣло той бѣдной вдовы о пенсіи....

дюкъ. Какой вдовы?

кокинелло. За которую ходатайствуетъ графъ Шовсури.

дюкъ. Да, что еще надобно этой попрошайкѣ?

кокинелло Она о пенсіи хлопочетъ.... Сиротъ куча!...

дюкъ. Да давно-ли дали ей пенсію!

кокинелло. Это за племянника.

дюкъ. И прежде сколько разъ!

кокинелло. Она получила за внука, за мужа, да за шурина....

дюкъ. Ну, такъ къ чорту ее!

кокинелло. Графъ Шовсури....

дюкъ. И охота ему, старому хрычу, мѣшаться во всякую дрянь.... Цѣлый вѣкъ волочился за гризетками—странный вкусъ! Подай!

кокинелло, *искусно вкладывая какое-то письмо*. Если вамъ угодно взглянуть....

дюкъ. Ба! Что это? Письмо какое-то? «Mon cher Кокинелло—Августина Монбижу!» Ха, ха, ха!

кокинелло. Ахъ! Боже мой! Простите — ошибка! Это письмо ко мнѣ....

дюкъ. Ха, ха, ха! Такъ и у вашей милости шашни есть.... Mon cher Кокинелло! Да, Монбижу, думаю, лѣтъ шестдесятъ будетъ.... Ну, братецъ, поздравляю.... (*хохочетъ, кашляетъ и пьетъ пилюли*).

кокинелло. Ахъ! Вы не изволите знать о чемъ она пишетъ.... Ея внучка....

дюкъ. Эта малютка....

кокинелло. Полинька—она разцвѣла, какъ роза!

дюкъ. Не говори мнѣ о женщинахъ—негодныхъ твореніяхъ, мучительницахъ, вѣтренницахъ.... Я ненавижу ихъ—презираю ихъ! Ой!... Кахи! кахи! Гдѣ бумага той потаскушки?—Тутъ еще что-то.... Я сказалъ, чтобы ничего болѣе не представлять....

кокинелло. Это объ опредѣленіи сироты капитана Пижену—онъ здѣсь.... Спасите меня! Хуже чумы и холеры, онъ съѣстъ, проглотитъ меня, если я не принесу ему вашего рѣшенія....

дюкъ. Тьфу! измучился!... Въ сторону глупости! Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь забавнаго?

кокинелло. Маркизъ Сантетъ увезъ маленькую Лизету.

дюкъ. Право! У нея чорненькіе глазки, но стóило-ли покупать этотъ постоялый домъ на большой дорогѣ!

кокинелло. Поэтъ, котораго вы изволили пригласить къ обѣду прошлый четвергъ, просилъ представить вамъ стихи его....

дюкъ. Что онъ тутъ вретъ?

кокинелло. Она называетъ васъ геніемъ, мужемъ совѣта, опорою королевства, покровителемъ музъ и любимцомъ грацій.

дюкъ. Такъ онъ не даромъ обѣдалъ у меня. Что, глупо это или изрядно?

кокинелло. Говорятъ, онъ великій поэтъ. Угодно прочесть?

дюкъ. Убирайся—я кромѣ Шолье и Лафара ничего не читаю! Не дать-ли ему чего-нибудь? Надобно-же, братецъ, поощрять дарованія, хоть я и не знаю, на какого чорта намъ стишенки и все, что называютъ литературой! Вели выдать ему.... Да, нѣтъ, погоди! Эти поэты народъ предерзкій—тотчасъ забудутся.... Послушай-ка, Кокинелло.... Хмъ! (*встаетъ и ходитъ по комнатѣ*) Я приказывалъ тебѣ.... (*останавливается гордо передъ нимъ*).... узнать о моей негодной Зефиреттѣ....

кокинелло. Увольте меня.

дюкъ. Говори—я тебѣ приказываю!

кокинелло. Простите—я не могу, не смѣю!

дюкъ. Ты думаешь, у меня недостанетъ силы заплатить ей презрѣніемъ?... Мой другъ! Это была послѣдняя.... Кахи, кахи!... бѣшеная страсть.... Да, я любилъ ее, какъ только въ лѣтахъ страстей любятъ.... Говори!

кокинелло. Я трепещу.... страшусь огорчить васъ....

дюкъ. Говори! (*бросается въ кресла*) Охъ! ой! ой!

кокинелло. Графъ Гюитръ точно подарилъ ей склаважъ....

дюкъ. Графъ Гюитръ! Этотъ уродъ, этотъ старичишка.... И она промѣняла.... (*бьетъ кулакомъ въ столъ*) Охъ! ой! ой!

кокинелло. Она точно каталась въ Булонскомъ лѣсу съ кирасирскимъ полковникомъ.

дюкъ. Этотъ мотъ, негодяй, у котораго кромѣ усовъ ничего нѣтъ!—О, я докажу ей!... (*Кашель и лепешки*).

кокинелло. Перстень вашъ я самъ видѣлъ у молодаго поручика, который получилъ его отъ жены купца, которую посѣщаетъ учитель дѣтей баронессы Шпигель, которой подарилъ его другъ Зефиретты, маіоръ Тейфельсбергъ.

дюкъ. Адское сплетеніе измѣны и коварства! Негодная, гадкая!

кокинелло. А тотъ молодой живописецъ....

дюкъ. Еще? Да, будетъ-ли этому конецъ? Ну, ну, говори—дорѣзывай! Я хладнокровенъ, какъ рыба — какъ левъ! Кахи, кахи!

кокинелло. Вотъ ея собственноручныя записки—доказательства—письма.... Я не жалѣлъ трудовъ и издержекъ, и если успѣю обличить женщину, которая до такой степени во зло употребила довѣренность, чувства, благодѣянія ваши....

дюкъ. Подай, подай сюда! (*перебираетъ бумаги*) Да, нѣтъ сомнѣнія—это ея рука.... Какъ! Обо мнѣ, обо мнѣ? «Неужели ты можешь ревновать къ моему сѣдому купидону, моему беззубому амуру».... А! негодная! Проклятый кашель—даже посердиться не дастъ!... «Ты не повѣришь, какъ я люблю тебя, и какъ глупъ и смѣшенъ онъ—любовникъ съ подагрой и кашлемъ, ходячая развалина!...» (*мнетъ письмо*). Сѣдой купидонъ! Беззубый амуръ! Безсовѣстная негодяйка! Безстыдная вѣтреница!... Кокинелло!

кокинелло. Что̀ изволите приказать?

дюкъ. Позови Жака! (*Кокинелло уходитъ*).

дюкъ. Ходячая развалина! Любовникъ съ подагрой! Да, у кого-жъ нѣтъ подагры? Съ кашлемъ! Да, кто теперь не кашляетъ? Беззубый! О, я докажу тебѣ, что у меня есть зубы! — изгрызу, искусаю тебя!... Ой! ой! о! какая боль!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дюкъ, Жакъ и Кокинелло.

дюкъ. Жакъ! если отъ *нея* кто придетъ, съ запиской, или безъ записки—не принимать, отказать!

жакъ. Отказать?

дюкъ. Да, да, гнать, толкать, ругать—слышишь! Пошелъ вонъ! (*Жакъ уходитъ*) А безстыдница требовала еще сегодня двадцать тысячъ! И какъ нагло! И какъ дерзко!... И вотъ говорятъ, что за золото все купить можно! Кокинелло! благодарю тебя—ты раскрылъ мнѣ глаза—я тебя не забуду!... Теперь ты узнаешь, драгоцѣнная Зефиретта.... Кокинелло! мой другъ! Ты проспишь меня о наградѣ—составь записку.... Твои заслуги, твое усердіе....

КОКИНЕЛЛО, *цѣлуетъ руку.* Жизнь моя къ услугамъ вашимъ!

ДЮКЪ. Но ей надобно отплатить — я не оставлю этого такъ.... я.... я.... (*кашляетъ*)

(*Слышенъ шумъ. Голосъ Жака:* «Нельзя! Боленъ! Не принимаетъ! — *Голосъ Зефиретты:* «Ты, бездѣльникъ, смѣешь не пускать!»

ДЮКЪ. Что́ такое? Дерутся тамъ что́-ли?

ЯВЛЕНІЕ X.

Дверь настежь растворяется. ЖАКЪ *старается загородить дорогу Зефиретть. Она даетъ ему пощечину и влетаетъ въ комнату.*

КОКИНЕЛЛО. Это сама г-жа Зефиретта!

ДЮКЪ. Она смѣла....

ЗЕФИРЕТТА, *насмѣшливо приседая.* Мое почтеніе, господинъ дюкъ де-Шапюи! Что́ это значитъ? Какъ смѣлъ мерзавецъ, вашъ каммердинеръ, не пускать меня? А? Говорите! Отвѣчайте!

ДЮКЪ, *съ восторгомъ смотритъ на нее.* Какъ мила! Какъ отъ гнѣва разгорѣлись ея щечки!... Да, да, я приказалъ не пускать васъ, сударыня!

ЗЕФИРЕТТА, *Жаку.* Пошелъ вонъ! (*Кокинелло*) Извольте идти вонъ! Идите-же!

КОКИНЕЛЛО. Но, но....

ДЮКЪ. Выйдите на минутку!

КОКИНЕЛЛО, *въ сторону.* Ну, плохо дѣло!

(*Жакъ и онъ уходятъ*).

ЗЕФИРЕТТА. Я посылала къ вамъ сегодня записку, и вы ничего не изволили отвѣчать?

ДЮКЪ. Ты, безстыдная, наглая шалунья! Я не хочу съ тобой говорить

ЗЕФИРЕТТА. Вы знаете, что мнѣ необходимы двадцать тысячъ. Я танцую съ Лауреттою, съ этой гадкой крысой, кошкой ободранной, которая осмѣливается равнять себя

со мною! Мнѣ надобно уничтожить ее, надобно явиться въ брилльянтахъ—сей часъ двадцать тысячь!

ДЮКЪ. Я? Тебѣ? Пошла вонъ!

ЗЕФИРЕТТА. Какъ! Пошла вонъ?

ДЮКЪ. Да, поди къ своему графу Гюнтру!

ЗЕФИРЕТТА. Двадцать тысячь!

ДЮКЪ. Попроси ихъ у своего кирасира!

ЗЕФИРЕТТА. У какого кирасира?

ДЮКЪ. Либо у своего брамербаса Тейфельсберга!

ЗЕФИРЕТТА. Послушай! Ты съ ума сошелъ!

ДЮКЪ. Что́ я — беззубый амуръ? Сѣдой купидонъ? А! проклятая негодяйка!

ЗЕФИРЕТТА, *схватываетъ его за руки.* Скажешь-ли ты мнѣ, что́ все это значитъ?

ДЮКЪ. А ты не знаешь? Невинная овечка! И ты видишь всѣ свои злодѣйства, все твое коварство открытыми, и не краснѣешь? (*Зефиретта начинаетъ хохотать*) И она еще хохочетъ? О! это нестерпимо! На, читай, смотри—чья это рука? кто это писалъ?

ЗЕФИРЕТТА, *беретъ и небрежно взглядываетъ на письма.* Что́ такое? А! (*спокойно отдаетъ ихъ Дюку*).

ДЮКЪ. Что́?

ЗЕФИРЕТТА. Ничего. Я возвращаю ихъ съ глубокимъ почтеніемъ. Прикажите ихъ напечатать съ посвященіемъ вамъ! (*надѣваетъ перчатку, дѣлая пируэты и насвистывая пѣсню*).

ДЮКЪ. Говори! Говори! (*Зефиретта хохочетъ, вдругъ важно и низко приседаетъ, повертывается и идетъ вонъ*).

ДЮКЪ. Да, хоть оправдайся—хоть солги!

ЗЕФИРЕТТА, *сердито.* Оправдаться? Я? Передъ тобой? Да, смѣешь-ли ты думать.... Оставайся съ твоей подагрой, хиragрой, чахоткой, сухоткой....

ДЮКЪ. Терпѣнія нѣтъ!... (*кашель одолѣваетъ его*).

ЗЕФИРЕТТА. Беззубый старичишка! Сѣдой Амуръ! Безногой купидонъ!

ДЮКЪ. Эй! кто тамъ! Я задыхаюсь.... (*ищетъ лепешекъ, пилюль, сиропу, и ничего найдти не можетъ....*

ЗЕФИРЕТТА. Кашлюнъ, гадкій волокита!

ДЮКЪ, *замахивается коробочкой.* Я пришибу твой змѣиный языкъ!

ЗЕФИРЕТТА. Ты смѣешь? Ты смѣешь? (*бросается къ нему, разбрасываетъ его коробочки, лепешки, блюдечки, срываетъ съ него калпакъ*).

ДЮКЪ, *отбивается.* Зефиретта! Другъ мой! Чертовка! Зефиреттушка!

ЗЕФИРЕТТА. На, вотъ — читай самъ! (*держитъ передъ глазами его письмо*). Графъ Гюитръ умоляетъ меня принять отъ него двадцать тысячь—я беру ихъ у него, запрещаю пускать тебя ко мнѣ, покупаю брилльянты, являюсь на сценѣ, уничтожаю Лауретту, буду очаровательна, буду мила, ангелъ, бѣсъ, чортъ, взбѣшу тебя, сведу съ ума всѣхъ, уморю тебя, заставлю тебя освистать — на тебя напишутъ куплеты, тебя прибьютъ, вызовутъ на дуэль, убьютъ, выведутъ въ водевилѣ.... У! Старичишка! Дрянь! (*дразнитъ его*).

ДЮКЪ. Какъ? Графъ Гюитръ—онъ.... И какъ она мила, очаровательна, божественна! Другъ мой, ангелъ, Зефиретта! пощади меня.... помирись!

ЗЕФИРЕТТА. Даешь-ли двадцать тысячь? А? Даешь-ли двадцать тысячь?

ДЮКЪ. Даю, даю—только прости меня, пощади!

ЗЕФИРЕТТА, *плачетъ.* Ахъ! Боже мой! преодолѣю-ли я когда-нибудь любовь мою къ тебѣ! Отелло мой! скажи—чѣмъ ослѣпилъ ты меня, твою бѣдную Дездемону?

ДЮКЪ. Стою-ли я тебя, милый другъ мой! Развѣ только любовь моя, страсть моя.... (*кашляетъ*) И ты меня любишь, не смотря на мои несправедливыя подозрѣнія? Прости меня — прости горячку крови, пылкой, бѣшеной.... Кахи кахи.... Вотъ тебѣ билетъ.... Охъ.... нечего дѣлать.... возми его....

ЗЕФИРЕТТА. Ахъ! какой ты милый, добрый! (*прикрываетъ ему голову билетомъ.*) Какой прелестный у тебя головной уборъ.... Какой ты хорошенькой, сѣдинькой.... Ахъ!...

ДЮКЪ. Зефиретта!

ЗЕФИРЕТТА. Ахъ! такія сцены мнѣ тяжелы — мнѣ дурно.... Мнѣ тяжко.... Я могла умереть съ тоски и досады....

ДЮКЪ. Другъ мой! Зефиретта! Она блѣднѣетъ — лишается чувствъ.... Скажи, что́ еще я долженъ дѣлать? Говори, требуй!...

ЗЕФИРЕТТА, *томно.* Скажи — кто тебѣ наговорилъ это обо мнѣ? Кто далъ тебѣ эти письма?

ДЮКЪ. Но повѣрь мнѣ....

ЗЕФИРЕТТА. А! Ты не хочешь мнѣ сказать имени моего клеветника, злодѣя!... Прощай! Вотъ твой билетъ....

ДЮКЪ. Душа моя! не гнѣвайся — дай ручку! Ахъ! Какая ручка!...

ЗЕФИРЕТТА. Ну?

ДЮКЪ. За тобой подсматривалъ секретарь мой Кокинелло—онъ доставилъ мнѣ твои письма....

ЗЕФИРЕТТА. Ха, ха, ха! Посмотри, какъ дурачили васъ обоихъ—письма эти мои....

ДЮКЪ, Твои?

ЗЕФИРЕТТА. Да, я сама писала ихъ, нарочно, зная, что ты подослалъ его ко мнѣ. Моя Луиза передавала ихъ ему; она, переодѣтая въ мое платье, ѣздила съ кирасиромъ — пріѣзжай ко мнѣ послѣ спектакля — я при тебѣ одурачу графа Гюитра, прогоню долговязаго кирасира, не велю принимать Тейфельсберга.... Ты расхохочешься —раскашляешься, будешь въ восторгѣ....

ДЮКЪ. Ангелъ и фурія!

ЗЕФИРЕТТА. Одно условіе: сейчасъ прогони отъ себя Кокинелло....

ДЮКЪ. Но, мой другъ!...

ЗЕФИРЕТТА. Прогони!

ДЮКЪ. Онъ дѣловый человѣкъ!

ЗЕФИРЕТТА. Прогони!

ДЮКЪ. Необходимый человѣкъ!

ЗЕФИРЕТТА, *топая ножкой.* Прогоните-ли вы его?

ДЮКЪ. Прошу тебя!

ЗЕФИРЕТТА. Онъ клеветникъ, мерзавецъ, шпіонъ, лжецъ, дуракъ — не понялъ моей хитрости, злодѣй — не пощадилъ моей добродѣтели! Ты несогласенъ? Не хочешь?.. А! А (*падаетъ въ кресла*) Умираю — мнѣ дурно, мнѣ тяжко. . . . Ахъ!

ДЮКЪ, *встаетъ и идетъ къ ней.* Зефиретта! Другъ мой! Что съ тобой сдѣлалось?

ЗЕФИРЕТТА. Я не переживу....

ДЮКЪ, *на колѣняхъ.* Ой! ой!... Зефиретта! Опомнись! (*машетъ платкомъ*) Оживи.... Я согласенъ!

ЗЕФИРЕТТА. Согласенъ? Смотри-же сей часъ!

(*Бѣжитъ, прыгая, и звонитъ. Дюкъ хочетъ подняться и не можетъ.*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ, ЖАКЪ, *потомъ* КОКИНЕЛЛО.

ЗЕФИРЕТТА. Позови Кокинелло!

ДЮКЪ. Да, подними меня прежде!

ЗЕФИРЕТТА, *выталкиваетъ Жака.* Нѣтъ! сперва позови!.. (*Жакъ уходитъ*) А за то я дарю тебѣ записку дурака Гюитра, мой ангелъ, мой другъ!

КОКИНЕЛЛО, *входитъ, падаетъ у дверей на колѣни, ползетъ къ креслamъ и становится по другую сторону ихъ.* Пощадите!

ЗЕФИРЕТТА. Ахъ! какъ это мило! Ха, ха, ха! (*Убѣгаетъ*).

ДЮКЪ. Извольте, сударь, подать въ отставку—вы мнѣ не нужны! (*Жакъ поднимаетъ его*) Ой! Да, поддержи меня, болванъ!

КОКИНЕЛЛО. Помилуйте! Пощадите!

ДЮКЪ. Извольте подавать въ отставку, или я васъ выгоню! Веди меня—я измучился! Если тамъ кто есть, скажи, что я занятъ! (*Жакъ уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Кокинелло, *одинъ.*

кокинелло. Десять лѣтъ трудовъ, униженія, ползанья, работы, и одно слово.... (*поднимается съ горестью*) Нечего дѣлать! Видно приняться за ремесло честныхъ людей.... Нѣтъ! ужъ такой глупости не сдѣлаю! Неужели, чортъ побери, не найдется на мою долю какого-нибудь дурака.... (*Уходитъ съ досадою*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Жакъ, *входитъ.*

жакъ. Ушелъ! По-дѣломъ тебѣ, бездѣльнику—не трогай потомъ тѣхъ, кто почестнѣе, да почище тебя.... Пойдти сказать, что баринъ *занятъ дѣлами*, а вы, пожалуста, никому не говорите, что́ вы видѣли въ *полчаса за кулисами*.... На что́ выносить изъ избы соръ?

ПОЛЬСКОЙ ТЕАТРЪ.

СТАТЬЯ I.

Исторической взглядъ на театръ въ Польшѣ со времени его основанія.

Если судить по количеству произведеній, явившихся со времени основанія театра въ Польшѣ, то драматическая литература Поляковъ покажется довольно бѣдною. Причины этому надобно искать не въ недостаткѣ талантовъ или воображеніи писателей, а скорѣе въ расположеніи къ домашней, семейной жизни, которая, встарину, удерживала не только всю знать, но и все дворянство, въ деревняхъ, вдали отъ столицы, куда ихъ, по временамъ и то ненадолго, призывали общественныя нужды или личные интересы. Тѣ-же, которые жили постоянно въ столицѣ, заняты были гораздо важнѣйшимъ. Исторія Польши, тревожная и смутная, послужитъ въ этомъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Безпрерывные раздоры извнѣ и внутри, шумные сеймы, интриги Магнатовъ, самоуправство мелкопомѣстной шляхты, всѣ эти обстоятельства много препятствовали развитію драматическаго искуства, которое въ то время на Западѣ впускало твердые корни. — Просвѣщеннѣйшее дворянство искало спокойствія, а не зрѣлищъ. О народѣ и говорить нечего: онъ былъ еще слишкомъ грубъ для того, чтобы усвоить себѣ и находить удовольствіе въ зрѣлищахъ, говорившихъ не сердцу и не разсудку, а чувствамъ.

Какъ во Франціи и въ Англіи, театральныя зрѣлища въ Польшѣ начались съ духовныхъ піесъ или мистерій. Старинныя хроники XV вѣка въ первый разъ упоминаютъ о подобныхъ зрѣлищахъ, которыя составляли сценическіе діалоги. Въ 1500 году монахи доминиканскаго ордена, въ Краковѣ, представляли «Маскарадныя комедіи», въ числѣ которыхъ особенно отличалось произведеніе одного мѣщанина Антона Венивскаго, подъ заглавіемъ: «Чудесная сватьба, или чародѣй Гименей.» Въ этой комедіи было до двадцати семи дѣйствующихъ лицъ и тутъ мы находимъ слѣды первыхъ машинъ, употребленныхъ въ народныхъ зрѣлищахъ. Алфей спускается тутъ съ неба; колдунья отрываетъ ему руки и ноги и приставляетъ одни къ плечамъ, а другіе къ колѣнамъ.

Въ одномъ современномъ сочиненіи о польскомъ театрѣ, изданномъ въ Варшавѣ, два года тому назадъ, мы нашли множество любопытныхъ свѣдѣній о первобытномъ польскомъ театрѣ. Позволимъ себѣ сдѣлать небольшія извлеченія:

«Мысль объ учрежденіи театра — говоритъ авторъ — конечно не могла родиться во время набожной проповѣди въ церкви. Какой-нибудь навѣсъ изъ древесныхъ вѣтвей, въ полѣ или на кладбищѣ, могъ породить ее. Въ рукописи XVI вѣка, оставленной блаженной памяти Таньскимъ, относительно костюмовъ и обстановки діалога «о воскресеніи Христовомъ,» находимъ слѣдующія подробности:

«Поелику въ деревнѣ труднѣе достать костюмовъ, чѣмъ «въ городѣ, то ихъ можно перекроить изъ нѣмецкаго «платья, и даже, въ случаѣ крайности, и изъ женскихъ «рукавовъ — только лишь-бы все было хорошенько под«вернуто и подшито, и такимъ-образомъ будетъ и деше«во и мило. Парики могутъ быть изъ льну, или изъ ко«нопли, только при огнѣ надо быть съ ними осторожнѣе.

«Жакъ, что̀ читаетъ Евангеліе, долженъ быть въ су«танѣ и на-крестъ опоясанъ поясомъ. Риза на немъ дол«жна быть красная или бѣлая, на головѣ вѣнокъ, а въ «рукѣ пальма.»

«И придутъ къ Пилату въ комнату, а комната та бу-«детъ сдѣлана изъ палатки, или изъ полотна. А Пилатъ, «отходя ко сну, будетъ сидѣть въ одномъ нижнемъ платьѣ.»

«А когда Іисусъ является по воскресеніи, то одѣтъ «онъ будетъ въ ризѣ, съ хоругвью въ рукѣ.—А грѣшни-«ки (дѣтины), которыхъ извлекаетъ онъ изъ аду, дол-«жны быть одѣты въ бѣлыхъ рубашкахъ. Святой Ми-«хаилъ съ мечомъ, въ шишакѣ. Святой Іоаннъ въ бараньей шкурѣ, вывороченной шерстью вверхъ. Когда Іисусъ «является въ вертоградѣ дѣвамъ, то одѣтъ садовникомъ, «въ соломенной шляпѣ на головѣ, съ лопаткой въ рукахъ.»

«Извѣстно, что рубленая морковь употреблялась на «сценѣ вмѣсто дукатовъ, а рѣпа вмѣсто талеровъ. Въ «другомъ мѣстѣ, передъ другимъ діалогомъ, говорится:

«Гробъ Іисуса приготовить заранѣе; чисто театръ укра-«сить, а пѣвчіе и музыканты должны имѣть съ собою «инструменты. Осмотрѣть, чтобы каждый играющій въ «діалогѣ имѣлъ съ собою все, что слѣдуетъ: сѣкиры, ме-«чи, воинскіе доспѣхи, аптекарскія кружки, пальмы и «вѣнки.»

Въ «Рыбалтовской комедіи», перепечатанной вторично въ 1615 году, при означеніи дѣйствующихъ лицъ, видны описанія ихъ костюмовъ:

«Прологъ. Магистръ или Клехъ, въ сукманѣ.

«Канторъ. Также въ сукманѣ.

«Звонарь. Съ зазубренной палкой.

«Альбертусъ. По старо-солдатски, — въ какомъ-нибудь казакинѣ.

«Конфедератъ. Красиво, съ перьями, съ саблею (Strojno, piorno, szabelno a strojno).

«Хозяинъ. Съ цѣпами, по-крестьянски.

«Хозяйка. Также по-крестьянски, съ веретеномъ.

«Нищій. (Dziad). Съ сѣдой бородой, на костыляхъ, въ «лохмотьяхъ.

«Баба — также съ какимъ-нибудь горшкомъ на веревкѣ, вмѣсто кадила.

«Дьяволъ. Съ мѣшкомъ пеплу, въ видѣ цѣпа.»

Почти въ тоже время начали представлять при дворѣ комедіи, которыхъ сюжетъ бранъ былъ изъ греческой и римской исторій. Комедіи эти, или правильнѣе діалоги, были написаны на латинскомъ языкѣ. Латинской языкъ былъ въ то время въ общемъ употребленіи между лучшимъ обществомъ, и даже тогдашнія дамы знали его не хуже нынѣшнихъ педагоговъ. — Юшиньскій, въ изысканіяхъ своихъ о польской литературѣ, говоритъ объ одной драмѣ, которая, судя уже по названію, отличается важностію предмета и хорошимъ выборомъ. Драма эта называется. «Ulyssus prudentia in adversis.» Въ 1515 году показался на польскомъ языкѣ діалогъ, подъ названіемъ: «Усѣкновеніе главы Святаго Іоанна.» Въ 1522 году, въ Краковѣ, вышла въ свѣтъ трагедія: «Судъ Париса.»

Такая бѣдность тогдашняго польскаго театра не покажется удивительною, если вспомнимъ, что и въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы драматическое искусство было еще въ младенчествѣ и что въ 1540 году Парижане и дворъ Франциска I наслаждались зрѣлищемъ мистерій и плохихъ діалоговъ, которымъ не во многомъ уступали польскіе.

Самымъ драгоцѣннѣйшимъ документомъ стародавней польской драматической литературы можетъ служитъ драма знаменитаго поэта Яна Кохановскаго: «Отправленіе пословъ греческихъ», сочиненная въ 1554 и представленная въ 1578 году, въ Уяздовскомъ дворцѣ, подъ Варшавою, по случаю женитьбы великаго коронаго Гетмана Яна Замойскаго на племянницѣ Стефана Баторія. По живости дикціи, чистотѣ стиля, глубокому изученію греческой исторіи и замѣчательной, по тогдашнему времени, сценической формѣ — произведеніе это должно занять одно изъ почотныхъ мѣстъ въ польской литературѣ. Удивленіе къ таланту великаго поэта возрастетъ еще болѣе, если вспомнимъ, что онъ первый вводилъ на сцену и заставлялъ говорить живымъ языкомъ героевъ Греціи и Рима. Греки и Римляне Корнеля явились на французской сценѣ вѣкомъ позже.

Войны и религіозныя распри, возникшія по смерти

Баторія, привели въ упадокъ драматическую литературу. Любовь къ искусству исчезла, и вкусъ упалъ до того, что плоды генія Кохановскаго постепенно замѣнялись глупыми и нелѣпыми произведеніями, каковы, напримѣръ: «Скрежетъ зубомъ Іуды въ аду,»—«Theatrum dia-bolorum,» написанными по-латынѣ, и множествомъ другихъ. Піесы эти, не-смотря на безвкусіе въ выборѣ сюжетовъ, отличались роскошью въ постановкѣ. Траги-комедія «Мясопустъ,» представленная въ 1662 году, при Сигизмундѣ III, особенно замѣчательна по богатству костюмовъ. Въ ней являлись Бахусъ съ Сатирами, два дьявола, астрологъ, геометръ, музыкантъ, корчмарь и пилигримъ. Надобно замѣтить, что фигура Бахуса была въ модѣ и появлялась на сценѣ весьма-часто даже и въ королевствованіе Владислава IV, когда національная сцена начала улучшаться. — Весьма жаль, что не осталось никакихъ свѣдѣній о полной обстановкѣ траги-комедіи «Мясопустъ.» Изъ діалога видно, что тутъ употреблено было много аксессуаровъ,—карты, чаны, стопы, шашки, игорныя кости, колесница, на которой въѣзжалъ Бахусъ, и посохи для Сатировъ. Занавѣсъ и кулисы изъ полотна считались въ то время роскошью и ихъ можно было встрѣтить на однихъ королевскихъ театрахъ, въ Варшавѣ и въ Краковѣ. Провинціальные деревенскіе театры ограничивались самыми необходимыми украшеніями.

Роскошь и нововведенія на сценѣ переносились въ Польшу изъ-за границы странствующими скоморохами и комедіантами или возвращавшимся оттуда Поляками. — Одинъ изъ тогдашнихъ писателей, Ягодыньской, оставилъ описаніе представленія, видѣннаго имъ во Флоренціи, въ 1625 году, и въ-послѣдствіи переведеннаго съ италіянскаго и поставленнаго на польской сценѣ. — Комедія эта, подъ названіемъ: «Освобожденіе Руджіера съ острова Альцины,»—была дана Великимъ Герцогомъ во время блестящаго пріема Королевича Владислава. Описаніе этой комедіи, сдѣланное Ягодыньскимъ, и названное: «Аппаратусъ со сценами или изображеніе театральныхъ принадлежностей», чрезвычайно любопытно и мы передадимъ его нашимъ читателямъ:

«Аппаратомъ не называю я музыки, обоевъ и прочихъ украшеній, но различныя перемѣны и измѣненія театральныхъ сценъ, которыя перемѣнялись нѣсколько разъ и каждый разъ были различныя. Сначала, войдя въ палацъ, видѣли мы дорогія обои и сцену театра, а по обѣимъ сторонамъ два стройные хора музыкантовъ. Съ перваго разу сцена показалась намъ малою, но при началѣ дѣйствія всѣ заслоны исчезли и представилось огромное море, со множествомъ замковъ по берегамъ и вдали плывущими кораблями. На томъ морѣ показался Нептунъ, везомый дельфинами, и окруженный морскими Нимфами. И то была первая сцена. Въ другой сценѣ, на томъ-же морѣ, представлены были деревья, которыя качались подъ музыку и горестно вопіяли о Руджіерѣ, о храбрыхъ рыцаряхъ и дѣвицахъ, которые были заключены подъ тѣми деревьями.—Въ третьей перемѣнѣ teatrum, разгнѣванная Альцина превратила все море въ огонь и въ пламя, и все то море горѣло, а сама она, превратившись въ какой-то monstrum или чудное чудище, улетѣла.—Четвертая перемѣна театра заключалась въ томъ, что вслѣдъ за водянымъ и огненнымъ моремъ, изъ подъ горестно-вопіявшихъ деревьевъ, выскочили чудныя дѣвы съ юношами и начали дивные плясы, сначала по одиначкѣ, а потомъ по-парно. Когда они удалились, на сценѣ остались горы и голыя скалы. Пятая и послѣдняя teatri variatio состояла въ томъ, что и горы исчезли, и на мѣстѣ ихъ явились прекрасная площадь и роскошные луга, гдѣ на статныхъ, весьма-украшенныхъ коняхъ, выѣхало двадесять и четыре юношей, и начали тѣ юноши представлять конской танецъ, до-тѣхъ-поръ, пока Мелисса, центаврами везомая, выѣхавши на площадь, Epilogum не учинила.»

Владиславъ IV, во все время своего королевствованія, не-смотря на политическія событія, вовлекавшія его въ безпрерывныя войны съ сосѣдами, умѣлъ дать новое направленіе наукамъ и искусствамъ въ отечествѣ. Несмотря на усилія короля и магнатовъ и на роскошь театральныхъ представленій, драматическая отрасль литературы не представила ничего особенно-замѣчательнаго.—

Роскошь тогдашнихъ зрѣлищъ была изумительна. Современныя хроники оставили описаніе празднествъ, данныхъ городомъ Гданьскомъ (Данцигомъ) второй супругѣ Владислава, Маріи Луизѣ Гонзагъ. Въ числѣ ихъ занимаютъ первое мѣсто представленія италіянской оперы «Купидонъ и Психея» и балета «Бѣлый Орелъ.» — данныя 15-го февраля 1646 года. Въ обѣихъ піесахъ участвовало три тысячи дѣйствующихъ лицъ, и постановка ихъ стóила сто тысячь рейхсталеровъ по тогдашней цѣнѣ. — Такая роскошь тогдашняго польскаго театра изумляла современниковъ.

О балетѣ «Бѣлый Орелъ» Князь Альбрыхтъ Радзывиллъ пишетъ слѣдующее:

«Комедія та вельми Королевѣ понравилась, особливо, когда, передъ окончаніемъ, четыре чорные орла и посрединѣ ихъ бѣлый, имѣя на спинахъ своихъ по амуру, показались на сценѣ и начали летать по всѣмъ направленіямъ. Проводивши Королеву въ ея комнаты, въ 9 часовъ вечера, я спросилъ у ней по-французски, понравилась-ли ей комедія, или нѣтъ, и какъ я объ этомъ долженъ написать Егомосьци Королю? — На что́ она мнѣ отвѣчала, что во всю жизнь ничего подобнаго и достойнѣйшаго не видала, ни въ Парижѣ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ.»—Въ той-же хроникѣ Альбрыхта Радзывилла упоминается въ первый разъ о пробахъ или репетиціяхъ піесъ передъ представленіемъ. «Эта торжественная комедія—пишетъ онъ—была напередъ, по приказанію Короля, въ присутствіи Королевича Кароля (Карла) и моемъ, пробована и аппробована.»

Оригинальнѣйшимъ и забавнѣйшимъ изъ всѣхъ театральныхъ зрѣлищъ того времени, была комедія, представленная Лукою Петровскимъ, подлясскимъ шляхтицемъ и Профессоромъ Краковской Академіи. Въ балетѣ «Бѣлый орелъ» Лука Петровскій представлялъ одного изъ амуровъ, которые летали по сценѣ на орлахъ. Видно, что ремесло комедіанта не мѣшало ремеслу учонаго, и въ этомъ отношеніи почтенный Профессоръ могъ служить прекраснымъ образцомъ нашему пресловутому Тредьяковскому, который плясалъ въ присядку на потѣху

вельможъ. Разница (и очень немаленькая, въ чемъ согласится со мною каждый) состояла только въ томъ, что краковскій академикъ кривлялся pro publico dulci, а не въ угожденіе одной развратной знати.

Театральныя представленія въ Варшавѣ также отличались роскошью и великолѣпіемъ. Въ 1637 году, 20 сентября, послѣ коронаціи первой жены Владислава IV, Цециліи Ренаты, въ королевскомъ замкѣ представлена была италіанская опера (Recitativa названная). «Эта комедія о святой Цециліи»—пишетъ очевидецъ, Альбрыхтъ Радзывиллъ—«представлена была съ большою пріятностію для глазъ. Всѣхъ удивляла быстрая перемѣна декорацій, которыя превращались то въ палацъ, то въ гротъ, то въ комнату святой Цециліи, гдѣ она играетъ на органахъ,—то опять въ море, въ адъ, и наконецъ въ небо.» Постановка этой оперы стóила тогдашнихъ 15,000 злотыхъ.

Адамъ Яржембскій, придворный лекарь Владислава IV, въ запискахъ своихъ оставилъ много весьма любопытныхъ свѣдѣній о театрѣ. Балетъ введенъ былъ на сцену при Владиславѣ IV.—Для пѣнія и для танцевъ наняты были Италіянцы, которые и управляли всѣмъ театромъ. Вотъ какъ описываетъ театръ Адамъ Яржембскій.

«Teatrum въ перспективѣ представлялся колоннадою;—тамъ поднимались и опускались кулисы; другія поворачивались, при помощи винтовъ и шалнеровъ, въ разныя стороны и представляли одинъ разъ темноту и облака, другой разъ пріятный свѣтъ и надъ нимъ лазоревое небо, съ солнцемъ, луной и звѣздами. Въ одномъ мѣстѣ представлялись вамъ ужасный адъ и волнующееся море, по которому плавали корабли и сирены, которыхъ голосъ очаровывалъ слухъ; въ другомъ—люди спускались съ облаковъ или выходили изъ земли. Внезапно раскрывалось передъ вашими глазами дерево и изъ него выходила, въ богатоубранномъ платьѣ, прелестная дѣвица и начинала пѣть, какъ ангелъ. Потомъ являлись на сцену другія лица, которыя разговаривали между собою и напослѣдокъ начинали по-волошски (по-италіянски) скакать и дрягать ногами.»

Вслѣдъ за оперою о святой Цециліи, о которой мы говорили, представленъ былъ балетъ «Гладіаторы». «Salt гладіаторовъ»—пишетъ Князь Радзывиллъ—«весьма дивно и искусно устроенный, возбудилъ удивленіе всѣхъ на него взиравшихъ.»—Въ томъ-же 1637 году, 25 сентября, представленъ былъ великолѣпный жолнерскій балетъ, въ которомъ явились на сцену высеребренныя колесницы. Балетъ этотъ, стóившій 35,000 тогдашнихъ злотыхъ, понравился публикѣ менѣе оперы о святой Цециліи, хотя та обошлась казнѣ вдвое дешевлѣ.

Балеты представлялись не на одномъ придворномъ театрѣ. Въ провинціи представляли балеты ученики іезуитскихъ школъ и другихъ коллегій. Женскихъ ролей въ этихъ балетахъ не было. Такіе балеты назывались Salt,—вѣроятно по поводу тѣхъ трудныхъ прыжковъ, которые на немъ выдѣлывали танцовщики. Въ печатныхъ діалогахъ и комедіяхъ, и во множествѣ разсѣянныхъ по различнымъ рукописямъ описаніяхъ, нерѣдко говорится о различнаго роду Salt'ахъ, напримѣръ, арлекинскомъ, солдатскомъ — которые были танцованы между интермедіями. Альбрыхтъ Радзивиллъ пишетъ, что 25 сентября, около 9 часовъ вечера, были произведены, «барьеры» или «сальты солдатскіе.»—

Подобнаго роду танцы сохранились до позднѣйшихъ временъ. Такъ Ректоръ Кальвинистской Школы устроилъ балетъ въ честь Станиславу Лещчиньскому—во время посѣщенія имъ училища. Представленіе это особенно знаменито тѣмъ, что тутъ предсказывалось Лещчиньскому вступленіе его на Престолъ Польской.

Для представленія балета выбраны были Ректоромъ тринадцать самыхъ ловкихъ и искусныхъ въ танцахъ учениковъ. Они были одѣты по рыцарски и держали въ одной рукѣ мечъ, а въ другой щитъ, изъ которыхъ на каждомъ было нарисовано по литерѣ изъ алфавита. По окончаніи каждаго танца, вмѣстѣ съ послѣднею фигурою, они становились одинъ подлѣ другаго такъ, что изъ литеръ на щитахъ образовались фразы: Domus Lescinia — Omnis es lucida—Sis columna Dei и проч.

Янъ Хризостомъ Пасекъ, въ запискахъ своихъ, относящихся ко временамъ Яна Казиміра, говоритъ, что въ 1664 году существовалъ въ Варшавѣ публичный театръ. Зрители въѣзжали въ него на лошадяхъ, и не сходя съ нихъ, смотрѣли на представленіе. На этомъ театрѣ играли Французы, и піесы ставились съ большимъ великолѣпіемъ. Представляли сраженія и турниры, съ музыкой и съ фейерверкомъ. Множество пѣшихъ и конныхъ солдатъ участвовало въ такихъ представленіяхъ.

Придворный театръ Яна Казиміра устроенъ былъ въ варшавскомъ королевскомъ замкѣ. Воевода Мазовецкій Андрей Морштынъ перевелъ стихами Корнелевыхъ «Сида» и «Андромаху»—и придворные представляли эти піесы въ присутствіи короля. Такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ очищеніемъ вкуса писателей и публики, положено было прочное основаніе драматическому искусству въ Польшѣ.

Эпохи Михаила Корыбута и Яна Собѣсскаго—(1688—1696) были самыми несчастливыми для искусствъ и литературы въ Польшѣ. Московская и турецкая войны, татарскіе набѣги, осада Вѣны занимали умы всѣхъ; литература и театръ были оставлены. — При Августѣ II и Августѣ III-мъ (1699 — 1763), при дворѣ представляли французскія и италіянскія оперы. — Представленія на національномъ театрѣ давались весьма-рѣдко и то во время ярмарокъ или по какимъ-нибудь торжественнымъ днямъ.— Французскіе обычаи, незамѣтно переходившіе отъ двора къ дворянству, много препятствовали успѣхамъ народнаго театра. На немъ въ то время даже не существовало постоянной труппы актеровъ. Игралъ, кто хотѣлъ и какъ могъ. Большую часть актеровъ составляли тунеядцы и скоморохи—мелкая шляхта, у которой не было ни кола, ни двора,—люди безъ призванія и безъ капли таланта.— На сцену являлись они, какъ въ корчму; къ ролямъ не приготовлялись и даже не учили ихъ. Мудрено-ли послѣ такого порядка, что лучшее дворянство и почетные горожане гнушались подобными представленіями и предоставляли ихъ черни и жителямъ предмѣстій.—Въ то время, какъ на предмѣстьяхъ праздная толпа восхищалась какимъ-нибудь «Ратоборствомъ Давида и Голіафа» или

«умерщвленіемъ Олоферна Юдифью»—Отцы Іезуиты угощали въ городѣ дворянство своими «діалогами», которые также неменѣе забавляли публику, потому-что и тутъ актеры шли, какъ говорится, кто въ лѣсъ, кто по дрова, и удовольствіе посѣтителей возрастало по мѣрѣ смущенія неловкихъ артистовъ.—Изъ множества подобныхъ произведеній образцовымъ по вымыслу и слогу считается діалогъ, написанный въ 1701 году, подъ названіемъ:« Крестъ истязаній Іисуса Христа».

Въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія вкусъ писателей начинаетъ значительно очищаться и на польской сценѣ постепенно появляются произведенія, замѣчательныя по вымыслу, по стилю и по выполненію. Такъ, около 1746 года, даны, одна вслѣдъ за другою, трагедіи: «Іонафанъ» Станислава Яворскаго, «Титъ Японецъ» Бѣльскаго, «Микандра» Игнатія Солтыка, «Sedecias», латинскими стихами, Михаила Келпша. Въ Варшавѣ, въ кляшторѣ отцовъ—Піаровъ, представлены были піесы, переведенныя съ французскаго. Членъ этого ордена, монахъ Конарскій, провожавшій во Францію несчастнаго Короля Станислава Лешчиньскаго, по возвращеніи своемъ въ отечество, много способствовалъ образованію національнаго театра. — Трагедія его «Эпаминондъ» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ драматической польской литературы. Іезуитъ Францискъ Богомолецъ пошелъ по слѣдамъ Конарскаго и значительно улучшимъ драматическія произведенія, которыя давались въ іезуитскомъ кляшторѣ.

Въ то время театры существовали почти во всѣхъ монастыряхъ и коллегіяхъ. Особенныя залы, предназначенныя для театра, приспособлялись, по мѣрѣ возможности, къ нынѣшнимъ театральнымъ заламъ.—Театры эти соперничали одинъ предъ другимъ въ костюмахъ, декораціяхъ и кулисахъ.—Въ маленькихъ мѣстечкахъ діалоги религіознаго содержанія представлялись въ косцелахъ. Актеры, въ приличныхъ костюмахъ, выходили изъ сакристіи. Если діалогъ играли въ кляшторѣ, то актеры выходили изъ сѣней въ рефентаріи, гдѣ ихъ ожидали зрители.

Такимъ-образомъ польской театръ и все, что относилось къ сценическимъ удовольствіямъ, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства. Съ открытіемъ національнаго театра въ Варшавѣ, 9 февраля 1765 года, для драматическаго искуства настала новая эра.—Множество театровъ, открытыхъ магнатами въ своихъ роскошныхъ помѣстьяхъ, незамѣтно приготовляли писателей и актеровъ, изъ которыхъ многіе, въ послѣдствіи, снискали европейскую извѣстность. Нѣкоторые изъ этихъ частныхъ театровъ затмѣвали столичные роскошью представленій. Войцѣхъ Шафраньскій отдалъ въ 1756 году на небольшой частный театръ въ Добрковѣ свою драму, въ стихахъ. Піеса была поставлена съ большимъ великолѣпіемъ. Театръ былъ украшенъ двѣнадцатью гербами. Во время представленія игралъ большой оркестръ, стрѣляли изъ пушекъ и жгли фейерверкъ, что такъ восхитило самолюбиваго поэта, что онъ, въ предисловіи къ своей драмѣ, выразивъ свое восхищеніе отъ великолѣпія спектакля, присовокупляетъ «что уже по одному этому піеса его не можетъ считаться подлою».

Въ числѣ замѣчательныхъ частныхъ театровъ былъ Несвижской, въ Несвижѣ — резиденціи Князя Радзывилла *, основанный Княгинею Урсулою Радзывиллъ. На этомъ театрѣ разыгрывались ея собственныя произведенія. — Княгиня Урсула была замѣчательною «умницею» (the blue belle) своего времени. Она написала до 14 піесъ и еслибъ въ ней было побольше таланта, чѣмъ охоты писать, то піесы безъ сомнѣнія дошли-бы до насъ. Многочисленные нахлѣбники и придворные Радзывилла слушали ихъ по-неволѣ....

Другіе частные театры были въ мѣстечкѣ Седльцѣ, у Огинской; въ мѣстечкѣ Чайчинѣ—помѣстьѣ жены генералъ-фельдцейхмейстера Брюля; въ Дуклѣ, у Георгія Мнишка, въ Бялыстокѣ у Браницкаго. Но ни одинъ изъ этихъ театровъ не превзошелъ въ блескѣ и въ истинныхъ заслугахъ для національной сцены театра Князей Чарторыскихъ, въ Пулавахъ. Всегда открытый для талан-

* Доминикъ, Радзывиллъ. Panie Kochanku.

товъ, домъ Чарторыскихъ не щадилъ ничего для распространенія въ Польшѣ наукъ и искусствъ. Подъ его эгидой возрасли и образовались почти всѣ писатели вѣка Станислава Августа, по справедливости названнаго золотымъ вѣкомъ наукъ и искусствъ.

Въ 1780 году Оссолинскій основалъ въ Гродно, подъ управленіемъ вызваннаго имъ изъ Парижа Профессора Леду (Ledou) танцовальную школу. Король Станиславъ Августъ перевелъ ее въ Варшаву, гдѣ и содержалъ на своемъ коштѣ до 1794 года. — Этотъ кордебалле значительно увеличился, присланными королю въ подарокъ княземъ Радзывилломъ, 120 танцовщицами и танцовщиками изъ Несвижа.

Любя науки, искусства и удовольствія, Станиславъ Августъ не щадилъ для нихъ ни времени, ни денегъ. Большая половина его собственныхъ доходовъ шла на содержаніе ученыхъ и артистовъ, и если драматическія произведенія, явившіяся въ свѣтъ въ его время, и не могутъ назваться геніальными, то все-таки займутъ почотное мѣсто въ исторіи литературы. Современные писатели свергнули иго іезуитской схоластики, и руководимые безсмертными произведеніями Шекспира, Кальдерона, Корнеля, пытались въ національныхъ лѣтописяхъ открыть обильный источникъ драматическихъ дѣйствій, достойныхъ быть переданными потомству въ живой рѣчи и въ образахъ. Благородныя усилія ихъ конечно увѣнчались-бы бо́льшимъ успѣхомъ при другихъ обстоятельствахъ. Тогдашнее политическое состояніе Польши всего менѣе способствовало подобнымъ трудамъ, и надобно еще удивляться тому, что, не-смотря на войны, непрерывавшіяся цѣлую четверть столѣтія, не-смотря на бурныя политическія событія, пробуждаемыя французскою революціею, польской театръ до 1815 года существовалъ собственными средствами.

Открытіе публичнаго театра въ Варшавѣ дало возможность отличиться многимъ талантливымъ писателямъ, каковы напримѣръ: Ржевускій, Чарторыскій, Заблоцкій, Красицкій, Выбицкій и Богомолецъ.

Въ 1778 году дана была первая національная опера, композиціи Каминьскаго, подъ названіемъ: «Бѣдность не порокъ». Нѣсколько другихъ оперъ трудолюбиваго композитора остались памятниками первой національной драматической музыки. Говоря о польскихъ композиторахъ, знаменитыхъ въ свое время, нельзя не вспомнить о Лесселѣ и Янѣ Стефани. Къ-несчастію, предпочтеніе, оказываемое дворомъ и знатью итальянской музыкѣ и артистамъ, много препятствовало успѣху національной оперы.

Дирекція театра и управленіе танцовальною и пѣвческою школами поручена была королемъ Старостѣ Риксу. Чимароза и Паэзіелло были директорами королевскаго оркестра. Секундою въ этомъ оркестрѣ былъ знаменитый Віотти. Въ числѣ переводныхъ піесъ, «Смерть Цезаря» и «Мэропа» Вольтера имѣли необыкновенный успѣхъ. Въ послѣдней піесѣ игра актрисы Трусколавской была до того превосходна, что иностранцы пріѣзжали въ Варшаву для того, чтобы видѣть ее въ роли Мэропы.—Неменѣе замѣчательны переводы драмы «Беверлей», въ которой главную роль игралъ талантливый актеръ Освиньскій, «Севильскаго цырюльника» и «Свадьбы Фигаро». Несторъ современныхъ писателей, Нѣмцевичь, обогатилъ драматическую литературу трагедіею «Владиславъ III подъ Варною».

Среди этихъ успѣховъ польской сцены явился геніальный писатель, обезсмертившій свое имя въ отечественной литературѣ. То былъ Альбертъ Богуславскій. Еще кадетомъ въ военной школѣ, онъ своимъ талантомъ умѣлъ обратить на себя вниманіе Станислава Августа. Король уволилъ его изъ корпуса, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ посвятить себя исключительно драматическому искусству. Надежды Станислава оправдались въ скоромъ времени и Богуславскій сдѣлался отцомъ польской драмы. Польской театръ обязанъ ему слишкомъ пятидесятью лучшихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній. Богуславскій былъ первый, который согласовалъ польской языкъ съ италіянскою музыкою. Лучшими изъ оригинальныхъ піесъ Богуславскаго считаются: «Предполагаемое чудо или Кра-

кувяки и Горцы», «Генрихъ IV на охотѣ», «Модныя спазмы», «Искагаръ король Хуары»,—изъ переводныхъ «Саулъ» Альфіери, «Школа злословія» Шеридана, и «Тараръ» Бомарше.

Въ послѣдствіи времени театръ началъ приходить въ упадокъ. Богуславскій собралъ остатки варшавской труппы и переѣзжалъ съ нею изъ города въ городъ. Походная труппа играла въ Вильнѣ, въ Краковѣ, въ Львовѣ, въ Познани. Богуславскаго вездѣ встрѣчали съ живымъ восторгомъ: игра его труппы представляла картину недавняго прошлаго и польскій языкъ звучалъ передъ восторженною публикою на сценѣ, во всей чистотѣ его и энергіи. — Лудовикъ Огиньскій въ тоже время перевелъ превосходными стихами «Альзиру» Вольтера и «Сида» и «Горацієвъ» Корнеля.

Въ промежуткѣ между 1785 и 1807 годомъ на сценѣ появилось много новыхъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній. Въ числѣ первыхъ трагедія Фелиньскаго. «Варвара Радзывиллъ»—имѣла огромный успѣхъ.—Драмы Венжыка, Кропиньскаго, Ходкевича и г-жи Лубеньской принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ той эпохи. Успѣху ихъ на сценѣ, кромѣ внутренняго достоинства и превосходнаго слога, много содѣйствовала превосходная актриса Ледуховская. Правильная дикція, позы, движенія, вѣрность костюма, энергія, одушевленіе, все въ этой актрисѣ было превосходнымъ и образцовымъ.

Комедія и водевиль, какъ національный, такъ и переводный, поддерживались трудами Нѣмцевича, Жулковскаго, Дмушевскаго, Бродзиньскаго, Каминьскаго, Красиньскаго и другихъ талантливыхъ или трудолюбивыхъ писателей.

Въ 1810 году Фридрихъ Вильгельмъ учредилъ въ Варшавѣ музыкальную консерваторію и при ней классъ декламаціи, велѣлъ называться театру, «народнымъ» (narodowy) и назначилъ на содержаніе изъ казны 36,000 злотыхъ. Въ 1814 году званіе директора театра принялъ на себя Лудовикъ Огиньскій, знаменитый литераторъ и

Профессоръ варшавскаго Университета. Правительство возвысило ежегодное вспоможеніе для театра до 50,000 злотыхъ и приняло на свой счетъ содержаніе музыкальной консерваторіи. Въ 1820 году консерваторія и школа декламаціи поручены была управленію Эльснера и для нея выписаны профессоры изъ Италіи.—Въ то-же почти время Огиньскій востановилъ балетъ.

Съ этого времени начинается настоящее развитіе польской оперы. Успѣхами своими она обязана Юзефу Эльснеру и Карлу Курпиньскому, нынѣшнему капельмейстеру оркестра.—Оперы Эльснера: «Король Локѣтекъ» и «Ягеллонъ въ Тенчинѣ» имѣли блестящій и заслужоный успѣхъ. Талантливый и плодовитый композиторъ до-сихъ-поръ управляетъ музыкальною частію варшавскихъ театровъ. Замѣчательнѣйшія изъ его оперъ слѣдующія: «Дворецъ Люцифера, «Гедвига, Королева Польская». «Збигневъ», Кальмора», «Шарлатанъ», «Новые Краковяне и Горцы» и пр.

Кромѣ національныхъ произведеній, на варшавскомъ театрѣ разыгрывалось множество оперъ иностранныхъ композиторовъ,—Моцарта, Чимарозы, Далейрака, Николо, Вебера, Боэльдье, Керубини, Спонтини, Россини, Обера и многихъ другихъ.

Послѣдній періодъ времени отъ 1820 года до 1830 замѣчателенъ успѣхами по всѣмъ отраслямъ драматическаго искусства. Прежніе писатели, Богуславскій, Нѣмцевичь, Огиньскій, Жулковскій и Дмушевскій не переставали дѣйствовать на избранномъ ими поприщѣ и руководили многихъ молодыхъ писателей съ замѣчательными талантами. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: Ксаверій Годебскій, Дмоховскій и братья Фредро.—Произведенія Александра Фредро заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ по вымыслу, такъ и по отличной обрисовкѣ характеровъ, взятыхъ среди народа. Подобно Мольеру, Фредро превосходно изучилъ и вѣкъ, въ которомъ писалъ, и публику, и сердце человѣческое. Языкъ и характеристика, предметъ и дѣйствіе—все въ его произведеніяхъ носитъ на себѣ отпечатокъ энергіи и жизни—все чисто,

отчетливо и натурально,—безъ натяжекъ, безъ усилій, безъ лишнихъ сценическихъ эффектовъ, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать нынѣшніе драматурги. Къ этому надобно прибавить, что Фредро не слѣдовалъ правиламъ школы, а сбросилъ съ себя всѣ тяжолыя условія, которыя не даютъ свободы вымыслу и вдохновенію. До-сихъ-поръ насчитываютъ до осмнадцати произведеній, вышедшихъ изъ подъ пера Фредро. Главнѣйшія изъ нихъ: «Гельдбахъ, или богатый выскочка,» «Страсть къ чужеземному,» и «Мщеніе.»

Въ 1830 году, въ Варшавѣ было три театра: «Народный» (narodowy), о которомъ мы уже говорили, и на которомъ давались трагедіи, комедіи, драмы, оперы и водевили; «Разнообразія» (Rozmajtosci), посвященный исключительно легкой комедіи и водевилю, оригинальнымъ, передѣланнымъ или переводнымъ; наконецъ Французской театръ, на которомъ французская труппа разыгрывала комедіи и водевили. — Французской театръ стоилъ правительству ежегодно до 70,000 злотыхъ.

Нынче существуютъ въ Варшавѣ четыре театра: «Большой», «Разнообразія, лѣтній амфитеатръ въ Королевскихъ Лазенкахъ и Жидовской театръ въ европейскомъ кварталѣ.—Два первые театра съ 1832 года помѣщаются въ превосходномъ, можетъ-быть, единственномъ въ цѣлой Европѣ, театральномъ зданіи, выстроенномъ по проекту архитектора Кораччи на Маріинской площади, (Marie-ville) напротивъ городской Ратуши. — Лѣтомъ, по-праздникамъ и въ торжественные дни, даются безплатныя представленія въ Лазенковскомъ амфитеатрѣ, которому подобнаго не сыщется въ цѣлой Европѣ.— Спектакли обыкновенно сопровождаются иллюминаціею и плаваніемъ иллюминованной шлюбки по каналу, окружающему сцену.—Кому случилось хоть однажды быть на лѣтнемъ спектаклѣ, тотъ, вѣрно, никогда не забудетъ объ очарованіи, какое производитъ это рѣдкое сочетаніе огня съ водою, природы съ искусствомъ.—Амфитеатръ построенъ въ одно время съ Лазенковскимъ дворцомъ Королемъ Станиславомъ Августомъ.—Въ 1840 году, въ Ботаническомъ саду, смежномъ съ Лазенковскимъ и Бель-

ведерскимъ, отдѣланъ маленькой придворный театръ въ «Pomaranczarnie.». Для вольтижеровъ въ городѣ устроенъ постоянный циркъ.

Лучшимъ изъ всѣхъ польскихъ театровъ, послѣ варшавскихъ, считается львовскій, въ Львовѣ или Лембергѣ, столицѣ австрійской Польши. Дирекція его поручена г. Каминьскому, который замѣчателенъ, какъ писатель и и какъ актеръ.—Графъ Скарбекъ, извѣстный въ драматической литературѣ своими трудами, содержитъ на своемъ иждивеніи другой театръ, о которомъ пишутъ много хорошаго.—Репертуаръ г. Каминьскаго отзывается нѣмецкою школою, которая дурно прививается къ польскому характеру и обычаямъ.

Постоянныя труппы актеровъ имѣютъ только Львовской, Краковской и Виленской театры. Провинціальныхъ труппъ множество и онѣ безпрестанно переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, посѣщаютъ ярмарки, торги, церковные отпусты и т. п. Лучшими изъ переходныхъ труппъ въ королевствѣ польскомъ считаются Охоньскаго, Хелховскаго, Пина, и другихъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы поговоримъ подробно о современномъ состояніи варшавской сцены.

С. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ.

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

=

I.

ОСТРОВЪ ГРАБИТЕЛЯ.

Слѣдующія сцены происходятъ вечеромъ въ тотъ день, когда г-жа Серафенъ, по приказанію нотаріуса Феррана, посѣтила Марсіаловъ, *рѣчныхъ пиратовъ*, живущихъ на островѣ, близъ Аньерскаго моста.

Старикъ Марсіалъ, умершій на эшафотѣ, по примѣру отца своего, — оставилъ вдову, четырехъ сыновей и двухъ дочерей.

Второй изъ его сыновей былъ осужденъ на вѣчныя галеры.... Отъ всего этого многочисленнаго семейства оставались на островѣ *Грабителя* (послѣ скажемъ, отчего островъ получилъ такое прозваніе):

Старуха, вдова Марсіалъ.

Три сына: старшій (любовникъ Волчихи), двадцати пяти лѣтъ; второй Николай, двадцати, и младшій Франсуа, двѣнадцати лѣтъ.

Двѣ дочери: одна восемнадцати, другая—девяти лѣтъ.

Эта семья покажетъ намъ, что часто зло переходитъ по *наслѣдству*, какъ болѣзнь, если добрые люди не заботятся о дѣтяхъ преступниковъ, объ этихъ *сиротахъ по закону*.

Родоначальникъ Марсіаловъ, первый поселенецъ этого острова, былъ *грабитель*.

Грабителями называются прибрѣчные жители, имѣющіе свое особенное ремесло. Они входятъ въ рѣку, какъ можно дальше, вытаскиваютъ со дна песокъ, пропускаютъ его сквозь огромное деревянное рѣшето и такимъ-образомъ добываютъ значительное количество металлическихъ обломковъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, чугунныхъ, свинцовыхъ, оловянныхъ; всѣ эти обломки происходятъ отъ разныхъ домашнихъ орудій и утвари.

Часто «грабители» находятъ въ пескѣ золотыя и серебряныя вещи, которыя попадаютъ въ Сену изъ канавъ и стоковъ, или со снѣгомъ, который счищаютъ съ парижскихъ улицъ и бросаютъ въ рѣку.

Не знаемъ, почему эти мирные промышленики, вообще честные и трудолюбивые, прозваны такимъ страшнымъ именемъ?

Родоначальникъ Марсіаловъ былъ «грабитель», а потому и островъ его прозвали *Островомъ Грабителя*. Старикъ, не довольствуясь своимъ ремесломъ, завелъ харчевню и отдавалъ лодки свои для прогулки по Сенѣ.

Вдова Марсіала, казненнаго на эшафотѣ, продолжала тоже ремесло и содержала харчевню. Къ ней сбирались бродяги, преступники, бѣжавшіе съ галеръ, и разные шарлатаны и фокусники.

Старшій сынъ ея, Марсіалъ (любовникъ Волчихи) былъ по характеру лучше всѣхъ членовъ своего семейства; онъ тайно ловилъ рыбу и, какъ настоящій *браво*, за умѣренную плату, защищалъ слабыхъ противъ сильныхъ.

Братъ его Николай, будущій сообщникъ Барбильона въ убійствѣ Г-жи Матье, торговки брильянтами, занимался разбоемъ на Сенѣ и ея берегахъ, прикрываясь ремесломъ *грабителя*.

Меньшой братъ, Франсуа, служилъ гребцомъ, когда гуляющіе нанимали лодку. Третій братъ, Амбруазъ, былъ сосланъ на галеры за ночное воровство и покушеніе на убійство.

Старшая дочь, прозванная *Тыквой*, помогала матери стряпать и принимать гостей; меньшая, Амандина, девяти лѣтъ, тоже занималась хозяйствомъ, по-мѣрѣ силъ.

Домикъ ихъ погруженъ въ темноту; только два окна въ нижнемъ этажѣ ярко освѣщены. Свѣтъ падаетъ на пристань, у которой стоятъ лодки. Цѣпи лодокъ издаютъ печальные звуки, которые сливаются со свистомъ вѣтра и воемъ валовъ.

Вдова казненнаго Марсіала сидитъ у очага, съ двумя дочерьми и меньшимъ сыномъ.

Она высока и худощава; ей лѣтъ сорокъ-пять. Она одѣта въ черное платье; на головѣ повязанъ черный платокъ. Лобъ ея, плоскій и блѣдный, покрытъ морщинами; носъ ея длиненъ и прямъ; скулы выдались, щоки впали; лицо желтовато и изрыто оспою; углы рта, сдернутые внизъ, еще болѣе увеличиваютъ грубость ея лица, холоднаго, безстрастнаго, какъ мраморная маска. Сѣрыя брови висятъ надъ мутными голубыми глазами.

Вдова, вмѣстѣ съ дочерьми, занимается шитьемъ.

Старшая дочь, худая и высокая.... очень-похожа на мать: такое-же спокойное, грубое и злое лицо, такой-же *блѣдный взглядъ;* только цвѣтъ лица у ней еще желтѣе, за что и прозвали ее *Тыквой*.

Маленькій Франсуа чинитъ неводъ. Онъ загорѣлъ, но лицо его цвѣтетъ здоровьемъ; длинные рыжіе волосы покрываютъ голову; глаза у него живые, проницательные. Онъ непохожъ ни на мать, ни на старшую сестру.... Изъ подъ волосъ, которые покрываютъ его, онъ боязливо посматриваетъ на мать или мѣняется ласковыми взглядами съ меньшою сестрою.

Амандина сидитъ возлѣ него и спарываетъ мѣтки съ украденнаго наканунѣ бѣлья. Она очень-похожа на брата, только черты ея лица гораздо нѣжнѣе; рыженькіе волосы мягки и блестящи; глаза голубые, чистые и привѣтливые.

Когда взоры Амандины встрѣчаются со взглядами Франсуа, она показываетъ ему на дверь. Франсуа отвѣчаетъ вздохомъ, и отсчитываетъ десять узелковъ на неводѣ.

Это значитъ, на условномъ языкѣ дѣтей, что братъ ихъ Марсіалъ воротится не ранѣе десяти часовъ.

Взглянувъ на этихъ двухъ женщинъ, молчаливыхъ и злыхъ, и на двухъ дѣтей, безпокойныхъ, нѣмыхъ, боязливыхъ, тотчасъ поймешь, что тутъ два палача и двѣ жертвы.

Тыква, замѣтивъ, что Амандина остановилась въ работѣ, сказала ей грубымъ голосомъ:

— Скоро-ли ты кончишь мѣтки на этой рубашкѣ?

Дѣвочка принялась работать пристально и черезъ нѣсколько минутъ подала работу матери, сказавъ, что все кончено.

Не сказавъ ни слова, вдова бросила ей другую рубашку.

Дѣвочка не успѣла подхватить ее и рубашка упала на полъ. Старшая сестра больно ударила ее по спинѣ, рукою, грубою какъ дерево, и прибавила:

— Какая дура!

Амандина сѣла на мѣсто и принялась за работу, взглянувъ на брата, глазами, на которыхъ навернулись слезы.

Молчаніе опять воцарилось въ кухнѣ.

На дворѣ вѣтеръ все еще вылъ и колебалъ вывѣску харчевни.

Дѣти съ тайнымъ страхомъ замѣчали, что мать ихъ не говоритъ ни слова.

Хотя она всегда была молчалива, однакожъ совершенное ея молчаніе и судорожное движеніе въ губахъ показывали, что она находится въ томъ состояніи, которое дѣти называли *раскаленнымъ гнѣвомъ.*

Огонь почти погасъ, по недостатку дровъ.

— Франсуа! принеси полѣно! сказала Тыква.

Мальчикъ посмотрѣлъ за печку и отвѣчалъ:

— Здѣсь ужъ нѣтъ дровъ.

— Сходи на дровяной дворъ, отвѣчала Тыква.

Франсуа бормоталъ что-то сквозь зубы и не двигался съ мѣста.

— Что-жъ ты? Развѣ оглохъ? сказала Тыква съ досадой.

Вдова положила на колѣна салфетку, съ которой спарывала мѣтки, и посмотрѣла на сына.

Онъ сидѣлъ повѣся голову, но угадалъ, почувствовалъ, что страшный взглядъ матери лежитъ на немъ..... Боясь встрѣтить его, мальчикъ не поднималъ головы.

— Что́-же ты? Въ-самомъ-дѣлѣ оглохъ? продолжала Тыква съ гнѣвомъ. Матушка.... видишь?...

Старшая сестра была обязана обвинять дѣтей и назначать наказанія, которыми занималась сама мать.

Амандина осторожно толкнула брата, безмолвно приглашая его повиноваться Тыквѣ.

Франсуа не трогался съ мѣста.

Тыква посмотрѣла на мать, прося наказать непослушнаго: мать тотчасъ поняла ее.

Длиннымъ, сухимъ пальцомъ указала она на плотную палку, которая торчала изъ-за печки.

Тыква отбросилась назадъ, взяла орудіе казни и передала матери.

Франсуа видѣлъ жестъ матери; онъ быстро вскочилъ и однимъ прыжкомъ сталъ въ уголъ комнаты, куда нельзя было достать палкой.

— Вѣдь матушка испятнаетъ тебя! закричала Тыква.

Вдова держала въ рукахъ палку, кусала блѣдныя свои губы и смотрѣла на Франсуа неподвижными глазами, не говоря ни слова.

По легкому дрожанію рукъ Амандины, которой голова была опущена, по краскѣ, которая внезапно выступила на ея щекѣ, видно было, что дѣвочка, привыкшая къ подобнымъ сценамъ, съ трепетомъ предвидѣла участь своего брата.

Мальчикъ стоялъ въ углу, и казался испуганнымъ и раздраженнымъ.

— Берегись! Матушка встанетъ.... тогда ужъ будетъ поздно! сказала Тыква.

— Все равно! отвѣчалъ Франсуа, поблѣднѣвъ. Пусть лучше меня прибьютъ по-намеднишнему... но я не пойду на дровяной дворъ... и особенно ночью!

— А почему? спросила Тыква съ нетерпѣніемъ.

— Мнѣ тамъ страшно, отвѣчалъ мальчикъ, съ невольнымъ трепетомъ.

— Страшно дураку?... А отчего страшно?

Франсуа, не отвѣчая, покачалъ головою.

— Чего боишься? Ходилъ туда тысячу разъ.... и вчера....

— А теперь ни за что́ не пойду!

— Смотри! Матушка встаетъ!

— Пусть прибьетъ, пусть убьетъ меня, а я не пойду туда ночью.... Тамъ кто-то...

— Ну! что́-жъ тамъ?...

— Кто-то похороненъ! прошепталъ Франсуа и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Вдова казненнаго, не-смотря на свое безстрастіе, не могла удержаться и вздрогнула; и дочь ея тоже вздрогнула.... Казалось, что обѣ были поражены однимъ электрическимъ ударомъ.

— Похороненъ! какой вздоръ! сказала Тыква, пожимая плечами.

— Да, отвѣчалъ Франсуа, такъ тихо, что его едва можно было слышать.

— Лгунъ! закричала Тыква.

— Да, разбирая дрова, я видѣлъ въ углу кость мертваго человѣка.... Она выдавалась немного изъ земли.... а земля кругомъ была мокра!...

— Какой дуракъ! сказала Тыква, значительно поглядывая на вдову: это баранья кость, я сама спрятала ее....

— Нѣтъ, не баранья.... а кость человѣка.... я самъ видѣлъ.... цѣлую ногу....

— И тотчасъ все разсказалъ братцу, доброму другу своему, Марсіалу? спросила Тыква съ злою проніей.

Франсуа не отвѣчалъ.

— Мерзкой фискалъ!... закричала она.... Ты трусишь, какъ теленокъ, и готовъ предать насъ на казнь по трусости своей....

— А! ты называешь меня фискаломъ.... такъ я все разскажу брату Марсіалу.... Я еще ничего не говорилъ ему, потому-что не видалъ его.... но какъ скоро онъ придетъ....

Мальчикъ не смѣлъ кончить.... Мать встала и подошла къ нему, спокойная, но неумолимая. Въ одной рукѣ она держала палку, а другою взяла сына за руку; не взирая на его трепетъ, сопротивленіе, моленія и слезы, она потащила его вверхъ по-лѣстницѣ.

Черезъ минуту, надъ потолкомъ кухни послышался стукъ, смѣшанный съ криками и рыданіемъ.

Потомъ все замолкло.

Вдова вошла въ кухню, поставила палку на прежнее мѣсто, сѣла къ очагу и принялась за прежнюю работу, не сказавъ ни слова.

II.

РѢЧНОЙ ПИРАТЪ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, вдова сказала дочери своей:

— Сходи за дровами; сегодня вечеромъ мы *приберемъ* кости, когда воротятся Николай и Марсіалъ.

— Марсіалъ!... Такъ вы хотите сказать и ему?

— Ступай за дровами!... грубо прервала вдова.

Тыква, по привычкѣ повиноваться ея желѣзной волѣ, зажгла фонарь и вышла.

Во время предшествовавшей сцены, Амандина, тронутая несчастіемъ Франсуа, котораго нѣжно любила, не смѣла поднять глазъ, ни отереть слезъ; онѣ капали ей на руки и мѣшали ей смотрѣть. Дѣвочка обрѣзалась ножницами и кровь текла изъ раны, но бѣдняжка думала не о боли, а о наказаніи, которое ее ожидало за то, что она запачкала краденую сорочку кровью. По-счастію, вдова, предавшись глубокому размышленію, ничего не замѣтила.

Тыква воротилась съ корзиною дровъ. Мать посмотрѣла на нее, а она кивнула головою.

Это значило, что въ-самомъ-дѣлѣ *мертвая нога* не прикрыта землею.

Вдова закусила губы и принялась опять работать; только иголка въ ея рукахъ задвигалась еще быстрѣе.

— Николая все еще нѣтъ! сказала Тыква: ужъ не обманула-ли его старуха, назначивъ ему свиданіе съ знакомымъ г-на Брадаманти?... Она показалась мнѣ такою злой! Она не хотѣла сказать ни имени своего, ни гдѣ живетъ....

Вдова пожала плечами.

— Такъ вы думаете, что Николаю нечего бояться? продолжала Тыква.... Можетъ-быть, вы и правы. Николай долженъ подождать на набережной одного господина, которой подойдетъ къ нему и скажетъ вмѣсто пароля: *Брадаманти*... Если онъ такъ долго не возвращается, то, вѣрно, нашелъ что-нибудь на дорогѣ... какъ третьяго дня *стянулъ* бѣлье.... Что значитъ *стянуть*, Амандина?

— Это значитъ.... взять чужое.... отвѣчала дѣвочка, не поднимая глазъ....

— Это значитъ: воровать.... слышишь-ли? воровать!

— Точно такъ, сестрица.

— Кто умѣетъ хорошо воровать, какъ нашъ братъ Николай, тотъ всегда выигрываетъ.... Онъ укралъ бѣлье.... оно послужитъ намъ для одѣванья, хоть мы ничего на него не истратили.... Намъ стóитъ только снять мѣтки! Не такъ-ли, матушка? прибавила Тыква, захохотавъ во все горло.

Вдова не обратила вниманія на ея шутку.

— Кстати о безденежной поправкѣ нашего хозяйства.... Мы можемъ достать еще кой-чтó изъ другой лавки. Вы знаете, что какой-то старичокъ переѣхалъ на дачу доктора Гриффона.... Домъ стоитъ одинъ одинехонекъ, шагахъ во стѣ отъ рѣки.

Вдова опустила голову.

— Николай говорилъ вчера, что тутъ можно смѣло поживиться, продолжала Тыква: а сегодня я узнала навѣр-

ное, что тамъ можетъ быть славная добыча. Надобно послать въ этотъ домъ Амандину; никто не замѣтитъ ее, а она, играя, все высмотритъ и перескажетъ намъ. Слышишь-ли, что я тебѣ говорю? спросила она грубо у Амандины.

— Хорошо, сестрица, я пойду, отвѣчала дѣвочка съ трепетомъ.

— Ты всегда говоришь *хорошо*, а никогда ничего не дѣлаешь.... Помнишь, я велѣла тебѣ стянуть пять франковъ съ конторки лавочника въ Аньерѣ, пока я занимала его разговорами. Это было очень-легко; на дѣтей не имѣютъ подозрѣній.... Зачѣмъ-же ты не стянула?

— У меня не достало духу.... я не посмѣла....

— А вѣдь украла-же третьяго дня платокъ у купца....

— Вы меня принудили, сестрица.... платокъ принадлежитъ вамъ.... и платокъ все-таки не деньги....

— Не все-ли равно?

— Нѣтъ: взять платокъ, все-таки не такъ стыдно, какъ украсть деньги.

— Вѣрно Марсіалъ учитъ тебя такимъ *добродѣтельностямъ!* прервала Тыква съ злобною ироніею.... Ты все ему пересказываешь, фискалка!... Развѣ мы боимся твоего Марсіала?... Ну, маменька, Марсіалу будетъ плохо.... Онъ хочетъ командовать здѣсь.... Николай взбѣшонъ на него.... я тоже!... Онъ вооружаетъ Амандину и Франсуа противъ насъ, противъ тебя?... Можно-ли терпѣть....

— Нѣтъ, отвѣчала вдова коротко и грубо.

— Особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ его *Волчиха* попалась въ тюрьму, онъ бросается на всѣхъ насъ, какъ сумасшедшій.... Мы-ли виноваты, что его любовница сидитъ за желѣзной рѣшеткой?... Пусть она воротится сюда.... я ей услужу....

— Ты думаешь, что можно поживиться отъ старика, который переѣхалъ на дачу доктора? спросила вдова.

— Да, можно.

— Онъ похожъ на нищаго....

— Однако-жъ дворянинъ.... и у него есть золото, хоть онъ ходитъ пѣшкомъ въ Парижъ.

— Почему ты знаешь, что у него есть золото?

— Я ходила въ почтовую контору въ Аньеръ, узнать, нѣтъ-ли писемъ изъ Тулона....

При этомъ имени, которое напоминало вдовѣ о сынѣ ея, сосланномъ на галеры, она сморщила брови.

— Вмѣстѣ со мною вошелъ и старикъ, продолжала Тыква: онъ весь сѣдой, но еще крѣпокъ и рѣшителенъ.... «Нѣтъ-ли письма графу Сенъ-Реми?» спросилъ онъ.—Есть, отвѣчалъ конторщикъ.—«Оно ко мнѣ; вотъ мой паспортъ»—Старикъ вынулъ изъ кармана зеленый, шолковый кошелекъ; сквозь шелкъ просвѣчивало золото; кошелекъ его былъ съ яйцо.... по-крайней-мѣрѣ, сорокъ или пятдесятъ луидоровъ!... Мы знаемъ его имя, и заберемся къ нему въ гости, когда Амандина развѣдаетъ, есть-ли у него лакей....

Громкой лай прервалъ слова Тыквы.

— Ага! собаки залаяли, сказала она: онѣ чуютъ лодку; это, вѣрно, Николай или Марсіалъ.

При имени Марсіала, лицо Амандины выразило скрытую радость.

Нѣсколько минутъ смотрѣла она на дверь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, и, къ сожалѣнію ея, вошелъ не Марсіалъ, а Николай, будущій товарищъ Барбильона въ преступленіяхъ.

Лицо Николая было подлое и звѣрское: онъ былъ малъ ростомъ, щелушенъ; трудно понять, какъ могъ онъ заниматься такимъ опаснымъ и преступнымъ ремесломъ. Войдя въ кухню, онъ бросилъ на полъ кусокъ мѣди, который съ трудомъ дотащилъ до порога.

— Добрый вечеръ и добрая добыча, матушка! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ. Въ лодкѣ есть еще три такихъ куска, узелъ бѣлья и ящикъ съ чѣмъ-то.... я еще не открывалъ его.... Можетъ-быть, тамъ нѣтъ ничего.... меня надули!... Посмотримъ!

— А что господинъ, съ которымъ ты ходилъ на свиданіе? спросила Тыква, пока вдова безмолвно смотрѣла на сына.

Онъ, вмѣсто отвѣта, засунулъ руку въ карманъ и постучалъ пятифранковыми монетами.

— Все это ты у него отнялъ? вскричала Тыква.

— Нѣтъ, онъ самъ далъ мнѣ двѣсти франковъ, и дастъ еще восемь-сотъ, когда я.... но выберемся прежде изъ лодки, а потомъ потолкуемъ.... Марсіала нѣтъ дома?

— Нѣтъ, отвѣчала сестра.

— Тѣмъ-лучше!... Мы спрячемъ добычу.... Пусть онъ не знаетъ!

— А ты боишься его, трусъ? спросила грубо Тыква.

— Боюсь-ли я?... Да, боюсь, чтобъ онъ насъ не выдалъ.... а впрочемъ, я ничего не боюсь: ножъ мой хорошо рѣжетъ!

— Да, когда его нѣтъ дома, ты храбришься; а какъ онъ придетъ, такъ у тебя языкъ прирастетъ къ горлу.

Николай не огорчился упрекомъ сестры и сказалъ:

— Пойдемъ скорѣй на лодку.... Гдѣ-же Франсуа? Онъ помогъ-бы намъ....

— Матушка высѣкла и заперла его на верху; онъ ляжетъ спать безъ ужина, отвѣчала Тыква.

— Дѣло; но все-таки пусть поможетъ намъ таскать вещи изъ лодки: втроемъ мы скорѣе кончимъ.

Вдова указала пальцемъ на потолокъ. Тыква поняла ея волю и пошла за Франсуа.

Мрачное лицо вдовы стало веселѣе, когда Николай воротился; она любила его больше Тыквы, но меньше *Тулонскаго сына*. Она любила дѣтей своихъ по степени ихъ преступности.

Этимъ достаточно объясняется ненависть ея къ Амандинѣ и Франсуа, которые не показывали дурныхъ склонностей, и глубокое ея отвращеніе къ Марсіалу, который могъ назваться честнымъ человѣкомъ въ сравненіи съ Николаемъ, Тыквою и братомъ его, сосланнымъ въ Тулонъ на галеры.

— Гдѣ работалъ ты сегодня? спросила вдова.

— Возвращаясь съ набережной, гдѣ я видѣлся съ господиномъ, который назначалъ мнѣ свиданіе, я замѣтилъ

большую лодку у Инвалиднаго моста. На ней никого не было, гребцы сошли на берегъ.... Я туда.... беру, что попало: бѣлье, ящикъ, и четыре куска мѣди.... Ну, Тыква и Франсуа, пойдемте.... Амандина понесетъ бѣлье....

Вдова, оставшись одна, занялась приготовленіями къ ужину; поставила на столъ стаканы, бутылки и тарелки, и положила серебряные приборы.

Дѣти ея воротились, кряхтя подъ ношами.

Франсуа несъ на плечахъ два куска мѣди. Амандина исчезала подъ грудою краденаго бѣлья, которое она несла на головѣ. Николай и Тыква тащили ящикъ бѣлаго дерева, на которомъ лежалъ кусокъ мѣди.

— Разломаемъ ящикъ! закричала Тыква съ звѣрскимъ нетерпѣніемъ.

Николай вынулъ изъ-за пояса топоръ и засунулъ его подъ крышку ящика, силясь сорвать ее съ петлей.

Красноватый огонь печки освѣщалъ эту сцену грабежа; на дворѣ, вѣтеръ свисталъ еще сильнѣе.

Николай, прикрытый козлиною кожею, стоялъ на колѣняхъ передъ ящикомъ и произносилъ страшныя проклятія, потому-что толстая крыша его не подавалась.

Тыква, которой глаза блистали жадностію, уперлась колѣнками въ ящикъ, чтобы помочь дѣйствію топора.

Вдова нагнулась къ краденому ящику и смотрѣла на него съ лихорадочною жаждою добычи.

Даже и дѣти, которыхъ добрый инстинктъ часто торжествовалъ надъ проклятымъ вліяніемъ этой семейственной заразы,—даже и дѣти, забывъ свои опасенія и угрызенія совѣсти, покорились роковому любопытству.

Наконецъ крыша разлетѣлась въ дребезги.

— Ахъ! вскричало все семейство въ одинъ голосъ, съ радостію и изумленіемъ.

Всѣ, отъ матери до маленькой дочери, бросились съ дикою жадностію на разломанный ящикъ.... Въ немъ лежали разныя матеріи; онъ былъ, вѣроятно, отправленъ изъ Парижа къ какому-нибудь модному магазину въ окрестностяхъ столицы.

— Николай не далъ промаху! сказала Тыква, развертывая кусокъ кисеи.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мошенникъ, развязывая свертокъ фуляровъ: я вполнѣ вознагражденъ за труды.

— Левантинъ!... его покупаютъ, какъ хлѣбъ, сказала вдова, запустивъ въ свою очередь руку въ ящикъ.

— Пріятельница Красной-Руки, которая живетъ въ улицѣ Тампль, купитъ матеріи, а старикъ Мику возметъ у меня *краснякъ* *.

— Амандина! сказалъ Франсуа въ полголоса: какой чудесный галстучекъ выйдетъ изъ этого платка, который Николай держитъ въ рукахъ.

— Да, и для головы—прелестная повязка, отвѣчала дѣвочка съ восхищеніемъ.

— Вотъ еще и шали.... цѣлыхъ три.... настоящія буръ-де-суа, прибавила Тыква.

— Старуха Бюреттъ дастъ за все—франковъ пятьсотъ, замѣтила вдова, прилежно осмотрѣвъ покражу.

— Такъ стало-быть все это стóитъ не менѣе 1500 франковъ, отвѣчалъ Николай: но какъ говорится, покупающій у воровъ—тотъ-же воръ.... Все-равно, я возьму, что́ они мнѣ дадутъ.... Больше ничего нѣтъ, прибавилъ онъ, осмотрѣвъ дно ящика.

— Уложите все назадъ! сказала вдова.

— Я оставлю себѣ эту шаль, прервала Тыква.

— Оставлю!... Оставлю!... закричалъ Николай грубо: да, оставишь, если я позволю.... Вѣдь я ворую-то, и рискую моей кожей!... Не тебя посадили-бы въ тюрьму, еслибъ меня захватили на чужой лодкѣ....

— На твою шаль! Экая невидаль!... сказала съ досадой Тыква, и бросила шаль въ ящикъ.

— Я не о шали говорю.... что́ мнѣ одна шаль?... Вѣдь старуха Бюреттъ покупаетъ гуртомъ и за одну шаль не перемѣнитъ цѣны.... Но ты должна попросить у меня, а не просто говорить: оставлю! оставлю! На, возьми ее.... Ну, бери, или я брошу ее въ печь!

---

* Мѣдь.

Его слова успокоили Тыкву: она взяла шаль и забыла досаду.

Николай, на этотъ разъ, былъ очень великодушенъ; онъ оторвалъ зубами два фуляра отъ куска и бросилъ ихъ Амандинѣ и Франсуа, которые съ завистью поглядывали на эти платки.

— Вотъ и вамъ, шалуны! Этотъ кусокъ дастъ вамъ охоту къ воровству.... Аппетитъ приходитъ, когда ѣшь.... Ступайте спать.... мнѣ надобно поговорить съ матушкой.... вамъ принесутъ ужинъ на верхъ.

Дѣти захлопали въ ладони и съ торжествомъ размахивали краденными платками.

— Что, дурашки? сказала Тыква: будете-ли еще слушать Марсіала? Даритъ-ли онъ васъ такими славными фулярами?

Франсуа и Амандина посмотрѣли другъ на друга, и опустили голову, не отвѣчая.

— Что-жъ вы молчите? закричала Тыква: даетъ-ли вамъ Марсіалъ подарки?

— Нѣтъ.... никогда не даритъ.... отвѣчалъ Франсуа, съ радостію поглядывая на свой красный фуляръ.

Амандина прибавила едва-слышнымъ голосомъ:

— Марсіалъ не даритъ насъ.... потому-что у него ничего нѣтъ....

— А если-бъ онъ воровалъ, такъ у него было-бы.... не такъ-ли, Франсуа?

— Разумѣется, братецъ, отвѣчалъ Франсуа.... Что за платокъ! Какой у меня будетъ галстукъ для праздниковъ!

— А у меня, что за повязка! прибавила Амандина.

— Какъ будутъ вамъ завидовать дѣти каменьщика, сказала Тыква, и разсматривала лицо дѣтей, чтобъ узнать, поняли-ли они значеніе ея словъ.... Они похожи на нищихъ, а вы, съ шолковыми платками, будете точно какъ маленькіе господа.

— Именно такъ! сказалъ Франсуа.... Мнѣ еще болѣе нравится платокъ, когда я вздумаю, что дѣти каменьщика будутъ мучиться завистію.... А ты, Амандина?

— Мнѣ мой платокъ нравится и безъ этого....

— Такъ ты за то всегда и будешь дрянью! прервала Тыква съ презрѣніемъ; потомъ она дала дѣтямъ хлѣба и сыру, и сказала:

— Ступайте спать.... Вотъ фонарь.... смотрите, не забудьте погасить огонь.

— Да помните—прибавилъ Николай, что вы напляшетесь, если скажете Марсіалу хоть слово про ящикъ, мѣдь и бѣлье; да сверхъ-того я отниму у васъ фуляры.

Когда дѣти ушли, Тыква и пиратъ все спрятали въ подвалъ, подъ поломъ, около печки.

— Ну, матушка! закричалъ пиратъ, пить!... Давайте вина, съ печатью.... и водки! Я порядочно работалъ сегодня.... Подавай ужинъ, Тыква; Марсіалу достанутся кости.... Ему и этого довольно!.... Теперь поговоримъ о незнакомомъ господинѣ; надобно вести дѣло скоро, если я хочу получить обѣщанныя денежки.... Только дайте выпить.... Пить, чортъ возми! Вѣдь сегодня я угощаю!

И Николай опять постучалъ серебряными деньгами, которыя лежали у него въ карманѣ; потомъ сбросилъ съ себя козлиную кожу, чорную шерстяную фуражку и сѣлъ за столъ, передъ огромнымъ кускомъ баранины, частью холодной телятины и салатомъ.

Когда Тыква принесла вина и водки, вдова молча сѣла за столъ, между сыномъ и дочерью. Передъ нею оставались пустыя мѣста, назначенныя для Марсіала и дѣтей.

— Франсуа замѣтилъ сегодня, между дровами.... сказала Тыква.

— Что такое? спросилъ пиратъ.

— Ногу....

— А! ногу убитаго?

— Да, отвѣчала вдова, подавая сыну кусокъ баранины.

— Странно! я вырылъ глубокую яму!... видно земля опустилась....

— Сего-дня ночью надобно все бросить въ воду, замѣтила вдова.

— Это вѣрнѣе, отвѣчалъ Николай.

— И привязать ему камень на шею, подхватила Тыква.

— Чокнемся, матушка, сказалъ пиратъ: вы развеселитесь!

Вдова покачала головою, закрыла свой стаканъ и спросила отрывисто:

— Что-же незнакомый господинъ?

— Вотъ что.... отвѣчалъ Николай, продолжая ѣсть и пить.... Подъѣзжаю къ набережной, привязываю лодку.... Темно такъ, что въ четырехъ шагахъ человѣка не видно.... Прохаживаюсь съ четверть часа; слышу, за мной ходитъ кто-то и покашливаетъ; я останавливаюсь, и онъ тоже.... Лица его я не видалъ; онъ прикрывалъ носъ плащомъ, а глаза шляпой ...

Мы напомнимъ, что это таинственное лицо—нотаріусъ Жакъ Ферранъ; желая сбыть съ рукъ Пѣвицу, онъ посылалъ г-жу Серафенъ къ Марсіаламъ, въ надеждѣ, что они согласятся быть орудіями его новаго преступленія.

— *Брадаманти*! сказалъ мнѣ господинъ, какъ было условлено.—*Грабитель*! отвѣчалъ я, какъ было мнѣ приказано.

— Васъ зовутъ Марсіаломъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ.

— Сего-дня я присылалъ къ вамъ на островъ женщину; что она вамъ говорила?

— Что вы хотите потолковать со мною, отъ имени г-на Брадаманти.

— Хотите денегъ?

— Очень хочу.

— Есть у васъ лодка?

— Есть четыре; мы лодочники и грабители, по наслѣдству.

— Вотъ что надобно сдѣлать.... если вы не боитесь.!..

— Чего?

— *Людей, которые тонутъ нечаянно*.... Только надобно помочь этой нечаянности.... понимаете?

— Ага! надобно влить въ кого-нибудь всю Сену.... хорошо! Только вѣдь это деликатное кушанье, такъ приправа будетъ стóить дорого....

— Сколько?...

— По пяти-сотъ франковъ съ рыла.... не дорого!

— Хорошо; даю за пару тысячу франковъ.

— Впередъ?

— Двѣсти впередъ, а остальные послѣ....

— Такъ вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ; вы можете взять двѣсти франковъ и ничего не сдѣлать.

— А вы можете—когда я кончу дѣло и потребую остальные—сказать мнѣ: *благодарю*, и только!

— Дѣлайте, какъ знаете; хотите или нѣтъ?

— А какъ вы узнаете, напоилъ-ли я эту парочку?

— Узнаю, это мое дѣло.... Идетъ?

— Идетъ!

— Вотъ двѣсти франковъ.... Теперь слушайте: вы узнаете старуху, которая была у васъ сего-дня?

— Разумѣется.

— Завтра или послѣ завтра, она придетъ къ вашему острову, съ бѣлокурой дѣвушкой, часа въ четыре вечеромъ.... У васъ лодки плоскодонныя?

— Какъ ладонь!

— Въ одной изъ нихъ сдѣлайте дверцу, такъ, чтобъ можно было потопить лодку, какъ скоро откроется дверца. Понимаете?

— Совершенно; какой вы умникъ! У меня есть кстати старая негодная лодка.... она пригодится на этотъ случай.

— Вы отправитесь съ острова въ этой лодкѣ съ дверцами; другая, крѣпкая, поѣдетъ за вами.... Вы возмете старуху и дѣвушку, и, на половинѣ пути, наклонитесь, какъ-будто для поправки чего-нибудь, откроете дверцу, и быстро спасетесь въ другую лодку, пока старуха и дѣвушка....

— Будутъ пить изъ одной чаши.... дѣло!

— Но не помѣшаютъ-ли вамъ?... Если въ вашу харчевню придутъ гости....

— Не безпокойтесь, сударь.... Зимой, такъ поздно, къ намъ никто не ходитъ.... А если и придутъ, такъ, вѣрно, наши друзья.

— Впрочемъ, вы ничѣмъ не рискуете.... Если одна изъ нихъ уцѣпится за лодку, вы, подъ видомъ помощи, можете....

— Помочь ей оторваться!... Хорошо!

— Всего лучше, повезти ихъ, когда будетъ темно....

— Нѣтъ, нельзя будетъ видѣть, обѣ-ли онѣ потонутъ....

— Такъ пожалуй.... несчастіе случится до солнечнаго заката....

— Это лучше, сударь.... А какъ старуха-то догадается?

— Нѣтъ.... Она скажетъ вамъ на ухо: *Когда станете топить дѣвочку, дайте мнѣ знать, чтобъ я могла спастись съ вами*.... Вы отвѣчайте такъ, чтобъ успокоить ея подозрѣнія....

— Будьте увѣрены, что она проглотитъ смерть, какъ кусокъ меду....

— Если я останусь доволенъ, такъ буду еще употреблять васъ въ дѣло....

— Къ вашимъ услугамъ, сударь!

Тутъ мы разстались; я сѣлъ въ лодку и успѣлъ еще захватить другую добычу, прибавилъ пиратъ, оканчивая разсказъ свой.

Ферранъ хотѣлъ разомъ отдѣлаться отъ Пѣвицы и отъ г-жи Серафенъ. Опасаясь, что Сова разскажетъ Пѣвицѣ, что ее бросила г-жа Серафенъ, нотаріусъ имѣлъ важныя причины желать смерти Пѣвицы, которой требованія могли поразить его состояніе и репутацію смертельнымъ ударомъ.

Жертвуя г-жою Серафенъ, нотаріусъ сбывалъ съ рукъ одного изъ своихъ сообщниковъ въ преступленіяхъ; она не могла выдать его, не погубивъ себя, но все-таки

Ферранъ думалъ, что лучше повѣрять свои тайны могилѣ, чѣмъ чувству самоохраненія....

Вдова и Тыква со вниманіемъ выслушали разсказъ пирата. Онъ нерѣдко прерывалъ слова свои глотками вина. Разгорячившись отъ опьяненія, онъ началъ говорить съ особеннымъ одушевленіемъ:

— Я предпринялъ еще другое дѣльцо съ Совой и Барбильономъ. Чудное дѣльцо, преобдуманное!... Если оно отъ насъ не уйдетъ, будетъ знатная пожива!... Мы оберемъ торговку, которая часто носитъ съ собою брильянтовъ на 50,000 франковъ.

— На пятьдесятъ тысячъ! вскричали мать и дочь вмѣстѣ.

— Да! каково!... Съ нами будетъ и Красная-Рука. Вчера ужъ онъ заманилъ торговку письмомъ, которое мы съ Барбильономъ отнесли ей на квартиру, на бульваръ Сенъ-Дени. Чудный человѣкъ—Красная-Рука! Его никто не подозрѣваетъ, потому-что онъ богатъ. Чтобъ завлечь торговку, онъ продалъ ей брильянтъ въ 400 франковъ. Она придетъ вечеромъ въ его харчевню, въ Елисейскія поля. Мы будемъ тамъ, спрячемся.... Тыква постережетъ лодку мою на Сенѣ.... Если надобно будетъ везти торговку, мертвую или живую, лодка—удобный экипажъ, не оставитъ слѣдовъ.... Вотъ какъ устроено! Что́ за голова—Красная-Рука! цѣлый университетъ!

— Я всегда не довѣряю Красной-Рукѣ, сказала вдова: послѣ кражи въ улицѣ Монмартръ, твоего брата Амбруаза сослали въ Тулонъ, а Красную-Руку выпустили.

— Потому-что противъ него не было доказательствъ, онъ такъ хитеръ!... но продавать друзей—никогда!

Вдова покачала головою, не убѣждаясь въ *честности* Красной-Руки.

— Дѣло съ утопленицами мнѣ кажется лучше, сказала она: но Марсіалъ помѣшаетъ намъ, какъ и всегда....

— Самъ чортъ не избавитъ насъ отъ него! вскричалъ полупьяный пиратъ, вонзивъ ножъ свой до половины въ столъ.

— И я ужъ говорила матушкѣ, что онъ намъ надоѣлъ, прибавила Тыква: пока онъ здѣсь изъ дѣтей нельзя ничего дѣлать.

— Когда-нибудь онъ на насъ донесетъ, сказалъ Николай.... Вотъ, матушка, еслибъ ты меня послушала, такъ теперь все было-бы кончено.

— Есть другія средства.

— А это самое лучшее, сказалъ пиратъ.

— Только не теперь.... прервала вдова такъ повелительно, что Николай замолчалъ.

Вдова прибавила:

— Завтра Марсіалъ уйдетъ съ острова навсегда.

— Какъ? закричали пиратъ и Тыква.

— Онъ скоро придетъ; заведите съ нимъ ссору.... только смѣло, безъ увертокъ.... даже подеритесь, если будетъ нужно.... Онъ силенъ, да васъ двое, и я вамъ помогу.... Но не нужно ножей.... чтобъ дѣло не доходило до крови.... Прибейте его, но не раньте....

— А потомъ что? спросилъ пиратъ.

— Послѣ мы объяснимся.... Мы скажемъ, чтобы онъ оставилъ нашъ островъ завтра; иначе всякой вечеръ будетъ такая-же сцена.... Я его знаю: безпрестанная драка надоѣстъ ему. До-сихъ-поръ, ему было здѣсь слишкомъ спокойно....

— Но онъ упрямъ, какъ лошакъ; онъ пожалуй все-таки останется для дѣтей, сказала Тыква.

— Онъ подлецъ, драка не испугаетъ его, замѣтилъ пиратъ.

— Одна.... не испугаетъ.... но драка всякой день.... всякой день.... Это адъ!... Онъ уступитъ!

— А если не уступитъ?

— Такъ у меня есть вѣрное средство выгнать его сегодня или завтра, отвѣчала вдова съ странною улыбкой.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, матушка?

— Да, но лучше-бы напугать его дракой; если она не удастся, то мы примемся за другое средство.

— А если и другое не удастся?

— Есть еще одно, послѣднее, которое всегда удается, отвѣчала вдова.

Вдругъ отворилась дверь: вошелъ Марсіалъ.

На дворѣ вѣтеръ свисталъ такъ сильно, что не слыхали лая собакъ, возвѣщавшихъ о возвращеніи старшаго сына вдовы казненнаго.

III.

МАТЬ И СЫНЪ.

Не подозрѣвая дурныхъ намѣреній своего семейства, Марсіалъ медленно вошелъ въ кухню.

Нѣкоторыя слова, сказанныя Волчихою про Марсіала, во время разговора съ Пѣвицею, дали уже читателю понятіе о странной жизни этого человѣка.

Полный добрыхъ наклонностей, неспособный къ подлымъ и низкимъ поступкамъ, Марсіалъ все-таки жилъ непозволительною ловлею рыбы; его сила и смѣлость такъ пугали сторожей, что они смотрѣли на его ремесло сквозь пальцы; кромѣ-того, онъ охотно принималъ на себя защиту слабыхъ противъ сильныхъ; въ этомъ случаѣ, онъ не столько смотрѣлъ на платежъ, сколько на правоту дѣла.

Любовникъ Волчихи очень походилъ на Франсуа и Амандину. Онъ былъ средняго роста, но плотенъ и плечистъ; его рыжіе волосы были коротко подстрижены; голубые и смѣлые глаза придавали лицу его выраженіе чрезвычайной рѣшимости.

На головѣ у него была поношеная шляпа изъ клеенки; сверхъ чорныхъ панталонъ, онъ носилъ только простую блузу, не смотря на холодъ. Огромную суковатую палку свою онъ положилъ возлѣ себя.

Большая собака, чорная съ пятнами, вошла за Марсіаломъ, но остановилась у дверей. *Миро* (имя собаки) зналъ, что семейство Марсіаловъ такъ-же мало жалуетъ его, какъ и его хозяина.

— Гдѣ-жъ дѣти? спросилъ Марсіалъ, садясь за столъ.

— Тебѣ какое дѣло, отвѣчала Тыква грубо.

— Гдѣ дѣти, матушка? повторилъ Марсіалъ, вовсе не обращая вниманія на отвѣтъ сестры.

— Они спятъ, отвѣчала мать сухо.

— Развѣ они не ужинали?

— А тебѣ какое дѣло? закричалъ Николай, выпивъ огромный стаканъ вина, чтобъ придать себѣ храбрости: онъ боялся силы и характера своего брата.

Марсіалъ обратилъ столько-же вниманія на выходку пирата, сколько на грубость сестры, и сказалъ матери:

— Жаль, что дѣти ужъ спятъ!

— Тѣмъ-хуже....

— Да, я люблю, чтобъ они сидѣли возлѣ меня, когда я ужинаю.

— А намъ они надоѣдаютъ, такъ мы ихъ и выгнали, закричалъ Николай: если это тебѣ не нравится, ступай къ нимъ.

Удивленный Марсіалъ пристально посмотрѣлъ на брата.

Потомъ, подумавъ, что ссориться безполезно, пожалъ плечами, отрѣзалъ кусокъ хлѣба и взялъ кусокъ баранины.

Собака приблизилась къ Николаю. Пиратъ, взбѣшонный равнодушіемъ брата, больно ударилъ ногою его собаку, надѣясь вывести его изъ терпѣнія. Миро громко завизжалъ.

Марсіалъ покраснѣлъ,—сжалъ въ рукахъ ножъ и быстро ударилъ имъ по столу; но удержался, позвалъ собаку и уложилъ ее у своихъ ногъ.

Такая умѣренность разрушала намѣренія пирата; онъ непремѣнно хотѣлъ довести брата до драки, и сказалъ:

— Я терпѣть не могу собакъ.... и не хочу, чтобъ твоя собака была здѣсь....

Вмѣсто отвѣта, Марсіалъ налилъ себѣ стаканъ вина и медленно выпилъ.

Вдова поощряла пирата взглядами, въ надеждѣ, что драка доведетъ до совершеннаго разрыва.

Николай взялъ палку, которою вдова била маленькаго Франсуа, ударилъ ею собаку и закричалъ:

— Вонъ отсюда, Миро!... пошелъ вонъ!

Часто пиратъ вредилъ Марсіалу изъ-подъ-тишка, но никогда не смѣлъ вызывать его на бой съ такою дерзостію

Любовникъ Волчихи понялъ, что его хотятъ вывести изъ терпѣнія, для какой-то скрытой цѣли, и рѣшился удерживать гнѣвъ.

Услышавъ вой собаки, Марсіалъ всталъ, отворилъ дверь, выпустилъ собаку на дворъ и сѣлъ опять за столъ.

Такое удивительное терпѣніе, вовсе несродное вспыльчивому характеру Марсіала, изумило враговъ его.... они смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи.

Онъ, по видимому, не замѣчалъ того, что происходило около него, ѣлъ преспокойно и не говорилъ ни слова.

— Тыква, спрячь вино, сказала вдова.

Тыква хотѣла принять бутылку.

— Погоди, я еще не отужиналъ, возразилъ Марсіалъ.

— Тѣмъ-хуже! прервала вдова и унесла вино.

— А! это другое дѣло! сказалъ Марсіалъ, налилъ себѣ стаканъ воды, выпилъ, щелкнулъ языкомъ и прибавилъ:

— Что за чудесная вода!

Хладнокровіе Марсіала раздражало злую ненависть пьянаго пирата, который однакожъ не смѣлъ напасть на него открыто, боясь его силы, и сказалъ:

— Хорошо, что ты не вступился за собаку; не измѣняй этой доброй привычки.... Мы также прогонимъ пинками твою любовницу, какъ собаку....

— Да, если Волчиха вздумаетъ придти сюда изъ тюрьмы, я порядочно угощу ее плюхами, прибавила Тыква, догадавшись, къ чему клонятся слова пирата.

— Я выкупаю ее въ грязи, на концѣ острова, продолжалъ пиратъ: а если она вылезетъ оттуда, такъ я втисну туда опять ногами моими....

Оскорбленіе, нанесенное Волчихѣ, которую Марсіалъ любилъ до безумія, восторжествовало надъ его рѣшимостію. Онъ наморщилъ брови. Кровь бросилась ему въ голову; однакожъ онъ такъ владѣлъ собою, что могъ сказать Николаю голосомъ довольно-спокойнымъ:

— Берегись! Ты ищешь ссоры, а найдешь катку, какой не ожидаешь!

— Ты меня прикатаешь?

— Да, и почище намѣдняшняго!

— Какъ? Марсіалъ откаталъ тебя? спросила Тыква съ насмѣшливымъ удивленіемъ у пирата.—Слышите-ли, матушка?... Такъ не удивительно, что онъ такъ боится Марсіала!

— Да, прибилъ, потому-что напалъ сзади, измѣнически, закричалъ пиратъ.

— Ты лжешь: ты напалъ на меня изъ-за угла, я побилъ тебя и сжалился; но если ты еще осмѣлишься говорить о моей любовницѣ, такъ не будетъ пощады.... Ты долго попосишь на тѣлѣ знаки, которыми я тебя подарю.

— А если я стану говорить о Волчихѣ? сказала Тыква.

— Я дамъ тебѣ пару пинковъ для предостереженія, а если ты станешь продолжать говорить, такъ я буду продолжать предостереженія.

— А если я стану говорить, я? медленно спросила вдова....

— Вы?

— Да, я! Неужли ты прибьешь и меня?

— Нѣтъ! Если вы станете говорить про Волчиху, я буду таскать Николая.... ну, разсчитывайтесь съ нимъ, какъ знаете!

— Ты будешь таскать меня! закричалъ пиратъ, поднимая свой страшный катанскій ножъ.

— Не нужно ножа! вскричала вдова, схвативъ пирата за руку, но онъ, обезумленный виномъ и яростію, оттолкнулъ мать, вскочилъ и бросился на брата.

Марсіалъ быстро отскочилъ, схватилъ свою суковатую палку и сталъ въ оборонительное положеніе.

— Не нужно ножа, Николай! повторила вдова.

— Оставьте его! закричала Тыква, вооружаясь топоромъ.

— Я убью тебя, и твою Волчиху!... Помогайте, матушка!... Сюда, Тыква!.. Убьемъ его!... Онъ слишкомъ долго живетъ!

И пиратъ бросился съ ножомъ на брата.

Марсіалъ, мастеръ драться на палкахъ, отскочилъ назадъ; палка его, съ быстротою молніи очертила въ воздухѣ форму цифры 8, и тяжело упала на правую руку пирата. Онъ застоналъ и выронилъ ножъ.

— Злодѣй! ты перешибъ мнѣ руку.... закричалъ пиратъ, хватаясь лѣвою рукою за правую, которая висѣла безъ движенія.

— Нѣтъ, я чувствовалъ, что палка моя отскочила, отвѣчалъ Марсіалъ, отбрасывая ногою ножъ подъ шкафъ.

Потомъ онъ схватилъ пирата за горло, дотащилъ до подвала, о которомъ мы говорили, опустилъ его туда, и заперъ дверь.

Возвратившись, онъ взялъ Тыкву за плечо, втолкнулъ въ залу харчевни и тоже заперъ дверь.

— Теперь поговоримъ, сказалъ онъ матери, оставшись съ нею наединѣ.

— Поговоримъ! вскричала вдова, и ея безстрастное лицо оживилось, блѣдныя щоки разгорѣлись, мрачный огонь заблисталъ въ ея потухшихъ глазахъ; гнѣвъ и ненависть дали лицу ея страшное выраженіе.... Да, поговоримъ! Я ждала этой минуты! Ты наконецъ узнаешь, что́ у меня на душѣ.

— И я скажу вамъ, что́ у меня на сердцѣ!

— Если проживешь сто лѣтъ, такъ будешь помнить эту ночь....

— Да, буду помнить! Братъ и сестра хотѣли убить меня, а вы и не остановили ихъ!... За что́ вы сердитесь на меня?

— Съ самой смерти отца.... Ты ничего не дѣлаешь, кромѣ подлостей!

— Я?

— Да, трусъ! Ты долженъ-бы остаться съ нами, помогать намъ, а ты бѣжалъ въ Рамбулье, стрѣлять дичь....

— Еслибъ я остался здѣсь, то былъ-бы ужъ на галерахъ, какъ Амбруазъ, или близко къ нимъ, какъ Николай.... Я не хотѣлъ воровать, какъ вы.... за то вы меня и ненавидите.

— А ты что дѣлаешь?... Прежде воровалъ дичь, теперь воруешь рыбу?... Это воровство безъ опасности, воровство подлое!

— Дичь и рыба никому не принадлежатъ; гостятъ сегодня у одного, а завтра у другаго.... Они принадлежатъ тому, кто умѣетъ ловить ихъ.... Стало-быть, я не ворую....

— Ты бьешь, за плату, людей, которые слабѣе тебя.

— А они зачѣмъ бьютъ тѣхъ, которые еще слабѣе ихъ?

— Подлое ремесло!... подлое ремесло!

— Есть другія почестнѣе; но не вамъ говорить объ этомъ.

— Такъ зачѣмъ ты не занимаешься ими, твоими честными ремеслами, а живешь здѣсь бродягой, на мой счотъ....

— Я отдаю вамъ всю свою рыбу и всѣ деньги!... немного, но довольно.... я вамъ ничего не стою.... Я хотѣлъ быть слесаремъ, да не могу.... не привыкъ съ дѣтства.... Притомъ-же, лучше жить одному на водѣ или въ лѣсу, прибавилъ Марсіалъ мрачно.... тутъ никто меня не распрашиваетъ; въ другихъ мѣстахъ, мнѣ говорятъ про отца.... я долженъ отвѣчать: «казненъ на плахѣ»!. . про брата:—«на галерахъ»! про сестру:—«воровка»!

— А про мать, что ты говоришь?

— Что?

— Да, что ты говоришь?

— Я говорю.... что она умерла!

— Хорошо!... Я тебя отвергаю, подлецъ! Твой братъ на галерахъ! Твой дѣдъ и отецъ погибли на эшафотѣ, смѣясь надъ палачомъ, а ты и не думаешь мстить за нихъ!

— Мстить за нихъ?

— Да, показать себя *настоящимъ Марсіаломъ*, плюнуть на топоръ палача и его красное платье, кончить жизнь, какъ твой отецъ и мать, братъ и сестра.

Хоть Марсіалъ привыкъ къ кровавымъ выходкамъ своей матери, однакожъ не могъ не вздрогнуть. Она междутѣмъ продолжала:

— О, глупый трусъ! Ты хочешь быть честнымъ!... Ты всегда будешь жить въ презрѣніи, отверженцемъ, какъ сынъ убійцы, братъ галерника; но все это внушаетъ тебѣ не мщеніе и бѣшенство, а только страхъ.... Надобно кусать, а ты бѣжишь!... Когда они казнили отца твоего, ты насъ бросилъ.... подлецъ! А вѣдь ты зналъ, что мы не могли сойти съ острова, потому-что насъ освистывали, въ насъ бросали камнями, какъ въ бѣшеныхъ собакъ.... Намъ за это заплатятъ!... непремѣнно заплатятъ!

— Я не боюсь никого, но не могъ вынести насмѣшекъ людскихъ за то, что я сынъ и братъ галерниковъ.... Я убѣжалъ въ лѣса....

— Такъ и оставался-бы тамъ....

— Я вернулся къ вамъ.... для дѣтей.... они были въ такихъ лѣтахъ, что могли научиться дурному, изъ примѣровъ....

— А тебѣ какое дѣло?

— Я не хочу, чтобъ они были такими мошенниками, какъ Амбруазъ, Николай и Тыква.... А съ вами одними, дѣти непремѣнно-бы заразились! Я хотѣлъ учиться ремеслу въ Парижѣ, но тамъ все знаютъ: безпрестанно твердили мнѣ, что я сынъ убійцы, братъ галерника.... безпрестанно надобно было драться.... я усталъ!

— А не усталъ быть честнымъ!... Лучше-бы пришолъ къ намъ, да жилъ, какъ мы, какъ будутъ жить дѣти....

не-смотря на всѣ твои усилія!... Ты учишь ихъ, да мы тутъ.... Франсуа, при первомъ удобномъ случаѣ, нашъ....

— Я вамъ говорю, что нѣтъ!

— А увидишь, что да!... Я въ этомъ знаю толкъ.... Въ немъ есть уже порокъ, да ты мѣшаешь ему.... А Амандина, когда ей будетъ пятнадцать лѣтъ, сама найдетъ дорогу.... О! въ насъ бросали камнями; за нами гонялись, какъ за бѣшеными собаками.... такъ узнаютъ, что́ такое наше семейство.... кромѣ тебя, труса!... Ты одинъ покрываешь насъ стыдомъ!

— Очень жалѣю!

— Ты можешь испортиться съ нами.... такъ завтра-же ступай вонъ отсюда и никогда не возвращайся!

Марсіалъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать, и, подумавъ, сказалъ ей.

— За ужиномъ вы нарочно поссорились со мною, чтобъ выгнать меня....

— Да, я хотѣла показать, что́ тебя ожидаетъ, если ты останешься съ нами.... Адъ!... слышишь? цѣлый адъ!... Всякой день брань, ссора, драка; и мы не всегда будемъ одни: намъ станутъ помогать друзья.... Ты не выдержишь и недѣли....

— Вы хотите настращать меня?

— Говорю, что́ съ тобою будетъ.

— Все-равно.... я остаюсь.

— Противъ нашей воли?

— Остаюсь, не-смотря на васъ, на Тыкву, на Николая, на всѣхъ мошенниковъ его сорта.

— Ба! ты смѣешь меня!

— Останусь здѣсь, пока не найду средствъ жить съ дѣтьми въ другомъ мѣстѣ.... Одинъ, я тотчасъ пошелъ-бы въ лѣса; но, чтобъ жить съ дѣтьми, надобно время приготовиться.... Пока я останусь.

— Ты не хочешь уйти?... Такъ слушай: знаешь-ли, какимъ ремесломъ живетъ братъ твой!

— Догадываюсь, но не хочу знать!

— Знай-же, что онъ воръ....

— Тѣмъ-хуже для него....

— И для тебя!

— А мнѣ какое дѣло?

— Онъ воруетъ ночью; за это посылаютъ на галеры. Мы скрываемъ краденыя имъ вещи; если узнаютъ, насъ накажутъ какъ его, и тебя вмѣстѣ съ нами; заберутъ всю семью, а дѣтей выбросятъ на мостовую, гдѣ они научатся ремеслу отца и дѣда гораздо-лучше, чѣмъ здѣсь....

— Чѣмъ я вамъ сообщникъ? гдѣ доказательства?

— Ты бродяга, живешь съ нами; кто повѣритъ, чтобъ ты не зналъ нашего ремесла и преступленій?

— Я докажу, что не зналъ.

— Но мы сами скажемъ, что ты намъ помогалъ....

— Лгать на меня! за что?

— За то, что ты остаешься здѣсь противъ нашей воли.

— Сейчасъ вы пугали меня однимъ, теперь пугаете, другимъ.... Не боюсь и докажу, что я никогда не воровалъ.... Я остаюсь.

— Хорошо! Слушай еще: помнишь, что было здѣсь въ прошломъ году, наканунѣ Рождества?

— Что такое?... Не помню!

— Помнишь, что Красная-Рука привелъ сюда человѣка, который имѣлъ нужду спрятаться?

— Помню; я пошолъ спать, а онъ остался съ вами ужинать; потомъ, до разсвѣта Николай проводилъ его въ Сентъ-Уанъ.... Такъ вы мнѣ сказали на другой день....

— Ты былъ здѣсь, когда этого человѣка мы убили и зарыли на дровяномъ дворѣ.... Съ нимъ было много денегъ, мы его ограбили....

— Неправда! закричалъ Марсіалъ, поблѣднѣвъ отъ ужаса: онъ не хотѣлъ вѣрить этому новому преступленію.... Вы только пугаете меня!

— Спроси у своего Франсуа, что́ онъ видѣлъ сегодня?

— Что́-жъ онъ видѣлъ?

— Ногу убитаго.... Возьми фонарь и посмотри самъ...

— Нѣтъ, сказалъ Марсіалъ, отирая холодный потъ: не вѣрю.... вы говорите все это только для того....

— Чтобъ ты зналъ, что, оставаясь съ нами, ты подвергаешь себя казни за участіе въ грабежѣ и убійствѣ.... Ты былъ здѣсь въ ночь на Рождество; мы скажемъ, что ты помогалъ намъ.... Какъ можешь ты доказать, что это неправда?

— Боже правосудный! закричалъ Марсіалъ, закрывъ лицо руками.

— Теперь, авось ты уйдешь отъ насъ! сказала вдова съ насмѣшливою улыбкою.

Марсіалъ былъ пораженъ, какъ громомъ: онъ не могъ сомнѣваться въ словахъ своей матери; его бродячая жизнь, связи съ такимъ преступнымъ семействомъ, навлекали на него тяжкое подозрѣніе; оно въ глазахъ судей могло превратиться въ убѣжденіе, особенно если мать, братъ и сестра объявятъ его своимъ сообщникомъ.

Вдова наслаждалась отчаяніемъ своего сына.

— Ты можешь избавиться отъ бѣды: докажи на насъ....

— Такъ-бы слѣдовало.... но я этого не сдѣлаю, вы въ томъ увѣрены.

— Потому-то я тебѣ все сказала.... Уйдешь-ли ты?

Марсіалъ пытался тронуть эту фурію; онъ сказалъ ей голосомъ менѣе грубымъ:

— Матушка! я не думалъ, чтобъ вы рѣшились на убійство!

— Мнѣ все-равно.... Уйдешь-ли ты?

— Я уйду, но съ условіемъ....

— Безъ условій!

— Отдайте дѣтей въ ученье.... далеко отсюда.... въ провинцію....

— Они останутся здѣсь.

— Послушайте: если вы сдѣлаете ихъ похожими на Николая, на Тыкву, на Амбруаза, на отца ихъ, что́ вы этимъ выиграете?

— Они будутъ помогать намъ.... насъ немного.... Тыква остается здѣсь со мною, для харчевни.... Николай одинъ.... Когда Франсуа и Амандина выучатся, они станутъ помогать ему; въ нихъ тоже бросали камнями.... надобно и имъ отмстить за себя!

— Матушка! вы любите Тыкву и Николая?

— Такъ что́-же?

— Если дѣти станутъ подражать имъ; если преступленія откроются....

— Ну! говори!

— Они пойдутъ на эшафотъ, какъ отецъ мой.

— Ну, что́-же!

— Участь ихъ не страшитъ васъ?

— Съ ними будетъ тоже, что́ со мною, ни хуже, ни лучше.... Я ворую, и они то-же; я убійца, и они тоже.... кто захватитъ меня, тотъ возметъ и дѣтей моихъ.... Если насъ будутъ казнить, то головы наши падутъ въ одну корзину.... Изъ всего семейства, ты одинъ трусъ.... мы тебя прогоняемъ.... ступай вонъ!

— Матушка! согласитесь отдать дѣтей въ ученье!

— Долго-ли я должна говорить, что *и здѣсь они тоже въ ученьи*!

Вдова произнесла послѣднія слова съ такою рѣшимостію, что Марсіалъ совершенно потерялъ надежду смягчить эту каменную душу.

— Если такъ, сказалъ онъ, я остаюсь! Но не въ этомъ домѣ, чтобъ меня не убилъ Николай или не отравила Тыква.... Я съ дѣтьми буду жить въ хижинѣ, на концѣ острова.... Тамъ дверь крѣпка, я еще починю ее.... Тамъ, запершись, съ ружьемъ, палкой и собакой, я никого не побоюсь.... Завтра утромъ я уведу дѣтей.... я найду для нихъ мѣсто....

— А! такъ-то!

— Ни вы, ни братъ, ни Тыква, не можете помѣшать мнѣ въ этомъ.... Если откроютъ, что вы крали и убивали, пока я здѣсь жилъ, я скажу, что возвратился сюда и жилъ здѣсь, чтобъ дѣти не сдѣлались мошенниками.... насъ будутъ судить! Но да разобьетъ меня громъ, если я брошу дѣтей!... Никто не выживетъ меня съ острова!

Старуха знала рѣшимость Марсіала и поняла, что, стращая его, не принудитъ его оставить островъ. По этому она рѣшилась заманить его въ западню, и сказала съ притворною грустію:

— Вижу твое намѣреніе: ты не хочешь доносить на насъ самъ, а донесешь черезъ дѣтей....

— Какія мысли!

— Они знаютъ, что здѣсь схороненъ убитый, что Николай воровалъ.... Отправившись въ ученье, они проболтаются, и насъ посадятъ въ тюрьму.... Вотъ что будетъ, если я тебя послушаю... А ты все увѣряешь, что не желаешь намъ зла.... Я не прошу, чтобъ ты меня любилъ; но, по-крайней-мѣрѣ, не ускоряй минуту нашей погибели!...

Замѣтивъ, что вдова стала говорить ласковѣе, Марсіалъ вообразилъ, что его угрозы подѣйствовали на нее: онъ попалъ въ сѣти.

— Я знаю дѣтей, сказалъ онъ: я увѣренъ, что они ничего не скажутъ, если имъ запретятъ говорить.... Впрочемъ, я неотлучно буду при нихъ, и отвѣчаю за ихъ молчаніе.

— Можно-ли отвѣчать за дѣтскую болтовню, и особенно въ Парижѣ, гдѣ всѣ такъ любопытны, такъ разговорчивы? Я оставлю здѣсь дѣтей столько-же для того, чтобъ они помогали намъ, сколько и для того, чтобъ они не могли насъ продать.

— Развѣ они отсюда не ходятъ въ предмѣстье и въ Парижъ? Кто запретитъ имъ разсказывать, если есть что? Еслибъ они были далеко отсюда, ну, то другое дѣло!... разсказы ихъ не могли-бы причинить вреда!...

— Далеко отсюда?... А гдѣ-бы? спросила вдова, не сводя глазъ съ сына.

— Отпустите ихъ со мною, вамъ все-равно.

— Чѣмъ ты будешь жить?... кормить ихъ?...

— Мой прежній хозяинъ, слесарь, добрый человѣкъ.... Я скажу ему, что надобно; онъ разжалобится и, можетъ-быть, дастъ мнѣ денегъ въ займы.... На эти деньги, я увезу дѣтей подальше и отдамъ въ ученье.... Мы уѣдемъ черезъ два дня и вы не услышите болѣе про насъ.

— Нѣтъ; они останутся здѣсь.... это вѣрнѣе!

— Ну, такъ я отправлюсь завтра въ хижину, на конецъ острова, пока не выдумаю чего-нибудь лучше.... Я тоже упрямъ, — вы знаете?

— Знаю!.. О, какъ-бы я желала, чтобъ ты былъ далеко отсюда!... Зачѣмъ не остался ты въ лѣсахъ?...

— Извольте, я избавлю васъ отъ меня и отъ дѣтей....

— Ты рѣшишься оставить здѣсь Волчиху, которую такъ любишь?

— Это мое дѣло: я знаю, что мнѣ дѣлать....

— Если я отпущу тебя съ дѣтьми, всѣ трое вы никогда не вернетесь въ Парижъ?

— Черезъ трое сутокъ мы уѣхали-бы и вы никогда-бы насъ не видали.

— Это лучше, чѣмъ жить съ тобою и вѣчно опасаться дѣтей.... Возьми ихъ.... уѣзжайте какъ можно скорѣе! но чтобъ я никогда васъ не видала!

— Рѣшено?

— Рѣшено! Отдай ключъ отъ подвала, я выпущу Николая.

— Нѣтъ; пусть тамъ проспится. Я отдамъ ключъ завтра....

— А Тыкву выпустишь?

— Ну, она другое дѣло; отоприте дверь, когда я уйду; мнѣ гадко смотрѣть на нее.

— Ступай!... Чтобъ адъ поглотилъ тебя!

— Это ваше прощанье, матушка?

— Да!

— Къ-счастію, послѣднее! сказалъ Марсіалъ.

— Послѣднее, отвѣчала вдова.

Марсіалъ зажогъ свѣчу, отворилъ дверь на дворъ, и свиснулъ; собака его съ радостнымъ лаемъ вбѣжала въ комнату и пошла за хозяиномъ въ верхній этажъ.

— Твой счетъ конченъ! прошептала мать, показывая кулакъ сыну, шедшему по лѣстницѣ: самъ ты этого хотѣлъ!

Выпустивъ Тыкву, вдова, съ ея помощію, подобрала ключъ, отперла дверь подвала и выпустила Николая.

IV.

ФРАНСУА И АМАНДИНА.

Франсуа и Амандина спали въ комнаткѣ надъ кухнею, при входѣ въ корридоръ, гдѣ находились чуланы, служившіе *особыми комнатами* для обычныхъ посѣтителей харчевни.

Поужинавъ, они не погасили свѣчи, какъ имъ было приказано, а дожидались брата Марсіала.

Фонарь стоялъ на трехногой, хромой скамейкѣ, и разливалъ слабый свѣтъ по комнатѣ. Въ ней стояла дѣтская кроватка для Амандины, лежалъ на полу соломенный тюфякъ для Франсуа, и валялись грудой обломки стульевъ и скамеекъ, разбитыхъ буйными гостями харчевни *Грабителя*.

Амандина, сидя на постелѣ, повязывала голову краденымъ фуляромъ, подаркомъ Николая.

Франсуа, на колѣняхъ, держалъ осколокъ зеркала передъ сестрою, которая расправляла широкій бантъ, завязанный изъ концовъ фуляра.

— Что? хорошо? спросила она.

— Безподобно!... удивительный бантъ!... Ты мнѣ такъ-же повяжешь галстукъ, Амандина?

— Погоди, дай мнѣ пройтись.... Ступай передо мною.... пяться назадъ, и держи зеркало повыше.... чтобъ мнѣ можно было посмотрѣть на себя, ходя.

Франсуа удачно исполнилъ трудное порученіе, къ величайшему удовольствію Амандины, которая торжественно расхаживала, съ фуляромъ на головѣ.

Ея невинное кокетство становилось преступнымъ, потому-что имѣло предметомъ вещь краденую; Франсуа и Амандина знали про эту кражу. Дѣти съ лучшими наклонностями, скоро заражаются, если безпрерывно живутъ въ обществѣ преступниковъ. Въ обоихъ дѣтяхъ вдовы сѣмена добра были невѣрны, особенно въ Франсуа, который находился въ тѣхъ лѣтахъ, когда душа, колеблясь между добромъ и зломъ, можетъ равно легко спастись или погибнуть навсегда.

. . . . . .

— Какъ этотъ красный фуляръ идетъ къ тебѣ, Амандина! Когда мы пойдемъ на берегъ играть, повяжи его такъ, какъ теперь, чтобы взбѣсить дѣтей каменьщика. Они всегда бросаютъ въ насъ камнями и называютъ *дѣтьми плахи*..... Я тоже надѣну красный галстукъ, и мы скажемъ имъ: бранитесь, а у васъ все-таки нѣтъ такихъ шолковыхъ платковъ, какъ у насъ.

— Послушай, Франсуа.... если они узнаютъ, что наши платки краденые, они назовутъ насъ ворами.

— Они и такъ зовутъ насъ ворами....

— Когда это неправда, такъ необидно.... но если....

— Николай подарилъ ихъ намъ, такъ стало-быть мы ихъ не украли.

— Такъ, но Николай взялъ ихъ съ какой-то лодки, а Марсіалъ говоритъ, что не должно воровать.

— Да вѣдь воровалъ-то Николай, такъ не наше дѣло....

— Точно-ли такъ?

— Разумѣется.

— Однакожъ, лучше было-бы, если-бъ хозяинъ ихъ самъ подарилъ ихъ намъ....

— Мнѣ все-равно, подарилъ тотъ или другой, вещь наша.

— Такъ-ли?

— Такъ, будь спокойна.

— Хорошо; стало-быть, мы не ослушаемся Марсіала и будемъ имѣть красивые фуляры.

— О! еслибъ онъ зналъ, что Тыква принудила тебя взять платокъ у купца....

— Франсуа! не говори объ этомъ! вскричала дѣвочка съ слезами на глазахъ.... Марсіалъ можетъ разлюбить насъ.... бросить здѣсь однихъ....

— Не бойся.... развѣ я ему скажу?... Я пошутилъ.

— Не шути этимъ, Франсуа, я довольно поплакала.... Но надобно было покориться: Тыква ущипнула меня до крови и смотрѣла на меня такими глазами.... Еслибъ меня поймали, такъ посадили-бы въ тюрьму.

— Вѣдь не поймали, такъ значитъ, что ты не воровала.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Разумѣется.

— А какъ ужасно сидѣть въ тюрьмѣ!

— Совсѣмъ нѣтъ! Помнишь хромаго толстяка, который пріѣзжалъ къ намъ отъ старика Мику, и пускалъ здѣсь фейерверкъ? Онъ истратилъ 80 франковъ....

— Стало-быть онъ очень-богатъ?

— Какой богачъ! Онъ нажился въ тюрьмѣ.... и разсказывалъ, что у него есть еще семьсотъ франковъ.... Онъ сбирался все прожить и потомъ опять воровать.... а если его поймаютъ, такъ все-равно, говорилъ онъ.... пойду къ добрымъ товарищамъ въ тюрьму....

— Такъ онъ не боялся тюрьмы?

— Нѣтъ.... Онъ разсказывалъ Тыквѣ, что тамъ много добрыхъ друзей и гулякъ.... что у него никогда не бывало такой мягкой постели и такого сытнаго обѣда, какъ въ тюрьмѣ.... между-тѣмъ, какъ честные работники умираютъ съ голоду, потому-что нигдѣ не могутъ найти работы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Франсуа, хромой толстякъ это говорилъ?

— Я самъ слышалъ.... вѣдь я возилъ его кататься по Сенѣ, когда онъ все это разсказывалъ Тыквѣ и двумъ

женщинамъ, которыя говорили, что тоже самое случается въ женскихъ тюрьмахъ.... Онѣ тамъ сидѣли.

— Стало-быть, недурно воровать, когда въ тюрьмахъ такъ хорошо?

— Не знаю.... Здѣсь только одинъ Марсіалъ говоритъ, что воровать дурно; можетъ-быть, онъ ошибается....

— Все-равно, надобно ему вѣрить, Франсуа: онъ насъ такъ любитъ!

— Любитъ, это правда.... Когда онъ здѣсь мы не боимся побоевъ.... Еслибъ онъ былъ дома сегодня вечеромъ, мать не избила-бы меня до полу-смерти.... Старая дура!... Какъ она зла!... И какъ я ее ненавижу!... Я желалъ-бы быть большимъ, чтобъ возвратить ей всѣ удары, которыми она насъ угощала.... особенно за тебя, потому-что ты не такъ крѣпка, какъ я....

— Молчи, Франсуа!... Мнѣ страшно, когда ты говоришь, что хочешь прибить мать! вскричала дѣвочка, заплакавъ, обвила его руками и нѣжно поцѣловала.

— Что-жъ? Я правъ! отвѣчалъ Франсуа, осторожно высвобождаясь изъ ея объятій: — за что она и Тыква всегда нападаютъ на насъ?

— Не знаю, сказала Амандина, утирая кулакомъ слезы: можетъ-быть за то, что Амбруазъ на галерахъ, а отецъ нашъ казненъ....

— Да мы-то чѣмъ-же виноваты?... Если меня будутъ бить всякій день, я соглашусь воровать, какъ имъ угодно....

— А что скажетъ Марсіалъ?

— О! безъ него, я давно-бы согласился воровать, такъ надоѣло мнѣ быть битымъ.... Сегодня мать была ужасно зла.... А вѣдь я видѣлъ мертвую ногу.... я въ томъ увѣренъ....

— Здѣсь прежде было кладбище?

— Можетъ-быть!... но зачѣмъ-же мать сказала мнѣ, что убьетъ меня, если я хоть слово скажу Марсіалу про мертвую ногу?... Видишь-ли: вѣрно кого-нибудь убили

здѣсь во время драки, да и схоронили подъ дровами тайкомъ....

— Именно такъ!... Такое несчастіе разъ ужъ чуть-чуть не случилось, когда Барбильонъ ударилъ ножомъ высокаго господина, который показываетъ себя за деньги....

— А! *Скелета*!... Мать разняла ихъ, а то Барбильонъ, вѣрно, убилъ-бы скелета!

— Барбильонъ, такъ молодъ, а какъ золъ!

— Хромой, сынъ Красной-Руки, еще моложе, а также золъ!...

— Да, очень.... Третьяго-дня онъ меня прибилъ за то́, что я не хотѣла съ нимъ играть....

— Хорошо-же; въ первый разъ, какъ онъ сюда придетъ...

— Нѣтъ, Франсуа, онъ только шутилъ....

— Это другое дѣло.... Откуда онъ беретъ столько денегъ? Въ послѣдній разъ, какъ онъ приходилъ сюда съ Совою, у него было сорокъ франковъ.... Онъ сказалъ мнѣ, что и у насъ водились-бы деньги, еслибъ мы не были такіе дураки....

Чьи-то шаги послышались въ корридорѣ.

Марсіалъ спокойно возвращался въ свою комнату, воображая, что Николай просидитъ въ-заперти до утра.

Видя огонь въ комнатѣ дѣтей, онъ вошелъ къ нимъ.

Оба подбѣжали къ нему; онъ поцѣловалъ ихъ съ нѣжностію.

— Какъ! вы еще не спите?

— Нѣтъ, братецъ; мы ждали васъ.... хотѣли съ вами проститься, сказала Амандина.

— И мы слышали, что тамъ внизу кричатъ, бранятся, прибавилъ Франсуа.

— Да, сказалъ Марсіалъ.... я толковалъ съ Николаемъ.... Я радъ, что вы еще не легли спать.... я принесъ вамъ добрыя вѣсти....

— Что́-такое, братецъ?

— Хотите-ли уѣхать отсюда со мною.... далеко, далеко?

— Разумѣется....

— Хотимъ!

— Такъ дня черезъ три мы уѣдемъ съ острова, всѣ трое....

— Какое счастіе! вскричала Амандина.

— Куда-же? спросилъ Франсуа.

— Узнаешь послѣ, любопытный.... Куда-бъ мы ни поѣхали, ты научишься ремеслу, будешь самъ добывать себѣ хлѣбъ.... это вѣрно!

— Такъ не буду ѣздить съ тобою на ловлю?

— Нѣтъ, ты пойдешь въ ученье къ столяру или къ слесарю; ты силенъ и ловокъ, ты выучишься черезъ годъ.... Ага! ты, кажется, недоволенъ?

— Я хотѣлъ-бы....

— Ну, говори-же.

— Я хотѣлъ-бы остаться съ тобою, ловить рыбу, чинить неводъ, но не учиться.... Сидѣть цѣлый день въ мастерской—скучно, а быть ученикомъ—надоѣстъ!

Марсіалъ пожалъ плечами.

— Лучше быть лѣнивцемъ, бродягой? сказалъ Марсіалъ строго.... а потомъ воромъ?

— Нѣтъ, братецъ, но я хотѣлъ-бы жить съ тобой въ другомъ мѣстѣ, такъ, какъ мы живемъ здѣсь, вотъ и все.

— Да, пить, ѣсть, спать и заниматься рыбною ловлею по-барски?

— Вотъ чего-бы я хотѣлъ.

— Вѣрю..... Видишь-ли, Франсуа, давно пора увезти тебя отсюда, а то ты будешь такимъ-же мерзавцемъ, какъ всѣ другіе.... Старуха правду говорила: въ тебѣ есть ужъ порокъ.... А ты, Амандина, хочешь учиться?

— Все, что́ угодно, только-бы уйти отсюда, съ вами и съ Франсуа.

— Что́ у тебя на головѣ, дитя мое? спросилъ Марсіалъ, замѣтивъ великолѣпный платокъ.

— Фуляръ.... Николай подарилъ мнѣ его....

— Онъ подарилъ фуляръ и мнѣ, прибавилъ Франсуа съ гордостію.

— А гдѣ взялъ? Удивительно, если онъ купилъ ихъ для подарка вамъ!

Дѣти потупили глаза и не отвѣчали.

Черезъ минуту, Франсуа отвѣчалъ, не запинаясь:

— Мы не знаемъ, гдѣ Николай взялъ ихъ; не такъ-ли, Амандина?

— Нѣтъ.... отвѣчала она, покраснѣла и не смѣла поднять глазъ на старшаго брата.

— Не лгите, сказалъ Марсіалъ строго.

— Мы не лжемъ, прервалъ Франсуа смѣло.

— Амандина! скажи правду! прибавилъ Марсіалъ ласковымъ голосомъ.

— Если говорить правду — отвѣчала она робко — фуляры взяты изъ ящика съ матеріями.... Николай привезъ его сегодня вечеромъ, въ своей лодкѣ.

— Онъ его укралъ?

— Кажется....

— Видишь-ли, Франсуа.... ты лгалъ!...

Мальчикъ опустилъ голову и не отвѣчалъ.

— Дѣти! дайте мнѣ ваши фуляры..

Дѣвочка сняла платокъ съ головы, посмотрѣла еще разъ на огромный бантъ и подала брату.

Франсуа медленно вытащилъ платокъ изъ кармана и тоже подалъ его Марсіалу.

— Завтра я отдамъ фуляры Николаю... не слѣдовало принимать ихъ.... пользоваться краденымъ, все-равно, что воровать самому.

— Жаль, платки очень красивы! сказалъ Франсуа.

— Когда ты выучишься и будешь наживать деньги, такъ купишь такіе-же.... Ну, ложитесь спать, дѣти, пора!

— Вы не сердитесь, братецъ? спросила Амандина робко.

— Нѣтъ.... Вы невиноваты.... Вы живете съ мерзавцами и подражаете имъ, сами не зная, что дѣлаете худо.... Будете жить съ добрыми людьми, такъ станете дѣлать добро.... Прощайте!

Марсіалъ поцѣловалъ дѣтей и вышелъ.

— Что съ тобой, Франсуа? Ты печаленъ?

— Братъ отнялъ у меня платокъ; да хочетъ еще отдать меня въ ученье.

— Не уже-ли ты хочешь остаться здѣсь? вѣдь тебя бьютъ всякій день!

— Бьютъ, да я не работаю... Я весь день въ лодкѣ: ловлю рыбу, или играю, или вожу гуляющихъ, а они даютъ мнѣ денегъ.... Это веселѣе, чѣмъ быть запертымъ въ мастерской....

— Ты, вѣрно, не слыхалъ, что мы станемъ мошенниками, если еще поживемъ здѣсь?

— Мнѣ все-равно.... Вѣдь другіе дѣти и безъ того называютъ насъ воришками, дѣтьми плахи!...

Разговоръ дѣтей былъ прерванъ.....

Кто-то заперъ ихъ дверь, снаружи....

— Насъ запираютъ! вскричалъ Франсуа.

— Боже мой! Что съ нами хотятъ дѣлать?

— Это, можетъ-быть, Марсіалъ!

— Слушай!.... Какъ его собака лаетъ! сказала Амандина, прислушиваясь.

— Въ его дверь стучатъ молоткомъ; пытаются разломать ее...

— А ссбака ластъ.... Чу! вбиваютъ гвозди!... Боже мой! какъ мнѣ страшно!... Что съ нимъ дѣлаютъ!... Ахъ! собака его воетъ!

— Амандина!... Все замолкло!..... Они идутъ отъ комнаты Марсіала.... Я слышу шаги ихъ въ корридорѣ.

— Ляжемъ въ постель.... Мать убьетъ насъ, если узнаетъ, что мы не спимъ, сказала дѣвочка съ невыразимымъ ужасомъ.

— Нѣтъ.... они прошли мимо.... бѣгутъ по лѣстницѣ!

— А Марсіалова собака все воетъ.... Братецъ! онъ зоветъ насъ!

— Кто? Марсіалъ?

— Да, слушай... слушай.

Въ-самомъ-дѣлѣ, громкій голосъ Марсіала, пробившись сквозь двѣ двери, забитыя на-глухо, достигъ до комнаты дѣтей.

— Мы не можемъ выдти, насъ заперли, сказала Амандина; ему дурно, когда онъ зоветъ насъ....

— О! еслибъ я могъ помочь ему — прервалъ Франсуа рѣшительно — то помогъ-бы, хотя-бы меня изрѣзали на кусочки.

— А онъ подумаетъ, что мы не хотимъ помочь... закричи ему, что мы заперты.....

Франсуа приготовлялся исполнить совѣтъ сестры, какъ вдругъ сильный ударъ въ ставню остановилъ его.

— Они лезутъ въ окно, убивать насъ!... закричала Амандина, бросилась въ постель, и закрыла голову руками.

Франсуа не двинулся съ мѣста, хотя вполнѣ раздѣлялъ ужасъ сестры.

Однакожъ, послѣ удара, ставня не открылась, и во всемъ домѣ царствовала тишина.

Марсіалъ пересталъ звать дѣтей....

Успокоившись, Франсуа изъ любопытства открылъ окно и смотрѣлъ сквозь складную ставню.

— Будь остороженъ! сказала Амандина.... Что тамъ?

— Ничего не вижу..... темно!

— Ничего не слышно?

— Ничего... вѣтеръ воетъ слишкомъ сильно!

— Такъ запри.... закрой окно....

— А! теперь вижу.... фонарь.....

— Кто его держитъ?

— Не вижу.... говорятъ.... это Тыква....

— Что она говоритъ?

— Чтобъ хорошенько держали лѣстницу.

— А! Они ударили въ нашу ставню, когда брали отъ насъ большую лѣстницу.... Что теперь?

— Ничего не слышу и не вижу....

— Они взяли лѣстницу, чтобъ влезть къ Марсіалу въ окно...

— Можетъ-быть...

— Еслибъ ты немножко растворилъ ставню...

— Не смѣю...

— Немножко...

— Нѣтъ... нѣтъ!... если мать увидитъ....

— Теперь такъ темно!....

Франсуа послушался сестры, растворилъ ставню и посмотрѣлъ на дворъ.

— Что тамъ? спросила Амандина, подходя къ брату на цыпочкахъ.

— При свѣтѣ фонаря, я вижу..... Тыква держитъ лѣстницу у окна Марсіала....

— Еще что?

— Николай лезетъ по лѣстницѣ; у него въ рукахъ топоръ; я вижу, какъ онъ блеститъ....

— А! вы не спите! подсматриваете за нами! закричала вдова, стоявшая на дворѣ. Она замѣтила свѣтъ, пробивавшійся сквозь полу-открытую ставню.

Несчастные дѣти не подумали погасить свой фонарь.

— Я сейчасъ приду, прибавила она грознымъ голосомъ: сейчасъ приду къ вамъ, фискалишки!

Вотъ что происходило на островѣ Грабителя, наканунѣ того дня, когда г-жа Серафенъ должна была привести туда Пѣвицу.

V.

ГОСТИННИЦА.

Пассажъ Брасри, темный и малоизвѣстный, хотя находится въ центрѣ Парижа, соединяетъ улицу Траверсіеръ съ Куръ-Гильомъ.

Посреди его возвышался домъ, въ которомъ старикъ Мику (о немъ говорили у Марсіаловъ) содержалъ гостинницу и отдавалъ въ наймы комнаты съ мебелью.

Мику держалъ лавку старыхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, а въ-самомъ-дѣлѣ покупалъ и прятлъ краденые

металлы. Онъ живетъ въ тѣсной дружбѣ съ Марсіалами; это достаточно показываетъ, что онъ за человѣкъ.

Ему лѣтъ пятьдесятъ; лицо у него подлое и хитрое; щоки раскраснѣлись отъ пьянства; онъ всегда носитъ мѣховую шапку и старую зеленую щипель.

Окна лавки его закрашены краскою, чтобъ проходящіе не могли видѣть, что происходитъ въ его лавкѣ.

Онъ сидитъ въ лавкѣ. Три удара въ дверь извѣстили его, что пришолъ знакомый.

— Войди! закричалъ онъ.

Дверь растворилась и вошелъ Николай. Онъ былъ блѣденъ; лицо его еще страшнѣе, чѣмъ было вчера, однакожъ онъ принимаетъ на себя видъ чрезвычайно-веселый. (Эта сцена происходитъ на другой день послѣ ссоры его съ Марсіаломъ).

— Я пришолъ къ тебѣ за дѣломъ....

— Такъ запри дверь.... запри скорѣй!

— Я привезъ тебѣ *красняка*.... фунтовъ полтораста....

— Ну! принеси его сюда....

— Помоги мнѣ, у меня болитъ рука....

При воспоминаніи о борьбѣ съ Марсіаломъ, лицо злодѣя выразило ненависть и кровожадную радость, какъ будто мщеніе его уже удовлетворено.

Принесли куски мѣди и положили на вѣсы.

— Всѣ-ли здоровы у васъ? спросилъ старикъ Мику, вѣшая мѣдь: матушка? сестра? дѣтки?

— Всѣ здоровы.

— А братъ твой Марсіалъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Николай съ притворнымъ равнодушіемъ.... Два дня мы не видимъ его.... Онъ, можетъ-быть, въ лѣсу или потонулъ.... лодка у него была ветхая....

— Это не огорчитъ тебя; ты не могъ терпѣть брата....

— Да!... что-жъ дѣлать?... Сколько мѣди?

— У тебя вѣрный глазъ.... 148 фунтовъ.

— И ты дашь мнѣ....

— Тридцать франковъ....

— Какъ можно! Теперь фунтъ мѣди продается по франку!

— Ну! дамъ тридцать пять; или ступай къ чорту.... Докажи, что мѣдь—твоя, и я дамъ тебѣ настоящую цѣну.

— Вѣчно таже пѣсня. Всѣ вы другъ-на-друга похожи, разбойники! Можно-ли такъ грабить друзей.... По-крайней-мѣрѣ, уступи мнѣ подешевле товаръ, который я у тебя возьму....

— Что тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно четыре доски, петли и четыре полосы желѣза.... все это для дверцы.... Приготовь мнѣ все это поскорѣй; я пойду по дѣламъ, и на возвратномъ пути захвачу всѣ эти вещи.... Мнѣ надобно быть на островѣ прежде двѣнадцати часовъ....

— Будь спокоенъ, теперь только восемь часовъ.... приходи черезъ часъ, все будетъ готово.... Хочешь рюмку водки?

— Ты долженъ угостить меня....

Старикъ взялъ изъ шкафа штофъ водки, рюмку, чашку безъ ручки, и налилъ....

— За твое здоровье, Николай....

— За твое тоже!... А каково идетъ гостинница?

— Не худо.... всегда есть жильцы, за которыхъ я боюсь коммисара.... за то они и платятъ подороже.... Я отдаю квартиры такъ-же, какъ покупаю, то есть, не требую паспортовъ....

— Да вѣдь безъ паспортовъ бываютъ только воры?

— Нѣтъ, не всегда.... Третьяго-дня пришли ко мнѣ мать и дочь.... Все ихъ имѣніе помѣщалось въ одномъ узелкѣ, У нихъ нѣтъ паспортовъ, а онѣ честныя.... Къ нимъ никогда никто не ходитъ.... А еслибъ онѣ не были такъ худы и блѣдны, такъ были-бы красавицы, особенно дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати.... бѣла, какъ бѣлый кроликъ, а чорные глаза вотъ такіе!... Что за глаза!...

— Берегись! Ты загоришься!... Что-жъ онѣ дѣлаютъ?...

— Этого-то и не могу понять!... У нихъ нѣтъ паспортовъ; да и письма-то ,онѣ получаютъ безъ адресса; стало-быть, у нихъ такое имя, что написать стыдно.

— Какъ такъ?

— Онѣ посылали сего-дня племянника на почту, за письмомъ на имя госпожи X. Z.—Оно изъ Нормандіи, изъ имѣнія *Обье*.... Что это за женщины, когда называются *иксомъ* и *зедомъ*? Однако-жъ, я никогда не видалъ у нихъ ни одного мужчины....

— Онѣ, вѣрно, тебѣ не заплатятъ за квартиру?

— Меня не проведутъ, небось.... Кромѣ ихъ, у меня живутъ еще два купеческихъ прикащика, почталіонъ, директоръ оркестра въ кафе Слѣпцовъ, и одна богатая дама.... Они-то и спасутъ репутацію моей гостинницы, если коммисаръ вздумаетъ сдѣлать здѣсь обыскъ.... Выпьемъ еще рюмку....

— Послѣднюю.... пора идти.... А Робенъ, хромой толстякъ, все еще живетъ здѣсь?

— На верху, возлѣ матери и дочери.... Онъ тратитъ еще деньги, собранныя въ тюрьмѣ, и что-то замышляетъ: третьяго дня къ нему приходилъ Хромушка, сынъ Красной-Руки съ Барбильономъ.... Впрочемъ, я его выгоню.... Онъ безпокоитъ главную мою жилицу, г-жу Сентъ-Ильдефонсъ.... Она пребогатая.... Дядюшка ея г-нъ Бадино....

— Ага! она потому-то и богата, что завела дядюшку....

— Молчи! вотъ онъ идетъ!

Бадино вошолъ, а Николай поспѣшно удалился. Читатель не забылъ, что Бадино служилъ шпіономъ Грауну. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ хитрымъ и умнымъ, съ широкими бакенбардами и золотыми очками; одѣтъ очень изящно.

— Отдайте мнѣ письмо, которое я приказалъ отослать къ Виконту Сенъ-Реми, сказалъ онъ съ особенною важностію, упирая на аристократическій адрессъ.

— Извольте, отвѣчалъ Мику почтительно.

— Я хочу побранить васъ.... г-жу Сенъ-Ильдефонсъ безпокоятъ....

— Помилуйте; около нея живутъ снизу купеческій прикащикъ, съ боку директоръ музыки....

— Это люди спокойные; но на верху есть хромой толстякъ; онъ всегда пьянъ и кричитъ...

— Я выгоню его, непремѣнно выгоню....

— Хорошо; иначе племянница моя непремѣнно выѣдетъ.... Смотрите: я сдержу слово, прибавилъ Бадино съ видомъ покровителя, и вышелъ.

Нужно-ли говорить, что эта мать съ дочерью—жертвы корыстолюбія Феррана?

Пойдемъ въ ихъ печальное жилище.

VI.

ЖЕРТВЫ ОБМАНА.

Комнатка, въ которой онѣ жили, находилась въ четвертомъ этажѣ. Она освѣщена однимъ окномъ; по угламъ висятъ паутины; полъ, во многихъ мѣстахъ разбитый, не вездѣ прикрываетъ балки.

Столъ бѣлаго простаго дерева, стулъ, чемоданъ безъ замка, кровать съ соломеннымъ матрацомъ и толстою простынею—вотъ вся мебель этой *меблированной комнаты*.

На стулѣ сидитъ Баронесса Фермонъ.

На постелѣ покоится дочь ея, Клера (такъ зовутъ жертвъ нотаріуса Феррана).

Имѣя только одну постель, мать и дочь ложатся спать поперемѣнно, раздѣляя такимъ-образомъ между собою часы ночи.

Грустно, жалко смотрѣть, въ какую нищету Ферранъ ввергнулъ двухъ женщинъ, привыкшихъ къ довольству и пользовавшихся общимъ уваженіемъ въ родномъ своемъ городѣ.

Баронессѣ лѣтъ тридцать-пять; она была красавица, но теперь убита горемъ. Чорные волосы связаны сзади узломъ; грусть подмѣшала къ нимъ нѣсколько серебря-

ныхъ локоновъ. Опираясь на постель, Баронесса смотритъ на дочь съ невыразимою горестію.

Дочери только шестнадцать лѣтъ, и она тоже убита нищетою. По лицу ея видно, что въ ней таится страшная болѣзнь....

Давно ужъ Баронесса не можетъ плакать. Ежедневно силы ея слабѣютъ; но, боясь испугать Клеру и себя, она борется противъ первыхъ припадковъ болѣзни....

По той-же причинѣ, и дочь скрывала свои страданія. Обѣ несчастныя, пораженныя однимъ ударомъ, должны были подвергнуться одной болѣзни....

Въ бѣдствіи бываютъ минуты, когда будущее является въ такомъ ужасномъ видѣ, что самые сильные характеры, не смѣя взглянуть на него прямо, закрываютъ глаза и стараются обманывать себя безумными надеждами.

Таково было положеніе Баронессы Фермонъ и ея дочери!

— «Какъ ей холодно, думала несчастная мать, осторожно ощупывая холодною рукою посинѣвшія руки дочери,— а назадъ тому часъ, она вся горѣла.... Я покрыла-бы ее шалью, да боюсь снять ее съ двери.... Пьяные сосѣди придутъ по вчерашнему смотрѣть въ скважину замка или въ щели нашей старой двери....

«Какой страшный домъ!... Боже мой!

«О! гдѣ приняли-бы насъ безъ паспорта?... А могла-ли я думать, что мнѣ понадобится паспортъ, когда выѣзжала изъ Анжера въ своей собственной каретѣ, потому-что не хотѣла сидѣть съ своей дочерью въ дилижансѣ....

Потомъ она сказала съ гнѣвомъ:

— Это ужасно.... Нотаріусъ обокралъ насъ, а я ничего не могу ему сдѣлать.... у меня нѣтъ даже денегъ, чтобъ начать съ нимъ процессъ!... Нотаріусъ не знаетъ ужасныхъ послѣдствій своего воровства; онъ думаетъ, что укралъ только деньги.... а въ-самомъ-дѣлѣ, онъ подвергнулъ насъ пыткѣ.... жжетъ на медленномъ огнѣ!

«Я не смѣю высказать дочери всѣхъ моихъ опасеній, чтобъ не огорчить ее... но я страдаю, чувствую при-

ближеніе болѣзни.... грудь горитъ.... голова распадается на части!... Боже мой! Если я заболѣю.... умру!...

«Нѣтъ!.. я не хочу.... не могу умереть! Оставить Клеру, одну, въ Парижѣ, безъ всякихъ средствъ — невозможно!... Нѣтъ, я не больна; всякая на моемъ мѣстѣ чувствовала-бы жаръ въ груди, боль въ головѣ, — отъ печали, отъ безсонницы, отъ холода, отъ безпокойства.... тутъ нѣтъ ничего важнаго.

«Мнѣ нельзя заболѣть.... я должна еще найти работу для Клеры.... граверъ, который давалъ намъ раскрашивать картины, отказалъ.... потому-что я не хотѣла посылать къ нему, по вечерамъ, Клеру одну.... Это ужасно!... Трудно найти работу, когда никого не знаешь....

Сильные удары въ дверь испугали Баронессу и разбудили Клеру.

— Боже мой! Что́ такое? вскричала Клера, садясь на постель; потомъ невольно обвила руками шею матери, которая отъ страху прижалась къ дочери. Обѣ съ ужасомъ смотрѣли на дверь.

Дверь снова задрожала отъ ударовъ.

Кто-тамъ? спросила Баронесса дрожащимъ голосомъ.

— Чортъ возьми! Вы глухи! Гей! Сосѣдки! кричалъ за дверью хриплый, гнусный голосъ.

— Что́ вамъ угодно? Я васъ не знаю! отвѣчала Баронесса, старалась скрыть свой ужасъ.

— Я Робенъ!... вашъ сосѣдъ.... Дайте мнѣ огня, зажечь трубку.... Гей!... Живѣе!

— Боже мой! Это тотъ хромой толстякъ, который всегда пьянъ, сказала мать дочери.

— Давайте огня.... или я все переломаю!... Чортъ возьми!

— У насъ нѣтъ огня!

— Такъ есть зажигательныя спички!... У кого ихъ нѣтъ теперь? Отпирайте или....

— Уйдите, прошу васъ....

— Вы не хотите отпереть?...

— Сдѣлайте милость, оставьте насъ....

— Не хотите отпереть?.. разъ, два, три!... Вотъ какъ!

Пьяница ударилъ ногою такъ сильно въ дверь, что старый замокъ отлетѣлъ....

Баронесса и Клера закричали....

Мать, не-смотря на свою слабость, бросилась къ двери и остановила Робена, который переступилъ уже черезъ порогъ.

— Я закричу, сказала она рѣшительно: позову на помощь....

— Чего кричать.... Еслибъ вы отперли, такъ я не разбилъ-бы двери.... отвѣчалъ онъ, качаясь.... Я хочу войти, такъ войду, и не выйду, пока не закурю у васъ трубки....

— У насъ нѣтъ ни огня, ни спичекъ.... Умоляю васъ, уйдите!

— Не правда, вы говорите это для того, чтобъ я не видалъ дѣвочки.... А я посмотрю ее въ постели и закурю трубку.... а если не то, такъ все разобью и васъ тоже....

— Помогите! Помогите! закричала Баронесса въ отчаяніи.

Испугавшись крика, пьяница отступилъ, и показывая Баронессѣ кулакъ, сказалъ:

— Ты мнѣ за это заплатишь, погоди!... Я опять приду сегодня ночью, вытяну у тебя языкъ, такъ не будешь кричать.

Хромой толстякъ пошолъ по лѣстницѣ, ругаясь и произнося страшныя проклятія.

Баронесса притащила столъ къ двери и застановила ее.

Клера такъ испугалась, что упала безъ чувствъ на постель. Мать, забывъ свой страхъ, согрѣла ее, напоила водой и успокоила:

— Не бойся, дочь моя; онъ уже ушолъ.... потомъ она прибавила съ негодованіемъ и невыразимою горестію: о! нотаріусъ—причина всѣхъ нашихъ мученій!

VII.

ПИСЬМО.

Клера смотрѣла вокругъ себя съ удивленіемъ и страхомъ.

— Успокойся, повторила Баронесса: онъ ушолъ....

— А если опять вернется?... Ты звала на помощь, а никто не пришолъ! О! выѣдемъ отсюда.... я здѣсь умру со страху....

— Какъ ты дрожишь? У тебя лихорадка?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, желая успокоить мать: это ничего.... отъ страху.... пройдетъ!... А твои руки ужасно горятъ! Ты страдаешь, и не хочешь сказать мнѣ....

— Нѣтъ, мнѣ сегодня было лучше, но этотъ человѣкъ напугалъ меня.... Я крѣпко спала на стулѣ и проснулась въ одно время съ тобою....

— Такъ стало-быть ты не страдаешь?... Слава Богу; но выѣдемъ отсюда поскорѣе....

— А куда? Ты знаешь, какъ трудно было намъ отыскать и эту комнатку, вѣдь у насъ нѣтъ паспорта... Притомъ-же мы заплатили за двѣ недѣли впередъ; денегъ намъ не отдадутъ, а гдѣ мы возьмемъ ихъ?

— Можетъ-быть Сенъ-Реми скоро тебѣ пришлетъ отвѣтъ.

— А если самъ онъ теперь безъ денегъ? Состояніе у него небольшое; да можетъ-статься онъ и не захочетъ принять въ насъ участія....

— Такъ есть надежда на Дорбиньи.... Ты написала ему такое письмо, что онъ, вѣрно, сжалится... Сердце говоритъ мнѣ, что ты напрасно не хочешь на него надѣяться!

— Но онъ едва зналъ отца твоего.... Братъ часто разсказывалъ мнѣ про жену Дорбиньи, молодую даму.

— На нее-то вся моя надежда....

— Если они ничего намъ не сдѣлаютъ, я рѣшусь просить Герцогиню Люсне, дочь князя Нуармонъ. Старикъ

Сенъ-Реми носилъ ее на рукахъ, и всегда очень хвалилъ ея доброе сердце.... У ней много знакомыхъ; она достанетъ намъ мѣсто.... Наконецъ есть еще надежда.... Здѣсь сынъ Графа Сенъ-Реми....

— У него есть сынъ? вскричала Клера съ удивленіемъ.

— Да, есть....

— Отецъ никогда про него не говорилъ? А сынъ никогда не пріѣзжалъ въ Анжеръ?

— Да, но ты не можешь еще знать причины, по которой Графъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ не видалъ сына....

— Можно-ли не видѣть отца пятнадцать лѣтъ? сказала Клера.

— Видишь, что можно.... Сынъ Графа очень-богатъ...

— Отчего-же отецъ бѣденъ?

— Потому-что все имѣніе принадлежало матери....

— Такъ сынъ не помогаетъ отцу?

— Отецъ не хочетъ ничего принять отъ него.

— Отчего-же?

— На этотъ вопросъ я тоже не могу отвѣчать тебѣ.... но братъ хвалилъ мнѣ молодаго Виконта!... Онъ добръ и щедръ.... онъ, вѣрно, пристроитъ насъ....

— Ужасно! сказала Клера, подумавъ: если мы истратимъ всѣ деньги, которыхъ у насъ такъ немного въ чемоданѣ, мы можемъ обѣ, въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Парижъ, умереть съ голоду.... по недостатку работы и потому-что злой нотаріусъ отнялъ у тебя имѣніе....

— Молчи, бѣдное дитя мое....

— Однакожъ это возможно!

Кто-то довольно сильно постучался въ дверь.

— Боже!... это опять онъ! Закричала Баронесса въ ужасѣ и всѣми силами прижала столъ къ двери; но успокоилась, услышавъ голосъ старика Мику.

— Сударыня! Племянникъ мой воротился съ почты и принесъ письмо ваше съ X и Z.... Почтовыхъ и комиссіонныхъ денегъ—франкъ...

— Мы спасены! закричала Клера.... Это, вѣрно, отъ Сенъ-Реми или отъ Дорбиньи.... Ты перестанешь страдать и безпокоиться; маменька, ты будешь счастлива.

Надежда оживила прелестное личико дѣвушки.

— Дайте письмо, сказала Баронесса отодвигая столъ; я сейчасъ заплачу вамъ деньги.

— Не нужно.... Я иду на чердакъ; ворочусь минутъ черезъ десять и тогда возьму ихъ.

Старикъ Мику вышелъ.

— Письмо изъ Нормандіи.... Стало-быть отъ Дорбиньи, сказала Баронесса, разсматривая почтовую печать. Два раза пыталась она распечатать письмо, но у ней не доставало духу.

Нельзя описать трепета, съ какимъ распечатываютъ письмо люди, ожидающіе, подобно Баронессѣ, радости или отчаянія! Игрокъ, поставившій на карту послѣднія свои деньги, и ждущій спасенія или гибели, трепещетъ и мучится не такъ страшно!

Въ одну секунду душа переходитъ отъ блестящихъ надеждъ къ убійственному отчаянію; благодаритъ благодѣтеля или проклинаетъ холоднаго эгоиста....

Кто даетъ часто, тотъ давалъ-бы всегда, а кто никогда не даетъ, тотъ давалъ-бы часто, еслибъ могъ видѣть или знать, какія мученія или какія радости возбуждаетъ отказъ или надежда на подпору....

— Здѣсь наша судьба! сказала Баронесса, садясь на постель къ дочери и указывая на письмо.... Хочется знать, а не смѣю.... Если отказъ....

— А если обѣщаніе помощи?... Покажите мнѣ письмо; я по почерку узнаю, какія въ немъ вѣсти, хорошія или дурныя.... Смотрите: по этой простой, прямой, твердой надписи видно, что ее чертила благородная, великодушная рука, привыкшая не отгонять просящихъ....

— Не надѣйся слишкомъ, Клера; ты отнимаешь у меня послѣднюю отвагу....

— Не распечатывая письма, я скажу тебѣ, что въ немъ.... Слушай, маменька: Вы и дочь ваша такъ достойны участія, что я прошу васъ немедленно пріѣхать ко мнѣ, если вамъ угодно принять на себя надзоръ за моимъ домомъ.... Дайте мнѣ письмо, я прочту его.

— Пожалуй.... Нѣтъ, нѣтъ, я прочту сама.

Баронесса распечатала письмо, съ сильнымъ волненіемъ.

— Читай, маменька, громче.

— Письмо коротенькое; отъ Графини Дорбиньи, сказала мать, посмотрѣвъ на подпись.

— Тѣмъ-лучше, добрый знакъ.... Видишь-ли, маменька, добрая графиня отвѣчаетъ тебѣ сама....

Баронесса начала читать дрожащимъ голосомъ:

«Графъ Дорбиньи, по-болѣзни, не могъ отвѣчать вамъ въ мое отсутствіе....

— Видишь-ли, маменька, онъ невиноватъ.

— Слушай, слушай!

«Пріѣхавъ сегодня утромъ изъ Парижа, я спѣшу отвѣчать вамъ, переговоривъ съ моимъ мужемъ. Онъ вовсе не помнитъ, какія сношенія имѣлъ съ вашимъ братомъ. Имя вашего мужа извѣстно Графу, но онъ не знаетъ, гдѣ онъ слыхалъ его. Обманъ, въ которомъ вы такъ легкомысленно обвиняете нашего нотаріуса, господина Феррана, кажется Графу недостойною клеветою. Мужъ мой и я знаемъ честность почтеннаго человѣка, на котораго вы такъ неосторожно нападаете. Это значитъ, что мы не можемъ помочь вамъ, хотя сожалѣемъ о вашемъ несчастіи.

Графиня Дорбиньи».

Мать и дочь посмотрѣли другъ на друга съ безмолвнымъ отчаяніемъ, не имѣя силы произнести слова.

Старикъ Мику постучался въ дверь и сказалъ:

— Можно-ли войти за деньгами?... Всего франкъ....

— Да, такая пріятная новость стóитъ, чтобъ заплатить за нее столько денегъ, сколько намъ нужно на расходы, на два дня, сказала Баронесса съ горькою улыбкою и пошла за деньгами въ старый чемоданъ.

— Насъ обокрали!... закричала она въ ужасѣ.... Ничего, ничего нѣтъ!

Пораженная какъ громомъ, она упала на чемоданъ.

— Какъ? Мѣшокъ съ деньгами?

Баронесса быстро встала и вышла къ старику на лѣстницу.

— Въ моемъ чемоданѣ былъ мѣшокъ съ деньгами, сказала она ему, дрожа отъ негодованія и страха: его украли вѣрно третьяго-дня, когда я выходила съ дочерью со двора.... Найдите деньги: вы за нихъ отвѣчаете!

— Украли! Не можетъ быть! У меня честный домъ, отвѣчалъ онъ грубо и дерзко: вы это говорите съ намѣреніемъ не заплатить мнѣ за письмо.

— Кромѣ этихъ денегъ у меня нѣтъ ничего; найдите ихъ или я буду жаловаться.... О! я ничего не скрою.... буду неумолима!

— Ступайте жаловаться! Да у васъ и паспорта нѣтъ.... ну, ступайте, бѣгите.... Посмотримъ!

Баронесса не могла выдти и оставить дочь на жертву хромому толстяку; не смѣла идти жаловаться послѣ угрозъ старика Мику.

— Это обманъ; у васъ не было ни серебрянаго, ни золотаго мѣшка; вы только не хотите заплатить мнѣ за письмо.... Хорошо; когда вы пойдете со двора, я сорву у васъ съ плечъ шаль.... она очень стара, а все-таки стóитъ хоть франкъ....

— Боже мой! вскричала Баронесса заливаясь слезами.... Сжальтесь надъ нами; у насъ ничего нѣтъ, кромѣ этихъ денегъ.... намъ осталось только.... умереть съ голоду!

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Если васъ обокрали, такъ деньги давно ужъ истрачены.... Вѣдь воръ не отмѣтилъ ихъ крестиками, такъ какъ-же найдешь.... Что съ вами? вы блѣднѣете?

Старикъ подхватилъ Баронессу, которая лишилась чувствъ, и внесъ ее въ комнату.

— Извините, сказалъ онъ Клерѣ, что я вхожу сюда, когда вы въ постели, но надобно-же успокоить вашу матушку.... она упала въ обморокъ.

Клера закричала и спряталась, какъ могла, подъ одѣяло.

Мику посадилъ Баронессу на стулъ возлѣ кровати и вышелъ, не притворивъ двери, потому-что замокъ былъ сломанъ.

. . . . . .

Черезъ-часъ, Баронесса Фермонъ, мучимая горячкой и страшнымъ бредомъ, лежала въ постели, на мѣстѣ своей дочери, которая, въ страхѣ, въ отчаяніи, безъ денегъ, безъ средствъ, съ болѣзнію въ груди, ежемгновенно ждала, что къ ней войдетъ страшный ея сосѣдъ.

VIII.

УЛИЦА ШАЛЬО.

Бадино поспѣшно отправился къ Виконту Сенъ-Реми, но мы придемъ туда прежде его.

Виконтъ жилъ въ улицѣ Шальо и занималъ превосходный домъ, построенный между дворомъ и садомъ, въ уединенномъ кварталѣ, хотя близкомъ къ любимѣйшему мѣсту Парижанъ—къ Елисейскимъ полямъ.

Виконтъ извлекалъ тысячу выгодъ изъ положенія своего дома. Женщины могли входить къ нему тайкомъ, калиткою сада, черезъ переулочекъ, соединяющій улицу Марбефъ съ улицею Шальо. Тутъ-же находилось заведеніе одного изъ самыхъ знаменитыхъ парижскихъ садовниковъ. Дамы, входившія тайно къ Виконту, въ случаѣ неожиданной встрѣчи, могли сказать, что идутъ отъ садовника.

Впрочемъ, онѣ солгали-бы только въ половину. У Виконта была тоже оранжерея вдоль переулка; она начиналась у калитки и вела прямо въ будуаръ перваго этажа. Безъ метафоры можно сказать, что дама, переступившая черезъ опасный порогъ Виконтова дома, шла къ своей погибели по пути, убранному *цвѣтами*....

Герцогиня Люсне, ревнивая какъ всѣ страстныя женщины, взяла ключъ отъ калитки.

Мы описываемъ подробно общій характеръ этого жилища потому, что онъ выражаетъ собою одинъ изъ тѣхъ унизительныхъ образовъ жизни, которыя встрѣчаются теперь рѣже; мы говоримъ о красавцахъ, которые относятся къ женщинамъ точно такъ-же, какъ прелестница къ мужчинамъ.

Домъ Виконта былъ раздѣленъ на двѣ части:

На первый этажъ, гдѣ онъ принималъ женщинъ, и

На бель-этажъ, гдѣ онъ принималъ товарищей по игрѣ, охотѣ, гастрономіи,—людей, называемыхъ *друзьями*....

Въ первомъ этажѣ, спальня вся въ золотѣ, зеркалахъ, цвѣтахъ и кружевахъ,—зала для музыки, съ фортепіяно и арфой,—кабинетъ рѣдкостей и картинъ,—будуаръ, соединенный съ оранжереею,—столовая для *двухъ* особъ,—ванная, образецъ роскоши и восточной утонченности,—и библіотека.

Въ этихъ уединенныхъ комнатахъ, полныхъ цвѣтовъ и сладострастныхъ картинъ, дамы вдыхали воздухъ, зараженный любовію, который поражалъ душу и чувства горючимъ упоеніемъ.... Тутъ-то принималъ ихъ Виконтъ, молодой и красивый мужчина, умный и нѣжный, влюбленный до безумія....

Въ Аѳинахъ, ему удивлялись-бы, какъ Алкивіаду; но въ наше время, онъ былъ только подлымъ мошенникомъ, фабрикантомъ фальшивыхъ векселей.

Бель-этажъ его дома, напротивъ, имѣлъ совершенно мужественный характеръ: мебель простая, вмѣсто украшеній оружіе, портреты лошадей, выигравшихъ призы на скачкахъ; столовая для восьми человѣкъ (непремѣнное число гостей, когда дѣло идетъ объ *ученомъ* обѣдѣ); тутъ часто друзья его имѣли случай оцѣнить достоинство повара Виконта или его погреба, въ ожиданіи партіи виста по 600 луидоровъ или стука косточекъ адскаго кребса.

Описавъ жилище Виконта, просимъ читателя заглянуть въ квартиру главнаго его кучера Эдварса, который пригласилъ на завтракъ Виконтова камердинера, г-на Бойе.

— Поговоримъ о дѣлахъ, любезный Бойе: вы мастеръ улаживать ихъ.... Я хочу попросить у васъ совѣта....

— Къ вашимъ услугамъ....

— Вы знаете, что я обязался содержать Маркизу восемь лошадей и шесть грумовъ за 24,000 франковъ въ годъ.

— Не худо!...

— За прошлый годъ онъ не заплатилъ мнѣ и сказалъ: Эдварсъ! я долженъ тебѣ 24 тысячи; во сколько цѣнишь ты моихъ лошадей и экипажи?—Лошадей цѣню въ 3000 каждую, а всѣхъ въ 24 тысячи; за четыре кареты всегда возьмешь 12 тысячь; всего 36 тысячь.—Если такъ, прервалъ Виконтъ: купи у меня все это за 36 тысячь, съ условіемъ, что 24 идутъ на уплату долга, а за остальныя 12 тысячь ты будешь содержать мою конюшню еще полгода....

— Вы согласились, Эдварсъ? Вѣдь это золотое дѣло!

— Разумѣется; черезъ двѣ недѣли минетъ шестимѣсячный срокъ, и лошади и экипажи будутъ принадлежать мнѣ....

— Актъ составленъ г-мъ Бадино; такъ чего-же вы хотите?

— Спрашиваю, что мнѣ дѣлать? Продать-ли все это отъ имени Виконта (все непремѣнно раскупится) или завести торговлю лошадьми....

— Совѣтую сдѣлать то, что я самъ сдѣлаю.

— Какъ такъ?

— Я нахожусь точно въ такомъ-же положеніи, какъ вы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Виконтъ не любитъ подробностей; я содержалъ весь домъ, какъ вы конюшню. Онъ задолжалъ мнѣ тысячь восемьдесятъ, и предложилъ купить весь домъ. Все, съ серебромъ и картинами, мы оцѣнили въ 140 тысячь.... 80 пошли въ уплату, а на остальныя я согласился содержать столъ, людей и пр. Я еще выигрывалъ на этихъ издержкахъ.... и въ концѣ этого мѣсяца....

— Домъ будетъ вашъ, какъ конюшня — моя!

— Но Виконтъ пожилъ, какъ знатный баринъ, на всемъ готовомъ, не боясь кредиторовъ....

— Такъ онъ разорился....

— Въ пять лѣтъ.

— А получилъ въ наслѣдство?

— Только милліончикъ.... отвѣчалъ камердинеръ, нюхая табакъ. Я имѣлъ намѣреніе отдать домъ въ наймы Англичанамъ, вашимъ соотечественникамъ....

— Прекрасная мысль!

— Нѣтъ, могутъ-быть неисправные плательщики, а потому я рѣшился продать домъ. Виконтъ слылъ львомъ, такъ его мебели и вещи пойдутъ за двойную цѣну.... Дѣлайте какъ я, Эдварсъ; продавайте!... Вы кучеръ Сенъ-Реми, и сейчасъ найдете мѣсто. Мнѣ уже говорили о молодомъ Герцогѣ Монбризонѣ, двоюродномъ братѣ Герцогини Люсне.... У него 250 тысячъ ливровъ дохода; онъ вступаетъ въ свѣтъ и заводитъ домъ. Я знаю его управляющаго, который хочетъ доставить мнѣ мѣсто камердинера.... Дуракъ покровительствуетъ мнѣ....

Бойе пожалъ плечами и понюхалъ табаку.

— Вы надѣетесь ссадить его?

— Можетъ-быть! Онъ или дуракъ, или самонадѣянный человѣкъ.... не думаетъ, что я ему опасенъ!... Черезъ два мѣсяца я буду на его мѣстѣ.... Я и за васъ похлопочу, любезный Эдварсъ!

— Принимаю ваше предложеніе, г. Бойе; а что, еслибъ предложить молодому Герцогу всю конюшню Виконта?... Она вся готова, и извѣстна цѣлому Парижу....

— Хорошо; вы можете тутъ устроить золотое дѣльцо.

— Да вы и сами можете предложить ему весь домъ.... Гдѣ Герцогъ найдетъ что-нибудь подобное?

— Чортъ возьми! Вы, Эдварсъ, умный человѣкъ.... Мы попросимъ самаго Виконта; онъ такой добрый!... Онъ скажетъ герцогу, что, отъѣзжая къ миссіи въ Гессенъ-Гольштейнъ, хочетъ продать все свое заведеніе.... За домъ—160 тысячъ, за конюшню—50, всего тысячъ 210.... Немного для молодаго богача! Ему будетъ нужно втрое

больше, если онъ захочетъ покупать такія вещи, какія есть у насъ....

— Что будетъ дѣлать теперь Виконтъ?

— Уѣдетъ въ Германію; возметъ съ собою тысячь восемь, которыя гдѣ-нибудь достанетъ.... Не безпокойтесь о немъ; онъ, какъ-бы его ни уронили, всегда станетъ на ноги....

— Нѣтъ-ли въ виду какого наслѣдства?

— Никакого; отецъ его почти бѣденъ....

— Да развѣ отецъ его не умеръ?

— Нѣтъ; но они никогда не видаются....

— Такъ они въ ссорѣ?...

— Я скажу вамъ не тайну, а то, что самъ знаю отъ управляющаго Герцогини Люсне. Графъ Сенъ-Реми, отецъ Виконта, женился по любви на молодой женщинѣ, очень богатой; ей-то принадлежалъ милліонъ, при уничтоженіи котораго мы имѣли честь присутствовать....

Бойе низко поклонился.

Эдварсъ сдѣлалъ тоже.

— Все шло хорошо; вдругъ отецъ Виконта нашолъ письма, которыя доказывали, что жена его была, года три послѣ брака, влюблена въ какого-то Поляка.... Все это открылось черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ свадьбы.... Графъ тотчасъ разошолся съ женою, и взявъ съ собою друга своего, Барона Фермона, поѣхалъ искать Поляка....

— Какой упрямой!

— Золъ, какъ демонъ, говорю вамъ!... Онъ засталъ Поляка въ Венеціи; они дрались на дуели.... Отецъ Виконта ранилъ Поляка смертельно, и такъ обрадовался, что Баронъ едва могъ увезти его съ мѣста дуэли... Графъ говорилъ, что хочетъ видѣть послѣднее издыханіе врага...

— Что за человѣкъ!

— Графъ воротился въ Парижъ, поѣхалъ къ женѣ и объявилъ ей, что Полякъ убитъ; потомъ уѣхалъ въ Анжеръ, и съ-тѣхъ-поръ не видалъ ни ея, ни сына. Тамъ живетъ онъ отшельникомъ, доходами съ 80 тысячь, которыхъ нѣкоторую часть истратилъ на поѣздки за Поля-

комъ. Въ Анжерѣ онъ видается только съ женой и дочерью друга своего Фермона, который ужъ умеръ.... Впрочемъ, это семейство пренесчастное.... Недавно братъ Баронессы Фермонъ застрѣлился....

— А мать нашего Виконта?

— Давно скончалась. По этому-то Виконтъ получилъ все ея имѣніе, когда пришолъ въ совершеннолѣтіе.... Вы видите, любезный Эдвардъ, что Виконту нельзя ждать наслѣдства.... особенно отъ отца....

— Который долженъ ненавидѣть его?

— Отецъ никогда не хотѣлъ видѣть Виконта, воображая, что онъ сынъ Поляка.

Разговоръ двухъ друзей прерванъ появленіемъ гиганта-лакея, который ужъ напудренъ, хотя только одиннадцать часовъ утра.

— Виконтъ звонилъ уже два раза, сказалъ гигантъ.

Бойе очень огорчился, что пренебрегъ своими обязанностями, поспѣшно всталъ и пошолъ за лакеемъ съ такимъ усердіемъ и почтеніемъ, какъ-будто онъ вовсе не хозяинъ дома своего господина.

IX.

ГРАФЪ СЕНЪ-РЕМИ.

Часа черезъ два послѣ того, какъ Бойе пошолъ къ Виконту, Графъ де-Сенъ-Реми постучался у воротъ дома своего сына.

Швейцаръ, въ темной ливреѣ съ серебромъ, напудренный и въ шолковыхъ чулкахъ, показался у дверей своей комнаты.

— Дома Сенъ-Реми? спросилъ Графъ.

Швейцаръ, вмѣсто отвѣта, разсматривалъ съ презрительнымъ удивленіемъ бѣлую бороду, поношенный сюртукъ и старую шляпу гостя.

Графъ, съ нетерпѣніемъ, повторилъ:

— Дома Сенъ-Реми?

— Виконта нѣтъ дома, отвѣчалъ швейцаръ, и жестомъ пригласилъ Графа идти вонъ.

— Я подожду, сказалъ Графъ и вошолъ.

— Эй! дружокъ! Такъ нельзя входить! закричалъ швейцаръ, побѣжалъ и остановилъ его за руку.

— Какъ! ты смѣешь удерживать меня!

— Смѣю.... Я сказалъ вамъ, что Виконта нѣтъ дома....

Услышавъ крикъ, Бойе вышелъ на лѣстницу.

— Господинъ Бойе, вотъ этотъ господинъ непремѣнно хочетъ войти, хоть я говорю ему, что Виконта нѣтъ дома....

— Довольно.... сказалъ Графъ камердинеру: я хочу видѣть сына.... если его нѣтъ, я подожду....

Бойе зналъ, что у Виконта есть отецъ-чудакъ; по физіогноміи онъ тотчасъ узналъ Графа, почтительно поклонился ему и сказалъ:

— Если вамъ угодно, я васъ провожу.

— Ступайте впередъ, отвѣчалъ Графъ, и пошолъ за камердинеромъ къ величайшему изумленію швейцара.

Графа ввели, черезъ кабинетъ, въ гостинную бель-этажа, которая находилась надъ будуаромъ перваго этажа.

— Если вамъ угодно подождать, Виконтъ сей-часъ будетъ, сказалъ камердинеръ и вышелъ.

Вдругъ отворилась потайная дверь и вошла Герцогиня Люсне.

Объяснимъ ея неожиданное появленіе.

Виконтъ назначилъ ей свиданіе. Она пришла черезъ садъ, не нашла его въ будуарѣ и поднялась во второй этажъ, думая, что онъ пишетъ въ своемъ кабинетѣ, какъ это часто бывало... Потайная лѣстница вела изъ будуара въ въ кабинетъ. Герцогиня вошла туда безъ опасенія, воображая, что Виконтъ, по обыкновенію, не приказалъ никого принимать.

Герцогиня встрѣтила Графа и закричала.

— Клотильда! сказалъ Графъ въ недоумѣніи.

Графъ зналъ ее ребенкомъ, былъ другомъ ея отца, Князя Нуармона, и называлъ ее просто по имени.

Герцогиня стояла безъ движенія, смотрѣла на его сѣдую бороду и поношенный суртукъ, и припоминала, гдѣ она его видѣла.

— Вы, здѣсь!... у моего сына!

Его слова пробудили въ ней воспоминаніе; она узнала его наконецъ и сказала:

— Это вы, Графъ!

Присутствіе ея тутъ говорило такъ ясно, что она почла безполезнымъ прибѣгать ко лжи; надѣясь на дружескую любовь Графа, она протянула ему руку и сказала ему мило, дружески и смѣло:

— Не браните меня.... вспомните, какъ назадъ тому двадцать лѣтъ, вы называли меня милой своей Клотильдой....

— Да.... но теперь....

— Я напередъ знаю все, что́ вы мнѣ скажете.... но вы тоже знаете мой девизъ: *Что́ есть, есть.... Что́ будетъ, будетъ!*

— Ахъ, Клотильда!...

— Избавьте меня отъ упрековъ; позвольте лучше радоваться, что я васъ вижу.... Въ-самомъ-дѣлѣ, я рада, счастлива, что встрѣтила васъ.... вы пробуждаете во мнѣ воспоминанія, безцѣнныя, милыя моему сердцу....

Графъ давно зналъ ея рѣшительный и оригинальный характеръ, однакожъ смутился, видя, съ какимъ хладнокровіемъ она выноситъ самое трудное положеніе: встрѣчу съ отцомъ любовника у своего любовника.

Графъ сказалъ ей строго:

— Не о прошедшемъ, а о настоящемъ должно говорить.... мой сынъ можетъ вдругъ воротиться....

— Не безпокойтесь; у меня ключъ отъ оранжереи; когда онъ пріѣдетъ, зазвонятъ въ колокольчикъ, и я исчезну такъ-же таинственно, какъ пришла сюда.... Какъ онъ будетъ радъ!... Вы такъ давно его бросили!... Васъ надобно-бы побранить!...

— Меня?

— Васъ!... Какой у него былъ руководитель, какая поднора при вступленіи въ свѣтъ?... Совѣты отца необходимы въ тысячѣ случаевъ.... Откровенно сказать, непростительно вамъ....

Тутъ Герцогиня, уступая вліянію страннаго своего характера, сама расхохоталась и прибавила:

— Признайтесь, что положеніе наше очень-ново, потому-что я васъ браню....

— Въ-самомъ-дѣлѣ, странно! Но я не заслуживаю ни вашихъ упрековъ, ни вашихъ похвалъ. Я пришолъ къ сыну.... не для него!... Вы знаете, почему я ненавижу весь свѣтъ, и особенно Парижъ.... Я пришолъ сюда за свѣдѣніями, которыя для меня драгоцѣнны....

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала Герцогиня ласково: располагайте мною.... Если нужно просить, Герцогъ пользуется нѣкоторымъ вѣсомъ.... Онъ всякій день обѣдаетъ у бабушки моей Монбризонъ, кормитъ депутатовъ.... Мой двоюродный братъ, молодой Герцогъ Монбризонъ—самъ перъ и друженъ со всѣми перами.... Однимъ словомъ, мы къ вашимъ услугамъ, вы знаете, что я—другъ преданный и храбрый.... Говорите, говорите все, я требую.

Герцогиня облокотилась на каминъ, поставила на рѣшотку маленькую ногу и завела разговоръ не о Виконтѣ....

Графъ покорился вліянію дружескаго участія Герцогини и сказалъ:

— Вы, можетъ-статься, не знаете, что я давно живу въ Анжерѣ?

— Нѣтъ, знаю.

— Я выбралъ этотъ городъ потому, что тамъ жилъ другъ мой Фермонъ.... онъ былъ моимъ секундантомъ....

— Знаю все это.... отецъ мнѣ все разсказалъ, прервала Герцогиня печально. Къ-счастію, Флорестанъ ничего не знаетъ....

— Я хотѣлъ, чтобъ онъ могъ уважать мать свою, отвѣчалъ Графъ.—Фермонъ умеръ; мнѣ осталось одно утѣшеніе—его жена и дочь.... Братъ ея, Ренвилль, отдалъ

всѣ ея деньги нотаріусу, и вскорѣ потомъ застрѣлился.... Она почла необходимымъ ѣхать въ Парижъ, для устройства дѣлъ.... Скоро узналъ я, что домъ ея въ Анжерѣ проданъ для уплаты ея долговъ, и что мать и дочь въ нищетѣ.... Онѣ, вѣрно, жертвы банкрутства нотаріуса!... Г-жа Фермонъ, въ несчастіи, могла надѣяться только на меня, но я не получалъ отъ нея писемъ.... Вы не можете себѣ представить, какъ я страдалъ, какъ безпокоился съ-тѣхъ-поръ, какъ онѣ уѣхали!... Надобно найти ихъ, узнать, почему онѣ не требовали моей помощи, хоть я бѣденъ.... Я пріѣхалъ сюда.... былъ въ прежней квартирѣ г-жи Фермонъ... Тамъ не знаютъ, куда она переѣхала.... Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, отчаяніе заставило меня придти сюда: можетъ-быть, г-жа Фермонъ писала къ Виконту, къ сыну лучшаго изъ друзей своихъ....

Герцогиня слушала Графа съ особеннымъ любопытствомъ и сказала:

— Странно! а кажется дѣло идетъ о тѣхъ-же лицахъ, которыми интересуется Маркиза Дарвилль. Вдова, о которой вы говорите, еще молода? прекрасна собою?

— Да.... но какъ вы знаете?

— Дочь ея прелестна? шестнадцати лѣтъ?

— Да, да!

— Зовутъ ее Клерой?

— Да, да!... Гдѣ онѣ?

— Я не знаю!... Одна изъ моихъ знакомыхъ, Маркиза Дарвилль, пріѣзжала спрашивать, не знаю-ли я вдовы, у которой дочь Клера, а братъ застрѣлился?... Маркиза спрашивала меня потому, что видѣла мое имя на отрывкѣ письма этой дамы, но я ея не знаю....

— Она васъ знаетъ! вскричалъ Графъ. Я часто говорилъ ей о вашемъ отцѣ, о вашемъ добромъ сердцѣ.... Въ несчастіи, она рѣшилась просить вашей помощи! Поведите меня къ Маркизѣ Дарвилль, я долженъ видѣть ее сегодня.

— Невозможно! Мужъ ея печаянно застрѣлился, и она уѣхала къ отцу, въ деревню; но я напишу ей.... Куда прислать вамъ отвѣтъ?

— Въ Аньеръ....

— Зачѣмъ-же вы тамъ живете, а не въ Парижѣ?

— Терпѣть не могу Парижа, по воспоминаніямъ, отвѣчалъ Графъ мрачно: мой старый докторъ Гриффонъ предложилъ мнѣ свой домикъ, въ которомъ онъ не живетъ зимою; это внѣ Парижа и близко,—я согласился....

— Такъ я напишу отвѣтъ къ вамъ въ Аньеръ.... Маркиза сказывала мнѣ, что вдова разорена нотаріусомъ Ферраномъ, который говоритъ, что не получалъ денегъ....

— О! мерзавецъ!... А вы смѣетесь, Клотильда?

Въ-самомъ-дѣлѣ, Герцогиня, вспомнивъ о любовной попыткѣ нотаріуса, не могла удержаться отъ хохота....

— Простите меня, другъ мой; нотаріусъ этотъ—преуморительный человѣкъ....

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ улицѣ Сантье.

— Я буду у него.... Ваши слова подтверждаютъ мои сомнѣнія...

— Какія сомнѣнія?

— Я подозрѣваю, что братъ Баронессы не застрѣлился, а погибъ отъ руки убійцы...

— Боже мой! Почему вы такъ думаете?

— По многимъ причинамъ, но не могу теперь сказать ихъ.... Прощайте!... не забудьте обѣщаній!...

— Вы уходите, не видавшись съ Флорестаномъ?

— Свиданіе съ нимъ будетъ для меня слишкомъ тяжело.... вы это понимаете.... Я хотѣлъ рѣшиться на него, только изъ желанія узнать про Баронессу Фермонъ, но теперь.... Прощайте!

— О! вы неумолимы!...

Герцогиня не успѣла кончить, какъ послышался голосъ Флорестана Сенъ-Реми.

Онъ быстро вошолъ въ кабинетъ, находившійся возлѣ гостиной, захлопнулъ дверь и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Это невозможно!

— Повторяю вамъ, — отвѣчалъ громкій и пронзительный голосъ г-на Бадино, — повторяю, что безъ этого вы будете арестованы черезъ четыре часа.... Если не отдадите деньги, *онъ* пойдетъ къ королевскому прокурору, а вы знаете, что́ бываетъ за фальшивую подпись: *галеры*, бѣдный Виконтъ!

Нельзя выразить, какъ посмотрѣли другъ на друга Графъ и Герцогиня, услышавъ эти страшныя слова.

X.

РАЗГОВОРЪ.

Графъ бросился къ кабинету; Герцогиня остановила его:

— Онъ невиненъ! клянусь вамъ.... Выслушайте терпѣливо.

Графъ остановился; онъ хотѣлъ вѣрить словамъ Герцогини.

Она была дѣйствительно убѣждена въ невинности Флорестана.

Желая вытянуть изъ нея деньги, Виконтъ увѣрилъ ее, что онъ жертва обманщика, который выдалъ ему фальшивые векселя; что онъ самъ можетъ прослыть за обманщика, потому-что пустилъ фальшивые векселя въ оборотъ.

Герцогиня знала, что Виконтъ опрометчивъ, расточителенъ, безпорядоченъ; но не подозрѣвала, чтобъ онъ былъ способенъ на подлое или низкое дѣло.

Два раза давала она ему значительныя суммы; но онъ всегда обѣщалъ возвратить ихъ, и увѣрялъ, что имѣетъ капиталъ вдвое значительнѣе, на разныхъ лицахъ.

Его роскошь заставляла вѣрить его словамъ. Увѣряя Графа въ его невинности, Герцогиня думала, что будетъ разговоръ, объ обманѣ, въ который попался Виконтъ, и что такимъ-образомъ отецъ убѣдится въ невинности сына.

. . . . . .

— Этотъ Пети-Жанъ — подлецъ, сказалъ Флорестанъ дрожащимъ голосомъ: онъ увѣрилъ меня, что у него нѣтъ

въ рукахъ векселей, кромѣ тѣхъ, которые я выкупилъ вчера и третьяго дня.... Теперешнему векселю срокъ черезъ три мѣсяца и платить надобно въ Лондонѣ....

— Знаю, отвѣчалъ пронзительный голосъ Бадино, что вы думали прекрасно устроить дѣло.... подлогъ долженъ былъ обнаружиться только послѣ вашего отъѣзда.... но вы попали на человѣка, который еще хитрѣе васъ....

— Пора говорить это!... не вы-ли свели меня съ нимъ?

— Будьте хладнокровнѣе, отвѣчалъ Бадино: вы прекрасно подписываетесь подъ чужія руки, но это не даетъ вамъ права оскорблять друзей непріятнымъ обращеніемъ... Если вы еще разсердитесь, я уйду.... дѣлайте, какъ знаете.

— Можно-ли быть хладнокровнымъ въ такомъ положеніи? Если подадутъ просьбу прокурору.... я погибъ!

— Я тоже говорю.... Нельзя-ли попросить помощи у вашей голубоокой красавицы?

— Невозможно....

— Такъ молчите.... А жаль.... Это послѣдній вексель; за несчастныя двадцать пять тысячь, вы пойдете дышать Тулонскимъ воздухомъ.... Это неискусно, нелѣпо, глупо!... А ваши друзья?

— О! я долженъ всѣмъ, кто только могъ дать мнѣ въ займы! Развѣ я такъ глупъ, что ждалъ до послѣдней минуты, чтобъ попользоваться ихъ карманомъ?

— Ну, смотрите, можетъ-быть, еще не всѣ лимоны выдавлены; если не достанете двадцать-пять тысячь черезъ три часа, такъ васъ посадятъ въ тюрьму....

— Повторяйте это тысячу разъ....

— Повторяю; авось-либо вы рѣшитесь выдернуть послѣднее перышко изъ крыла великодушной Герцогини....

— Говорю, что это невозможно.... Она заняла для меня у мужа сто тысячь, а такихъ вещей два раза не дѣлаютъ.... Послушайте, любезный Бадино, я всегда былъ щедръ; уговорите Пети-Жана подождать.... я поднимусь.... вы будете мною довольны!...

— Чортъ возьми! Скажите ей прямо, въ чемъ дѣло.... не то, что васъ обманули, а то, что вы поддѣлали фальшивые акты....

— Никогда.... я ничего не получу, кромѣ безполезнаго стыда.

— Такъ она все узнаетъ завтра черезъ газеты!

— Я могу бѣжать....

— Куда пойдете вы безъ денегъ? Не лучше-ли выкупить послѣдній фальшивый вексель, и жить безъ долговъ?... Обѣщайте мнѣ попросить вашу Герцогиню.... Я побѣгу къ Пети-Жану и выпрошу часа два отсрочки....

— Адъ! Я долженъ испить чашу стыда до дна!

— Прощайте! Будьте съ ней нѣжны, страстны, милы, а я поспѣшу къ Пети-Жану; вы застанете меня тамъ до трехъ часовъ.... Потомъ будетъ поздно: канцелярія прокурора отперта только до четырехъ....

Бадино вышелъ.

Во время этого разговора, который показалъ Графу подлость его сына, а Герцогинѣ — подлость человѣка, котораго она слѣпо любила, оба они стояли неподвижно, едва дышали.

Нельзя передать, что́ происходило между ними, когда разговоръ показалъ, что нельзя сомнѣваться въ преступленіи Флорестана. Старикъ указалъ на дверь комнаты, гдѣ былъ его сынъ, горько улыбнулся, и значительно посмотрѣлъ на Герцогиню, какъ-бы желая сказать ей:

— Вотъ кому пожертвовали вы стыдомъ, для кого ничего не жалѣли! вотъ кого я бросилъ, за что́ вы и порицали меня!

Герцогиня поняла упрекъ; она склонила голову подъ тяжестію стыда....

Урокъ былъ ужасенъ!

Потомъ въ ней пробудилось благородное негодованіе; презрѣніе и отвращеніе тотчасъ убили въ ней любовь. Человѣкъ, перешедшій границы чести, въ ея глазахъ почитался не человѣкомъ....

Она безпокоилась только дѣйствіемъ, которое произвело это открытіе на ея стараго друга....

Онъ, казалось, ничего не слыхалъ, ничего не видалъ; глаза его неподвижны, голова опущена; онъ сталъ блѣденъ, какъ полотно.

— Мужайтесь, сказала Герцогиня въ полголоса... Для васъ, для меня.... для этого человѣка.... я знаю, что́ надобно сдѣлать....

Старикъ посмотрѣлъ на нее пристально; всталъ, и забывъ, что сынъ можетъ слышать его, закричалъ....

— И я.... для васъ, для меня.... для этого человѣка.... знаю, что́ дѣлать!

— Кто тутъ? спросилъ изумленный Флорестанъ.

Герцогиня, боясь съ нимъ встрѣтиться, вышла въ потаенную дверь и исчезла.

Флорестанъ вошолъ въ гостинную и встрѣтился съ отцомъ.

Борода и бѣдное платье такъ измѣняли лицо старика, что сынъ не узналъ его и спросилъ грозно:

— Что́ вы тутъ дѣлаете? Кто вы?

— Я мужъ этой женщины, отвѣчалъ Графъ, указывая на портретъ матери Флорестана.

— Батюшка!... Вы были тутъ? Все слышали?

— Былъ и слышалъ....

— О! вскричалъ Виконтъ, закрывъ лицо руками.

Онъ сначала огорчился, но потомъ, какъ аффектистъ, подумалъ извлечь пользу изъ этого обстоятельства.

— Не все потеряно, думалъ онъ.... Отецъ пришолъ кстати; онъ все знаетъ, и не захочетъ замарать имя свое; онъ небогатъ, но все-таки имѣетъ двадцать-пять тысячь франковъ... Сыграемъ комедію.... оставимъ Герцогиню.... я спасенъ безъ нея!...

Потомъ, заплакавъ и всплеснувъ руками, началъ онъ говорить самымъ жалобнымъ голосомъ:

— Батюшка!... Какъ я несчастливъ!... Послѣ стольких лѣтъ разлуки.... вижу васъ въ такую минуту.... Я кажусь вамъ преступникомъ!... Но выслушайте меня, позвольте мнѣ.... не оправдаться, а только объяснить мое поведеніе....

Графъ не отвѣчалъ, сѣлъ въ кресла и облокотился.

Еслибъ Флорестанъ зналъ, по какимъ причинамъ душа Графа была полна ненависти, гнѣва и мщенія, то, испу-

гавшись наружнаго его спокойствія, онъ не посмѣлъ-бы его обманывать.

Но Флорестанъ не зналъ, какія подозрѣнія покрываютъ его рожденіе, не зналъ проступка своей матери, и надѣялся на успѣхъ своего предпріятія. Онъ думалъ, что ему предстоитъ только умилостивить отца, который, ненавидя людей и гордясь именемъ, готовъ на всѣ пожертвованія, чтобъ спасти имя свое отъ безчестія.

Виконтъ принялъ безмолвіе Графа за согласіе и началъ:

— Когда я лишился матери, мнѣ было только двадцать лѣтъ.... Я остался одинъ.... безъ совѣтовъ.... безъ подпоры.... Привыкнувъ къ роскоши, я создалъ изъ нея необходимость.... Не зная цѣны денегъ, я расточалъ ихъ.... Къ-несчастію, мое мотовство ввело меня въ славу.... Я затмѣвалъ людей, которые были вдесятеро богаче меня.... Успѣхъ ослѣпилъ меня; роскошь стала для меня тоже, что̀ война для героя, поэзія для поэта.... Я всѣмъ жертвовалъ для роскоши.... Я искалъ одобренія толпы и похвалы людей избранныхъ.... Такой успѣхъ рѣдокъ, но я имѣлъ его!...

Глаза Флорестана горѣли вдохновеніемъ, онъ говорилъ правду и смотрѣлъ на отца. Ему показалось, что лицо Графа становится милостивѣе.

— Я былъ оракуломъ и законодателемъ моды, продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ: мое порицаніе, моя похвала—считались закономъ. Мнѣ подражали и удивлялись въ Парижѣ, то есть въ цѣлой Европѣ, въ цѣломъ мірѣ. Женщины на-перерывъ старались попасть на мои балы; меня прозвали *королемъ моды*.... Это слово говоритъ вамъ все, если вы его понимаете....

— Понимаю его.... и увѣренъ, что на галерахъ вы изобрѣтете новый способъ носить цѣпи; онъ войдетъ въ моду, получитъ названіе à la Saint-Remy.... а вѣдь Сенъ-Реми—*мое имя!*

Флорестану нужно было много хладнокровія, чтобы скрыть рану, которую нанесла ему эта язвительная насмѣшка.

— Не изъ гордости вспоминаю я объ этихъ успѣхахъ.... они погубили меня! Я забылъ счетъ деньгамъ, и долженъ былъ все прожить въ нѣсколько лѣтъ.... Могъли я остановиться, когда общее вниманіе встрѣчало меня въ гостиныхъ, когда женщины, встрѣчаясь со мною, говорили: Вотъ онъ!... Это онъ!

— Да, третьяго дня на площади было сборище народа; общее вниманіе было обращено на красиваго молодца, на котораго смотрѣли и женщины, говоря: «вотъ онъ»!.. точно какъ про васъ....

— Кто-жъ это?

— Дѣлатель фальшивыхъ актовъ, прикованный къ позорному столбу.

— О! вы безпощадны.... Я не хочу оправдываться.... хочу только сказать, что̀ завлекло меня.... Обыкновенно жалѣютъ сумасшедшихъ, а я былъ сумасшедшій!... Я не могъ отказаться отъ владычества и со стыдомъ скрыться въ число людей неизвѣстныхъ.... доставить торжество своимъ завистникамъ, которыхъ я затмилъ, уничтожилъ.... нѣтъ.... я не могъ! Пришолъ роковой день, когда въ первый разъ у меня не достало денегъ. Тутъ я началъ дѣлать долги, которыхъ уже не могъ заплатить.... Я продалъ домъ мой камердинеру, а конюшню кучеру, чтобъ можно было еще нѣсколько мѣсяцовъ упиваться роскошью, на-счетъ моихъ кредиторовъ. Сначала я занималъ у ростовщиковъ; потомъ у друзей, чтобъ заплатить ростовщикамъ, и наконецъ у моихъ любовницъ, чтобъ заплатить друзьямъ.... Тогда я не былъ еще преступникомъ.... не зналъ, что̀ дѣлать.... и хотѣлъ застрѣлиться....

— Ба! въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Графъ съ грубою насмѣшкой.

— Вы не вѣрите мнѣ, батюшка?

— Это было или слишкомъ рано или слишкомъ поздно, отвѣчалъ старикъ, не перемѣняя своего положенія.

Флорестанъ вообразилъ, что надобно оживить эту сцену театральнымъ эффектомъ, открылъ бюро, вынулъ зе-

лененькую стклянку, и поставивъ ее на каминъ, сказалъ Графу.

— Одинъ шарлатанъ, италіянецъ, продалъ мнѣ этотъ ядъ....

— Для васъ?... спросилъ старикъ.

Виконтъ понялъ смыслъ вопроса.

Лицо его, на этотъ разъ, выразило непритворное негодованіе, потому-что онъ говорилъ правду. Однажды онъ дѣйствительно хотѣлъ лишить себя жизни, но люди этого рода такъ трусливы, что не рѣшаются на смерть хладнокровно и безъ свидѣтелей, хотя изъ чванства готовы жертвовать жизнію на дуели.

— Я палъ очень-низко, но не такъ, какъ вы думаете.... Ядъ былъ приготовленъ для меня!

— Но вы струсили? спросилъ графъ.

— Признаюсь, я не рѣшился.... не все еще было потеряно.... Я задолжалъ богачамъ, которые могли ждать.... Я могъ еще подняться и доставить себѣ мѣсто.... Многіе изъ друзей моихъ имѣли успѣхъ на дипломатическомъ поприщѣ.... Меня то-же замучило честолюбіе, мнѣ стóпло захотѣть и я получилъ мѣсто при миссіи въ Герольштейнѣ. Къ-несчастію, я проигралъ въ карты одному человѣку, котораго ненавидѣлъ; у меня не было денегъ.... я рѣшился на обманъ, будучи увѣренъ, что наказаніе не коснется до меня.... Теперь мнѣ остается или застрѣлиться и оставить ваше имя опозореннымъ, или броситься въ ваши объятія и сказать: Спасите сына, спасите имя свое отъ безчестія. Клянусь, что поѣду въ Африку солдатомъ и вернусь къ вамъ, когда храбростію заглажу преступленіе.... Рѣшайте: я умру со стыдомъ или буду жить, чтобъ заслужить прощеніе.... У меня достанетъ мужества или застрѣлиться или быть солдатомъ, потому-что я не хочу идти на галеры.

Графъ всталъ.

— Не хочу, чтобъ имя мое было опозорено! сказалъ онъ.

— Избавитель мой! закричалъ Виконтъ съ жаромъ и хотѣлъ броситься къ нему въ объятія, но старикъ хладнокровно остановилъ его.

— Васъ ждутъ въ три часа?

— Да, а теперь ужъ два.

— Дайте перо!

Графъ сѣлъ и написалъ твердою рукою:

«Я обязуюсь заплатить сегодня вечеромъ, въ 10-ть часовъ, 25 тысячь франковъ, которыя долженъ сынъ мой.

Графъ Сенъ-Реми».

— Вашъ кредиторъ требуетъ непремѣнно денегъ, но мое слово заставитъ его дать вамъ отсрочку; онъ можетъ повидаться съ банкиромъ Дюпономъ, въ улицѣ Ришлье, который приметъ мою росписку на свою отвѣтственность.

— Батюшка!... Чѣмъ могу я....

— Ждите меня вечеромъ.... въ десять часовъ я принесу деньги.... Пусть и кредиторъ будетъ здѣсь....

— А послѣ-завтра я уѣду въ Африку.... Вы узнаете, какъ я умѣю быть благодарнымъ....

— Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны; я вамъ сказалъ, что имя мое не будетъ въ другой разъ обезчещено; не будетъ!... отвѣчалъ старикъ, взялъ палку свою со стола и пошолъ къ двери.

— Батюшка! Дайте мнѣ хоть руку!

— Здѣсь, вечеромъ, въ десять часовъ! сказалъ Графъ и вышелъ, не подавъ руки сыну.

— Спасенъ! закричалъ Флорестанъ съ радостію.... Но не совсѣмъ! Можетъ-быть, сего-дня вечеромъ я признаюсь ему въ *другомъ дѣлѣ*; впрочемъ, зачѣмъ? Никто никогда не узнаетъ!... Однакожъ я могу оставить у себя деньги, которыя онъ мнѣ дастъ на уплату этого послѣдняго *долга*... Какихъ трудовъ стóило мнѣ разжалобить его! По его насмѣшкамъ, я думалъ, что онъ мнѣ не поможетъ; но мое намѣреніе застрѣлиться и страхъ, что его имя будетъ обезчещено, побѣдили его.... Именно за

эти струны надобно было взяться!... Какъ кстати пришолъ онъ!... Онъ похожъ на дикаря, но, кажется, добръ.... Теперь поспѣшимъ къ кредитору....

Онъ позвонилъ.

Бойе явился.

— Какъ не сказалъ ты мнѣ, что батюшка тутъ?

— Два раза хотѣлъ я сказать, когда вы изволили входить сюда съ г. Бадино, но вы изволили махнуть рукою, чтобъ я вамъ не мѣшалъ.... Я не смѣлъ.

— Хорошо!... Вели Эдварсу заложить въ кабріолетъ *Оріона*.... нѣтъ, лучше *Иловера*....

Кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! закричалъ Флорестанъ.

Вошолъ помощникъ камердинера, съ серебрянымъ подносикомъ въ рукахъ.

Бойе взялъ подносикъ съ ревнивою поспѣшностію, и съ почтеніемъ подалъ его Виконту, который взялъ съ него большой пакетъ, запечатанный чорною печатью.

Служители вышли.

Флорестанъ распечаталъ пакетъ.... Тамъ было 25 тысячь банковыми билетами.... но безъ всякой приписки.

— Рѣшительно, чудесный день!... Теперь я совершенно спасенъ.... Пойду къ брильянщику.... нѣтъ, лучше оставлю деньги у себя.... вѣдь этого обмана никто не узнаетъ!... Кто прислалъ деньги.... На печати вензель: N и L; это Клотильда!... А я забылъ ее сегодня, захлопотавшись съ Бадино! Она, вѣрно, ждала меня тамъ внизу, и потомъ ушла.... И прислала мнѣ деньги, догадавшись, что я забываю ее по денежнымъ хлопотамъ.... Добрая Клотильда! всегда великодушна, какъ королева!... Какъ жаль, что я принужденъ выманивать у ней деньги!

— Кабріолетъ готовъ, сказалъ вошедшій Бойе.

— Кто принесъ это письмо?

— Не знаю.

— Такъ я спрошу у швейцара.... Внизу нѣтъ *никого?* прибавилъ Виконтъ, значительно поглядывая на камердинера.

— *Теперь* ужъ никого нѣтъ. — Позвольте попросить васъ, г. Виконтъ....

— Говори, да скорѣе.

— Эдварсъ и я узнали, что Герцогъ Монбризонъ заводитъ домъ.... Еслибъ вы изволили предложить ему ваши мебели и конюшню.... это была-бы для насъ чудесная оказія—сбыть съ рукъ все разомъ....

— Ты правъ, Бойе.... я скажу Монбризону.... Сколько вы хотите?

— За все двѣсти-шестдесятъ тысячь....

— Скольковамъ барыша?

— Почти сорокъ тысячь.

— Очень радъ, потому-что я вами доволенъ; и еслибъ я писалъ духовную, такъ оставилъ-бы вамъ такую-же сумму.

Виконтъ отправился къ кредитору, а потомъ къ Герцогинѣ, не подозрѣвая, что она слышала разговоръ его съ Бадино.

XI.

СВИДАНІЕ.

Виконтъ съѣздилъ къ кредитору, получилъ отсрочку до десяти часовъ вечера, и явился къ Герцогинѣ.

Никогда еще не былъ онъ такъ доволенъ собою; никогда не чувствовалъ въ себѣ такой увѣренности въ побѣдѣ....

Побѣда, которую утромъ онъ одержалъ надъ отцомъ, новое доказательство *привязанности* Герцогини, радость спасенія, придавали прекрасному лицу ето выраженіе смѣлости и добраго расположенія духа, отчего оно становилось еще прелестнѣе. Онъ думалъ:

— Хозяйка этого дворца — моя! Еще сегодня утромъ она была у меня!

Камердинеръ отворилъ обѣ половинки двери въ гостиную и доложилъ:

— Виконтъ Сенъ-Реми!

Нельзя выразить удивленія и негодованія Герцогини.

Она думала, что Графъ сказалъ сыну, что она все слышала. Любовь ея превратилась вдругъ въ холодное презрѣніе.... Можно вообразить ея взглядъ, ея лицо, когда Виконтъ, подходя съ торжествомъ и улыбкою, сказалъ ей нѣжно:

— Любезная Клотильда! какъ вы добры! какъ вы....

Онъ не могъ докончить своей фразы.

Герцогиня сидѣла и не тронулась съ мѣста; но ея жесты, ея взглядъ показали такое спокойное и убійственное презрѣніе, что Флорестанъ невольно остановился.

Онъ не могъ сказать слова, ни двинуться впередъ....

Никогда еще не встрѣчалъ онъ Герцогини *въ этомъ видѣ*. Онъ не могъ вообразить, что это та-же самая женщина, которую онъ видалъ тихою, нѣжною, страстно-покорною.

Когда удивленіе прошло, Флорестанъ стыдился своей слабости, подошелъ къ Герцогинѣ, съ намѣреніемъ взять ее за руку, и сказалъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Клотильда! что съ тобой!...

— Какое безстыдство! закричала Герцогиня, и отвернулась съ такимъ отвращеніемъ, что Флорестанъ опять смутился...

— Скажите, Клотильда, отчего вдругъ такая перемѣна? Если вы хотите со мною разстаться....

— Знайте: когда лакей обокрадетъ меня, я съ нимъ *не разстаюсь*, а прогоняю его.... Довольно!... Чего вы еще хотите.... Вы получили деньги?

— Такъ я не ошибся.... вы прислали мнѣ двадцать-пять тысячъ?

— Вашъ послѣдній ФАЛЬШИВЫЙ вексель выкупленъ?... Честь вашего имени спасена!... Хорошо; ступайте вонъ!

— Будьте увѣрены....

— Я очень жалѣю объ этихъ деньгахъ.... но я подумала о чести вашего отца....

— Такъ вы все знаете, Клотильда! О! теперь остается только умереть! вскричалъ Флорестанъ жалобнымъ, отчаяннымъ голосомъ.

Громкій хохотъ Графини прервалъ его трагическую выходку....

— Я не воображала, чтобъ низость была такъ смѣшна, сказала она.

— Герцогиня! закричалъ Флорестанъ въ бѣшенствѣ.

Обѣ двери растворились и камердинеръ доложилъ:

— Герцогъ Монбризонъ!

Герцогу было лѣтъ восемнадцать. Онъ былъ хорошъ, какъ дѣвочка, съ едва замѣтной бородой....

Виконтъ имѣлъ дерзость или слабость остаться.

— Какъ вы милы, Конрадъ, что вспомнили обо мнѣ сегодня, сказала Герцогиня нѣжно, протягивая ему руку.

Онъ хотѣлъ пожать ей руку, но она сказала ему:

— Цѣлуйте мою руку, братецъ.... вы въ перчаткахъ!...

— Простите, кузина, отвѣчалъ юноша, и прижалъ трепещущія губы къ прелестной рукѣ.

— Гдѣ вы будете вечеромъ? спросила она у Герцога, не обращая вниманія на Флорестана.

— Отъ васъ я поѣду въ клубъ.

— Нѣтъ, вы поѣдете со мной и съ Герцогомъ Люсне къ г-жѣ Сенвалль: у ней сегодня вечеръ....

— Я готовъ ѣхать съ вами, кузина....

Флорестанъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Онъ видѣлъ, что Герцогиня, при немъ, начинаетъ завлекать Герцога въ свои сѣти.

Въ бѣшенствѣ отъ презрѣнія, оказываемаго Герцогинею, видя въ Герцогѣ своего наслѣдника, Сенъ-Реми рѣшился бороться съ г-жею Люсне и, если нужно, поссориться съ Монбризономъ, который, занявшись кузиною, забылъ даже поклониться Флорестану.

— Здравствуйте, сказалъ Виконтъ, взявъ Герцога за руку: извините, что я васъ прежде не замѣтилъ.

Монбризонъ смутился и ласково отвѣчалъ Виконту:

— Простите меня.... надѣюсь, что кузина моя — причина моей разсѣянности — извинится за меня передъ вами....

— Конрадъ, — сказала Герцогиня, выведенная изъ терпѣнія наглостію Флорестана, — довольно.... ненужно извиненій.

— Вы видите, Виконтъ, кузина запрещаетъ мнѣ.... Ея опека ужъ начинается....

— И не кончится этимъ.... По этому, при Герцогинѣ-же, я сдѣлаю вамъ предложеніе: уѣзжая въ Герольштейнъ, я желаю продать весь мой домъ; *не угодно-ли вамъ и его взять себѣ*....

Виконтъ значительно произнесъ послѣднія слова и взглянулъ на Герцогиню.

— Вы не можете принять предложенія, сказала она Конраду.

— Отчего-же?

— Любезный Конрадъ! Домъ, который вамъ предлагаютъ, проданъ уже другимъ; понимаете.... васъ оберутъ, какъ на большой дорогѣ.

Флорестанъ закусилъ губы.

— Какъ вы смѣете! закричалъ онъ....

— Не обращайте на него вниманія, Конрадъ, сказала Герцогиня, выбирая конфету изъ бонбоньерки, съ удивительнымъ хладнокровіемъ: честный человѣкъ не долженъ имѣть никакихъ сношеній съ этимъ человѣкомъ; если ему угодно, я скажу почему....

Разговоръ былъ прерванъ Герцогомъ Люсне. Онъ, Герцогиня и Герцогъ Монбризонъ поѣхали на вечеръ къ г-жѣ Сенвалль, а Виконтъ поскакалъ домой.

Самыя чорныя мысли овладѣли имъ.

Бойе вышелъ къ нему на встрѣчу и доложилъ, что отецъ его, Графъ Сенъ-Реми, дожидается въ гостиной, на-верху, а Пети-Жанъ сидитъ внизу.

Флорестанъ побѣжалъ прямо къ отцу.

— Извините, батюшка, что я заставилъ васъ ждать....

— Здѣсь-ли человѣкъ, у котораго вексель?

— Здѣсь.

— Позовите сюда.

Послали за Пети-Жаномъ.

— Какъ вы добры! Какъ я благодаренъ!

— Я только не хотѣлъ безчестія!... Моя имя никогда не будетъ опорозено!

— Никогда!... клянусь вамъ....

Графъ странно посмотрѣлъ на сына и прибавилъ:

— Да, никогда не будетъ опозорено!... Вы колдунъ?

— Нѣтъ, я говорю, что́ читаю въ своемъ сердцѣ....

Пети-Жанъ вошолъ.

— Гдѣ вексель? спросилъ Графъ.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ Пети-Жанъ (подставной афферистъ нотаріуса Феррана).

Графъ подалъ сыну двадцать-пять банковыхъ билетовъ и велѣлъ заплатить....

Кредиторъ взялъ деньги и пошолъ; за нимъ вышелъ и Графъ; Флорестанъ разорвалъ фальшивый вексель, и подумалъ:

— По-крайней-мѣрѣ у меня остаются тѣ 25 тысячь, которыя мнѣ прислала.... Исторія съ брильянщикомъ не откроется....

Онъ услышалъ, что Графъ заперъ дверь кабинета, повернувъ два раза ключъ въ замкѣ.

Графъ воротился.

— Вы, батюшка, изволили запереть дверь кабинета.

— Да.

— Зачѣмъ-же?

— Сейчасъ скажу.

Графъ заслонилъ собою дверцу, которая вела въ первый этажъ.

— Сегодня утромъ, увидавъ меня здѣсь, вы прежде всего подумали: Отецъ не дастъ имени своего на поруганіе, заплатитъ за меня....

— Батюшка! можете-ли вы это думать?

— Молчите! Вы меня не обманули: въ васъ нѣтъ ни стыда, ни раскаянія, ни совѣсти.... вы развращены до костей, и въ васъ не бывало ни одного честнаго чувства.... Вы ужъ пустились на фальшивые векселя; это первый періодъ вашей жизни.... періодъ прекрасный и чистый въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ васъ ожидаетъ....

— Я перемѣнюсь, батюшка....

— Не перемѣнитесь.... Васъ выгонятъ изъ общества, въ которомъ вы до-сихъ-поръ жили, и вы будете воръ, какъ преступники, въ шайку которыхъ вы упадете...., а если нужно, убійца!

— Убійца!

— Да, потому-что вы трусъ!

— Но я дрался на дуеляхъ....

— Я вамъ говорю, что вы трусъ: вы предпочли безчестіе — смерти! Придетъ день, когда вы станете прикрывать свои преступленія — убійствомъ.... Я хочу спасти имя мое отъ позора, и пришолъ кстати.... Пора все это кончить!

— Что̀ вы хотите сказать? спросилъ Флорестанъ, испуганный мрачнымъ и страшнымъ выраженіемъ блѣднаго лица Графа.

Вдругъ громко застучали въ дверь кабинета; Флорестанъ бросился отпирать, чтобъ прекратить сцену съ отцомъ, но тотъ остановилъ его желѣзною рукою.

— Кто тамъ? спросилъ Графъ....

— Именемъ закона!... отоприте!

— Такъ это преступленіе — не послѣднее? спросилъ Графъ у сына въ полголоса.

— Послѣднее! клянусь вамъ, закричалъ Флорестанъ, стараясь выбиться изъ рукъ Графа.

— Именемъ закона! отоприте! — повторилъ голосъ за дверью.

— Чего вы хотите? спросилъ Графъ....

— Я здѣшній полицейскій коммисаръ, и пришолъ дѣлать обыскъ.... Виконтъ Сенъ-Реми обвиненъ въ кражѣ брильянтовъ.... Ювелиръ Бадуенъ представилъ доказательства.... Если не отопрете, я велю разломать дверь....

— Воръ! я не ошибся!... сказалъ Графъ въ полголоса.... Я пришолъ убить васъ.... я опоздалъ!

— Убить меня!

— Довольно позора для моего имени!... Кончимъ! Вотъ два пистолета... застрѣлитесь, или я убью васъ, и скажу, что вы застрѣлились сами, съ отчаянія.

Съ удивительнымъ хладнокровіемъ, Графъ вынулъ изъ кармана два пистолета и подалъ ихъ Виконту....

— Ну!... Пора, если вы не трусъ!

Флорестанъ задрожалъ и поблѣднѣлъ....

— Батюшка! я раскаяваюсь!

— Поздно!... они ломаютъ дверь!

— Я заглажу преступленія....

— Они сейчасъ вломятся!... Неужели я долженъ убить тебя?

Графъ приставилъ дуло къ его груди.

Флорестанъ видѣлъ, что все потеряно.

— Хорошо! Дайте мнѣ пистолеты! Вы увидите, что я не трусъ.... Но простите меня, дайте мнѣ руку....

Продолжительный трескъ двери показалъ, что ее разломали.

— Батюшка! Они идутъ!... О! теперь смерть — благодѣяніе! Но только простите меня....

Не-смотря на свою твердость, Графъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Прощаю!

— Батюшка! подите къ нимъ на встрѣчу, чтобъ васъ не подозрѣвали въ убійствѣ.... Остановите ихъ, чтобъ они не помѣшали мнѣ.... Прощайте!

Выстрѣлъ раздался въ ту самую минуту, когда Графъ вышелъ въ кабинетъ, затворивъ за собою дверь въ гостиную.

Услышавъ выстрѣлъ и взглянувъ на блѣднаго, разстроеннаго Графа, коммисаръ остановился на порогѣ и далъ знакъ своимъ агентамъ не идти впередъ.

Узнавъ отъ Бойе, что Виконтъ заперся съ отцомъ, коммисаръ тотчасъ все понялъ и оказалъ уваженіе къ несчастію отца.

— Умеръ! закричалъ Графъ.... Лучше смерть, чѣмъ позоръ!... но все-таки это ужасно!

— Избавьте себя, Графъ, отъ печальнаго зрѣлища.... Уйдите отсюда!...

— Вы правы!... Можете сказать брильянщику, чтобъ онъ явился за деньгами къ банкиру Дюпону.... Сколько нужно?...

— Краденые брильянты оцѣнены въ тридцать тысячь франковъ.... Покупщикъ, черезъ котораго все открылось, заплатилъ такую-же сумму вашему сыну.

— Я могу еще заплатить тридцать тысячь.... сказалъ Графъ и вышелъ.

Коммисаръ вошолъ въ гостиную съ тяжолымъ чувствомъ грусти; осмотрѣлъ ее, но ничего не нашолъ; потомъ, замѣтивъ потайную дверь, бросился къ ней: она была заперта снаружи....

— Все это обманъ!... закричалъ онъ съ досадой.... Преступникъ бѣжалъ черезъ эту дверь....

Въ-самомъ-дѣлѣ, Виконтъ, въ присутствіи отца, приставилъ пистолетъ къ груди, но потомъ ловко свернулъ его подъ-мышку, выстрѣлилъ и тотчасъ скрылся черезъ потайную дверь....

Обыскали весь домъ, но не нашли Флорестана.

Во время разговора коммисара съ отцомъ, онъ сбѣжалъ по потайной лѣстницѣ въ будуаръ, потомъ выбѣжалъ въ оранжерею, въ переулокъ и исчезъ въ Элисейскихъ поляхъ.

. . . . . .

Печальна эта картина гнуснаго униженія роскоши....

Мы это знаемъ!

Сколько богатыхъ юношей, подобно Флорестану, безумно растрачиваютъ свои богатства, въ лѣни, въ скукѣ,

въ порокѣ, не зная, какъ-бы употребить ихъ съ пользою для себя и для другихъ....

Богатый брошенъ въ общество съ своимъ богатствомъ также, какъ бѣдный съ своею нищетою.

Никто не заботится объ излишкѣ богача, также, какъ о нуждахъ бѣднаго.

А надобно-бы обезпечить и того и другаго!

XII.

ПРОЩАНІЕ.

На другой день послѣ того вечера, какъ Виконтъ Сенъ-Реми такъ безстыдно обманулъ отца, трогательная сцена происходила въ тюрьмѣ Св. Лазаря, во время прогулки заключенницъ.

Пѣвица сидѣла на лавочкѣ возлѣ пруда. Это мѣсто прозвали *скамейкою Пѣвицы*, потому-что она очень любила его. Прочія заключенныя никогда тутъ не садились, желая ей угодить.

Пѣвица любила это мѣсто, потому-что дернъ, окружавшій прудъ, напоминалъ ей о лугахъ, а прудъ—о маленькой рѣчкѣ, протекавшей черезъ Буквальскую ферму.

Вѣря ласковымъ обѣщаніямъ Маркизы Дарвилль, Пѣвица ждала скораго освобожденія.

Хотя не было причины думать, что Маркиза не исполнитъ обѣщаній, однакожъ Пѣвица, привыкнувъ къ несчастію, едва смѣла надѣяться, что скоро будетъ свободна.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ она находилась среди этихъ несчастныхъ, которыхъ лица и разговоръ напоминали ей о прежнемъ ея стыдѣ, печаль ея еще увеличилась, стала почти убійственною.

Но это было еще не все: она находила новую причину тосковать и страшиться въ страстной своей благодарности къ Родольфу.

Она вспоминала о пропасти, въ которую пала, только для того, чтобъ измѣрять разстояніе, отдѣлявшее ее отъ

Родольфа, котораго величіе казалось ей нечеловѣческимъ.... Онъ такъ добръ и такъ страшенъ злымъ!

Не-смотря на почтеніе, соединявшееся съ ея благодарностію, она часто съ ужасомъ воображала, что это чувство носитъ на себѣ всѣ признаки любви..... любви скрытой и глубокой, и столько-же безнадежной, сколько и глубокой.

Пѣвица прочла въ своемъ сердцѣ эту плачевную новость послѣ разговора своего съ Маркизою Дарвилль, которая сама любила Родольфа страстію, о которой онъ ничего не зналъ.

Послѣ отъѣзда Маркизы и ея обѣщаній, Пѣвица должна-бы чувствовать радость при мысли, что увидитъ опять друзей въ Буквалѣ и Родольфа.... но вышло иначе.

Сердце ея болѣзненно билось.... Безпрерывно мучили ее горькія слова, гордые и проницательные взгляды г-жи Дарвилль....

Пѣвица по сочувствію поняла часть тайны Маркизы....

«Моя восторженная благодарность къ Родольфу нанесла неудовольствіе этой знатной красавицѣ,—думала Пѣвица. Теперь я постигаю горечь ея словъ; они выражали презрительную ревность.

«Она ревнуетъ меня?... Стало-быть, она любитъ Родольфа.... и я тоже люблю его?... Стало-быть любовь моя выказалась противъ воли моей? Смѣю-ли любить его? Я.... я, опозоренная, несчастная!... Если такъ, лучше всего — смерть!

Несчастная слишкомъ увеличивала *любовь* свою.

Къ ея глубокой благодарности присоединялось невольное удивленіе, когда она вспоминала объ его силѣ и красотѣ; въ этомъ чувствѣ не было ничего матеріальнаго, но оно было могущественно, потому-что физическая красота всегда привлекательна.

Да и голосъ крови, столь часто непризнаваемый или нѣмой, говорилъ въ этомъ случаѣ. Нѣжная страсть, привлекавшая Пѣвицу къ Родольфу, происходила отъ той таинственной симпатіи, которая также ясна и также неизъяснима, какъ сходства родственныхъ лицъ.

Словомъ, Пѣвица объяснила-бы себѣ живое влеченіе къ нему, еслибъ узнала, что она дочь его; тогда она могла-бы, безъ упрековъ совѣсти, удивляться красотѣ своего отца.

Такъ объясняется грусть Пѣвицы, хотя она ежеминутно ждетъ освобожденія изъ тюрьмы, по обѣщанію Маркизы Дарвилль.

Она сидѣла на своей скамейкѣ и шила свивальникъ, для будущаго ребенка Жанны.

Безобразная Жанна сидѣла у ея ногъ, и посматривала на свою благодѣтельницу съ благодарностію, робостію и преданностію.... какъ собака смотритъ на своего хозяина....

— Знаете-ли, сказала Жанна: у насъ была сегодня женщина изъ того отдѣленія тюрьмы, куда перешла Волчиха. Она сказывала намъ, что Волчиха совсѣмъ перемѣнилась?

— Какъ? Перемѣнилась?

— Да, она не ссорится, не грозитъ, а всегда такая печальная, такая грустная.... все сидитъ одна по угламъ; когда ей говорятъ, она не отвѣчаетъ ни слова.... Видѣть ее нѣмою, когда прежде она всегда кричала, — не правда-ли, удивительно? — Та-же женщина сказывала мнѣ еще вещь.... да я не смѣю вѣрить....

— Что́ такое?

— Она говоритъ, что видѣла, какъ Волчиха плакала.... Волчиха плакала!... Не можетъ быть!

— Бѣдная Волчиха!... Она черезъ меня вышла изъ моего отдѣленія; я огорчила ее невольно! сказала Пѣвица со вздохомъ.

— Какъ вы могли огорчить ее, добрая моя спасительница?

Въ эту минуту къ Пѣвицѣ подошла надзирательница, г-жа Арманъ, и сказала ей съ радостнымъ лицомъ:

— Добрыя вѣсти, дитя мое! Ваши друзья не забыли васъ и выпросили вамъ свободу.... Директоръ приказалъ мнѣ....

— Боже мой! Какое счастіе!

Душа ея такъ волновалась, что Пѣвица поблѣднѣла, положила руку на сердце и упала на скамью.

— Успокойтесь, дитя мое; волненіе радости скоро пройдетъ.... Вѣрно Маркиза Дарвилль выпросила вамъ свободу.... Здѣсь и старушка, которая проводитъ васъ къ друзьямъ вашимъ.... Подождите меня, я сейчасъ ворочусь....

Трудно описать, какая мрачная печаль овладѣла Жанною, когда она узнала, что ея спасительница оставляетъ тюрьму.

Печаль ея происходила не отъ опасенія быть опять предметомъ насмѣшекъ и пытокъ, а отъ разлуки съ единственною женщиною, которая приняла въ ней участіе.

Жанна схватилась обѣими руками за клочки сѣдыхъ волосъ своихъ; первый порывъ отчаянія уступилъ мѣсто тоскѣ, Жанна опустила голову и сидѣла у ногъ Пѣвицы, безмолвно, неподвижно, закрывъ лицо руками и облокотившись на колѣна.

Въ минуту радости, Пѣвица вздрогнула, вспомнивъ объ Учителѣ и Совѣ, которымъ она обѣщала не извѣщать своихъ благодѣтелей о своей печальной судьбѣ.

Но эти мрачныя мысли скоро замѣнились надеждою видѣть Букваль, г-жу Жоржъ, Родольфа, котораго она хотѣла просить о Волчихѣ и Марсіалѣ. Ей казалось даже, что страстное чувство къ благодѣтелю пройдетъ, когда перестанетъ получать пищу отъ скуки и уединенія и когда она снова предастся сельскимъ занятіямъ, которыя она такъ любила дѣлить съ добрыми и простыми жителями фермы.

Удивляясь молчанію своей подруги и не понимая причины его, Пѣвица слегка ударила ее по плечу и сказала:

— Жанна! теперь я свободна.... Не могу-ли я сдѣлать что-нибудь для тебя?

Почувствовавъ на себѣ руку Пѣвицы, Жанна задрожала, опустила руки на колѣна и повернула къ ней лицо, смоченное слезами. На немъ выражалась такая горькая скорбь, что даже безобразіе Жанны не было замѣтно.

— Что съ тобой?... Какъ ты плачешь!

— Вы уйдете отъ насъ!... прошептала Жанна съ рыданіями: а я никогда не думала, что вы выйдете отсюда.... что я васъ никогда не увижу.... никогда!...

— О! я буду всегда тебя помнить!

— Боже мой! Какъ я васъ полюбила!... Когда я сижу тутъ, у вашихъ ногъ.... мнѣ кажется, что я спасена.... что мнѣ нечего бояться!.. Я не боюсь нападковъ и ударовъ; не о нихъ говорю.... но мнѣ казалось, что вы— счастіе мое; что вы принесете счастіе моему ребенку, потому-что вы пожалѣли обо мнѣ... (Она опять зарыдала) Все кончено!.. но это должно было случиться рано или поздно!... Я виновата, что никогда объ этомъ не думала.... Все кончено!

— Я буду помнить о тебѣ, какъ ты обо мнѣ....

— О! еслибъ меня разрѣзали на кусочки, такъ я не забуду васъ.... Я буду стара, какъ улица. а у меня все будетъ передъ глазами ваше личико.... Первое слово, которому я научу моего ребенка, будетъ ваше имя; если онъ не умретъ отъ холода, такъ вамъ обязанъ....

— Послушай, Жанна, я тебѣ ничего не обѣщаю, хоть знаю очень-добрыхъ людей.... но твой ребенокъ—другое дѣло! Онъ ни въ чемъ невиноватъ; мои благодѣтели примутъ его на воспитаніе, когда можно будетъ разлучить васъ....

— Насъ разлучить!... Нѣтъ! нѣтъ! Что со мною будетъ, безъ него?

— Но чѣмъ-же ты его воспитаешь?... Вѣдь онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ....

— Да! въ этомъ все мое честолюбіе; за то, когда выду отсюда, я опредѣлюсь на мѣсто, буду сбирать тряпье, месть улицы, словомъ, выберу честное ремесло....

— А кто будетъ смотрѣть за ребенкомъ, когда ты будешь на работѣ? Не лучше-ли отдать его въ деревню, къ честнымъ людямъ? Ты станешь навѣщать его, а, можетъ-быть, найдешь средства жить съ нимъ; жизнь въ деревнѣ не дорого стоитъ.... Я попрошу за тебя моихъ благодѣтелей, и черезъ нѣсколько дней увѣдомлю тебя объ ихъ отвѣтѣ, черезъ г-жу Арманъ.

Надзирательница пришла за Пѣвицей.

Узнавъ, что Пѣвица освобождена, прочія заключенныя не завидовали ей, а напротивъ очень обрадовались; онѣ окружили ее и нѣжно съ нею прощались.

Пѣвица переодѣлась въ прежнее свое крестьянское платье и пошла въ пріемную.

Тамъ ждала ее г-жа Серафенъ, домоправительница Жана Феррана; она должна была вести несчастную дѣвушку на островъ Грабителя.

XIII.

БОСПОМИНАНІЯ.

Жанъ Ферранъ легко и скоро выпросилъ свободу Пѣвицѣ.

Узнавъ отъ Совы, что Пѣвица находится въ тюрьмѣ Св. Лазаря, онъ тотчасъ попросилъ одного изъ своихъ кліентовъ, человѣка почтеннаго и значительнаго, разсказавъ ему, что молодая дѣвушка, павшая, но искренно раскаявшаяся, попала въ тюрьму и можетъ потерять тамъ, отъ сообщества другихъ заключенныхъ, можетъ впасть въ прежнее преступленіе.

Нотаріусъ просилъ не употреблять его имени въ этомъ добромъ дѣлѣ; желаніе его, приписанное его скромности, было исполнено. Кліентъ доставилъ Феррану предписаніе о выпускѣ Пѣвицы изъ тюрьмы.

Г-жа Серафенъ, отдавая это предписаніе директору тюрьмы, сказала, что ей поручено доставить дѣвушку къ ея покровителямъ.

Судя по разговору Маркизы Дарвилль съ надзирательницею, всѣ думали, что Пѣвица Маркизѣ обязана своимъ освобожденіемъ.

Стало-быть г-жа Серафенъ никакъ не могла возбудить подозрѣній въ своей жертвѣ.

Старуха казалась доброю женщиною; надобно было много наблюдательности, чтобъ замѣтить признаки лжи, коварства и жестокосердія въ ея ласковомъ взорѣ, въ ея лицемѣрной улыбкѣ.

Г-жа Серафенъ была поражена трогательною красотою Пѣвицы, которую она прежде предала Совѣ, а теперь вела на непремѣнную смерть.

— Вы должны очень радоваться, что оставляете тюрьму? сказала ей г-жа Серафенъ, сладенькимъ голосомъ.

— О! разумѣется.... и вѣрно я обязана Маркизѣ Дарвилль....

— Да! да! .. но намъ пора идти.... Мы ужъ опоздали, а идти далеко....

— На Буквальскую ферму?... Къ г-жѣ Жоржъ? вскричала Пѣвица.

— Да! да!... но прежде вамъ будетъ сюрпризъ.... какого вы не ожидаете.... Пойдемте.

Онѣ вышли на улицу предмѣстья Сенъ-Дени и встрѣтились съ дѣвушкой, которая шла въ тюрьму навѣстить какую-нибудь знакомую.

Это была Риголетта... Простой, но чистенькой чепчикъ окружалъ ея свѣжее личико; бѣлый ея воротничокъ ярко отдѣлялся отъ темной шали. Ботинки ея были очень-чисты, хотя бѣдная дѣвушка шла изъ-далека.

— Риголетта! закричала Пѣвица, узнавъ прежнюю свою подругу, съ которой она такъ часто ѣздила за городъ, и о которой она разсказывала Родольфу въ харчевнѣ Яги-Бабы.

— Пѣвица! закричала та въ свою очередь.

Онѣ бросились другъ-другу въ объятія.

Мило смотрѣть на этихъ двухъ шестнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; обѣ онѣ прелестны, хотя физіономіи и красота ихъ противоположны.

Одна — блондинка, съ большими томными, голубыми глазами, съ превосходнымъ профилемъ, блѣдная, печальная; прелестное соединеніе мечтательности, чистоты и граціи....

Другая — жгучая брюнетка, съ полными и румяными щеками, хорошенькими чорными глазами, съ простодушною улыбкой, веселымъ лицомъ; восхитительный типъ юности, безпечности и веселья.... рѣдкій и трогательный примѣръ счастія въ бѣдности, честности въ нуждѣ и радости въ тяжкихъ трудахъ.

Расцѣловавшись, дѣвушки посмотрѣли одна на другую.

Риголетта обрадовалась этой встрѣчѣ.... Пѣвица смутилась....

Встрѣча съ подругой напомнила Пѣвицѣ о немногихъ дняхъ спокойнаго счастія, которые предшествовали ея паденію.

— Ты-ли это?... Какое счастіе! говорила гризетка.

— Какое неожиданное счастіе! Какъ давно мы не видались! отвѣчала Пѣвица.

— А! теперь понимаю, почему не вижу тебя цѣлые полгода, продолжала гризетка, замѣтивъ крестьянское платье своей подруги.... Такъ ты живешь въ деревнѣ?

— Да, съ нѣкотораго времени, отвѣчала Пѣвица, потупивъ глаза.

— А теперь ты приходила, какъ я, повидаться съ кѣмъ-нибудь въ тюрьмѣ?

— Да.... я тамъ была.... пробормотала Пѣвица, покраснѣвъ отъ стыда....

— И отправляешься домой? Далеко отъ Парижа?... Я узнаю тебя: ты всегда любила деревню.... а я всегда про тебя думала: Пѣвица — лѣсной цвѣтокъ, ей душно въ *столицѣ*.... Ты живешь у добрыхъ людей въ деревнѣ?

— Да, прошептала Пѣвица и опять покраснѣла.

— Я хочу побранить тебя.... зачѣмъ ты уѣхала, не простясь со мною?

— Я.... я уѣхала такъ неожиданно....

Пѣвица смутилась еще болѣе.

— Прощаю, отъ радости, что вижу тебя.... Впрочемъ, ты хорошо сдѣлала, что уѣхала изъ Парижа.... Здѣсь такъ трудно жить, и бѣдной дѣвушкѣ легко попасть въ бѣду.... Кто посовѣтуетъ, кто защититъ? а мужчины такъ много обѣщаютъ!... А иногда и нищета черезъ-чуръ тяжела.... Помнишь маленькую хорошенькую Юлію, милашку?... и Розину.... блондинку съ чорными глазами?

— Да, помню.

— Ну, такъ обѣ онѣ были обмануты, брошены, и дошли до того, что принадлежатъ къ числу тѣхъ презрѣнныхъ женщинъ, которыхъ сажаютъ въ эту тюрьму.

— Боже мой! вскричала Пѣвица и задрожала.

Риголетта, не понявъ настоящаго смысла восклицанія своей подруги, продолжала:

— Мы не должны быть слишкомъ строги къ другимъ, хоть и остались честными.... ты—потому, что живешь съ добрыми поселянами.... я—потому, что мнѣ некогда возиться съ любовниками.... Можетъ-быть, случай, обманъ, нищета довели Юлію и Розину до несчастія!... на ихъ мѣстѣ, можетъ-статься, мы тоже-бы сдѣлали!

— О! горько прервала Пѣвица: я ихъ не обвиняю.... я только жалѣю о нихъ.

— Пойдемте! Пойдемте! сказала г-жа Серафенъ, подавая руку Пѣвицѣ: намъ давно пора, мы опоздали....

— Позвольте, еще минуту.... Я такъ давно не видала милой моей Пѣвицы.

— Ужъ три часа.... Я могу подождать только десять минутъ.

— А ты всегда весела? по-прежнему? спросила Пѣвица у своей подруги.

— О нѣтъ!... Я не перемѣнилась, но у другихъ есть горе, такъ и я мучусь.... Я иду въ тюрьму, видѣться съ сосѣдкой.... предобрая, претихая дѣвушка.... Ее обвиняютъ по-напрасну.... Она дочь гранильщика Мореля; онъ былъ такъ несчастливъ, что сошелъ съ ума.

Услышавъ имя Луизы Морель, жертвы нотаріуса Феррана, г-жа Серафенъ вздрогнула и пристально посмотрѣла на Риголетту.

Она никогда не видывала гризетки; однакожъ съ этой минуты стала внимательно слушать разговоръ двухъ подругъ.

— Но это еще не все, продолжала гризетка: я пришла изъ-далека, изъ тюрьмы.... да еще изъ мужской....

— Изъ мужской?

— Да! и тамъ у меня есть несчастный.... Видишь-ли, мой мѣшокъ раздѣленъ на двѣ половины; въ одной несу бѣлье Луизѣ Морель, въ другой носила кушанье бѣдному Жермену.... Это мой бывшій сосѣдъ.... добрѣйшій чело-

вѣкъ!... тихъ, скроменъ, какъ дѣвушка; я любила его, какъ брата....

— Такъ понятно, что его горе все-равно, что твое!

При имени Жермена, г-жа Серафенъ стала прислушиваться къ разговору еще внимательнѣе.

— За что-же попалъ онъ въ тюрьму? спросила Пѣвица.

— Его преслѣдуетъ старый нотаріусъ, чудовище!... тотъ самый, который донесъ на Луизу.... Она была у него служанкой, а Жерменъ кассиромъ!... И за что этотъ злодѣй напалъ на нихъ!... Но постой, достанется и ему!...

Риголетта произнесла послѣднія слова съ такимъ выраженіемъ, которое обезпокоило г-жу Серафенъ. Старуха вмѣшалась въ разговоръ и сказала Пѣвицѣ:

— Пора идти, насъ ждутъ.... Я вижу, что ваша подруга разсказываетъ вамъ презанимательныя исторіи. Я не знаю этой дѣвушки и Жермена, а мнѣ ихъ жалко.... Боже мой! Неужели живутъ на свѣтѣ такіе злые люди!... А какъ зовутъ нотаріуса?

Риголетта вспомнила, что Родольфъ запретилъ ей говорить о покровительствѣ его Жермену, раскаявалась, что намѣкнула объ этомъ, и сказала, чтобы поправить свою ошибку:

— Нотаріуса зовутъ Ферраномъ.... Поступки его тѣмъ хуже, что никто не занимается Луизой и Жерменомъ, кромѣ меня.... а что могу я для нихъ сдѣлать?

— Какъ жаль! прервала г-жа Серафенъ: я думала, что вы имѣете въ виду какого-нибудь покровителя, когда вы сказали про нотаріуса: *достанется и ему*!

— Нѣтъ, отвѣчала Риголетта, стараясь разсѣять подозрѣнія старухи: гдѣ найти такого великодушнаго человѣка, который принялъ-бы сторону двухъ бѣдняковъ противъ сильнаго и богатаго Феррана?

— О! есть такіе великодушные люди! сказала Пѣвица съ восторгомъ. Я знаю одного человѣка, который считаетъ долгомъ защищать и спасать страдальцевъ; онъ также страшенъ злодѣямъ, какъ милостивъ къ добрымъ!

Риголетта взглянула на Пѣвицу съ удивленіемъ и хотѣла сказать (думая о Родольфѣ), что тоже знаетъ человѣка, который отважно защищаетъ слабыхъ противъ сильныхъ; но вспомнила приказанія своего *сосѣда* и сказала только:

— Ба! ты знаешь такого великодушнаго человѣка?

— Знаю.... и увѣрена, что еслибъ ему были извѣстны незаслужоныя несчастія Луизы и Жермена, такъ онъ спасъ-бы ихъ и наказалъ ихъ гонителя.... Его справедливость и доброта неистощимы....

Г-жа Серафенъ съ удивленіемъ посмотрѣла на свою жертву и подумала:

— Эта дѣвушка гораздо для насъ опаснѣе, чѣмъ мы думали; надобно непремѣнно сбыть ее съ рукъ.... Теперь ужъ я надъ нею не сжалюсь....

— Попроси, Пѣвица, твоего знакомаго за мою Луизу и моего Жермена: вѣдь они ничѣмъ не заслужили несчастія, сказала Риголетта, расчитывая, что ея друзья ничего не потеряютъ, если приобрѣтутъ еще другаго покровителя.

— Будь спокойна, я непремѣнно попрошу г-на Родольфа.

— Родольфа! вскричала удивленная Риголетта.

— Да....

— Кто онъ? купеческій прикащикъ?

— Не знаю, кто онъ.... но чему ты такъ удивилась?

— Да я тоже знаю одного Родольфа, отвѣчала Риголетта.

— Да это, можетъ-быть, не тотъ.

— Посмотримъ.... каковъ твой?

— Молодъ.

— И мой тоже!

— Лицо благородное.... очень доброе....

— И мой точно такой-же.... Смуглый?... съ усиками?

— Да....

— Высокой и стройный?... Обращеніе такое учтивое?

— Это, вѣрно, онъ, сказала Пѣвица: но мнѣ одно удивительно: почему ты считаешь его прикащикомъ?

— Я это навѣрное знаю.... онъ сказывалъ мнѣ самъ....

— Такъ ты его знаешь?

— Какъ не знать! онъ мой сосѣдъ!

— Можетъ-ли быть!

— Что-жъ удивительнаго.... Онъ скромно живетъ въ четвертомъ этажѣ, потому-что получаетъ жалованья тысячи полторы въ годъ.

— Нѣтъ... нѣтъ.... это не онъ! сказала Пѣвица, подумавъ.... Тотъ, котораго я знаю, всемогущъ.... имя его произносятъ съ любовію и уваженіемъ.... видъ его изумляетъ и смущаетъ.... можно стать на колѣни передъ его величіемъ и милостію....

— Ну.... мой Родольфъ совсѣмъ невсемогущъ и не изумляетъ.... Онъ добрый малый, всегда веселъ.... обѣщалъ мнѣ натирать мои полы и водить меня гулять по воскресеньямъ.... Видишь, что мой Родольфъ — не знатный господинъ....

Пѣвица вдругъ вспомнила, что когда она встрѣтила Родольфа въ первый разъ въ харчевнѣ Яги-Бабы, онъ былъ одѣтъ, какъ и всѣ прочіе посѣтители харчевни.... Почему-же не быть ему прикащикомъ?

Но что у него за цѣль? Для чего онъ еще разъ переряднлся?

Гризетка, примѣтивъ задумчивость Пѣвицы, сказала ей:

— Нечего думать!... Мы скоро все узнаемъ.... Когда ты увидишь Родольфа, поговори ему обо мнѣ.... когда я увижу его, то спрошу про тебя....

— Гдѣ ты живешь, Риголетта?

— Въ улицѣ Тамиль, № 17.

— Это не худо знать, подумала г-жа Серафенъ.... Если гризетка и всемогущій прикащикъ станутъ мѣшаться не въ свое дѣло, такъ мы будемъ знать, гдѣ найти ихъ....

Пріятельницы распрощались.

Риголетта пошла въ тюрьму, повидаться съ Луизой.

Пѣвица сѣла въ фіакръ съ г-жею Серафенъ, которая приказала ѣхать въ Батиньоль и остановиться у заставы.

Онѣ остановились почти у самой Сены.

Пѣвица не знала Парижа, однакожъ замѣтила, что эта дорога ведетъ не на Буквальскую ферму.

— Я только могу сказать вамъ, отвѣчала г-жа Серафенъ, — что я исполняю приказаніе вашихъ благодѣтелей....

— Такъ я повинуюсь....

Онѣ пошли къ рѣкѣ; мы оставимъ ихъ въ дорогѣ и придемъ нѣсколькими минутами прежде ихъ на островъ Грабителя.

XIV.

ЛОДКА.

При солнечномъ свѣтѣ, проклятое жилище Марсіаловъ казалось веселымъ и привлекательнымъ.

Одно окно дома было закрыто желѣзными листами; на нихъ лежали крестомъ двѣ желѣзныя полосы, прикрѣпленныя къ стѣнѣ огромными гвоздями.

У пристани, на волнахъ качались три лодки.

Въ одной изъ нихъ, Николай пробовалъ, хорошо-ли отворяется дверца, которую онъ самъ устроилъ.

На самомъ берегу, стояла Тыква, и защитивъ глаза отъ солнца рукою, какъ зонтикомъ, смотрѣла туда, откуда должна была показаться г-жа Серафенъ съ своею жертвою....

— Никого нѣтъ, ни старой, ни молодой, сказала Тыква, садясь возлѣ Николая.... Это, вѣрно, будетъ по вчерашнему; мы будемъ ждать напрасно... Если онѣ не придутъ черезъ пол-часа, мы уѣдемъ.... Дѣльцо у Красной-Руки лучше, и насъ тамъ ждутъ!... Торговка придетъ къ нему съ брильянтами, въ пять часовъ.... такъ намъ надобно быть въ Елисейскихъ поляхъ прежде ея.... Такъ сегодня говорила Сова....

— Да, отвѣчалъ Николай, выходя изъ лодки.... Чортъ возьми проклятую старуху, которая заставляетъ насъ ждать по пустому.... Дверца отворяется чудесно!... А изъ обоихъ этихъ дѣлъ намъ ни одно не удастся!

— Впрочемъ, Красная-Рука и Барбильонъ ничего не могутъ сдѣлать безъ насъ....

— Разумѣется; во время дѣла, Красная-Рука долженъ стоять на караулѣ, у дверей харчевни, а Барбильонъ одинъ не втащитъ старухи въ погребъ.... она не поддастся!

— Кажется, Сова говорила намъ, что она держитъ, въ этомъ погребѣ, *Учителя*, на хлѣбахъ?

— Нѣтъ, не въ этомъ.... Тотъ погребъ гораздо глубже, и затопляется, когда вода въ Сенѣ высока.

— Какъ Учителю тамъ скучно!... Онъ тамъ одинъ.... и слѣпъ!

— Да еслибъ онъ и не былъ слѣпъ, такъ все-равно: въ погребѣ темно, какъ въ аду.... Сова говоритъ, что онъ развлекаетъ себя ловлею мышей.... и что въ погребѣ очень-много этой дичи.

— Кстати о людяхъ, которымъ скучно, прервала Тыква съ звѣрскою улыбкою, указывая на окно, закрытое желѣзными листами: тутъ сидитъ господинъ.... ему не очень-весело!

— Ба! онъ спитъ.... Съ сегодняшняго утра онъ не двигается.... да и собака его не ластъ....

— Онъ, вѣрно, задушилъ ее и съѣлъ.... Вѣдь они тамъ два дня.... умираютъ отъ жажды и голода.

— Это ихъ дѣло.... Когда Марсіалъ умретъ.... мы скажемъ, что онъ умеръ отъ болѣзни.... Никто ничего не узнаетъ....

— Такъ-ли?

— Разумѣется. Идя сегодня въ Аньеръ, мать наша встрѣтила рыбака Феро.... Онъ удивлялся, что два дня не видитъ пріятеля своего Марсіала; мать сказала ему, что Марсіалъ не сходитъ съ постели, крѣпко боленъ и

вѣрно не встанетъ.... Феро повѣрилъ и разскажетъ другимъ; когда Марсіалъ умретъ, всѣ будутъ къ этому приготовлены.

— Да, но онъ умретъ не скоро....

— Что-жъ дѣлать?... Иначе нельзя было сладить съ нимъ.... Проклятый Марсіалъ, когда разсердится, страшенъ, какъ дьяволъ, и силенъ, какъ быкъ.... Но мы забили окно, такъ нечего бояться....

— Но онъ могъ-бы отбить желѣзо, еслибъ я не изрубила ему рукъ топоромъ, когда онъ хотѣлъ приняться за эту работу....

— Это тебѣ было забавно! сказалъ пиратъ съ насмѣшкой....

— Онъ скрежеталъ зубами, какъ бѣшеный; два или три раза онъ хотѣлъ сбросить меня съ лѣстницы....

— Счастье наше, что нѣтъ камина въ его комнатѣ....

— И что дверь крѣпка, а руки у него изрублены!... а то пожалуй, онъ разбилъ-бы полъ....

— А балки-то на что?... Сквозь нихъ не пройдешь! Небось, нѣтъ опасности: окно забито желѣзными листами, которые прикрыты желѣзными полосами; дверь заколочена барочными гвоздями.... Такого гроба нельзя сдѣлать даже изъ дуба и свинцу!...

— А какъ Волчиха придетъ сюда, изъ тюрьмы.... искать своего возлюбленнаго....

— Ну, что-жъ!... Мы скажемъ ей: пщи!

— Кстати, знаешь, что еслибъ мать не заперла дѣтей, они прогрызли-бы дверь, какъ мыши, чтобы освободить Марсіала.... Маленькій Франсуа сталъ существомъ демономъ съ тѣхъ-поръ, какъ догадался, что мы сдѣлали съ старшимъ братомъ....

— Ба! неужели ихъ оставятъ на верху, пока мы уѣдемъ съ острова.... У окна ихъ нѣтъ рѣшетки; имъ стоитъ только выбраться на дворъ....

Въ эту минуту, крики и рыданія, раздавшіеся изъ дома, привлекли вниманіе Тыквы и пирата.

Дверь нижняго этажа, бывшая до-сихъ-поръ открытою, быстро захлопнулась; черезъ минуту, блѣдное и страшное лицо вдовы показалось въ окнѣ кухни.

Худою рукою вдова сдѣлала дѣтямъ знакъ, которымъ звала ихъ къ себѣ.

— Опять драка!... Я увѣренъ, что Франсуа опять не слушается, сказалъ пиратъ.... Еслибъ не Марсіалъ, этотъ мальчикъ былъ-бы золото.... Смотри хорошенько, и если увидишь нашихъ гостей, кликни меня.

Пока Тыква ждала появленія г-жи Серафенъ и Пѣвицы, Николай вошолъ въ домъ.

Амандина стояла на колѣнахъ посреди кухни, рыдала и просила пощады за маленькаго брата; а Франсуа, раздраженный, внѣ себя, стоялъ въ углу, махалъ топоромъ Николая, и на этотъ разъ, казалось, рѣшился на отчаянное сопротивленіе приказаніямъ матери своей.

По-прежнему безстрастная и молчаливая, вдова указала Николаю на погребъ, находившійся въ кухнѣ, и подала ему знакъ, чтобы онъ заперъ туда непокорнаго Франсуа.

— Не стащите меня туда! кричалъ мальчикъ, у котораго глаза горѣли, какъ у дикой кошки.... Вы хотите уморить тамъ меня съ Амандиной, голодомъ, какъ брата нашего Марсіала.

— Маменька!.. Ради Бога, оставьте насъ въ нашей комнатѣ на верху, гдѣ мы были вчера.... сказала Амандина умоляющимъ голосомъ: въ темномъ погребѣ намъ будетъ слишкомъ страшно....

Вдова взглянула на Николая гнѣвно, упрекая его за медленное исполненіе приказаній; потомъ новымъ повелительнымъ движеніемъ руки указала ему на Франсуа.

Видя, что Николай подходитъ, Франсуа поднялъ топоръ съ отчаяннымъ видомъ и закричалъ:

— Кто-бы ни тащилъ меня туда,—матушка, Николай или Тыква, все равно, я ударю топоромъ.... а онъ не шутитъ!...

Пиратъ, какъ и вдова, чувствовалъ необходимость запереть дѣтей и поставить ихъ въ невозможность идти на помощь Марсіалу, пока они будутъ въ отсутствіи, и видѣть, какъ будутъ топить Пѣвицу. Изъ оконъ комнаты дѣтей можно было осматривать всю Сену.

Но пиратъ, столько-же трусливый, сколько кровожадный, не хотѣлъ подвергать себя опасности, и потому не рѣшался подойти къ меньшому брату.

Вдова, разсердившись на его нерѣшительность, грубо толкнула его къ Франсуа.

Пиратъ снова попятился назадъ и сказалъ:

— Если онъ меня ударитъ, что́ я буду дѣлать? Вы знаете, что я черезъ часъ буду имѣть нужду въ моихъ рукахъ, а я еще чувствую боль отъ удара, которымъ колотчибалъ меня проклятый Марсіалъ.

Вдова съ презрѣніемъ пожала плечами и пошла къ меньшому сыну.

— Не подходите, кричалъ Франсуа въ бѣшенствѣ,—или вы заплатите мнѣ за всѣ удары, которыми вы кормили меня съ Амандиной.

— Братецъ!... Пойдемъ въ погребъ!... Не ударь матушки!... вскричала Амандина со страхомъ.

Николай увидалъ на стулѣ толстое шерстяное одѣяло, на которомъ за нѣсколько минутъ прежде гладили бѣлье. Пиратъ схватилъ его, бросилъ искусно на голову Франсуа, и ребенокъ, запутавшись въ тяжолыхъ складкахъ одѣяла, не могъ уже дѣйствовать топоромъ.

Тутъ Николай бросился на Франсуа и, съ помощію матери, стащилъ его въ погребъ.

Амандина все еще стояла на колѣняхъ посреди кухни, но увидавъ участь брата, она быстро встала и, не-смотря на страхъ, добровольно пошла въ мрачную тюрьму.

Дверь подвала заперли тщательно.

— А все Марсіалъ виноватъ, что дѣти терпѣть не могутъ насъ! вскричалъ пиратъ.

— Ничего не слышно въ его комнатѣ съ сегодняшняго утра, сказала вдова задумчиво и вздрогнула: — ничего!...

— Такъ ты хорошо сдѣлала, что сказала рыбаку Феро, что Марсіалъ два дня не встаетъ съ постели и околѣваетъ.... Если всегда такъ говорить, такъ смерть его не удивитъ никого....

Помолчавъ минуту, и желая избавиться отъ тяжолыхъ мыслей, вдова сказала:

— Сова приходила сюда, пока я была въ Аньерѣ?

— Приходила.

— Зачѣмъ-же не осталась, чтобъ идти вмѣстѣ къ Красной-Рукѣ.... Я не вѣрю ей....

— Ба!... вы всѣмъ не вѣрите!... сегодня Совѣ, а вчера не вѣрили Красной-Рукѣ!..

— Красная-Рука свободенъ, сынъ мой—въ Тулонѣ, а вѣдь они воровали вмѣстѣ.

— Все одно и тоже!... Красная-Рука спасся потому, что былъ похитрѣе.... вотъ и все! А Сова не осталась здѣсь потому, что у ней въ два часа назначено свиданіе съ тѣмъ чорнымъ господиномъ, для котораго она увезла дѣвушку изъ деревни.... Ей тогда помогали Учитель и Хромой, сынъ Красной-Руки.... Я все это знаю, потому-что ихъ везъ Барбильонъ.... Можетъ-ли быть, чтобъ Сова доказала на насъ, когда она разсказываетъ намъ всѣ свои дѣла? А мы-то ей ничего не говоримъ!... Напримѣръ, она ничего не знаетъ о дѣвушкѣ, которую мы сегодня утопимъ.... Будьте спокойны, волкъ волка не ѣстъ!... День будетъ славный!... У торговки, которую мы затащимъ въ погребъ Красной-Руки, бываетъ иногда брильянтовъ на тридцать тысячъ.... Каково!

— Пока мы будемъ обыскивать торговку, Красная-Рука будетъ стоять на порогѣ харчевни? спросила вдова подозрительно.

— Да гдѣ-же ему быть?... Если кто придетъ, надобноже остановить.... удалить отъ того мѣста, гдѣ мы будемъ разбирать торговку....

— Николай! закричала Тыква.... вотъ наши гостьи!

— Ну, матушка, надѣвайте скорѣй платокъ, я перевезу васъ на ту сторону, сказалъ пиратъ.

Вдова надѣла платокъ съ сѣрыми и бѣлыми клѣтками, заперла дверь кухни, положила ключъ за ставню одного изъ окошекъ, и пошла за сыномъ на пристань.

Невольно бросила она продолжительный взглядъ на окно Марсіала, нахмурила брови, закусила губы и, вздрогнувъ, прошептала: Самъ виноватъ! Самъ виноватъ!

— Николай! видишь ихъ?... Тамъ, на пригоркѣ.... Госпожа и крестьянка!... говорила Тыква, указывая на г-жу Серафенъ и Пѣвицу, которыя по тропинкѣ сходили съ холма къ рѣкѣ.

— Подождемъ сигнала, чтобъ не испортить дѣла, отвѣчалъ Пиратъ.

— Да развѣ ты ослѣпъ?... Развѣ ты не узнаешь толстой старухи, которая приходила къ намъ третьяго дня?... Посмотри, на ней тотъ-же оранжевой платокъ.... А крестьянка такъ и бѣжитъ! Видно, что не знаетъ, что̀ съ ней здѣсь будетъ!

— Да, теперь узналъ старуху.... Хорошо! Смотри-же, Тыква, не плошай.... Я посажу старуху и дѣвушку въ лодку съ дверцой; а ты ступай возлѣ насъ, въ другой лодкѣ.... Смотри, ступай возлѣ борта, чтобъ я могъ перепрыгнуть къ тебѣ, когда отворю дверцу и лодка моя пойдетъ ко дну.

— Небось; я гребу не въ первый разъ!

— Я и не боюсь утонуть.... вѣдь ты знаешь, какъ я плаваю! Но если я съ разу не попаду въ твою лодку, такъ бабы схватятся за меня, а я не хочу барахтаться съ ними въ водѣ и замочиться!

— Старуха машетъ платкомъ, — сказала Тыква — онѣ ужъ на берегу....

— Ну, матушка, садитесь въ лодку съ дверцей, закричалъ Николай: если вы тутъ сядете, бабы ничего не будутъ

подозрѣвать.... Ну, Тыква, за весла!... Возми и мой багоръ, онъ востеръ, какъ пика; можетъ-быть пригодится!

Пиратъ положилъ багоръ въ лодку къ Тыквѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ обѣ лодки пристали къ берегу, на которомъ ожидали ихъ г-жа Серафенъ и Пѣвица.

Г-жа Серафенъ быстро подошла къ Николаю и сказала ему въ полголоса, на ухо:

— Скажите, что г-жа Жоржъ насъ ждетъ....

Потомъ она сказала громко:

— Что? мы опоздали?

— Да, сударыня, г-жа Жоржъ нѣсколько разъ спрашивала про васъ.

— Видите-ли? г-жа Жоржъ насъ ждетъ! сказала Серафенъ, обращаясь къ Пѣвицѣ, которой сердце забилось при видѣ страшныхъ лицъ вдовы, Тыквы и Николая....

Но имя г-жи Жоржъ успокоило Пѣвицу, и она отвѣчала:

— И мнѣ тоже хочется видѣть ее поскорѣе.... Посчастію, переѣздъ невеликъ....

— Придвиньте лодку поближе, сказала Серафенъ Николаю, и потомъ прошептала:—надобно непремѣнно утопить ее; если она вынырнетъ, такъ опять ее подъ воду....

— Хорошо, а вы не бойтесь.... я дамъ вамъ знакъ.... Она потонетъ одна.... все устроено!... вамъ нѣтъ опасности!... отвѣчалъ пиратъ тоже шопотомъ. Потомъ, съ дикимъ равнодушіемъ, не тронувшись ни красотою, ни юностію Пѣвицы, онъ подалъ ей руку.

Дѣвушка оперлась на нее и спрыгнула въ лодку.

Пиратъ подалъ руку г-жѣ Серафенъ....

По предчувствію, страху или изъ предосторожности, г-жа Серафенъ отступила назадъ....

— Нѣтъ, я поѣду въ другой лодкѣ, сказала она.... и сѣла къ Тыквѣ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Николай, значительно посмотрѣвъ на свою сестру, и ударилъ весломъ въ берегъ. Лодка тронулась съ мѣста.

Вдова молча стояла на берегу и не принимала никакого участія въ этой сценѣ. Погрузившись въ мрачныя мысли, она устремила упрямый взоръ на окно Марсіала, которое можно было видѣть съ этого берега, сквозь зелень тополей.

Между-тѣмъ обѣ лодки — одна съ Пѣвицей и Николаемъ, другая съ г-жою Серафенъ и Тыквой — медленно удалялись отъ берега....

В. СТРОЕВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ АѲАНАСЬЕВЪ, АРТИСТЪ-КОМИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-П.-БУРГСКАГО ТЕАТРА.

Я не знаю, кому былъ обязанъ жизнію Александръ Ивановичъ; но могу сказать о немъ вѣрно только то, что онъ родился около 1808 года и лишь началъ себя понимать, тотже-часъ попалъ на руки одного почтеннаго чиновника Дмитрія Никиѳоровича Аѳанасьева, который и передалъ ему свою фамилію; иные даже говорили, что нашъ артистъ былъ и сынъ этого Аѳанасьева.

По ограниченнымъ своимъ средствамъ, упомянутый Дмитрій Никиѳоровичъ скоро предоставилъ всѣ заботы объ окончательномъ воспитаніи Александра Ивановича пріятелю своему и страстному любителю словесности, *своего вѣка*, Переяславль-Залѣсскому помѣщику Ѳедору Ивановичу Карцеву, гдѣ юный Аѳанасьевъ и приготовлялся ко вступленію въ московскій Университетъ.

Въ продолженіе этихъ его приготовленій Ѳедоръ Ивановичъ Карцевъ, какъ *старинный* и примѣрный любитель театра, нерѣдко составляя въ своемъ домѣ спектакли изъ разныхъ классическихъ переводовъ, бо́льшею частію взятыхъ изъ Вольтера, Корнеля, Мольера, Расина и Реньяра, давалъ всѣ средства, подъ ученымъ своимъ надзоромъ, и Аѳанасьеву отличаться въ трагическихъ роляхъ. Г. Карцевъ полагалъ за непремѣнное сдѣлать

изъ Александра Ивановича трагика, и Александръ Ивановичъ не замедлилъ изучить, со всѣми подробностями, всю размѣрную дикцію Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго, славнаго, въ нашу старь, трагика и добраго знакомца самому Карцеву.

Подражательной дикціей Аѳанасьевъ совершенно удовлетворялъ желанія своего благодѣтеля, а главное отличался даже и въ собственныхъ его піесахъ, написанныхъ вѣрнѣйшими, *по тактъ*, шестистопными ямбами, живымъ подраженіемъ *трапславію* XVIII вѣка. — Чудно читывалъ Аѳанасьевъ:

«Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну,
«Тебя, любезная, любить не перестану!»

или ужасъ производилъ онъ-же, гремя словами *Самозванца*: «*Иди, душа, во адъ!*» Но отложивъ здѣсь всѣ шутки нашихъ *редакціонныхъ* дней въ сторону, скажемъ, что Александръ Ивановичъ успѣшно достигалъ предположенной ему цѣли, и повторимъ также, что онъ дивно читалъ наши *русскія вирши*, *по формулѣ* Дмитревскаго; а потомъ уже, посмотрѣвъ *Яковлева* и, случайно (чрезъ мое посредство), Ѳ. Ѳ. Кокошкина — принялъ и усвоилъ себѣ въ совершенствѣ всю *ихъ дикцію*, пѣвучую, музыкальную: она была богатою отличкою театральной славы того вѣка.

Дѣло это шло очень-хорошо; однакожъ для Аѳанасьева безъ окончательной цѣли! Онъ, при порядочномъ ростѣ и даже при изрядной фигурѣ, *по облику своему* нерожденъ былъ трагикомъ; а притомъ и начальный трагическій классъ его очень-скоро разстроенъ былъ поступленіемъ его въ Гимназію, а потомъ и въ Университетъ московскій.

Въ этотъ учебный періодъ своей жизни, Аѳанасьевъ уже только въ вакаціонное время удовлетворялъ возраставшую въ немъ отъ-часу выше и выше страсть къ театру; да и тутъ, въ самый краткій вакаціонный срокъ, успѣвалъ занимать себя единственно піесами легкими — комическими, и особенно въ сценахъ Мольерова *Скупаго*,

въ *Нечаянномъ возвращеніи*, Реньяра и въ другихъ, подобныхъ-же, многихъ комическихъ піесахъ.

Начало университетскихъ наукъ Александра Ивановича шло хорошо, но вдругъ тѣсная связь его съ извѣстнымъ послѣ поэтомъ *Полежаевымъ*, разстроила все его направленіе къ учености; онъ замѣшался въ какую-то *удалую проказу* и за нее былъ выключенъ изъ Университета. Храбро еще воспѣвалъ онъ съ своими товарищами языкомъ зачинщика ихъ бѣдъ, поэта:

Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
И вотъ насъ демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой!

Но сердце ему говорило: именно *освищетъ* и — *освисталъ* ихъ Демонъ! Тутъ уже Аѳанасьеву оставалось одно только: возвратиться опять въ сельское убѣжище своего благодѣтеля, умѣрить себя и заняться снова, какъ онъ говаривалъ, *чисто-сладкою классикою Вольтеризма!* Такъ онъ и сдѣлалъ, читалъ, читалъ, читалъ и — двинулся еще дальше въ своемъ искусствѣ!

Между-тѣмъ лѣта Александра Ивановича шли впередъ и впередъ; одинъ изъ первыхъ его милостивцевъ и, можетъ-быть, какъ намѣкнулъ я, отецъ ему, Дмитрій Никѳоровичъ Аѳанасьевъ, давно скончался. Требовался сиротѣ круглому *выборъ рода жизни!...* Ѳедоръ Ивановичъ Карцевъ привезъ его въ Москву и, зная мои добрыя сношенія съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кокошкинымъ, немедленно просилъ меня, чтобъ я Александра Ивановича представилъ этому незабвенному мастеру въ нашемъ театральномъ дѣлѣ. — Не мѣшкалъ я и — Аѳанасьевъ былъ принятъ на сцену московскихъ театровъ; но не трагикомъ, а — комикомъ!

Обстоятельства этого его пріема для меня весьма-памятны, для другихъ-же, можетъ-быть, и любопытны; разсказываю-же все, какъ было:

Однажды утромъ, по назначенію Кокошкина, Аѳанасьевъ явился къ нему вмѣстѣ со мною. — Вся голова его наполнена была стихами изъ *Донскаго*, изъ *Магомета*, изъ *Эдипа!* И точно, на самой первой встрѣчѣ съ нимъ, Кокошкинъ заставилъ его проговорить монологъ *Посла Татарина* изъ Донскаго. Исполненіе этой задачи было начато и докончено Аѳанасьевымъ диковинно. — Гордо, величественно проговорилъ онъ:

Россійскіе Князья! непобѣдимый Ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель ...

При послѣднемъ стихѣ этого-же самаго монолога, когда Аѳанасьевъ презрительно произнесъ:

«И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить»,

Кокошкинъ стремительно вскочилъ съ своего мѣста и рѣзко отвѣтилъ Аѳанасьеву словами Димитрія:

«О дерзостный посолъ», и проч.

Но потомъ, всмотрѣвшись въ непзмѣняемый натурально-комической взглядъ экзаминуемаго, остановился и сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Г. Аѳанасьевъ, начнемте что-нибудь другое.» За тѣмъ, тотъ-же часъ послѣдовали монологи изъ *Алзиры*, изъ *Магомета*, изъ *Зюлимы*, трагедіи благодѣтеля Аѳанасьева, Г. *Кирцева* — «Все прекрасно, чтеніе превосходное!» повторилъ опять Ѳедоръ Ѳедоровичъ: «вы Г. Аѳанасьевъ, рождены актеромъ, но актеромъ не трагикомъ! Игрывали-ли вы что-нибудь изъ комедіи? спросилъ онъ его съ какою-то дружескою ласкою».

Молодой артистъ, ободренный такимъ обращеніемъ будущаго своего начальника и покровителя, хотя предупрежденный въ свою пользу только *для трагедій*, сконфузился; но скоро нашелъ отвѣтъ и высказалъ, что ему извѣстна одна роль изъ Вольтеровой *Шотландки*, вновь переведенной тоже Г. Карцевымъ, что онъ затвердилъ *Скотинина* изъ «Недоросля» и знаетъ также роль *Семена* — слуги изъ *Ефимьева* «Братомъ проданной сестры».

— Превосходно, превосходно! воскликнулъ Кокошкинъ: прочтите же мнѣ что-нибудь, мой милой, изъ философіи нашего *стариннаго Семена!* — Аѳанасьевъ, какъ волшебникъ измѣнился: вся русская *лакейская* мимика изобразилась во всѣхъ чертахъ лица его,—неподражаемо началъ онъ говорить:

«Раненько баринъ мой, раненько ты встаешь,
«И видно не къ добру спѣшишь ты на картежъ», и проч.

Это въ свою пору извѣстнѣйшій монологъ *Ѳеильева* Семена. — Кокошкинъ рукоплескалъ отъ всей души, отъ чистаго сердца и домолвилъ: «Вотъ, мой милый, вы нашли себя, вотъ вашъ тріумфъ натуральный; останьтесь при мнѣ и вы на первый разъ, получите отъ меня тысячу рублей.» Александръ Ивановичъ, при всѣхъ превратностяхъ начавшейся жизни своей, никакъ не ожидалъ для себя такого жалованья и потому охотно изъявилъ свое согласіе на вступленіе въ службу къ *Московской Таліи*, имѣвшей, по заботамъ Кокошкина, многія разительныя *свои* пріятности; но однакожъ и при согласіи на рѣшительный комизмъ, юноша нашъ все еще думалъ когда-нибудь и какъ-нибудь отличиться и въ трагедіи. — «Такъ; да дѣло въ шляпѣ, мой милой!» замѣтилъ Кокошкинъ, пожавши ему дружески руку — «ходите безданно и повсемѣстно въ театръ, вотъ вамъ мое дозволеніе, не забывайте также и нашей театральной школы,—я тамъ и тамъ дежурнымъ безсмѣннымъ!»

19 февраля 1829 года Аѳанасьевъ явился на сценѣ Петровскаго театра, въ ролѣ *Сутягина*, изъ комедіи Князя А. А. Шаховскаго: *Ссора* или *два сосѣда*. Не говоря о публикѣ *райской*, которая приняла Александра Ивановича съ обычнымъ своимъ восторженнымъ шумомъ и плескомъ, сами современные московскіе журналы сказали, что онъ сыгралъ роль свою, *какъ нельзя лучше* *. Вскорѣ послѣ того, онъ-же явился въ роли *Виктора*

* *Дамскій Журналъ*, часть XXV, тоже и въ другихъ изданіяхъ, тому-же журналу современныхъ.

изъ комедіи Хмѣльницкаго: *Воздушные замки*, и тѣ-же журналы повторили, что Александръ Ивановичъ *есть* и *будетъ хорошій комикъ, смѣлый и внимательный къ самому-себѣ артистъ* *. Для первыхъ разовъ игры актера, никогда незнавшаго никакой публики, а главное, сколь-зкой сцены огромнаго театра, такая похвала весьма-замѣчательна, тѣмъ-болѣе, какъ я помню, что съ этимъ-же отголоскомъ согласовались и всѣ наши тогдашніе отъ-явленные любители московскаго русскаго театра, въ числѣ которыхъ былъ и Князь Александръ Александровичъ Шаховской. — Кокошкинъ угадывалъ одного-ли Аѳанасьева?

Прелестенъ тоже бывалъ Аѳанасьевъ въ *Марѳѣ и Угарѣ*, не совсѣмъ худъ и во *Вральманѣ* «Недоросля»; но лучшая его роль была въ *Ревизорѣ* Гоголя, — нашъ артистъ поставилъ себя великимъ творцомъ этой роли: тутъ онъ много пособилъ славѣ оригинальной нашей комедіи! . . .

Разгульная прежняя жизнь Александра Ивановича съ *Полежаевымъ* и его товарищами, *на раздольяхъ* сцены театральной скоро опять съ *нимъ* сроднилась — громко онъ пѣлъ:

Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ,
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка —
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, Вакханка,
Незабвенной старины,
Ты коварная цыганка
Дочь свободы и весны!...

«Александръ Ивановичъ! Здѣсь *Нескучное;* тутъ нѣтъ твоей цыганки; публика собралась, тебя ожидаетъ; мы должны спѣшить на сцену!» Такъ проговорилъ кто-то Аѳа-

* Смотри приговоры *объ Аѳанасьевѣ* тѣхъ-же журналовъ, 1829 года.

насьеву, приглашая его играть, по непремѣнной обязанности, на сценѣ бывшаго прелестнаго, *воздушнаго* театра въ *Нескучномъ*, составлявшаго также *часть* незабвеннаго памятника Кокошкину.

«Не помня самаго-себя» писалъ ко мнѣ въ своей, почти послѣдней исповѣди, всегда благодарный мнѣ Аѳанасьевъ—«я отвѣчалъ: Не мѣшайте мнѣ праздновать дружбу!... Меня заарестовали, и это-то самое *заставило меня* переселиться въ Петербургъ и — поступить тамъ уже на театръ Императорскій.»

Нельзя также умолчать и о томъ, что въ 1830 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, учредивъ *особенныя* спектакли для испытаній воспитанниковъ и воспитанницъ Императорской московской театральной школы, употреблялъ тутъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ примѣрнаго мастера въ своемъ дѣлѣ, и Аѳанасьева. — На этой сценѣ образцовымъ онъ бывалъ въ ролѣ *Догадина*, изъ комедіи *Перегородка, или много труда по пустому*. — Съ нимъ тутъ игрывала, очень-хорошо, юная воспитанница школы *Виноградова*, нынѣ г-жа *Стрѣльская*. — Она и другая ея подруга, *Куликова*, тоже теперь замѣчательная артистка (*Г-жа Орлова*), обѣ поступили изъ рукъ Кокошкина-же, на большую публичную сцену вмѣстѣ съ Аѳанасьевымъ, и обѣ не однажды игрывали съ нимъ на упомянутомъ Кокошкинскомъ театрѣ воспитанниковъ!

=

Въ С. Петербургѣ Александръ Ивановичъ женился, о чемъ и увѣдомлялъ своего благодѣтеля Ѳедора Ивановича Карцева; далѣе уже мнѣ неизвѣстны всѣ послѣдствія тамошней его сценической жизни; прочелъ я только о немъ, къ сердечному сожалѣнію моему, кажется, въ «Репертуарѣ», что онъ скончался въ половинѣ 1842 года, къ чему добавляю, здѣсь: *не старше, какъ на тридцать седьмомъ году* отъ рожденія!

БЫСТРОВѢЦКІЙ.

Деревн. Переколь
1843 г. августа 16 дня.

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

РАШЕЛЬ.

Въ мірѣ современнаго искусства трудно указать другое имя, которое пользовалась-бы такою славою во всѣхъ образованныхъ странахъ, какъ имя актрисы Рашель. Ее превозносятъ до небесъ, ругаютъ до оскорбленія, про нее разсказываютъ анекдоты, сплетничаютъ, клевещутъ, надъ нею смѣются, предъ нею благоговѣютъ, однимъ словомъ, какъ знаменитость, она подвергается всѣмъ крайностямъ, всѣмъ противуположностямъ славы и клеветы, благоговѣнія и злословія. Въ то время, какъ *юная* Франція, послѣ упорной, отчаянной борьбы съ закоснѣлыми предразсудками въ искусствѣ и въ литературѣ, сбросила съ себя тяжолое иго классицизма, и, почуявъ свободу, неистово предавалась всѣмъ *оргіямъ* романтизма, ругаясь стариной и святотатственно низвергая съ пьедесталей прежнихъ боговъ своихъ, предъ которыми благоговѣла до-смѣшнаго; въ то время, когда она не хотѣла слышать на сценѣ ни имени, ни стиха, ни слова, напоминавшихъ ей піитику Аристотеля и Буало, съ ихъ *тремя драматическими единствами*, является на помостахъ театральныхъ дѣвочка, худая, изнемогшая отъ голода и разныхъ лишеній, неодаренная ни красивой таліей, ни смазливымъ личикомъ, является въ старыхъ, ненавистныхъ піесахъ, въ классическихъ роляхъ, говоритъ на-

пышенными стихами Расина и Вольтера—и что-же? Все предъ ней падаетъ, и старое и новое, театръ стонетъ отъ кликовъ и аплодисментовъ, толпа волнуется, плачетъ вмѣстѣ съ нею, страдаетъ ея страданіями, горитъ ея мщеніемъ, ужасается ея ужасомъ, пылаетъ ея восторгами.... Проходитъ годъ, два, три, проходитъ почти десять лѣтъ; эта дѣвочка ростетъ, крѣпнетъ въ силахъ, и все-таки является въ тѣхъ-же немногихъ роляхъ, упорно стоитъ за свои артистическія вѣрованія, клеймитъ презрѣніемъ новѣйшую драму, не хочетъ знать новѣйшихъ ея знаменитостей — а толпа все также благоговѣетъ передъ нею, также слушаетъ ее, также ей повинуется.... Зависть и клевета чернятъ ее; промышленость и корысть находятъ ей соперницъ; подкупная критика провозвѣщаетъ ей совершенное паденіе — chûte complete — а толпа все благоговѣетъ, все покланяется божеству своему!... Воля ваша, а чтобы, при этихъ условіяхъ, въ теченіе десяти лѣтъ удержать за собой скипетръ Мельпомены, приковать къ себѣ толпу, самую вѣтренную, самую непостоянную, самую измѣнчивую, какая только есть въ мірѣ, — воля ваша, *таланта* для этого мало: тутъ потребна сила *генія*.

Да, Рашель геній, одинъ изъ немногихъ геніевъ, на которые такъ скупа настоящая эпоха. Двинетъ-ли она сценическое искусство впередъ—это другой вопросъ, котораго рѣшать мы теперь пока не станемъ: ознакомимся прежде съ характеромъ дарованія Рашели и съ исторіей ея драматическаго поприща.

«Почти всѣ актеры и актрисы — говоритъ Вольтеръ — составившіе себѣ на театрѣ имя, занимались сценическимъ искусствомъ наперекоръ своимъ родителямъ, несмотря на бѣдствія, которыя поражали ихъ въ самой нѣжной юности, не-смотря на-всѣ униженія, на холодность, даже презрѣніе—страшную свиту бѣдности, которая часто умерщвляетъ геній въ самомъ его зародышѣ; а между-тѣмъ, не-смотря на всѣ эти ужасныя преграды, природа, побѣждая препятствія, всегда была сильнѣе, нежели несчастіе и воспитаніе.»

Слова Вольтера во многомъ могутъ быть примѣнены къ Рашели, какъ это мы увидимъ ниже.

Елиза Рашель Феликсъ родилась въ Швейцаріи, въ Кантонѣ Аргау, въ мѣстечкѣ Мюнфѣ (Munf), 24-го марта, 1820 года. Отецъ ея, Феликсъ — Французъ, родомъ изъ Меца; мать — Жидовка, по имени Эсѳирь Гайа (Esther Haya.)

Феликсъ былъ прежде простымъ торговцомъ, который, съ ношею за плечами, переходилъ съ одной ярмарки на другую, въ сопровожденіи своего многочисленнаго семейства. Онъ кочевалъ по разнымъ городамъ Франціи, потомъ года два жилъ въ окрестностяхъ Ліона, наконецъ переселился въ Парижъ, въ убогое жилище на Гревской площади.

Маленькая Рашель попала на руки къ почтенному профессору музыки Шарону; объ этомъ разсказываютъ разно: кто говоритъ, что Шаронъ увидалъ и услыхалъ ее поющую на улицѣ, ради-милостыни, и, плѣнившись ея голосомъ, самъ вызвался обучать ее пѣнію; кто напротивъ утверждаетъ, что отецъ Рашели самъ привелъ ее къ почтенному профессору въ 1831-мъ году, когда дочери его было не болѣе десяти лѣтъ; какъ-бы то ни было, но маленькая Рашель пробыла въ этой школѣ недолго, и черезъ десять мѣсяцевъ навсегда распрощалась съ своими школьными подругами.

Много разсказываютъ басенъ про первые годы жизни Рашели: говорятъ, что она была уличной пѣвуньей, жидовской Эсмеральдой, что отецъ и мать ея жестоко ее мучили, если она мало собирала денегъ, что бѣдная голодная дѣвочка должна была прибѣгать къ воровству и разъ была даже поймана, и пр. и пр. и пр. Изъ всѣхъ разсказовъ можно заключить одно только, что жизнь ей не улыбалась, что она съ первыхъ младенческихъ лѣтъ должна была терпѣть всѣ нужды и лишенія, и что, слѣдовательно, судьба ея похожа на судьбу многихъ тружениковъ одного съ ней искусства, о которыхъ мы привели выше слова Вольтера.

Отъ Шарона, профессора пѣнія, маленькая Рашель попала на руки Сентъ-Олера, профессора декламаціи. Сентъ-Олеръ не замѣтилъ въ ней никакого дарованія, и оставилъ ее рѣшительно на произволъ судьбы, позволяя присутствовать ей въ классѣ, но нисколько ею не занимаясь. Можетъ-быть, это послужило къ лучшему: Сентъ-Олеръ плохой актеръ Французскаго Театра (Théâtre Français), холодный декламаторъ старинной школы: что-бы онъ сдѣлалъ изъ Рашели, еслибъ усердно занимался ею?

Сентъ-Олеръ однакожъ, по какому-то странному случаю, поручилъ ей нѣсколько ролей, которые она выполнила съ успѣхомъ, сперва на маленькомъ театрѣ *Прадо*, который былъ отданъ ему для упражненія его воспитанниковъ, потомъ въ *Залѣ Мольера* (Salle Molière). Рашели было въ то время небольше четырнадцати лѣтъ, и она выказала уже силу души и жаръ чувства, какого въ ней, казалось, и предполагать было не возможно.

27 октября 1836 года Рашель поступила въ Парижскую Консерваторію, въ драматическій классъ, которымъ дирижировалъ, въ числѣ прочихъ, извѣстный и заслужоный артистъ Французскаго Театра Сансонъ. Черезъ два мѣсяца Рашель выдержала въ Консерваторіи экзаменъ, но оставалась тамъ однакожъ до 24 января 1837 года, т. е. до того времени, когда поступила на театръ Gymnase Dramatique. Первый дебютъ ея былъ 24 апрѣля, 1837 г., въ водевилѣ La Vendéenne. Любопытно прочесть сужденіе Жюль-Жанена объ этомъ первомъ дебютѣ молодой артистки, которой потомъ былъ онъ самымъ жаркимъ защитникомъ—до поры, до времени....

«Въ этой піесѣ (La Vendéenne)—говоритъ царь современныхъ фельетонистовъ—авторъ не только хотѣлъ создать драму, онъ хотѣлъ еще вывести въ драмѣ ребенка, дѣвочку, которой едва минуло пятнадцать лѣтъ отъ-роду: имя ея *Рашель*. Ребенокъ этотъ, слава Богу, не феноменъ, и никогда не попадетъ въ *дивы дивныя*. Въ игрѣ Рашели видно много души, сердца, ума и очень-мало опытности, въ ней есть натуральное чувство драмы, которую играетъ она, а чтобы понять ее, ей достаточно

своего собственнаго разсудка: она не нуждается ни въ чьихъ урокахъ или совѣтахъ. Въ ней не видно никакого усилія, никакой экзажераціи; нѣтъ криковъ, нѣтъ жестовъ; чрезвычайная умѣренность въ движеніяхъ корпуса и лица; ничего, что-бы было похоже на кокетство, но напротивъ что-то рѣзкое, смѣлое, даже дикое, въ движеніяхъ, въ походкѣ, во взглядѣ: такова Рашель. Эта дѣвочка, которая имѣетъ сознаніе истины въ искусствѣ, одѣвается съ мелочною вѣрностію костюма; голосъ ея густъ и не развитъ, какъ голосъ ребенка; руки ея красны, какъ у ребенка; нога, какъ рука ея, еще несформировавшаяся; она не красавица, но нравится. Однимъ словомъ, въ этомъ юномъ дарованіи таится великая будущность, и вотъ ужъ въ настоящую минуту—много слезъ, участія, волненія»*.

Дебюты ея на театрѣ Gymnase Dramatique продолжались однакожъ недолго. Пуарсонъ, Директоръ этого театра, человѣкъ необыкновенно-добрый и благородный, не хотѣлъ воспользоваться положеніемъ молодой артистки и держать ее за ничтожную плату въ то время, когда дарованіе ея требовало еще ученія. Разъ, когда Рашель, закутанная въ свою скромную, красную шаль, пришла на репетицію съ новою ролью, Пуарсонъ позвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Дитя мое, сказалъ онъ ей: я горжусь тѣмъ, что могъ узнать и показать дарованіе ваше, когда другіе не хотѣли его замѣтить; я увѣренъ, что мой театръ былъ-бы обязанъ вамъ лучшими спектаклями своими; но я не могу рѣшиться удержать васъ у себя, остановить полетъ вашъ, отнять воздухъ, который необходимъ для вашего таланта, чтобы онъ могъ развить свои крылья. Вашему дарованію тѣсно на моемъ театрѣ. Рашель, трагедія умерла на Французскомъ Театрѣ: ступайте воскресить ее.

— Что вы говорите? Вы прогоняете меня, сказала со слезами молодая дѣвушка, которая начинала уже привыкать, если не къ богатству, то, по-крайней-мѣрѣ, къ довольству: что-же со мною будетъ?

---

* «Journal des Debats» 1837, maia 1.

— Я хочу поставить васъ на ту степень, на которой вамъ слѣдуетъ быть. Еще на три года вы мнѣ принадлежите; но я уничтожаю условіе, въ которомъ выгоды лишь на моей сторонѣ. Вы совершенно свободны, а между-тѣмъ я буду платить вамъ жалованье до перваго вашего дебюта на Французскомъ Театрѣ. Что касается до вступленія вашего на этотъ театръ — вы ни о чемъ не безпокойтесь: это ужъ мое дѣло.

Можете судить, въ какомъ восторгѣ была молодая артистка!... Наконецъ она можетъ вполнѣ посвятить себя избранному служенію, можетъ предаться любимымъ, дѣтскимъ мечтамъ своимъ, можетъ забыться въ золотыхъ снахъ, можетъ упиться неземнымъ восторгомъ...

Сансонъ взялся докончить ея артистическое образованіе — и исполнилъ дѣло свое какъ нельзя лучше, съ необыкновенною ревностію, съ примѣрнымъ усердіемъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: много было трудовъ, работы и съ той и съ другой стороны.... Наконецъ Французскій Театръ (Théâtre Français) возвѣщаетъ на афишахъ дебютъ *дѣвицы Рашель Феликсъ*, въ роли *Камиллы*, въ трагедіи «Горацій.» Это было *12-го іюня, 1838 года*.

Французскій Королевскій Театръ и *скука* — въ то время были синонимами. Молодое поколѣніе вовсе не заглядывало въ этотъ театръ, который сдѣлался исключительнымъ убѣжищемъ закоренѣлыхъ приверженцевъ классицизма. Старики и *парики, разсыпаясь въ ветхой кожѣ*, съ удивительнымъ упорствомъ отстаивали свою школу, свою славу, свои преданія, восхищаясь стихами по привычкѣ, а не по чувству. 12 іюня, въ день дебюта Рашели, театръ былъ пустѣе, нежели когда-нибудь: время лѣтнее, жаркое — кому охота сидѣть въ душной залѣ и глотать скуку медленными пріемами, когда природа представляетъ столько наслажденій!

И въ этой залѣ, передъ самой малочисленной публикой, собравшейся въ театръ *скуки-ради*, должна была явиться въ первый разъ молодая артистка.

Первый выходъ ея на сцену поразилъ уже обычныхъ посѣтителей Французскаго Театра, привыкшихъ къ раз-

мѣренной, неестественной походкѣ, усвоенной преданіями: Рашель вышла просто, благородно.... Заговорила—и изумленіе увеличилось еще болѣе: это не была размѣренная, пѣвучая рѣчь, не были скандованные по нотамъ стихи, съ переломомъ на цезурѣ, съ монотонной гремушкой рифмы; но какъ проста, жива, какъ натуральна была эта рѣчь, выходившая прямо отъ сердца и прямо до сердца доходившая! Публика съ перваго раза была поражена, не будучи въ силахъ дать себѣ отчета, не зная, что ей дѣлать — аплодировать или шикать. Зрители въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга; всякой вопрошалъ взглядами своего сосѣда, не менѣе удивленнаго; никто не смѣлъ говорить, никто не смѣлъ прерывать артистки аплодисментами; смотрѣли, слушали съ непрерывнымъ вниманіемъ: у Рашели ничего не было потеряно, потому-что все говорило, все имѣло свой языкъ—взглядъ, уста, руки, ноги, движеніе головы, во всемъ свой смыслъ, свое значеніе, своя сила. Послѣ третьяго акта стали говорить объ этомъ новомъ явленіи, объ этомъ переворотѣ, которой такъ внезапно совершился, заставъ въ расплохъ вовсе неприготовленныхъ къ тому зрителей. Четвертый актъ долженъ былъ составить торжество молодой актрисы. Зрители задрожали, когда она, безъ крика, безъ напряженія голоса, а между-тѣмъ съ ужасающимъ эффектомъ проговорила слѣдующіе стихи:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
Rome, à qui vient mon bras d'immoler mon amant!
Rome, qui l'a vu naître et que ton coeur adore!
Rome, enfin que je hais, parce qu'elle t'honore!
Puissent tous ces voisins ensemble conjurés
Saper ses fondements encore mal assurés!
Et si ce n'est assez de toute l'Italie,
Que l'orient contre elle à l'accident s'allie!
Que cent peuples unies des bouts de l'univers
Passent pour la détruire et les monts et les mers!
Qu'elle-même sur soi renverse ses murailles,
Et de ses propres mains déchire ses entrailles!
Que le courroux du ciel, allumé par mes voeux,
Fassent pleuvoir sur elle un déluge de feux!

Puisse-je de mes yeux y voir tomber la foudre,
Voir tes maisons en cendres, et tes lauriers en poudre!
Voir le dernier romain à son dernier soupir,
Moi seule en être cause, et mourir de plaisir!

Эти страшныя проклятія прокатились громомъ надъ изумленными, уничтоженными зрителями. Никогда знаменитая Дюшенуа, въ самые лучшіе дни своей славы, не производила такого эффекта на слушателей, какой произвела Рашель въ этотъ первый дебютъ свой.

Тѣмъ-славнѣе было торжество Рашели, что публика не была къ нему подготовлена никакими журнальными возгласами, ни даже молвою, которая часто замѣняетъ въ этомъ случаѣ услужливость газетчиковъ. Между-тѣмъ, не-смотря на этотъ блестящій дебютъ, не-смотря даже на нѣсколько другихъ торжественныхъ успѣховъ, слава Рашели распространялась медленно, и еще долго надобно было ждать артисткѣ, пока равнодушная толпа покорится ей, сознавъ могущество ея генія. Рашель, послѣ *Камиллы*, явилась въ роляхъ *Эмиліи* (въ «Цинніѣ»), *Герміоны* (въ «Андромахѣ»), *Моними* (въ «Митридатѣ»), *Роксаны* (въ «Баязетѣ») и др., съ каждой ролею болѣе и болѣе выказывая силу своею огромнаго дарованія, а зала *Французскаго Театра* все еще оставалась пуста почти по-прежнему. Цѣнителями и защитниками юной артистки были *обычные посѣтители* этого театра, а имъ, по предубѣжденію, мало вѣрили, видя въ похвалахъ, разсыпаемыхъ Рашели, одно лишь упорное желаніе поддержать *классическую трагедію*. Критика театральная не обращала на нее вниманія, тѣмъ-болѣе, что главный представитель этой критики, Жюль Жаненъ, въ это время разгуливалъ по Италіи.

Наконецъ Жюль-Жаненъ воротился въ Парижъ. Слухи о новомъ блестящемъ дарованіи, явившемся на французской сценѣ, поразили его пріятнымъ образомъ, можетъ-быть, потому болѣе, что онъ первый предугадалъ великую будущность Рашели, когда она явилась передъ нимъ почти ребенкомъ, годъ тому назадъ.

Въ живой, прекрасной статьѣ, полной ума, согрѣтой любовію къ искусству, одушевленной радостію, весьма ес-

тественною въ человѣкѣ безпристрастномъ, такъ неожиданно открывшемъ новый міръ, о которомъ прежде могъ говорить только гадательно, Жаненъ возвѣстилъ Парижу, что въ нѣдрахъ его скрывается великій талантъ, еще незамѣченный холодною толпою, еще неоцѣненный людьми серьезными.

«Годъ тому назадъ — говоритъ остроумный фельетонистъ — дѣвица Рашель дебютировала на театрѣ Gymnase, и я, почти одинъ, говорилъ тогда, что это дарованіе серьезное, природное, глубокое, что это будущность, которой нельзя назначить предѣла; въ этотъ разъ мнѣ не хотѣли повѣрить, говорили, что я преувеличиваю. Одинъ, я не могъ поддержать этой дѣвочки на этомъ маленькомъ театрѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ перваго дебюта, дѣвочка эта исчезла съ театра, и только я одинъ, можетъ-быть, думалъ о ней, какъ вдругъ, годъ спустя, является она на Французскомъ Театрѣ, въ несокрушимыхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина, Вольтера. Въ этотъ разъ ребенка выслушали, ободрили, ему аплодировали, удивлялись. Рашель являлась въ единственной драмѣ, которая была написана по мѣркѣ для ея преждевременно пробудившагося генія. И дѣйствительно, — странная вещь! — дѣвочка, ничему неучившаяся, безъ искусства, безъ приготовленія, вдругъ является въ старинной трагедіи, силою своего дуновенія согрѣваетъ ея священный прахъ — и изъ этого праха возникаетъ пламень! Да, это удивительно! И — замѣтьте хорошенько — эта дѣвочка не высока ростомъ, довольно-дурна собой, безъ груди, очень обыкновенной наружности, съ языкомъ тривіальнымъ. Намедни я встрѣтилъ ее, она мнѣ говоритъ: — C'est moi que j'étai-t-au Gymnase. Я долженъ былъ отвѣчать на это: Je le savions. Не спрашивайте у нея, кто такой Танкредъ, кто такой старикъ Горацій, что такое Герміона, Троянская война, Пирръ, Елена? Она этого не знаетъ, она ничего не знаетъ. Но въ ней есть нѣчто лучше знанія: въ ней есть вдохновеніе, страсть, есть молніи свѣта, которыя все освѣщаютъ вокругъ нея. Лишь только вышла она на помостки театральные — она выростаетъ: вы видите въ ней фигуру героевъ Омировыхъ;

голова ея выпрямилась, грудь стала выше, глаза загорѣлись, ноги царственно попираютъ землю; ея жестъ — это звукъ, исторгшійся изъ души; рѣчь ея звучитъ далеко, полная сердечной страсти. И такъ идетъ она въ драмѣ Корнеля, идетъ смѣло, разсыпая вокругъ себя страхъ и ужасъ! И также смѣло выходитъ она въ драмѣ Вольтера! И душой и тѣломъ предается она нѣжной страсти Расина, — и ничто не изумляетъ ее! Она родилась въ этомъ особомъ мірѣ поэзіи, она знаетъ уже всѣ его переходы, постигла всѣ его таинства. Актеры, играющіе вмѣстѣ съ нею, удивляются этой смѣлости; древняя трагедія предается надеждамъ; партеръ, безмолвный, очарованный, съ упоеніемъ слушаетъ эту божественную рѣчь дивныхъ стиховъ, которой не слыхали мы съ тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ умеръ Тальма, и всею душою предается могуществу этихъ великихъ поэтовъ, составляющихъ честь Франціи, гордость ума человѣческаго. Дайте-жъ ей вырости, этой дѣвочкѣ, которая совершаетъ такимъ-образомъ переворотъ, сама не зная того; пусть явится подлѣ нея какой-нибудь юноша, подобно ей вдохновенный, и мы совершенно избавимся отъ этой драмы случая, отъ этихъ гальваническихъ потрясеній, отъ этой дикой рѣчи, отъ этой необузданной вольности, — и настоящіе боги поэзіи возвратятся къ намъ, и мы снова увидимъ пламень угасшаго свѣтильника Расина и Корнеля.»

Далѣе, говоря о трудности — воскресить въ наше время классическую трагедію, критикъ продолжаетъ:

«Къ-счастію Рашель не видала опасности: она гордо выступила на подвигъ, она вѣрила въ этихъ великихъ творцовъ, въ которыхъ сомнѣвались всѣ, окружающіе ее; она не отчаявалась въ великихъ произведеніяхъ, нынѣ преданныхъ поруганію: смѣлость ей послужила въ пользу, довѣренность спасла ее, природный здравый смыслъ восторжествовалъ надъ всѣми разглагольствіями.

«Рашель завоевала царство свое,—лучше, нежели завоевала — открыла его, и теперь владычествуетъ въ немъ царицей. Видѣли вы ее, смѣло выступающую въ трагедіи Корнеля? Видѣли вы ее, вдохновенную слезами Расина? Видѣли вы ее, придающую драмѣ Вольтера стра-

стное одушевленіе, которое такъ удивительно указалъ Вольтеръ? И во всѣхъ порывахъ этого рано-развившагося генія, замѣтили-ли вы хоть что-нибудь такое, что отзывалось-бы школой, напоминало-бы Консерваторію, показывало-бы учителя, скрывающагося за этой декламаціи, заранѣе положенной на ноты? Нѣтъ. Все, что въ ней есть — принадлежитъ ей. Она первая проникла, безъ всякой чуждой помощи, эти дивныя тайны классической трагедіи. Ошибается она — это ошибка ея собственная; восходитъ она на высшую степень, до какой могутъ возвыситься любовь, ненависть, ужасъ — торжество это ей вполнѣ принадлежитъ. Она презираетъ пробитыя тропы, — нѣтъ, лучше — она не знаетъ ихъ. Часто старый трагическій актеръ, играющій съ ней и привыкшій къ нѣкоторому извѣстному ударенію въ стихѣ (mélopée), заранѣе обозначенному, вдругъ останавливается, растерянный, почти испуганный новымъ словомъ, которое бросаетъ ему эта дѣвочка, и которое вдругъ озаряется непривычнымъ блескомъ! При ней — всѣмъ традиціямъ конецъ, всѣмъ жестамъ, принятымъ за сто лѣтъ — чистая отставка; актеръ долженъ слѣдить за нею съ тѣмъ-же участіемъ, съ тѣмъ вниманіемъ, съ какими слѣдитъ партеръ — не то бѣда ему, злосчастному! она ускользнетъ отъ него быстрымъ скачкомъ, въ ту самую минуту, когда онъ думаетъ поймать ее, или часто, когда онъ воображаетъ (по старымъ сценическимъ преданіямъ) что она должна быть далеко отъ него, играющаго и разглагольствующаго со всѣмъ неистовствомъ, она какъ тутъ — подлѣ него, холодная, спокойная, неподвижная — и бѣдный актеръ останавливается, какъ ошеломленный! Не спрашивайте у Рашели, чтобъ она напередъ означила вамъ, что намѣрена сдѣлать: она сама не знаетъ, она не можетъ ничего предвидѣть; всякое движеніе, которое удерживаетъ или увлекаетъ ее, исторгается изъ души ея невольно. И оттого-то, когда играетъ она, и актеры, и зрители постоянно внимательны, постоянно въ ожиданіи. Какъ знать? эта молнія во взглядѣ, эта скорбь въ звукѣ, это величественное движеніе, васъ поражающее, — можетъ-быть, вы никогда не увидите ихъ болѣе.

«Рашель—это Пифія Виргиліева: вотъ она, блѣдная, умирающая, — едва сидитъ — съ повисшими руками, съ сгорбленнымъ тѣломъ....

«Но вдругъ — является божество, Deus! ecce Deus! и эта убитая природа пробуждается, оживаетъ, огонь изъ души переходитъ въ глаза, сердце сильно бьется въ этой расширившейся груди, дыханіе ея мощно, непреодолимо; вся эта фигура украшается дивно — и тогда смотрите: хороша она? Какія позы! Какой ростъ! Какія руки! Ее можно принять за одну изъ тѣхъ древнихъ, въ-половину изсѣченныхъ статуй, на которыхъ неозначено имени художниковъ, но которыя такъ хороши, что никто не дерзнетъ коснуться рѣзцомъ до этого необдѣланнаго мрамора. И пока ей говорятъ, пока возбуждаютъ страсть ея, пока она дѣйствуетъ въ драмѣ, она вся занята точно также — сердцемъ, душою, умомъ, взглядомъ, отъ ногъ до головы; голова неподвижна, грудь воздымается. Нога ея дѣйствуетъ на землѣ съ неподражаемой энергіей. Часто, когда у нея не достаетъ жеста, когда голосъ ея изнемогъ, — она только стукнетъ ногою и это движеніе дѣйствуетъ сильнѣе слова. Такъ сыграла она Камиллу, Герміону, Аменаиду, ея первыя созданія. Ничто не можетъ быть выше этой неукротимой Камиллы, Римлянки, въ такой степени, въ какой только можетъ быть ею женщина, но не въ такой, чтобы радоваться, когда умираетъ ея любовникъ. Это заклинаніе Камиллы, сдѣлавшееся пошлымъ оттого, что его читаютъ во всѣхъ Консерваторіяхъ, это заклинаніе передано ею, съ такимъ смысломъ, что лучше ничего нельзя придумать: ни криковъ, ни жестовъ; при самомъ началѣ этого гнѣва, который разразится страшнѣе грома, Камилла говоритъ сама съ собою тихо, и вы слышите, какъ издали грохочетъ это глубокое отчаяніе. Чѣмъ больше этотъ гнѣвъ удерживается, тѣмъ онъ страшнѣе, и тѣмъ понятнѣе, какъ должна быть безмѣрна эта скорбь, что доводитъ дѣвушку до проклятій! И даже, мимоходомъ, въ этихъ страшныхъ заклинаніяхъ, она находитъ возможность вызвать изъ сердца нѣсколько звуковъ нѣжныхъ и страстныхъ, и до конца помнитъ, что любовь довела ее до такого бѣдствія.

Или также въ четвертомъ актѣ «Андромахи», когда Герміона, оставленная Пирромъ, подводитъ его подъ кинжалъ Ореста, какъ сначала она спокойна! Мало-по-малу ненависть, отчаяніе, безпредѣльное горе этой оскорбленной души прорываются, обнаруживаются наконецъ вполнѣ, но всегда, даже въ самыхъ сильныхъ порывахъ страсти, вы находите въ основаніи ту-же иронію, ту-же горькую насмѣшку, то-же презрѣніе къ Троянкѣ! Эта дѣвочка одарена необыкновеннымъ логическимъ смысломъ, сама того не зная. Она никогда не выпустить изъ виду господствующей страсти въ роли своей, даже въ томъ случаѣ, когда могла-бы черезъ это произвести большой эффектъ; потомъ, когда уже она не можетъ больше, когда она утомится, истерзается отъ страданій, тогда идетъ до конца, какъ позволятъ ей силы; она не играетъ, не слушаетъ; голосъ ея упадаетъ, какъ и самыя движенія; она истощила всѣ свои силы, она ничѣмъ болѣе необязана, ни вамъ, ни поэту—ей какое дѣло? Будьте-же снисходительны, если увидите, что она идетъ ощупью по дорогѣ по которой сейчасъ еще шла съ такою энергіей: что дѣлать! погасъ свѣтъ, который указывалъ ей дорогу....»

Статья Жанена произвела свое дѣйствіе въ полной мѣрѣ. Всѣ бросились смотрѣть это новое диво, и сборы Французскаго Театра, который прежде едва могъ сводить концы съ концами, и то при значительномъ пособіи со стороны правительства, въ теченіе сентября и октября, вдругъ увеличились отъ 65 до 70,000 франковъ въ мѣсяцъ. Рашель сдѣлалась предметомъ всеобщихъ толковъ, споровъ и—журнальныхъ сплетней.

Въ Парижѣ, болѣе нежели гдѣ-нибудь, жизнь домашняя, частная, тѣсно связана съ жизнью артистической, общественной. Лишь только сдѣлались вы «извѣстностью», (renommée), не говорю уже «знаменитостью» (célébrité), журналы тотчасъ овладѣваютъ вами, какъ своей добычей: вы не можете надѣть новаго платья, остричь волосъ, пообѣдать съ пріятелями, чтобы на другой-же день газеты не возвѣстили объ этомъ во всеуслышаніе, разумѣется, съ разными прибавленіями и объясненіями. Рашель иско-

рѣ испытала на себѣ невыгоду быть парижскою «знаменитостью».

Надобно вамъ сказать, что Рашель была ангажирована директоромъ Французскаго Театра, Веделемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года, за 4,000 фр. въ годъ. Дебюты ея начались въ іюнѣ. Успѣхъ ихъ былъ блестящій. Въ октябрѣ жалованье молодой артистки было увеличено до 8,000 фр. въ годъ. Между-тѣмъ *общники* (societaires) Французскаго Театра, предвидя выгоды, какія должна принести имъ Рашель, продолжили срокъ контракта до 1-го апрѣля 1840 г., выговоривъ однакожъ въ контрактѣ неустойки 50,000 фр. Контрактъ былъ заключенъ по формѣ. Рашель подписала его, хотя она въ это время была еще несовершеннолѣтняя (mineure) и, слѣдовательно, не имѣла права заключать контракта.

Между-тѣмъ представленія Рашели съ каждымъ днемъ приносили театру болѣе и болѣе прибыли, такъ-что касса приобрѣтала, среднимъ числомъ, отъ 35 до 40,000 фр. въ мѣсяцъ. Надобно было театру надолго упрочить такую полезную артистку—и Рашели предложили званіе *общницы* Французскаго Театра, которое она и приняла, съ ангажементомъ на *тридцать* лѣтъ; окончательное условіе однакожъ заключено не было.

Но что́ такое *общники* Французскаго Театра? Общники—актеры на пенсіяхъ, получающіе себѣ часть изъ доходовъ театральныхъ; они сами выбираютъ себѣ директора и членовъ комитета, которые управляютъ театромъ. Положеніемъ театра общникамъ выдается цѣлая, половинная или четвертная доля изъ доходовъ театра. Кто-же получаетъ *львиную* часть при этомъ дѣлежѣ. Вы думаете талантъ?—Нѣтъ: старшинство. Рашели въ то время было девятнадцать лѣтъ: спрашивается, сколько времени надобно ждать ей, чтобы достигнуть до такого *старшинства?* Ясно, что такое условіе съ Французскимъ Театромъ противно выгодамъ артистки, и далеко несоотвѣтственно ни степени ея дарованія, ни тѣмъ пользамъ, какія она можетъ доставить театру: до поступленія Рашели на сцену Французскій Театръ, какъ мы сказали выше, едва сводилъ концы съ концами; Рашель доставила ему болѣе

450,000 въ годъ! Положимъ Рашель пробудетъ на театрѣ 20 лѣтъ: она будетъ, по окончаніи службы, имѣть пенсіона 5,000 фр., 10 лѣтъ по 2,500 ф., пять лѣтъ по 1250 фр. А между-тѣмъ, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ Рашель доставитъ театру прибыли *два милліона двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ!!* Ясно, что дирекція Французскаго Театра поступила въ этомъ случаѣ съ молодой артисткой нетолько несправедливо, но даже неблагородно.

Отецъ Рашели, обремененный многочисленнымъ семействомъ, которое все содержится трудами старшей дочери, долженъ былъ заботиться о пользахъ ея, о вознагражденіи за ея тяжкіе труды, убійственные для ея слабаго здоровья; и потому, сообразивъ положеніе Рашели и ея отношенія къ Французскому Театру, онъ сталъ требовать отъ Комитета прибавки къ жалованью дочери его, *разовыхъ* денегъ, за каждый спектакль, въ которомъ она участвуетъ, смотря по количеству сбора, и три мѣсяца отпуска ежегодно, чтобы Рашель могла въ это время отдохнуть, поправить здоровье, или ѣздить по городамъ и играть на другихъ театрахъ.

Боже мой! Какъ возстали за это на Рашель и на отца ея французскія газеты! Какихъ ругательствъ, сплетней, анекдотовъ не расточали они на-счетъ ихъ обоихъ! У нея стали отнимать даже дарованіе, стали провозглашать ей chûte complète.... Разумѣется, общники Французскаго Театра болѣе всѣхъ усердствовали молодой актрисѣ. Чтобы показать образчикъ тона, съ какими журналисты говорили въ это время о Рашели, приведемъ небольшой отрывокъ изъ «France Musicale»; это еще самая *умѣренная* статья:

«О д-цѣ Рашель ходятъ такіе странные слухи, что мы долгомъ сочли прежде повѣрить ихъ, нежели имъ вѣрить. Вотъ факты: Рашель ангажирована на Французскій Театръ, предварительно какъ пансіонерка, а черезъ два-три мѣсяца будетъ принята, какъ *общница*. Денежное предложеніе, сдѣланное ей и принятое, совершенно прилично, какъ для нея, такъ и для администраціи. Она ужъ и теперь получаетъ гораздо болѣе своихъ товарищей, а съ того

дня, какъ будетъ принята въ званіе общницы — время это ужъ очень-недалеко—Рашель будетъ получать болѣе, нежели получали артисты, предшествовавшіе и открывшіе ей то поприще, на которое она вступаетъ. Рашель, шесть мѣсяцевъ тому назадъ находившаяся въ неизвѣстности и въ нищетѣ, получаетъ теперь жалованье на равнѣ съ членами совѣта! Мы противъ этого ничего и не говоримъ: талантъ есть такое рѣдкое и священное право, что тѣ, кого Провидѣніе одарило имъ, ни въ чемъ не должны-бъ подходить подъ общее правило. Пусть Рашель въ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣтетъ себѣ состояніе, болѣе нежели независимое, состояніе блестящее, пускай окружитъ себя роскошью, — это очень естественно и справедливо. Притомъ театръ, на который она привлекаетъ многочисленную публику, обязанъ даже прежде времени и на перекоръ принятымъ обычаямъ, сдѣлать ее участницею успѣха, котораго она составляетъ главное основаніе.

«Но, кажется, т. е. достовѣрно извѣстно, что восторгъ, возбуждаемый г-жою Рашель, оставляетъ ей довольно хладнокровія для того, чтобы думать о средствахъ, какъ увеличить свой годовой бюджетъ. Изучая Расина, она въ тоже время изучала *Сводъ Законовъ*; и если ей нужно было нѣсколько времени на то, чтобы понять роль Роксаны, она тотчасъ поняла за то статью изъ *Свода*, въ которой сказано, что несовершеннолѣтніе не могутъ заключать законныхъ контрактовъ. Вычисленіями, которыя доказываютъ въ ней въ такой-же степени преждевременно развитой финансовый талантъ, въ какой развитъ талантъ драматическій, она дошла до такого заключенія, что если слава стóитъ чего-нибудь, такъ стóитъ именно тѣхъ денегъ, которыя она приноситъ; и потому она рѣшила, что надобно, для собственной ея выгоды, нарушить контрактъ, который она заключила, какъ несовершеннолѣтняя, и который обезпечиваетъ ей только 12,000 фр. въ годъ, а надобно потребовать *40,000 фр. и два мѣсяца отпуска*, что́ она и сдѣлала.

«И такъ, дни два или три тому-назадъ, г-жа Рашель, скромная ученица, которая цѣнитъ себя неболѣе, какъ въ 40,000 фр. годоваго дохода и два мѣсяца отпуска,

пришла взять свой обычный урокъ у г. Сансона, который получаетъ только десять или двѣнадцать тысячъ. Наставникъ ея, очень удивившійся тому, что онъ создалъ такое драгоцѣнное чудо, спросилъ ее, правда-ли, что она думала когда-нибудь о такихъ претензіяхъ, какія приписываютъ ей въ публикѣ? Юная артистка говоритъ, что дѣйствительно Сводъ Гражданскихъ Законовъ даетъ ей средство засвидѣтельствовать ея благодарность Французскому Театру, который пожертвовалъ ей всѣми своими артистами, что она считаетъ свой контрактъ ничего незначащимъ, и что 40,000 фр. въ годъ и два мѣсяца отпуска кажутся ей и ея достойнымъ родителямъ самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ для таланта, которымъ она обязана своему наставнику. Г. Сансонъ отвѣчалъ ей, что онъ даетъ уроки декламаціи, а не сутяжничества, и не имѣетъ обыкновенія принимать у себя людей, которые учатся деликатности — изъ Свода Законовъ. При этихъ словахъ, онъ указалъ ей на дверь, и сказалъ ей такое выразительное «Подите вонъ», которымъ она при случаѣ очень-хорошо можетъ воспользоваться на сценѣ. Вмѣсто всякаго прощанія, Сансонъ прибавилъ: «Вашъ талантъ разлетится въ прахъ, вотъ какъ эта статуйка»—и съ негодованіемъ разбилъ въ дребезги статуйку г-жи Рашель. «Вотъ какіе слухи ходятъ, повторяются, слухи странные и по-несчастію справедливые».

Не-выписываемъ далѣе разнаго рода клеветъ и ругательствъ, разсѣянныхъ въ этой статьѣ (повторяемъ, одной изъ самыхъ *умѣреннѣйшихъ*): довольно и этого. Въ какой степени все это справедливо, докажетъ вамъ письмо Феликса, отца Рашели, напечатанное въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Вотъ оно вполнѣ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

«*М. Г.*

«Въ вашемъ журналѣ обвиняютъ меня (правда, основываясь на слухахъ) 1-е въ томъ, что я нахожу недостаточнымъ жалованье въ 20,000 фр. которое получаетъ дочь моя; 2-е, что я требую цѣлой доли въ общинѣ; 3-е,

12,000 фр. въ годъ денежнаго пособія; 4-е, 500 франковъ разовыхъ за каждое представленіе; 5-е, четыре мѣсяца отпуска.

«Вотъ мой отвѣтъ: 1-е, Дочь моя получаетъ жалованья не 20,000 фр., а всего 8,000. Въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ дочь моя была ангажирована на годъ за 4,000 фр. Эта сумма въ слѣдующемъ октябрѣ была увеличена до 8,000 фр. до 1840 г., съ тѣмъ, что дочь моя должна имѣть *всѣ костюмы на свой счетъ*. Въ эту минуту и до-тѣхъ-поръ, пока она будетъ принята общницею, что́ можетъ случиться только въ 1840 году, она *ничего болѣе не получаетъ, и никакого другаго ангажемента не имѣетъ*. Справедливость требуетъ сказать однакожъ, что Французскій Театръ сдѣлалъ ей три лучшіе костюмы ея, и далъ ей въ награду 1,000 франковъ въ ноябрѣ и 1,000 фр. въ декабрѣ. Дочь моя въ первые шесть мѣсяцевъ доставила театру сбору болѣе, чѣмъ 200,000 франковъ.

«2-е и 3-е. Я не требовалъ ни цѣлой доли въ общинѣ, ни 12,000 фр. въ годъ пособія, что́ впрочемъ, при теперешнемъ положеніи дѣла, не было-бы чрезмѣрнымъ требованіемъ съ моей стороны. Напротивъ, въ письмѣ моемъ къ директору, я сказалъ, что относительно того, *какую долю должна получать дочь моя, какъ общница и въ пособіе* (subvention), *я совершенно полагаюсь на благоразуміе и справедливость Комитета*.

«4-е. Я не требую разовыхъ 500 фр., но неопредѣленной суммы, въ 300, 200 и 100 фр., смотря по сбору— болѣе 5,000 или 4,000, или менѣе сей послѣдней суммы. Я даже присовокупилъ къ тому, что еслибъ, по-несчастію, благосклонность публики къ моей дочери прекратилась, дирекція можетъ отказать ей отъ театра.

«5-е. Я требую не четыре мѣсяца отпуска, но только три. Причины, на которыхъ я основываюсь, кажутся мнѣ, кромѣ ихъ очевидной справедливости, согласными съ выгодами самого Французскаго Театра, который не можетъ-же играть круглый годъ одинъ только трагическій репертуаръ, которому исключительно посвятила себя дочь моя.

«И такъ отъ 100 до 300 фр. *разовыхъ* и *три мѣсяца* отпуска — вотъ всѣ мои требованія!... Думаю, что здѣсь нѣтъ еще никакого нарушенія контракта, подписаннаго мною, и *который дочь моя хочетъ выполнить также какъ и я.*

«Мы доказали это на дѣлѣ, отказавшись отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, какія дѣлали намъ другіе театры. Я не прочь отъ выполненія контракта, которымъ я связанъ, но спрашиваю именемъ всего, что́ только есть мыслящаго во Франціи: мое желаніе, чтобъ дочь моя принята была во Французскій Театръ, на положеніи, какое Комитетъ ей назначитъ изъ общихъ доходовъ, съ платою среднимъ числомъ 200 франковъ разовыхъ и тремя мѣсяцами отпуска—это желаніе неужели есть претензія, которая должна возбудить противъ меня столько ненависти?

«Да, я бѣдный отецъ, обремененный семействомъ, состоящимъ изъ шестерыхъ дѣтей; но во Франціи эта бѣдность и это тяжолое бремя даютъ тѣмъ-бо́льшія права на снисхожденіе.

«Да, я объявилъ именемъ моей дочери, нѣкоторыя требованія театру, который тоже былъ бѣденъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но нынѣ находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, благодаря снисходительной благосклонности публики, которою столько осчастливлена была дочь моя.

«Неужели-же я столько виноватъ? И справедливо-ли посѣвать въ нѣдра семейства моего сѣмена скорби и печали, которыя падаютъ—не на одного меня?

«Примите, м. г. и проч.

Феликсъ».

Это письмо отца Рашели не требуетъ никакихъ поясненій: дѣло говоритъ само за себя. Комитетъ Французскаго Театра созналъ свою несправедливость и предоставилъ Рашели, составившей и составляющей главную опору его, всѣ выгоды, какія ей, по-справедливости, слѣдовали. Въ настоящее время Рашель получаетъ въ годъ до *ста тысячъ франковъ*.

Вотъ какимъ образомъ вступила Рашель на театральное поприще и вотъ что́ должна была вытерпѣть она, пока достигла состоянія, довольства, обезпеченія и даже богатства, которое позволяетъ ей спокойно, съ любовію посвящать все время, всю жизнь свою искусству.

Отъ самаго перваго вступленія своего на сцену Французскаго Театра и до сего времени Рашель остается вѣрна старой классической трагедіи. Разъ только рѣшилась она испытать силы свои въ комедіи, но попытка была неудачна, и Рашель навсегда отъ комедіи отказалась. Никакія лестныя предложенія знаменитѣйшихъ современныхъ писателей Франціи—Виктора Гюго, Ламартина и др., вызывавшихся написать для нея роли, не могли поколебать ея рѣшимости: она упорно отстаиваетъ немногихъ избранныхъ ею писателей прошлаго вѣка, ни за что́ не хочетъ играть въ новѣйшей драмѣ и даже неохотно берется за новыя роли изъ классическаго репертуара. Это самая странная, загадочная, необъяснимая сторона ея дарованія. Еще можно было-бы понять этотъ капризъ артистки, еслибъ игра ея основывалась на искусной декламаціи, которою отличается классическая школа сценическаго искусства, еслибъ въ ней господствовали изученіе, обдуманность, строгая расчетливость на эффекты, а то нѣтъ: Рашель — это чистое вдохновеніе, это импровизація на сценѣ, живая, огненная, можетъ-быть, безсознательная. Если артистка такъ хороша въ монотонныхъ, безжизненныхъ трагедіяхъ Вольтера и Расина, чего-же можно было-бы ожидать отъ нея, еслибъ она явилась въ живыхъ созданіяхъ Шекспира и Шиллера, въ исполненныхъ огня и страстей драмахъ Виктора Гюго и А. Дюма? Рашель не можетъ играть, подобно другимъ сценическимъ артистамъ, два, три дня сряду: ея воспріимчивая натура, ея страстная душа слишкомъ сильно чувствуютъ, слишкомъ глубоко покоряются впечатлѣніямъ, а потому требуютъ отдыха, успокоенія: Рашель почти всегда больна на другой день послѣ спектакля. Страшно видѣть эту блѣдную, слабую дѣвушку, когда она сходитъ со сцены, по окончаніи піесы.... Невольно приходитъ на мысль, что она пзнеможетъ когда-нибудь на самой сценѣ,

сгоритъ огнемъ собственнаго вдохновенія.... Никакой натуры человѣческой недостанетъ на то, чтобы перечувствовать, пережить, со всею глубиною истины, всѣ эти страсти, всѣ эти бури души, которыя именно отъ того и производятъ глубокое впечатлѣніе на зрителя, что онѣ исходятъ прямо изъ сердца. До чего Гаррикъ, Кембль, Тальма, Каратыгинъ достигали изученіемъ, обдуманностію, искусствомъ, однимъ словомъ, то Рашель, въ простотѣ сердца, производитъ силою своей глубоко-воспріимчивой души. Когда она плачетъ—слезы ея неподдѣльны; если она блѣднѣетъ, если лицо ея становится синимъ — вѣрьте, это не бѣлила, не краска васъ обманываютъ: нѣтъ, въ жилахъ ея остановилась, застыла кровь, она готова задохнуться, — вы видите у рта ея пѣну!... Нельзя-ли этимъ самымъ объяснить причины, почему Рашель такъ упорно ограничиваетъ репертуаръ свой немногими ролями классической трагедіи? Достанетъ-ли ея души, ея жизни, чтобы перечувствовать, перестрадать все человѣческое? Она бываетъ больна послѣ трагедій Вольтера и Расина? — Послѣ драмы Шекспира ей надобно умереть!

Двинетъ-ли Рашель впередъ сценическое искусство? — Утвердительно можно сказать, что нѣтъ. Двинули-ли его Гаррикъ, Кембль, Кинъ, Тальма, Девріентъ? Сценическое искусство именно тѣмъ рѣзко отличается отъ другихъ искусствъ, что оно менѣе всѣхъ способно къ *прогрессивному* развитію, менѣе всѣхъ другихъ можетъ имѣть *философическую исторію*. Его памятники исчезаютъ вмѣстѣ съ творцами; сценическій геній всѣ свои созданія уноситъ съ собою въ могилу. Ограниченный пространствомъ и временемъ, въ тѣсномъ кругу того театра, на который бросила его судьба, сценическій артистъ можетъ-ли имѣть вліяніе на судьбу искусства, на дальнѣйшій ходъ его у другихъ народовъ? Умеръ онъ — и съ нимъ все умерло. Живописецъ, музыкантъ, скульпторъ, зодчій, поэтъ оставляютъ по себѣ свои созданія, которыя могутъ пробудить геній ихъ отдаленнаго потомка, могутъ дѣйствовать на его развитіе, могутъ дать направленіе искусству: что оставитъ по себѣ актеръ? Какими нотами пе-

редастъ онъ тайну своихъ созданій, надъ которыми учились-бы потомки, которыя пробуждали-бы зарождающійся талантъ? — Ничего, кромѣ глухой славы!... Далеко-ли живопись ушла послѣ Рафаэля, музыка послѣ Моцарта, зодчество послѣ Микель-Анджело? Если въ этихъ искусствахъ геніи не создаютъ геніевъ, чего-же можно ожидать отъ геніевъ искусства сценическаго?

Конечно, сценическое искусство имѣетъ свою внѣшнюю, почти механическую сторону, которая способна къ прогрессу, можетъ даже служить въ нѣкоторой степени основаніемъ школы: это внѣшнія условія актера, пріемы, декламація, и т. п.; но все-таки это *внѣшняя* сторона, не болѣе, а не *живая душа*, не *созданіе генія*, не *духъ* его. Вникая, напримѣръ, въ общность игры *московскихъ* и *петербургскихъ* артистовъ (русской труппы), вы замѣтите нѣкоторыя отличія въ тѣхъ и другихъ, слѣдствіе вліянія первыхъ талантовъ, стоящихъ во главѣ той и другой труппы; такъ въ игрѣ московскихъ артистовъ замѣчается болѣе натуры, болѣе простоты, видится стремленіе *прикрыть искусство*; въ игрѣ артистовъ петербургскихъ, напротивъ, замѣтно преобладаніе искусства надъ природой — и въ движеніяхъ, и въ рѣчахъ, и въ самомъ образѣ костюмированія. Въ Москвѣ, на молодыхъ артистахъ замѣтно вліяніе Щепкина; въ Петербургѣ.... мы-бы сказали вліяніе В. А. Каратыгина, еслибъ могли указать на кого-нибудь, кто-бы могъ достойно назваться ученикомъ его.... Но все это вліяніе, опять-таки, не ограничивается-ли одними *внѣшними* пріемами? А у кого, напримѣръ, учился Щепкинъ?....

Рашель, менѣе нежели кто-нибудь, можетъ имѣть вліяніе на окружающихъ ее артистовъ и, слѣдовательно, на искусство: перенять у нея ничего невозможно, потому-что все, что въ ней есть, принадлежитъ ей, и только ей одной: какъ перенять у Паганини, у Листа игру ихъ? Надобно родиться Паганини или Листомъ, также точно, какъ надобно родиться Рашелью. Рашель — актриса великая, геній самобытный, явленіе, непохожее ни на какое другое, которое, можетъ-быть, и не повторится никогда; но сценическое искусство отъ нея ничего не вы-

играетъ, и классическая трагедія — не во гнѣвъ будь сказано ея защитникамъ — со смертію ея падетъ, и никогда не возстанетъ....

=

Въ заключеніе статьи, скажемъ нѣсколько словъ о личномъ характерѣ Рашели.

Рашель пламенно любитъ искусство — для самого искусства. Она совершенно не входитъ ни въ какіе денежные разсчеты, и предоставила все это отцу своему, который и хлопочетъ о пользахъ дочери. Въ одномъ обществѣ зашолъ при ней разговоръ о томъ, какія значительныя выгоды доставляетъ театръ тѣмъ артистамъ, кого полюбитъ публика.

— Что до меня, сказала Рашель, я не хочу денегъ: я желала-бы только славы и друзей.

Рашель — рѣдкая дочь, рѣдкая сестра. Все семейство живетъ ея трудами, и сверхъ-того, она удѣляетъ досужные часы на обученіе брата и сестеръ, которыхъ любитъ со всею нѣжностію.

Вообще душа ея чиста и благородна, какъ нельзя болѣе. Французскіе журналисты, готовые клеймить позоромъ и клеветою всякую извѣстность, тѣмъ-болѣе знаменитость, не выдумали еще ничего, что-бы могло замарать честь прекрасной артистки.

Не получивъ въ юности хорошаго образованія, Рашель старается теперь пополнить этотъ недостатокъ чтеніемъ и ученіемъ. Она отъ природы одарена прекраснымъ умомъ, которымъ умѣетъ пользоваться кстати не на одной только театральной сценѣ.

Въ одномъ обществѣ представили ее Шатобріану. Поговоривъ нѣсколько времени съ нею, почтенный старецъ съ грустію сказалъ:

— Какъ горько видѣть, что прекрасное родится въ то время, когда самъ готовишься умереть.

— О, отвѣчала ему Рашель ласковымъ тономъ: есть люди, которые никогда не умираютъ.

Послѣ одного спектакля, ей замѣчали нѣкоторыя мѣста изъ сыгранной ею роли, которыя она передала не такъ удачно, какъ другія. Кто-то совѣтовалъ ей обдумать эти мѣста, когда она воротится домой: «Вечеръ самое лучшее время для работы», сказалъ онъ.

— Для меня ничто не можетъ замѣнить рабсты утренней, отвѣчала Рашель, протягивая руку Сансону, своему наставнику, съ которымъ она проводила каждое утро. — Не-смотря однакожъ на всю любезность этого отвѣта, Рашель всегда обдумываетъ свои роли лежа въ постели.

Разъ кто-то думалъ польстить ей, говоря, что актеры, играющіе съ нею, еще болѣе выказываютъ ея достоинства, между-тѣмъ-какъ она ихъ помрачаетъ.

— Я очень жалѣю объ этомъ, отвѣчала она: когда я на сценѣ Французскаго Театра, я-бы желала, чтобы публика видѣла только одно: какъ всѣ мои товарищи были ко мнѣ добры и ласковы.

Эти анекдоты показываютъ и прекрасный умъ, и прекрасное сердце артистки.

В. МЕЖЕВИЧЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ни вздоха, ни слова! Червямъ на потѣху,
Въ могилу, на отдыхъ, на сладостный сонъ,
Готовъ-ли ты, остовъ, мятежно отжившій,
Замаранный жизнью, убитый грѣхомъ?
Умри, успокойся отъ тяжкихъ страданій,
Сосудъ, ими полный, безстрашно допей,
И брось его міру, презрѣнному міру,
Въ награду за злобу, въ подарокъ за зло!...
Пусть міръ разгадаетъ прошедшаго повѣсть....

Жизнь кажется мечтой, высокимъ наслажденьемъ,
Неопытность насъ водитъ, какъ слѣпцовъ,
И представляетъ все въ раскрашенной картинѣ,
Надеждамъ льститъ, пока холодный опытъ
Къ намъ не подкрадется такъ тихо, незамѣтно,
Какъ воръ ночной, и дерзко съ глазъ повязку
Рукой желѣзной не сорветъ. Лукавый сонъ
Разрушится, очарованіе исчезнетъ,
Прелестная мечта разоблачится,
И жизнь покажется намъ страшнымъ
Чудовищемъ. Испуганные ею,
Утѣшиться хотимъ мы заблужденьемъ,
Разсудокъ разувѣрить, сердце обмануть

Напрасно все. Въ безумной слѣпотѣ,
Съ остывшею для радостей душою,
Безъ цѣли, безъ желаній, безъ надеждъ,
Скитаемся по жизненной пустынѣ,
Обремененные тяжолой ношей—жизнью;
Усталые, измученные, ищемъ
Покоя — нѣтъ его,
Отрады ищемъ — нѣтъ отрады,
Блаженства — нѣтъ блаженства на землѣ...
Тогда, убитые страданьемъ, скорбью,
Трудами безполезнаго пути,
Безъ силъ, какъ остовъ неподвижны,
Съ печатью разрушенья на челѣ,
Откроемъ взоръ — и что-жъ предъ нимъ? — Могила....

Д. ГОРЕВЪ.

АПЛОДИСМЕНТЪ.

Аплодисментъ, ты хлопанье въ ладоши,
Пустой, нелѣпый стукъ,
И между-тѣмъ актеръ дурной, хорошій,
Рабы ничтожныхъ рукъ.
Какъ больно мнѣ, какъ грустно, какъ досадно,
Когда и по уму,
И по душѣ, — артистъ ждетъ жадно,
Чтобъ хлопали ему.
Аплодисментъ, гремушка, но давался,
Немногимъ онъ вполнѣ;
Лишь *одному*, когда онъ раздавался,
Завидно было мнѣ.
Аплодисментъ, ты громомъ грозной тучи
Предъ мною грохоталъ,
Когда талантъ, когда поэтъ могучій
Мнѣ въ Гамлетѣ предсталъ.
Его встрѣчалъ я сердцемъ и душою,
Слезами провожалъ....
А отъ чего съ восторженной толпою
Я слезы проливалъ!
А отъ того, что силою душевной
Заставилъ плакать онъ!
Искуство — плодъ работы ежедневной,
Талантъ.... талантъ рожденъ.

ЛЕНСКІЙ.

НЕ РАЗЛЮБИ, НЕ ПОЗАБУДЬ!

РОМАНСЪ.

Посв. А. И. И..вой

Не горькія слезы
И тяжкіе сны,
Но счастія розы
Тебѣ суждены.
Тѣ розы прекрасны,
То Неба цвѣты:
Повѣрь, не напрасны
Поэта мечты!

Предъ грозной волей Провидѣнья
Не трать смиренныя мольбы,
И жди, и жди опредѣленья
Своей таинственной судьбы.
Предавшись сладостной надеждѣ,
Закрой для міра къ сердцу путь,
И то, что было мило прежде,
Не разлюби, не позабудь!

А. ГОРЕВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

§ 16.

Астраханскій Театръ.

(Письмо въ Редакцію.)

Астраханскій театръ считаетъ эпохами въ своемъ существованіи появленіе на сценѣ его водевилей, трагедій и наконецъ оперъ; съ самаго начала его бытія давались однѣ комедіи, между коими, разумѣется, Мольеръ занималъ первое мѣсто; ободренный снисходительностію публики содержатель театра дерзнулъ попробовать разыграть водевиль: опытъ удался и водевили все чаще и чаще стали являться на нашей сценѣ. Все шло хорошо, публика была довольна спектаклями, но увы! пѣть только одни куплеты и говоритъ прозой показалось мало для здѣшнихъ артистовъ: они сознали въ себѣ достоинство трагиковъ — и Озеровъ первый явился на сцену, за нимъ Расинъ, Шиллеръ, Шекспиръ и другіе..... Отъ трагедій какъ-разъ перешли къ операмъ: переигравъ десятки разъ «Русалку», «Волшебнаго Стрѣлка» и нѣсколько другихъ новѣйшихъ оперъ, господа артисты увѣрились, что длинныя афиши, съ громкимъ описаніемъ великолѣпныхъ спектаклей, могутъ заманить только извѣстный классъ публики, а потому и рѣшились теперь давать лучше почаще водевили, какъ піесы самыя удобныя, по скорости и дешевизнѣ постановки. Въ эту послѣднюю эпоху, изъ среды партера возсталъ одинъ человѣкъ и съ смиреніемъ предложилъ къ услугамъ содержателя театра свой водевиль; мы не будемъ говорить объ этомъ водевилѣ, не дерзая нарушить мирный сонъ усопшаго; астра-

ханская публика, всегда добрая, всегда снисходительная, и тутъ, по благотворительности своей, разобрала всѣ билеты.

Не прошло года, со времени перваго представленія водевиля, какъ неутомимый авторъ поставилъ на сцену и еще водевиль; о немъ, какъ недавно родившемся и болѣе перваго обратившемъ вниманіе публики, мѣстностію, выставленною на сценѣ, хотя-бы и слѣдовало здѣсь говорить, но авторъ обѣщалъ въ непродолжительномъ времени поставить на сцену еще піесу — трагедію собственнаго издѣлія, могущую, по его предположенію, затмить славу прежнихъ водевилей; подождемъ, и тогда произнесемъ общій судъ надъ его произведеніями.

Въ здѣшней труппѣ есть два или три замѣчательные таланта; но жаль, что содержатель, г-нъ Воробьевъ, не въ состояніи раздѣлить ихъ амплуа, и отъ этого выходитъ, что, если артистъ понравился публикѣ въ водевилѣ, то ему-же даютъ роль и перваго трагика!

Дѣвица *Третьякова*, недавно въ второй разъ появившаяся на здѣшней сценѣ въ роли Кеттли и въ водевилѣ «Новички въ Любви,» была превосходна въ послѣднемъ, и принята публикою, какъ прежняя ее любимица. Не измѣняя своего водевильнаго амплуа, д-ца Третьякова собирала-бы рукоплесканія какъ жатву; но нѣтъ, въ другой разъ она явилась въ трагедіи, въ роли *Елисаветы*, королевы англійской, и что-жъ вышло? вмѣсто королевы явилась кумушка, съ важнымъ видомъ и поразительными жестами, разсказывающая о *важнѣющемъ* происшествіи, слышаномъ ею отъ свата Ивана.

Вторая, послѣ Третьяковой, игрою, но все-таки prima-donna здѣшняго театра, г-жа *Львова*, рѣдко является на сценѣ, но служитъ всегдашнимъ и лучшимъ украшеніемъ дивертисмановъ, которыми г-нъ Воробьевъ старается заманить публику въ театръ.

Дѣвица *Гуляева*, еще молодая, но уже заслужившая вниманіе публики, въ роляхъ первыхъ любовницъ, особенно въ драмахъ и трагедіяхъ, очень, очень-хороша, и навѣрное не была-бы послѣднею даже и на лучшей противъ здѣшняго сценѣ; жаль только, что она не имѣетъ

предъ глазами образцовъ, которые могли-бы еще болѣе развить ея прекрасный, природный талантъ.

Изъ господъ артистовъ замѣчательны только двое: *Зальскій* и *Григорьевъ;* но и ихъ игрою часто руководствуетъ желаніе вынудить смѣхъ у райка, и для этого они съ особеннымъ удареніемъ произносятъ всѣ остроты, такъ часто употребляемыя господами водевилистами ради-смѣха; остальныхъ актеровъ можно всѣхъ проводить съ торжественнымъ молчаніемъ со сцены.

Главный недостатокъ здѣшней труппы—это неуваженіе къ режиссеру; отсюда происходятъ всѣ безпорядки, и только выборъ директора, имѣющаго вѣсъ въ публикѣ, могъ-бы поддержать и возвысить колеблющуюся сцену.

Каждый любитель театра, войдя въ здѣшній «храмъ *Таліи*» вздохнетъ невольно, взглянувъ на пожелтѣвшія отъ времени декораціи, на линію лампъ, на которыя господинъ содержатель, изъ выгодъ, рѣшился не ставить колпаковъ, на ложи, выбѣленныя известкою, съ изломанными въ нихъ стульями, на занавѣсъ, представлявшій прежде развалины Рима, а теперь выказывающій собственныя развалины..... Отчего-жъ это сдѣлалось, или чѣмъ можно все поправить? вопросъ рѣшится: — стóитъ только взглянуть на среднюю и лучше всѣхъ убранную ложу театра: она пуста, въ ней никого нѣтъ и никогда не бываетъ...

к. п.

=

§ 17.

Екатеринославскій театръ, во время петропавловской ярмарки.

Ярмарочный театръ!... этого одного слова достаточно, чтобъ возбудить улыбку предубѣжденія у читателей этой статьи. Но предубѣжденіе — врагъ истиннаго убѣжденія, особенно въ наше время, когда названіе всякой вещи значитъ гораздо менѣе, чѣмъ прежде.... Въ этомъ отношеніи «Репертуаръ и Пантеонъ», изъ всѣхъ нашихъ журналовъ, оказываетъ, быть-можетъ, наибольшую услугу

для настоящаго и будущаго отечественной литературы, сообщеніемъ свѣдѣній о провинціальныхъ нашихъ театрахъ, будучи такимъ-образомъ зеркаломъ, неограничиваемаго только двумя столицами, а повсемѣстнаго развитія нашей цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія и настоящая статья можетъ имѣть мѣсто въ этомъ изданіи, тѣмъ-болѣе, что въ ней говорится о труппѣ, о которой въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» не было еще сообщено подробныхъ свѣдѣній, а только упомянуто мимоходомъ.

Труппа г-на Зелинскаго, имѣя постоянное свое мѣстопребываніе въ Николаевѣ, посѣщаетъ нѣкоторые изъ городовъ Новороссійскаго края и Украйны, въ особыя ихъ эпохи, когда онѣ нѣсколько пробуждаются отъ своей обычной апатіи.... Такой эпохой для нашего города, когда въ немъ пробуждается что-то похожее на жизнь, бываютъ каждогодно дней десять въ послѣднихъ іюня и первыхъ числахъ іюля, во время, такъ называемой, *Петропавловской ярмарки*, имѣющей главнымъ своимъ предметомъ мѣстную торговлю испанской шерстью. Съѣздъ увеличивается отъ бывающихъ въ это-же время публичныхъ экзаменовъ въ частныхъ пансіонахъ, и конскихъ скачекъ, казенной и охотничьей.—Въ этомъ году съѣздъ былъ особенно значителенъ, по причинѣ благопріятныхъ хозяйственныхъ обстоятельствъ въ нашемъ краѣ. Поэтому труппа явилась теперь, какъ нельзя болѣе *кстати*—для собственной выгоды, и въ этомъ отношеніи г. Зелинскій, вѣрно, не пожалуется на нашъ городъ въ настоящій свой пріѣздъ. Но за то и г. Зелинскій дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ угодить публикѣ, и я буду въ этомъ случаѣ только отголоскомъ общаго мнѣнія, назвавъ его умнымъ, ловкимъ и любезнымъ антрепренеромъ.

Говоря вообще о труппѣ г. Зелинскаго, замѣчу, что *внутреннее* ея достоинство совершенно соотвѣтствовало *внѣшнему*.—Не говорю о жалкомъ, чтобъ не сказать болѣе, пріютѣ нашей «Таліи» и «Мельпомены» (ибо это не зависѣло отъ г. Зелинскаго),—собственно, что принадлежало ему—пріятная *музыка*, весьма-удовлетворительные для подвижнаго театра *декораціи*, *костюмы* въ роляхъ, принадлежащихъ къ общественной жизни, съ такимъ вкусомъ и

умѣньемъ сформированные, и, такъ называемые, героическіе и историческіе, столь-роскошные, что мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго ни на одномъ изъ провинціальныхъ театровъ — все это заслуживаетъ похвалы. Но и съ внутренней стороны, то́, что́, увидѣли, оказалось не только не ниже, но даже выше того, чего ожидали. *Репертуаръ* не имѣлъ недостатка въ разнообразіи: въ тринадцать спектаклей даны — одна трагедія, шесть драмъ, двѣ большихъ комедіи, одинадцать водевилей, одна опера-водевиль, одинъ дивертисманъ и извѣстное драматическое представленіе, заимствованное изъ поэмы Пушкина «Цыгане». Желательно-бы только, на будущее время, чтобъ въ выборѣ піесъ было болѣе разборчивости и современности: есть піесы, долго и даже никогда нетеряющія своей цѣны, (равно, какъ могутъ быть исключенія для нѣкоторыхъ піесъ, въ которыхъ какой-либо актеръ или актриса имѣютъ свои отличительныя роли), но это не болѣе какъ исключенія.—Въ *составѣ труппы* самый прихотливый вкусъ могъ быть, болѣе или менѣе, удовлетворенъ артистами, каковы гг. *Рыбаковъ*, *Генделевичъ*, *Камельскій*, *Буцкій*, *Протасовъ* и самъ г. *Зелинскій*, или артистками, каковы г-жа *Рыбакова* (урожд. Зелинская), *Шульцъ* и *дѣвица Зелинская*. Нельзя однакожъ не пожелать, чтобы нашъ антрепренеръ, къ улучшенію своей труппы, имѣлъ средство поскорѣе замѣнить другими сюжетами г-жу Карнацкую, гг. Монина, Кружилина, Вильновскаго; разумѣется, можно сказать почти утвердительно, что вполнѣ соотвѣтственный ensemble въ большихъ піесахъ—дѣло невозможное на провинціальномъ театрѣ; небольшія-же драмы, комедіи и водевили, гдѣ участвуетъ всего пять-шесть дѣйствующихъ лицъ, могутъ быть разыгрываемы въ совершенствѣ *; но въ такомъ случаѣ нужно, чтобы и для второстепенныхъ ролей были приличные сюжеты, если не съ положительными достоинствами, то, по-крайней-мѣрѣ, безъ очевидныхъ недостатковъ.—Что́ касается до *исполненія*, то, не вдаваясь

* Въ позапрошломъ году, на харьковскомъ театрѣ видѣлъ я исполненными такимъ образомъ два водевиля «Новички въ любви» и «Узкіе башмаки» — nec plus ultra совершенства! *Соч.*

въ подробности, я отмѣчу здѣсь эстетически-прекрасную, высоко-одушевленную, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже истинно-художественную игру г. Рыбакова въ «Гамлетѣ» (Гамлета) *, въ «Уголино» (Нино) и отчасти въ «Скопинѣ Шуйскомъ» (Ляпунова); строго-обдуманную и вѣрную до мелочей игру г. Генделевича въ «Ревизорѣ» (Городничаго) ** и въ «Дѣловомъ человѣкѣ» (Жучка), равно, какъ артистически-соображенную и отчетливо-исполненную въ «Гамлетѣ» (Полонія) *** и въ «Уголино» (Руджіеро); непринужденно-веселое и мастерски-естественное исполненіе г. Камельскимъ ролей Кувыркина въ «Его Превосходительство» и Берестова въ «Барышнѣ крестьянкѣ»; неподражаемо-оригинальное усвоеніе себѣ г. Зелинскимъ роли Шельменка въ «Шельменкѣ-Деньщикѣ» ****, всегда ровную и

---

* Я видѣлъ Рыбакова въ этой роли четыре года назадъ тому и нашелъ большую перемѣну, въ пользу его. Таковъ всегда истинный артистъ: онъ непремѣнно долженъ идти *впередъ*: онъ идетъ назадъ, если стоитъ на одной точкѣ, ибо искусство безгранично. *Соч.*

** Жаль только, что игра его не могла показаться въ должномъ свѣтѣ, потому-что вообще вся обстановка піесы далеко ей не соотвѣтствовала. Я не видалъ еще ни разу «Ревизора» исполненнымъ такъ, какъ я воображаю себѣ идеально всякой разъ, какъ читаю это прекрасное созданіе Гоголя. А между-тѣмъ какъ-бы, кажется, это легко: оригиналы на лицо, а самъ авторъ не оставилъ ничего необъясненнымъ въ отношеніи всѣхъ лицъ и всего хода своей піесы. (См. «Замѣчаніе для актеровъ», при «Ревизорѣ», «Отрывокъ изъ письма послѣ перваго представленія Ревизора» и «Театральный разъѣздъ», въ IV-мъ томѣ Сочиненій Гоголя). *Соч.*

*** Я въ первый разъ видѣлъ роль эту, исполненную какъ слѣдуетъ. Актеръ, постоянно-исполнявшій ее на харьковской сценѣ, дѣлалъ изъ Полонія не болѣе, какъ ловкаго шута, съ пріемами, довольно-плебейскими. Г. Генделевичъ выразилъ въ немъ именно «хитраго, осмотрительнаго, гибкаго, тщеславнаго, болтливаго стараго придворнаго», какъ описываетъ его г-жа Джемсонъ. (См. отрывокъ изъ ея сочиненія «Schakspear's female characters», переведеннаго В. П. Боткинымъ, во 2-мъ № Отечеств. Записокъ 1841 г.) *Соч.*

**** Я видѣлъ,—это было уже давно.... лѣтъ десять тому назадъ — г. Зелинскаго въ Шельменкѣ, волостномъ писарѣ, видѣлъ его также въ роли Выборнаго, въ «Наталкѣ Полтавкѣ», и вотъ гдѣ его призваніе: вообще малороссійскія роли, право, какъ-будто для него пишутся! *Соч*

старательную, если и не съ-разу замѣтную игру г. Буцкаго въ роляхъ jeune premier—безпрестанно нужныхъ и самыхъ тяжолыхъ; разнообразную до изумленія и, если не всегда равно-вѣрную, то всегда очаровательно-эстетическую игру г-жи Рыбаковой въ самыхъ различныхъ роляхъ—то Марьи Петровны, въ «Дѣловомъ человѣкѣ», то Сусанны, въ «Бабушкѣ и внучкѣ», Гретли, въ «Тоскѣ по отчизнѣ», Габріели, въ «Дѣвушкѣ-Гусаръ», или Маши, въ «Подмосковныхъ проказахъ», Лизы, въ «Барышнѣ крестьянкѣ» и Эсмеральды (въ піесѣ этого имени), Вероники, въ «Уголино», Офеліи, въ «Гамлетѣ»; весьма-замѣчательное исполненіе г-жою Шульцъ довольно-трудныхъ ролей: Амаліи, въ «Жизни Игрока», княгини Екатерины, въ «Скопинѣ Шуйскомъ», Эрнестины въ «Сумасшедшемъ отъ любви» и Жервезы, въ «Эсмеральдѣ»; наконецъ многообѣщающія дарованія г. Протасова и дѣвицы Зелинской, судя по исполненію ими въ «Дезертирѣ, или тоска по Отчизнѣ» своихъ ролей (Наца и Лизбетты). — И здѣсь, для полнаго совершенства, можно пожелать: г. Рыбакову вообще болѣе выдержанности, г. Генделевичу иногда болѣе страстности, г. Камельскому болѣе сообразительности, г. Буцкому менѣе изысканности и болѣе граціозности, г-жѣ Рыбаковой болѣе отчетливости, г-жѣ Шульцъ менѣе эффектности и болѣе художественной простоты; г. Протасову и дѣвицѣ Зелинской — благопріятныхъ обстоятельствъ для развитія ихъ счастливыхъ дарованій; у г. Зелинскаго также есть свой,—но ужъ, по лѣтамъ его, неисправимый, недостатокъ: это именно выговоръ, обличающій его націю; впрочемъ это только въ русской рѣчи, въ малороссійской-же этого незамѣтно.

Общія замѣчанія для труппы г. Зелинскаго:

1. Не мѣшаетъ тверже заучивать свои роли, чтобъ менѣе нуждаться въ суфлерѣ, какъ это случалось иной разъ съ нѣкоторыми, даже изъ лучшихъ артистовъ.... называть не стану; въ этомъ случаѣ, надобно отдать честь, артистки далеко внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ.

2. Каждую піесу слѣдуетъ разыгрывать соотвѣтственнымъ духу и характеру ея темпомъ—ни слишкомъ медленно до вялости, какъ это было съ водевилемъ «Дѣву-

шка-Гусаръ», ни слишкомъ-поспѣшно до рѣзкости, какъ шла комедія «Ревизоръ», просто схватанная, какъ говорится, на живую нитку.

3. Хотя все исполненное на сценѣ должно быть исполняемо съ возможнымъ тщаніемъ, изъ уваженія артистовъ къ самимъ-себѣ и къ публикѣ; но, разумѣется, это тщаніе должно усиливаться при исполненіи піесъ высшаго достоинства: ибо иное дѣло какая-нибудь плачевно-неистовая мелодрама, или какой-нибудь балаганный фарсъ, а иное дѣло вѣковѣчное созданіе, какъ напримѣръ, «Гамлетъ», или знаменитое произведеніе современной отечественной драматической литературы, какъ «Ревизоръ» Здѣсь вниманіе зрителей напрягается, требованія увеличиваются: съ ними должны согласоваться и усилія артистовъ.

Вотъ краткое, но отчетливое и, главное, безпристрастное извѣстіе о представленіяхъ, данныхъ въ нашемъ городѣ труппою г. Зелинскаго. Цѣль этой статьи будетъ достигнута, если она послужитъ г. Зелинскому свидѣтельствомъ, и вмѣстѣ порукой, что онъ всегда найдетъ въ нашемъ городѣ радушный пріемъ и нелицепріятныхъ цѣнителей его труппы.

п. м.

20 іюля, 1843.
Екатеринославъ.

=

§ 18.

Таганрогскій театръ.

Не сбылись ожиданія наши—видѣть на сценѣ таганрогскаго театра Щепкина, который былъ приглашонъ сюда однимъ изъ директоровъ, на нѣсколько представленій во время Успенской ярмарки. И какъ не пожалѣть объ этомъ? Не имѣя другихъ развлеченій, кромѣ книгъ, другихъ удовольствій, кромѣ театра, конечно, каждый изъ истинныхъ любителей изящнаго въ искусствахъ, будетъ очень сожалѣть о томъ, что не удалось видѣть одного изъ лу-

чшихъ артистовъ столичныхъ, этого актера-чародѣя, этого восхитительнаго Щепкина, который всегда доставлялъ такъ-много наслажденія жителямъ столицъ и нѣкоторыхъ провинцій. Но что́-же затрудняетъ г. Щепкина заѣхать по пути въ Таганрогъ, одинъ изъ веселыхъ городовъ на берегу Моря Азовскаго, гдѣ существуетъ хорошо-устроенный театръ уже около 20 лѣтъ и постоянно поддерживается иждивеніемъ казны, гдѣ найдутся для него артисты не хуже какой-нибудь г-жи Мочаловой, или д-цы Протасовой *?

Но обратимся къ таганрогскому театру. Вмѣсто г. Щепкина пріѣхалъ сюда изъ Харькова *г. Бабанинъ*, одинъ изъ лучшихъ актеровъ тамошняго театра; да еще прибыли въ таганрогскую труппу *г-жа Соколова* и *г. Померанцевъ*. Постараемся оцѣнить по достоинству игру каждаго изъ этихъ дѣйствователей на сценѣ здѣшняго театра, вмѣстѣ съ прежними, игравшими въ піесахъ, данныхъ во время ярмарки, 15—22 числъ августа мѣсяца.

Г. Бабанинъ занимаетъ между харьковскими актерами первое мѣсто и играетъ съ равнымъ успѣхомъ въ драмѣ и трагедіи. Я видѣлъ его въ роляхъ: Отелло, Неизвѣстнаго, въ «Парашѣ Сибирячкѣ», Полковника Незацѣпина, «въ Тихомъ омутѣ черти водятся,» Персиваля, графа Валлійскаго, въ драмѣ: «Гризельда».—Роль венеціянскаго мавра, Отелло онъ исполнилъ довольно удовлетворительно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно-бы ему побольше воодушевленія, болѣе жизни въ изъясненіи энергическихъ чувствованій и сильныхъ порывовъ души. Очень замѣтно, что у него органъ часто ослабѣваетъ, такъ-что, гдѣ-бы должно выъсказать монологъ голосомъ

---

* М. С. Щепкинъ обѣщался быть въ Таганрогѣ къ 15-му августа, думая, что исполнитъ заключенное съ содержателемъ одесскаго театра условіе – сыграть извѣстное число представленій, въ началѣ этого мѣсяца; но ошибся, забывши, что въ это время будетъ успенскій *сезонъ* для тамошняго театра и нельзя будетъ играть во-время поста, и оттого-то не могъ пріѣхать въ Таганрогъ, не исполнивъ условнаго обѣщанія въ Одессѣ. Это или другое какое обстоятельство задержало его тамъ, достовѣрно не могъ я узнать. *Соч.*

пылкаго, неукротимаго, мужественнаго воина, африканца съ пламенными страстями, онъ выражается какъ идиллическій любовникъ, или изнѣженный кавалеръ временъ Людовиковъ Французскихъ.—А впрочемъ, должно отдать полную справедливость таланту г. Бабанина; видно, что онъ весьма-твердо изучилъ сцену, прекрасно знаетъ мимику и довольно-хорошо умѣетъ владѣть собою при выраженіи сильныхъ ощущеній, въ самомъ драматическомъ разгулѣ страстей. *Г. Кочевскій* довольно-удачно выдержалъ роль Пиззаро, ложнаго друга Отелло. Прочія роли исполнены почти были каждымъ довольно-сносно, и костюмировка всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ піесѣ этой была весьма-недурна, и даже на главныхъ—блестяща.

Въ роли *Неизвѣстнаго*, г. Бабанинъ былъ также не вездѣ одинаково вѣренъ характеру представляемаго лица: въ дикціи и выраженіи движеній души человѣка, убитаго горестію, особенно въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ даже слабъ; только въ эпилогѣ этой драмы (или—какъ г. Полевой называетъ свою Парашу Сибирячку — русской были) очень-хорошо выразилъ патетическіе переходы отъ горя къ радости и убійственное сомнѣніе при извѣстіи о прощеніи этого ссыльнаго, возвращеніи дочери его Параши и сына Леонида и при свиданіи его съ ними.—Главный недостатокъ его заключается въ томъ, что голосъ у него часто какъ-то прерывается и изъ октавнаго ниспадаетъ до самой низкой ноты тенора. Это пересѣченіе голоса въ произношеніи иногда даже бываетъ очень-непріятно для слуха, особенно когда нужно выразить рѣзкую черту характера въ драматическихъ сценахъ. Такая мягкость и нѣжность выговора не всегда позволительны для трагика, и только въ необходимыхъ мѣстахъ должно нѣсколько измѣнять ему свою дикцію; да и въ самыхъ патетическихъ, чувствительныхъ случаяхъ это дѣлается не такъ, какъ у г. Бабанина. Въ особенности, надобно еще замѣтить г. Бабанину, что и безпрестанное обращеніе его съ жестами и монологами своими къ зрителямъ, и частое біеніе себя въ грудь обѣими руками, даже тамъ, гдѣ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, также неприлично и противно

законамъ театральнаго искусства, отчего страдаетъ и натуральность дѣйствія и эффектъ сцены.—Г-жа Кочевская въ роли Параши Сибирячки была очень мила, естественна и непринужденна. Она вездѣ выдержала характеръ представляемаго ею лица, весьма-хорошо выразила дочернюю любовь и привязанность. Но мнѣ кажется, что и г-жа Дорошенко, при всей слабости здоровья и грудной боли, могла-бы выполнить роль эту нехуже, но даже лучше Кочевской:—она имѣетъ болѣе чувствительное сердце, болѣе нѣжности и пріятности въ выраженіи душевныхъ порывовъ и томной грусти; голосъ ея какъ-то глубже проникаетъ въ сердце и возбуждаетъ участіе.

Г-жа Соколова можетъ занять въ здѣшней труппѣ амплуа благородныхъ матерей, злыхъ жонъ и престарѣлыхъ кокетокъ. Я видѣлъ игру ея въ роляхъ: Серафимы Алексѣевны въ водевилѣ: «Жена всему вина», Варвары Тимоѳѣевны, въ «Чиновникѣ по особымъ порученіямъ», г-жи Курмандъ, въ «Бабушкиныхъ попугаяхъ». Вездѣ она довольно-хороша, натуральна; однако-же надобно-бы ей еще получше вникать въ характеры ролей, быть еще немного посвободнѣе въ жестахъ и разговорахъ, и нѣсколько смягчать свой голосъ, особливо въ пѣніи куплетовъ. *Г-жа Михайлова* въ этихъ роляхъ умѣетъ лучше выказать смѣшную сторону и разныя выходки представляемыхъ ею жеманныхъ и злыхъ женщинъ; но и черезъ-чуръ натянутая, манерная каррикатурность въ игрѣ ея также не всегда можетъ нравиться, и иногда теряетъ всю прелесть правдоподобія.

Г. Померанцевъ для перваго дебюта своего на здѣшнемъ театрѣ избралъ роль Капитана Сенвиля, въ водевилѣ «Кетли, или возвращеніе въ Швейцарію». Надобно сказать, что эту роль игралъ здѣсь прежде г. Марксъ и весьма-хорошо, даже, можно сказать, превосходно; г-нъ, же Померанцевъ не вездѣ могъ выдержать ее съ одинаковымъ успѣхомъ и естественностію; видно, что онъ еще мало знаетъ сцену. Въ пѣніи онъ также слабъ отъ неумѣнья владѣть голосомъ, который, впрочемъ, отъ природы очень-звученъ и пріятенъ. Мнѣ кажется, что г. Померанцевъ могъ-бы быть превосходнымъ актеромъ въ

такихъ роляхъ, какова роль русскаго смышленаго мужичка въ «Парашѣ Сибирячкѣ,» гдѣ онъ прекрасно разсказалъ суздальско — московскимъ выговоромъ тотъ случай въ драмѣ, когда Параша подала лично написанную ею краткую просьбу Императору Александру Павловичу, какъ просила она Его о помилованіи отца своего и какъ Милосердый Царь обѣщалъ исполнить ея мольбы. За этотъ краткій монологъ онъ былъ вызванъ;—и дѣйствительно,—онъ чудесно выполнилъ незначительную роль свою. Такъ, обѣщаемъ полный успѣхъ г. Померанцеву, если онъ, не пренебрегая совѣтами людей опытныхъ, прилежнѣе займется своимъ дѣломъ, чрезъ что онъ достигнетъ перваго мѣста въ труппѣ таганрогскаго театра и замѣнитъ во многихъ роляхъ Гг. Дорошенко и Михайлова, къ большому удовольствію публики образованной.

Въ заключеніе, сдѣлаю общее замѣчаніе для всѣхъ гг. артистовъ: у каждаго изъ нихъ, говорю о провинціальныхъ, укоренилась старинная и довольно-дурная привычка—при произношеніи монологовъ и въ разговорахъ на сценѣ, во время представленій, обращаться къ публикѣ съ своими тирадами и жестами, какъ-будто они высказываютъ мысли и чувствованія дѣйствующихъ лицъ зрителямъ, а не самимъ-себѣ или другимъ лицамъ, на сценѣ присутствующимъ. Эта странная и совершенно противуестественная погрѣшность не можетъ вывестись до этого еще времени между провинціальными актерами; она тѣмъ-болѣе непростительна, что между ними есть много людей, хорошо понимающихъ свое дѣло. Также доселѣ еще существуетъ на провинціальныхъ театрахъ, разумѣется, и на таганрогскомъ, обыкновеніе, изстари заведенное — объявлять зрителямъ со сцены о послѣдующихъ спектакляхъ. Очень-странно и смѣшно иногда видѣть, что какой-нибудь венеціанскій дожъ, или другой герой трагедіи, вышедъ на сцену, извѣщаетъ почтенную публику, что тогда-то будетъ представлена піеса такая-то. Этотъ обычай (annonce) должно непремѣнно уничтожить, какъ онъ давно изгнанъ на столичныхъ театрахъ. Да, и въ-самомъ-дѣлѣ: для извѣстности публики о пред-

ставленіяхъ, въ каждомъ почти городѣ печатаются аффиши, такъ для чего-же еще предварять о томъ зрителей изустно, со сцены, и во время послѣднихъ антрактовъ? Эта меркантильная снаровка совершенно безполезна! Допущеніе подобныхъ несообразностей весьма погрѣшительно, въ особенности на тѣхъ театрахъ, гдѣ существуетъ благоразумное управленіе, есть содержатели и режиссеры, имѣющіе хорошее понятіе, какъ о самой сценѣ, такъ и о принятыхъ нынѣ правилахъ на всѣхъ вообще благоустроенныхъ театрахъ.

ХР. ФОНЪ-БОКЪ.

22 августа 1843 года.
Станція:
Армянское селеніе
«Чалтырь».

=

§ 19.

Театръ въ Брестъ-Литовскѣ.

Нынѣшнее лѣто посѣтили Брестъ различныя труппы и артисты. И наше общество, разбросанное въ крѣпости, на Кобринскомъ и Волынскомъ форштадтахъ, не взирая на отдаленность и неудобства, ободряло артистовъ и посѣщало всѣ представленія.

20-го мая пріѣхалъ къ намъ извѣстный петербургскій фокусникъ *Мекгольдъ*, съ своею умненькою лошадкой *Коко*. Во время двухъ представленій, онъ забавлялъ, изумлялъ публику ловкостью, проворностью и занимательностью штукъ. *Очарованная ваза* или *бытъ вина* и *очарованная восковая свѣча* заслуживаютъ вниманія и похвалы. *Коко* забавляла своею понятливостію.

Къ 12-му іюня—времени контрактовъ, пріѣхала труппа *Сокульскихъ*, къ которой присоединилась въ-послѣдствіи труппа *Томкевича*.

Въ іюлѣ пріѣхалъ акробатъ *Вольфъ* и 13-ти-лѣтній отрокъ скрипачъ *Герберъ*.

Наконецъ, въ первой половинѣ іюля пріѣхала труппа *фонъ Шмидгофа*.

Нарушая въ описаніи порядокъ появленія труппъ, я начну съ труппы Шмидгофа, доставившей обществу столько истиннаго удовольствія, наслажденія, столько толковъ и сужденій.

Труппа Шмидгофа, по степени и достоинству въ области драматическаго искусства, заслуживаетъ особеннаго вниманія и разбора, и прежде, нежели я буду говорить о составѣ труппы и игранныхъ піесахъ, я считаю необходимымъ, для полнаго уразумѣнія, представить въ краткомъ очеркѣ жизнь и начало драматическаго поприща самаго Шмидгофа.

Шмидгофъ родился въ Силезіи отъ благородныхъ родителей; получивъ домашнее и школьное образованіе, онъ поступилъ въ берлинскій кадетскій корпусъ; по окончаніи курса, онъ произведенъ былъ въ офицеры. Вскорѣ, разстроенныя домашнія обстоятельства не позволили ему вести прежнюю, привольную жизнь. Безъ помощи и денегъ, молодой, красивый, образованный, и не желая своимъ просвѣщеннымъ способностямъ дать ложное направленіе, онъ рѣшается вступить на драматическое поприще. Въ роляхъ любовниковъ и оперѣ, онъ сдѣлалъ счастливое начало. Въ это время онъ знакомится съ молодою, прекрасною дѣвицею Г. и женится на ней; ихъ нѣжную, страстную любовь, благословилъ Богъ рожденіемъ ангельчика *Евы*. Съ берлинской сцены, онъ посѣтилъ различные нѣмецкіе города, выступая на сцену гостемъ, знакомясь съ лучшими актерами и изучая ихъ игру; наконецъ въ 1834 году онъ пріѣхалъ въ Вильну съ нѣмецкою труппою. Общество пожелало, чтобы представленія были на языкѣ польскомъ; желаніе было исполнено. Снова общество проситъ о французскомъ театрѣ, и французскіе актеры играютъ на сценѣ. По охлажденіи общества къ театру и различнымъ другимъ обстоятельствамъ, онъ въ 1840 году переѣзжаетъ въ Гродно. Съ этого времени и изъ этого города, въ 1842 году онъ давалъ свои представленія на Друскеникскихъ минеральныхъ водахъ, въ 1843—на Кобринскихъ контрактахъ, и въ началѣ іюля пріѣхалъ къ намъ.

Теперь я познакомлю васъ съ лицами, составляющими труппу.

Помните-ли вы малютку Еву — этого прекраснаго, милаго, умнаго ребенка? Еще въ дѣтствѣ она обращала на себя вниманіе своею красотою и понятливостію. Все ей давалось какъ-то легко, какъ-то чудно; науки и искусства она изучала съ необыкновенною быстротою и основательностію. Послѣ смерти матери, она сдѣлалась единственною заботою нѣжныхъ попеченій своего родителя. Онъ ее сперва приготовлялъ для балета, но, замѣтивъ въ ней болѣе высокія способности, посвятилъ ее драматическому поприщу. Посмотрите теперь на Еву.

На шестнадцатой веснѣ своей юной, цвѣтущей жизни, она представляетъ прекрасное, очаровательное созданіе. Высокій, правильный ростъ, изящная бѣлокурая головка, голубые глаза съ длинными, пушистыми рѣсницами, правильный носикъ, маленькій, розовый ротикъ, жемчужный рядъ зубовъ! Но въ окладѣ лица, самомъ лицѣ, сколько красоты, жизни, выраженія, той легкой, пріятной, неуловимой передачи внутренняго движенія души! Станъ стройный, гибкій; ножки маленькія, чудныя; движенія легки, граціозны, живописны!

Она съ равнымъ достоинствомъ и силою играетъ въ высокой комедіи, водевилѣ и операѣ; лица она передаетъ правильно и вѣрно; декламація ея естественна, исполнена прелести и нѣжности; голосъ, хотя небольшой, но обработанный и пріятный.

Но какое познаніе сцены, сколько свободы, непринужденности! И каждая роль, которую играетъ Ева Шмидгофъ, исполнена художественности, драматическаго интереса и прелести. Талантъ ея истинный, высокій.

Не подумайте, чтобы я это все говорилъ въ увеличенномъ видѣ; напротивъ Ева Шмидгофъ представляетъ замѣчательную актрису и рѣдкое явленіе между провинціальными труппами. На любой сценѣ она можетъ выступить съ одинаковымъ достоинствомъ и можетъ служитъ прекраснымъ украшеніемъ театру.

Дѣвица *Емилія Гоммъ* — красивой наружности, съ хорошею игрою, познаніемъ сцены и прекраснымъ, обработаннымъ альтомъ. Дѣвица *Людвика Станкевичъ* — жи-

вая, веселая брюнетка, съ достоинствомъ исполняетъ возложенныя на нея роли.

Шмидгофъ 23 года на сценѣ и 10 лѣтъ директоромъ. Достоинства его, какъ актера, разнообразны, основательны. Въ комедіи, водевилѣ и оперѣ, вездѣ онъ хорошъ. Голосъ его, теноръ, не представляетъ уже своей прежней свѣжести и силы, но пріятенъ.

Малевскій и *Новогонскій* — комики, но послѣдній обладаетъ болѣе истиннымъ комизмомъ; игра художественная, одушевленная, знаніе сцены превосходное.

Прочія женскія и мужскія лица исполняютъ второстепенныя роли удовлетворительно.

Декораціи хороши, костюмы приличны, богаты, оркестръ хотя малый, но порядочный.

Театръ былъ устроенъ на Кобрипскомъ форштадтѣ, въ довольно-длинной и высокой залѣ одного каменнаго дома. Для посѣтителей были четыре ряда креселъ, скамейки и балконъ.

Репертуаръ состоялъ изъ оперъ, оперъ-комедій и водевилей. Давали: Jean de Paris, *Похищеніе изъ сераля*, *Севильскаго Цирюльника*, *Почталіона изъ Лонжюмо*, *Фра-діаволо*, *Коціочину или очарованную розу*, *Каменьщика и Слесаря*, *Первую Любовь*, *Проказы молодости*, *Пашу и медвѣдя*, *Мину или новый годъ*.

Представленія открылись на польскомъ языкѣ, оперою Jean de Paris. Хорошая постановка, удовлетворительное исполненіе обратили вниманіе зрителей и въ каждое представленіе театръ былъ полонъ. Въ роли пажа Ева Шмидгофъ была восхитительна.

Хотя прочія оперы шли хорошо, но успѣшнѣе всѣхъ выполнены: *Почталіонъ изъ Лонжюмо*, *Каменьщикъ и Слесарь*. Эти оперы заслужили полную похвалу и единодушное одобреніе.

Въ *Почталіонѣ изъ Лонжюмо*, почталіона (Шапле, Сенъ-Фора) игралъ Шмидгофъ; (Магдалину, г-жу де Латюръ) дѣв. Шмидгофъ; Маркграфа — Молевскій; (Бижу, Альсендора) — Новогонскій. Шмидгофъ пропѣлъ свои аріи хорошо, особливо арія товарищамъ и подслушанная Маркграфомъ, были переданы съ чувствомъ и выраженіе-

емъ; дѣв. Шмидгофъ пропѣла свои партіи голосомъ исполненнымъ прелести и чувства; Малевскій съ приличнымъ достоинствомъ игралъ свою роль; Новогонскій (полубасъ) не столько доставилъ удовольствія своимъ голосомъ, сколько игрою. Опера шла хорошо и заслужила громкія рукоплесканія и вызовы.

Въ *Каменьщикѣ* и *Слесарѣ*, главныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Леонъ Мерсиваль—Плонскій; Ирма, молодая Гречанка — дѣв. Гоммъ; Робертъ, каменьщикъ — Шмидгофъ; Бантистъ, слесарь — Новогонскій; Генріэтта — дѣв. Шмидгофъ, г-жа Бертранъ— дѣв. Станкевичъ и проч.

Вся опера была исполнена съ большою тщательностію и искусствомъ, но особеннаго вниманія и похвалы заслуживаютъ: арія во второмъ дѣйствіи, которую пропѣла д-ца Гоммъ со всею силою, выраженіемъ и прелестію своего пріятнаго голоса; дуэтъ между Робертомъ и Бантистомъ и ссора между Генріэттою и Бертранъ, переданная д-цами Шмидгофъ и Станкевичъ въ совершенствѣ.

Въ *Первой Любви*, Эвелину играла дѣв. Шмидгофъ, Карла — Малевскій, Ренвиля — Шмидгофъ. Піеса шла прекрасно и всѣ три лица исполнили свои роли, какъ нельзя лучше.

Въ *Проказахъ молодости* обратила на себя вниманіе дѣв. Шмидгофъ, въ роли молодаго кадета. Какъ она была хороша въ мужскомъ нарядѣ, и какъ она умѣла придать мужской колоритъ, и своему голосу, и своимъ движеніямъ, и вдохнуть столько жизни и прелести въ свою игру! Малевскій — въ роли лѣсничаго; Шмидгофъ — любовника; г-жа Бауеръ — старушки, которую она играла, прекрасны; дѣв. Гоммъ — дочери.

Паша и Медвѣдь, по сущности и содержанію своему могъ только идти на парижскомъ театрѣ, но играли удовлетворительно.

Мина или *Новый Годъ* — піеса составленная изъ народныхъ мазурскихъ обычаевъ, по содержанію пустая, но по характеру и исполненію замѣчательная. Дѣйствіе происходитъ въ корчмѣ. Подъ видомъ содержательницы

гостинницы, одинъ помѣщикъ помѣщаетъ свою племянницу (Мину) въ корчмѣ. Ее любитъ молодой помѣщикъ и хочетъ жениться; родители и слышать не хотятъ объ этой свадьбѣ. У Мины есть служанка, за которою ухаживаетъ работникъ. Жители посѣщаютъ корчму—старушка съ сыномъ, за котораго она прочитъ Мину, учитель и органистъ, предлагающіе также свои услуги. Наконецъ тайна открывается и Мина выходитъ за мужъ за молодаго помѣщика, служанка за работника.

Піеса шла хорошо; куплеты были изъ народныхъ мотивовъ, пляска національная. Мину играла Станкевичъ, служанку Магдалину—дѣв. Шмидгофъ; надобно было видѣть, какъ д-ца Шмидгофъ представила простую мазурскую дѣвку, съ какимъ талантомъ она передала манеру, голосъ и рѣчь крестьянки; простота и естественность отражались въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи; роль была трудная и почти неисполнимая по наружности, воспитанію и свѣтскому обращенію д-цы Шмидгофъ, но она умѣла создать ее. Новогонскій—въ роли сельскаго учителя, особливо былъ хорошъ во-время предложенія себя въ женихи Минѣ. Простота и комисмъ были неподдѣльные. Органиста и работника играли хорошо Шмидгофъ и Малевскій.

Въ понедѣльникъ 26 Іюля былъ бенефисъ Евы Шмидгофъ; давали *Первую Любовь* и *Проказы Молодости*. Утро было пасмурное, потомъ пошолъ дождь и продолжался съ перемежками до 6-го часу по полудни; въ 8 часу пошелъ проливной дождь и не переставалъ до утра другаго дня. Не взирая на дурную погоду, любители театра и цѣнители таланта Е. Шмидгофъ пріѣхали на бенефисъ.

Обѣ піесы шли прекрасно, бенефиціянтку вызывали нѣсколько разъ, и по окончаніи представленія, громкія и единодушныя рукоплесканія привѣтствовали юную, талантливую актрису. Занавѣсъ опустился и закрылъ отъ насъ все, что́ намъ доставляло столько радости, столько истиннаго удовольствія, столько свѣтлыхъ минутъ въ жизни. Увидимъ-ли опять Еву Шмидгофъ? Какое-то грустное предчувствіе пророчитъ несбыточность желаній!...

28 Іюля труппа Шмидгофа оставила Брестъ и поѣхала на ярмарку въ Сельву. Подумаешь, какая безпокойная жизнь, какой тяжолый хлѣбъ!.....

Говоритъ-ли о прочихъ труппахъ и артистахъ послѣ труппы Шмидгофа?

Начнемъ.

Труппа Сокульскихъ и Томкевича принадлежитъ къ тѣмъ изъ провинціальныхъ труппъ, въ которыя женскій и мужской полъ поступаетъ по какимъ-либо обстоятельствамъ жизни, безъ всякаго призванія и приготовленія. Здѣсь вы не ищите достоинствъ сцены и драматическихъ познаній.

Обзаведя свой репертуаръ, однажды навсегда, извѣстнымъ числомъ піесъ, труппа разъѣзжаетъ по городамъ и мѣстечкамъ и потчуетъ зрителей своими представленіями. Великодушные посѣтители, запасшись терпѣніемъ и снисходительностію, слушаютъ ихъ *комедь*; впрочемъ для подобныхъ труппъ есть своя публика!

Мѣстомъ представленій, Сокульскіе и компанія избрали деревянный, довольно длинный и высокій сарай, въ которомъ они устроили театръ. Полъ остался земляной, къ сценѣ покатый, потолокъ устлали жердями, накрытыми хворостомъ, для защиты въ случаѣ дождливой погоды; четыре ряда стульевъ, скамейки и амфитеатръ, мѣсто для оркестра, потомъ сцена.

Декораціи, отъ частыхъ переѣздовъ, утратили свое назначеніе, костюмы посредственные, очень-часто несоотвѣтствующіе; оркестръ изъ странствующихъ богемцевъ, довольно изрядный.

Изъ всѣхъ піесъ, комедій и водевилей, довольно удачно шли: *Наталка Полтавка* и *Чумакъ*. Разъ они дерзнули играть маленькую оперетку — *Эхо въ лѣсу*, и Боже! какъ были измучены, изтерзаны слушатели уродливымъ исполненіемъ этой піесы. При присоединеніи Томкевича къ Сокульскимъ, возвѣстили объ *Отелло* съ *блистательными костюмами* и *богатыми декораціями!!* но по какимъ-то непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эту піесу не играли. Жаль!

Въ *Наталкѣ Полтавкѣ*, роли Вознаго и Выборнаго, Сокульскіе исполнили хорошо; они умѣли придать довольно-близкій малороссійскій колоритъ своей игрѣ; прочія лица играли неудовлетворительно; костюмы, мужскіе и женскіе, невполнѣ соотвѣтствовали малороссійской одеждѣ.

Въ *Чумакѣ* — Сокульскій довольно успѣшно передалъ всю умную простоту и лѣнь малороссійскую.

Вольфъ далъ нѣсколько представленій, въ которыя онъ забавлялъ публику ловкостію и отчетливостію своихъ гимнастическихъ упражненій или на полу, или канатѣ, или лошадяхъ; были также нѣкоторыя геркулесовскія попытки.

Герберъ — 13-лѣтній скрипачъ далъ два концерта; въ одномъ онъ игралъ въ сопровожденіи плохаго оркестра, въ другомъ-фортепіянъ. Во второмъ концертѣ, акомпанистъ, послѣ двухъ піесъ, сказался больнымъ; концертъ не былъ конченъ.

Герберъ преимущественно игралъ изъ Беріо и Роде. Смычокъ его легокъ, свободенъ, быстръ; игра вѣрная, отчетистая, механисму много, но нѣтъ еще души, нѣтъ еще выраженія, нѣтъ еще вдохновенія, которыми приводитъ въ восторгъ и умиленіе геніяльной смычокъ артиста!

Е. КУЗНЕДВОРСКІЙ.

=

§ 20.

Театръ въ Самарѣ.

Наконецъ и въ Самарѣ театръ! Г-нъ антрепренеръ Стрѣлковъ, переѣзжая вверхъ и внизъ по матушкѣ по Волгѣ, то изъ Саратова въ Симбирскъ, то изъ Симбирска въ Саратовъ, остановился наконецъ въ Самарѣ, какъ Энеи въ Италіи, (пострадавъ предварительно въ Казани, гдѣ другой такой-же соколъ жестоко опалилъ себѣ перья). Труппа г-на Стрѣлкова, которую многіе знавали

еще до раздѣленія ее на двѣ, то-есть на симбирскую и саратовскую, и понынѣ держится, хоть и не совсѣмъ на прочныхъ основаніяхъ. Начнемъ съ главныхъ персонажей; *главными персонажами* я называю трагическихъ, или, пожалуй, драматическихъ актеровъ, ad libitum. Таковыхъ имѣется — одинъ, Романовскій. Еще Ивановъ могъ-бы играть въ драмахъ, но послѣ того, какъ въ нѣкоторомъ, такъ названномъ, дивертисементѣ, нарядясь какою-то отвратительной бабою, онъ не посовѣстился плясать и чихать на другаго, синебородаго мужика, одѣтаго въ старинный шушунъ и юбку, публика убѣдилась, что это человѣкъ безъ самоуваженія (ambition), стало-быть если и актеръ, то не драматическій. Водевильныхъ актеровъ $3^1/_2$ — Соколовъ, Турчаниновъ и Васильковъ; не знаю считать-ли Григорьева, постоянно незнающаго своихъ ролей? Комиковъ два, Турчаниновъ и Ивановъ; Турчаниновъ съ каждымъ спектаклемъ играетъ лучше и лучше. Онъ еще очень молодъ, (19 лѣтъ) и обѣщаетъ современемъ сдѣлаться превосходнымъ актеромъ, особенно если его, такъ сказать, не захлопаютъ, и онъ не вообразитъ о себѣ, что уже такой геніяльный актеръ, которому учиться и не у кого и нечему, какъ напримѣръ вдвойнѣ забавный саратовскій Залѣсскій 2-й.—При этомъ случаѣ не могу не изъявить отъ имени всѣхъ истинныхъ и безпристрастныхъ любителей театра искренной благодарности почтеннѣйшему Саратовцу, помѣстившему въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Репертуара и Пантеона» самый справедливый и снисходительный разборъ тамошняго театра. Я-бы душевно радъ былъ, не погрѣшивъ противъ правды, согласиться со всѣмъ, что вы сказали въ этой статьѣ своей, но увы! милостивый государь, въ одномъ выраженіи вы ошиблись, очень ошиблись,—именно въ томъ, гдѣ говорите о усердіи и умныхъ распоряженіяхъ г-на Стрѣлкова. Согласенъ съ вами, что это было когда-то, но теперь не то, далеко не то! Теперь у насъ предъ глазами творится такое, чему и названія не придумаю! Чувство, производимое иными штучками, страшнѣе ужаса, горче прискорбія; а ему и нужды нѣтъ! Напротивъ того онъ доволенъ, онъ почти-счастливъ, воображая

себя тонкимъ политикомъ. Даже сотой части оскорбленій драматическому искусству, постоянно допускаемыхъ г–мъ Стрѣлковымъ, нельзя ни описать, ни вспомнить. Скажу о новѣйшихъ. Напримѣръ: на сценѣ люди въ гусарскихъ мундирахъ говорятъ безпрестанно, что они *драгуны!* Одинъ изъ зрителей въ первомъ ряду креселъ въ полголоса замѣтилъ сосѣду, что одѣтому въ красный гусарскій мундиръ, неловко называться драгуномъ! Какъ на бѣду, красный драгунъ (Васильковъ) вслушался, да и говоритъ со сцены: «Что́-же дѣлать, если нѣтъ другаго мундира!!?» Гдѣ–жъ этотъ умъ Стрѣлкова, недогадавшагося или пригнать мундиры по піесѣ, или піесу по мундирамъ! Когда–жъ бываетъ надобность выстрѣлить, то ни одно ружье, ни одинъ пистолетъ у нихъ не стрѣляетъ! Изъ десяти такихъ случаевъ, только разъ выстрѣлилъ Романовскій, въ піесѣ «Козьма Рощинъ»; но за то въ той-же піесѣ другіе наверстали на этотъ выстрѣлъ, и лишь только Козьма бросился въ воду, (мы челнока не видали) и канулъ какъ ключъ ко дну, то прибѣжали два дюжіе мужика съ солдатскими ружьями, и не поднявъ ружей къ плечу, а приложа ихъ просто къ бокамъ, сдѣлали по тракту унырнувшаго Козьмы, ровно три осѣчки, да ужъ какъ сами смѣялись, только надъ кѣмъ—неизвѣстно! Опустившійся занавѣсъ закрылъ этотъ стыдъ. За отчетистое, честное исполненіе роли, мы единодушно хотѣли вызвать Романовскаго, но послѣдній фарсъ преслѣдовавшихъ его весельчаковъ, до того насъ озадачилъ, что мы забыли піесу и игру Романовскаго, въ чемъ онъ нисколько невиноватъ. Мы думали, что только этимъ и кончится, нѣтъ! въ тотъ-же роковой вечеръ, столь пагубный для благороднаго искусства и репутаціи ума г–на Стрѣлкова, данъ былъ торжественный срамъ, подъ названіемъ «Дивертиссемента.» Тутъ–то явились два безстыдника съ выпачканными рожами, въ бабьихъ платьяхъ, и начали подъ музыку бить другъ друга; я опустилъ глаза и не видалъ, по чемъ они дрались, только слышалъ звуки раздававшихся ударовъ и отвратительное чиханье! Скажу по совѣсти, что за такое чиханье никто не поздравствуетъ г–ну дирижеру. Должно замѣтить, къ чести сидѣвшихъ

въ райкѣ мѣщанъ, для восхищенія которыхъ такъ срамились эти жалкіе люди, что даже изъ нихъ никто не аплодировалъ. Конечно это частные, особенные случаи, которые могутъ и не повторяться; но вотъ гдѣ постоянная несносность или несносное постоянство Стрѣлкова—это позволеніе какому-то *чему-то*, называющемуся Молчановымъ, играть роли любовниковъ. И зачѣмъ это *что-то* играетъ?!! За тѣмъ, что почти даромъ служитъ, что почти никуда не годится и проситъ только корму, одежды, да лекарства! Да вѣдь театръ не богадѣльня, и чѣмъ-же виновата публика, чтобъ ее наказывать показываніемъ этаго олицетвореннаго несчастія и деревянной бездарности? Публикѣ нѣтъ дѣла до того—дешево, или дорого актеръ нанятъ: она платитъ деньги и требуетъ, чтобъ ея не оскорбляли, а такой актеръ есть явное неуваженіе къ зрителямъ. Мг. Молчановъ никогда не понимаетъ ни чужихъ, ни своихъ словъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ходъ и даже смыслъ піесы: напримѣръ, въ *Столѣтнемъ Солдатѣ*, играя роль ротмистра, дослужившагося до этого чина изъ солдатъ, и послѣ 12-ти лѣтняго отсутствія возвратившагося на родину, гдѣ онъ находитъ отца, дѣда и прадѣда.... что́ вы думаете, обрадовался онъ, увидавъ ихъ? ничуть не бывало! Вытянувшись, онъ устремилъ все свое вниманіе на суфлера и не сводилъ глазъ съ него до конца, да и на него-то смотрѣлъ съ такимъ кислымъ, жалкимъ выраженіемъ лица, какъ будто только-что проглотилъ рюмку злѣйшаго уксусу! Тщетно отецъ и дѣдъ увивались около милаго дѣтища; онъ не удостоилъ ихъ и взглядомъ! А спроси его, что́ онъ такое? Скажетъ, я актеръ. Онъ актеръ!! Боже ты мой! но вѣдь и Борисоглѣбскій актеръ, не столичный, а также провинціальный; однакожъ между такими актерами, какъ господа Молчановъ и тѣ двѣ плясавицы, въ сравненіи съ Борисоглѣбскимъ точно такая-же разница, какъ между исполнявшими въ балетѣ заднюю часть минотавра и Каратыгинымъ. Конечно никто не въ правѣ настаивать, чтобъ всѣ актеры провинціальнаго театра были въ драмахъ равны Борисоглѣбскому, въ водевиляхъ и опереткахъ Головинскому, этому провинціальному Бантышеву по пѣнію;

но чтобъ не пускали на сцену Молчанова,—публика въ-правѣ не только желать, но и требовать. Кромѣ-того вотъ еще доказательство его вниманія, ума и попечительности. Надъ входомъ въ театръ (доставляющій г-ну Стрѣлкову постоянно до семи-сотъ и болѣе рублей въ недѣлю) и теперь красуется слѣдующая надпись: *Въ ходъ Ложи и Креслы!!* или на сценѣ пылающія буквы *Боже Царя храни!* Словомъ, совершенно безбожная безграмотность! Если г-нъ Стрѣлковъ предполагаетъ насъ, публику, безграмотными, то долженъ былъ-бы знать, что у насъ vis-a-vis театра его есть Уѣздное Училище, стало-быть есть учители и учащіеся грамотѣ; спросилъ-бы у нихъ: они-бы и сказали ему, какъ надобно это написать. Здѣсь теперь учители люди со свѣдѣніями. Высказавъ по чистой совѣсти все, что лежало на душѣ о дурномъ, буду теперь говорить о хорошемъ, что есть въ театрѣ г-на Стрѣлкова. Это хорошее состоитъ изъ двухъ актрисъ: г-жи Стрѣлковой, жены антрепренера, и г-жи Косяковской. Эти, въ полномъ смыслѣ умныя, съ душою и толкомъ артистки, выполняютъ всѣ возможныя амплуа: графинь, субретокъ, набитыхъ дуръ, королевъ и проч., поютъ, пляшутъ, плачутъ, терзаются, хохочутъ и т. п. по три раза въ недѣлю, и всегда отчетисто, всегда твердо знаютъ роли свои. Да, виноватъ, позабылъ было упомянуть о женѣ г-на Новикова, умнаго и ловкаго капельмейстера театральной музыки. Эта актриса имѣла-бы способности, но какъ вниманіе ея, фарсы и напряженіе голоса постоянно обращены лишь на то, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать на подоблачную публику, то, чтобъ правильнѣе судить объ игрѣ г-жи Новиковой, надобно видѣть и слышать ее не изъ креселъ, а оттуда, гдѣ горняя публика грызетъ арбузныя и подсолнечниковыя сѣмечки, а головы щеголей пахнутъ коровьимъ масломъ и квасомъ; но какъ я вознестись туда еще не удосужился, то не скажу болѣе ничего о г-жѣ Новиковой. Г-жа Романовская актриса съ дарованіями, но постоянно больна, осипла и вообще разстроена; о ней можно поговорить, когда выздоровѣетъ. Есть еще дѣвица Петрова: эта бо́льшею частію знаетъ твердо свои роли и поетъ довольно-пріятно,

слѣдуя за смычкомъ г-на Новикова, который всѣмъ актерамъ и актрисамъ подпѣваетъ и подъигрываетъ, и чудо какъ поспѣваетъ! Остальныя-же, показывающіяся иногда, и то только издали, женскія лица, судя по ихъ наружности, содержатся тутъ болѣе для сохраненія строгой нравственности молодыхъ актеровъ. Вотъ гдѣ г-нъ Стрѣлковъ дѣйствительно выказалъ отмѣнную предусмотрительность, и, можно сказать, совершенно обезпечилъ себя отъ заботъ, сюрпризовъ и романтическихъ сценъ, такъ нерѣдко случающихся за кулисами. Видъ тѣхъ особъ не внушитъ никому и ничего, кромѣ добродѣтельныхъ помысловъ; впрочемъ въ большой артели надобно-же кому нибудь и бѣлье мыть....

ИСТЫЙ САМАРЯНИНЪ.

1843 года сентября 5-го дня.

СМѢСЬ.

БАЛЕТЫ У РИМЛЯНЪ И БАЛЕТЫ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Въ наше время, когда балетъ въ такой модѣ у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы, когда для балета не щадятъ никакихъ издержекъ, пишутъ новыя либретто, новую музыку, новыя декораціи, словомъ, употребляютъ всѣ возможныя средства механики и искусства, читателямъ нашимъ, вѣроятно, любопытно будетъ знать, что такая мода на балетъ уже не новость и что балетъ, т: е: представленіе пантомимами, былъ въ большой модѣ у древнихъ, и именно у Римлянъ, въ-первые два вѣка послѣ Р. Х.

О началѣ и причинахъ успѣха пантомимы у древнихъ говорятъ различно: многіе утверждаютъ, что огромность римскихъ театровъ, въ которыхъ помѣщалось иногда до 40,000 зрителей, препятствовала имъ, не-смотря на всѣ искусственныя средства, хорошо слышать актеровъ, и это подало мысль замѣнить прежнія зрѣлища новыми. Мнѣніе это весьма несправедливо, потому-что теперь дознано фактически, что, несмотря на огромность древнихъ театральныхъ зданій, резонансъ въ нихъ былъ сохраненъ прекрасно; устройство ихъ, въ видѣ полукруга, много способствовало къ распространенію звука, такъ, что легко было слышать актера изъ самаго отдаленнаго угла амфитеатра. Многіе успѣхъ балета приписывали своевременной новизнѣ изобрѣтенія. А намъ кажется, что вѣрнѣе успѣхъ балета искать частію въ политикѣ, а частію въ распространеніи владычества Римлянъ. Августъ любилъ балетъ, потому-что имъ достигалась нѣкоторымъ образомъ великая цѣль его царствованія – единство Имперіи, потому-что онъ наполъ въ немъ языкъ, доступный всѣмъ народамъ его обширнаго государства. Юлій Цезарь, послѣ народныхъ войнъ, старался собрать въ Римъ всѣ націи, и по этому принужденъ былъ выписывать актеровъ различныхъ странъ и давать представленія на нѣсколькихъ различныхъ языкахъ. Августъ долженъ былъ-бы поступить такимъ-же образомъ, но это болѣе служило-бы къ разъединенію, чѣмъ къ слитію различныхъ элементовъ Имперіи. Онъ покровительствовалъ пантомимамъ, потому-что видѣлъ въ нихъ какъ-

бы толмачей между Римлянами и побѣжденными народами. Въ провинціяхъ это средство равно могло служить къ тѣсному соединенію побѣдителей и побѣжденныхъ.

Замѣна трагедіи и комедіи балетомъ изгоняла изъ памяти древніе образцы, ослабляла дѣйствіе богослуженія и распространяла если не языкъ, то нравы и образъ мыслей Римлянъ. Вторая причина была та, что Августъ, создавшій имперію изъ республики, не любилъ ничего такого, что̀ напоминало о прежнемъ республиканскомъ правленіи, когда трагедіи, созданныя по образцамъ греческимъ, всѣ исполнены были свободныхъ мыслей; поэтому онъ не кончилъ своего «Аякса», піесу, начатую имъ въ молодости, и не позволилъ издать въ свѣтъ «Эдипа» Юлія Цезаря. Онъ не любилъ комедіи, потому-что не хотѣлъ слышать въ ней какого-нибудь тонкаго намека на свою молодость, и по этимъ причинамъ сталъ покровительствовать балету.

О происхожденіи балета существуютъ разныя мнѣнія: иные за создателей пантомимъ принимаютъ Пилада и Батиллоса; другіе-же говорятъ, что они не сами создали балетъ, а заимствовали его отъ древнихъ Грековъ, и что итальянскіе танцы не что-иное суть, какъ усовершенствованные танцы древнихъ греческихъ хоровъ. Исторія говоритъ намъ много чудеснаго о Пиладѣ изъ Силиціи и Батиллосѣ изъ Александріи *. Первый изъ нихъ изобрѣлъ родъ танцевъ благородный, нѣжный, патетическій; второй – легкій, свободный, веселый, нерѣдко комическій. Сначала они давали свои представленія вмѣстѣ, выстроили на свой счетъ театръ и играли трагедіи, комедіи, безъ всякой посторонней помощи, кромѣ жестовъ и танцевъ. Этотъ родъ представленій былъ принятъ съ восторгомъ, и они нѣкоторое время дружно дѣлили и труды, и славу, и доходы. Соперничество поссорило и раздѣлило ихъ. Искусство отъ этого много выиграло: они выстроили два театра, безпрестанно улучшали свои представленія, стараясь другъ передъ другомъ привлечь къ себѣ

* Вообще у Римлянъ искусство изъясняться пантомимами было доведено до совершенства. Понтійскій король, видѣвшій знаменитаго Деметріуса въ балетѣ *Работы Геркулеса*, имѣвшемъ большой успѣхъ при Неронѣ, просилъ Императора уступить ему актера, который такъ прекрасно выражается жестами, дабы онъ могъ вести переговоры съ сосѣдними дикими народами, ибо они не понимаютъ егоословъ. Этотъ доводъ однако-же не убѣдилъ Нерона, и онъ не согласился отпустить любимаго актера.

зрителей; диллетантовъ нашлось довольно, чтобъ поддержать оба театра. (Тогда балетъ состоялъ изъ трехъ частей 1) изъ танцевъ 2) изъ *canticum* или текста и 3) изъ музыкальнаго акомпаньемана, и былъ представляемъ или нѣсколькими персонажами или однимъ лицомъ, представлявшимъ нѣсколько лицъ.) Пиладъ былъ изобрѣтательнѣе Батиллоса: онъ умножилъ число инструментовъ, изобрѣлъ кордебалетъ, который своими положеніями, жестами и танцами передавалъ прекрасно положеніе дѣйствующихъ лицъ и завязку цѣлой піесы. Самъ онъ довелъ искусство выражаться знаками до совершенства, былъ понятенъ всѣмъ и каждому, и часто, въ патетическихъ мѣстахъ, исторгалъ слезы у растроганныхъ зрителей *. Представленіе пантомимъ вошло въ большую моду, и они заставили забыть Езопа и Росціуса, извѣстныхъ декламаторовъ. Но соперничество, которое сначала двинуло искусство, въ послѣдствіи погубило его: публика раздѣлилась во мнѣніи своемъ на двѣ партіи: одна была за Батиллоса, другая за Пилада; актеры различныхъ сторонъ ненавидѣли другъ-друга, такъ, что часто, послѣ представленій, происходили ссоры, драки и даже смертоубійства. Тиберій, опасаясь еще бо́льшихъ безпорядковъ, запретилъ представленія пантомимъ, къ немалому сожалѣнію любителей и любительницъ ** и театръ былъ закрытъ до Калигулы и Нерона, которые позволили снова открыть публичный театръ. Но страсть къ балету не уменьшилась: изъ публичнаго это удовольствіе сдѣлалось частнымъ: въ тоже время вошло въ обыкновеніе представлять пантомимы во время обѣдовъ;

---

* Римскіе актеры вообще обращали большое вниманіе на изученіе позъ и жестовъ, чтобы какъ можно ближе и вѣрнѣе передать положеніе самаго дѣйствующаго лица. Макробій разсказываетъ, что однажды Голасъ танцовалъ *canticum*, который долженъ былъ оканчиваться словами: «Великій Агамемнонъ»! причемъ молодой актеръ старался выпрямить станъ и показаться выше, нежели онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ. Пиладъ, находившійся въ это время между зрителями, не могъ удержаться, чтобы не закричать ему по-гречески: «Ты сдѣлался длиннымъ, но не великимъ»!

** Многія знатныя дамы любили балеты до безумія и разорялись на нихъ. Плиній упоминаетъ объ одной Квадратиллѣ, у которой страсть къ этого рода представленіямъ была такъ сильна, что въ дни, когда не было спектаклей, она прибѣгала въ театръ, входила на сцену и вознаграждала себя тѣмъ, что цѣловала маски и костюмы. Въ это время актеры принимались въ самый лучшій кругъ общества.

извѣстно, что Римляне употребляли на обѣды бо́льшую и лучшую часть дня. Даже у самаго Августа за обѣдомъ Пиладъ представлялъ лучшую свою роль: *Бѣснующійся Геркулесъ*. Въ-послѣдствіи времени многіе императоры не только покровительствовали балету, но и сами въ нихъ участвовали, и часто балеты представляемы были не актерами, а государственными сановниками, нерѣдко даже сенаторами. Извѣстно, что Калигула очень любилъ пантомимы и предавался этому удовольствію по ночамъ: онъ любилъ переодѣваться Меркуріемъ, Нептуномъ, Юпитеромъ. Неронъ любилъ представлять героевъ: Каракалла — Бахуса, по примѣру Александра; Геліогоабалъ игралъ роль Венеры, въ балетѣ *Судъ Париса*, и весьма-искусно представлялъ кухарокъ, продавицъ духовъ, модъ, и женщину, прядущую ленъ. Въ это-же время вошли въ употребленіе переодѣванья, въ родѣ нашихъ маскерадовъ, гдѣ всѣ гости бывали одѣты въ различныхъ костюмахъ и каждый представлялъ какое-либо лицо. Домиціанъ любилъ эти маскерады болѣе всѣхъ императоровъ, и часто эти шутки продолжалъ до жестокости. Однажды онъ велѣлъ обить чорнымъ сукномъ нѣсколько комнатъ во дворцѣ и созвалъ на ужинъ главныхъ сановниковъ государства; передъ каждымъ приборомъ была поставлена ваза, какія воздвигаютъ въ память усопшихъ, и на каждой изъ нихъ написано чье-нибудь имя. Во все продолженіе ужина чорные невольники танцовали странные танцы, а самъ Домиціанъ говорилъ о крови, смерти и убійствахъ. Потомъ полумертвыхъ отъ страха гостей отвели по домамъ; но едва они пришли въ себя, какъ снова, къ немалому ужасу, ихъ потребовали къ императору, который однако щедро одарилъ ихъ.

Долго еще подобнаго рода зрѣлищами потѣшались слабые, изнѣженные и развращенные Римляне, пока сѣкира дикарей не разрушила дѣла Юлія Цезаря и на нѣсколько вѣковъ не стерла съ лица земли образованность, искусства и науки.

За паденіемъ Римской Имперіи слѣдуетъ четырнадцативѣковая ужасная ночь, гдѣ умъ человѣческій гибнетъ подъ гнетомъ силы, гдѣ не блеститъ ни одна свѣтлая мысль, ни одно искусство не смѣетъ поднять вѣнчанную главу свою, гдѣ науки таятся между немногими избранными, гдѣ общественность и образованность были словами непонятными, словами безъ значенія. Драма ненужна была въ то время, которое само-по-себѣ было великою, кровавою драмою.... Но всему положонъ предѣлъ: прошли грозныя времена для искусства, занялась свѣтлая заря XVI вѣка, снова закипѣла

жизнь, явились смѣлые умы, разпространились новыя понятія, общественность и образованность, снова явились на сцену изящныя искусства, а съ ними и театральныя зрѣлища. Не мѣсто здѣсь входить въ исторію развитія театра у новыхъ народовъ; мы обратимся прямо къ настоящему времени, въ которое балетъ играетъ такую важную роль между театральными представленіями, и постараемся указать на причины его успѣха въ наши дни.

Не у всѣхъ народовъ есть театръ національный. Одинъ народъ создаетъ, другой переноситъ созданное на свою почву, стараясь примѣниться къ требованію духа народнаго и къ требованію времени. Немногіе создали народную драму, потому-что для этого нуженъ великій геній; до-сихъ-поръ только Шекспиръ и Шиллеръ успѣли въ этомъ родѣ. Мольеръ менѣе ихъ оригиналенъ. У насъ еще не было народнаго драматическаго поэта. Нашъ театръ, заимствованный бо́льшею частію съ французскаго, по необходимости долженъ быть его отголоскомъ и страдать его недостатками. Поэтому у насъ въ модѣ то́, что́ въ модѣ въ Парижѣ. Мнѣ кажется, что успѣхъ балета въ настоящее время должно приписать упадку драматическаго искусства. Въ нашъ вѣкъ театръ потерялъ свое назначеніе. У насъ большинство считаетъ театръ за развлеченіе, за средство убить время, повидаться съ знакомыми или хоть немного расшевелить уснувшую чувствительность, нерѣдко даже и чувственность, совершенно не подозрѣвая великой цѣли театра. При такихъ условіяхъ, при такомъ взглядѣ на искусство, натурально, балетъ долженъ быть предпочтенъ другимъ театральнымъ зрѣлищамъ. Пріятная музыка, хорошія декораціи, все это такъ легко ласкаетъ слухъ и зрѣніе, не заставляетъ ни углубляться въ самого-себя, ни мыслить, ни сочувствовать: въ нашъ вѣкъ, когда такъ боятся сильныхъ ощущеній, что́ можетъ быть приличнѣе балета? Можно было-бы объяснить причины успѣха балета потребностію самаго вѣка, если-бы было поболѣе балетовъ *съ мыслію*. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ нашъ холодный вѣкъ пріятно хоть часъ провести въ мечтахъ, пока не разбудитъ строгая существенность. Но у насъ балетъ болѣе въ модѣ потому, что нѣтъ еще народной драмы, ни драматическаго генія, который пробудилъ-бы въ насъ любовь къ нашимъ предкамъ, къ нашей исторіи, заставилъ-бы по-лучше узнать самихъ-себя, почувствовать свои силы и забыть рѣзвыя ножки Сильфиды.

М. Б.

— **АКТЕРЪ-АДВОКАТЪ СВОЕГО ДѢЛА.** Авторъ «Тюркарета» и «Криспеня, соперника своего барина» долгое время занимался драматическимъ искусствомъ; но сотрудничество его съ Фозелье, Дюрневалемъ и Пирономъ въ піесахъ, игранныхъ на Сен-Жерменской ярмаркѣ, навлекло на него столько непріятностей, что въ послѣдніе двадцать лѣтъ жизни своей, онъ ненавидѣлъ актеровъ. Велика была горесть Лесажа, когда старшій изъ сыновей его, котораго онъ предназначалъ въ адвокаты, вступилъ въ актеры, подъ именемъ *Монмениля*.

Авторъ Жиль-Блаза объявилъ рѣшительно, что не хочетъ болѣе видѣть старшаго сына, не-смотря на всѣ убѣжденія Жюльеня-Франсуа-Лесажа, младшаго сына своего, вступившаго въ духовное званіе, бывшаго каноникомъ въ Булоньи и нѣжно любившаго Монмениля.

Графъ де-Трессанъ, членъ Французской Академіи, авторъ нѣсколькихъ очень-милыхъ романовъ и извѣстный переводчикъ, былъ въ то время комендантомъ въ Булоньи. Вѣрный цѣнитель дарованія и благороднаго характера Лесажа, онъ любилъ посѣщать его, и, въ дружеской бесѣдѣ, охотно слушалъ оригинальные разсказы старика, умъ котораго сохранилъ еще всю свѣжесть, всю силу и всю любезность свою.

Въ одну изъ поѣздокъ Лесажа въ Булонью, Графъ де-Трессанъ, по просьбамъ каноника и самаго Монмениля, рѣшился пріискать средство примирить послѣдняго съ отцомъ. Провинціальные актеры вели въ то время кочевую жизнь, переносясь изъ города въ городъ драматическіе шатры свои. Между ними встрѣчались часто люди съ высокимъ талантомъ, которые въ послѣдствіи обогащали столичные театры.

Монмениль принадлежалъ къ труппѣ актеровъ, прибывшихъ въ Булонью за мѣсяцъ передъ тѣмъ, какъ туда пріѣхалъ старый Лесажъ.

Прошло нѣсколько дней и на аффишахъ объявили, что будутъ давать піесу: *Криспень, соперникъ своего барина*. Г. де Трессану стоило большаго труда, чтобы уговорить автора этой остроумной комедіи занять почетное мѣсто въ ложѣ его.

Каково-жъ было изумленіе Лесажа, когда, въ актерѣ, игравшемъ Криспеня, онъ узналъ сына своего!

— А! господинъ комендантъ, сказалъ онъ съ горестію: еслибъ вы не были лучшимъ другомъ моимъ, то эта измѣна сильно-бъ оскорбила меня.

Доброму Графу удалось наконецъ успокоить его. Однако во все время представленія на лицѣ старика выражались безпокойство и уныніе.

Монменіиль игралъ превосходно. Мало-по-малу игра его до того увлекла стараго Лесажа, что въ послѣдней сценѣ онъ принялся изъ всей мочи аплодировать Криспену. Когда Монменіиль переодѣлся, Графъ де-Трессанъ велѣлъ позвать его къ себѣ въ ложу.

— Обнимите отца вашего, сказалъ онъ: благагодаря вашему таланту, вы заслужили прощеніе и любовь его.

— Монменіиль, сынъ мой! проговорилъ Лесажъ, прижимая его къ груди своей. Я хотѣлъ, чтобы ты былъ адвокатомъ, и достигъ цѣли своей, потому-что ты выигралъ труднѣйшій изъ всѣхъ процессовъ!

— **СПОСОБЪ УГОЩАТЬ ГОСТЕЙ, НЕ ИЗДЕРЖИВАЯ НИ КОПЕЙКИ.** Ларюэттъ былъ долго одною изъ знаменитостей французской комической оперы. Жизнь его полна остроумныхъ выходокъ и забавныхъ анекдотовъ....

Едва вышедъ изъ училища, Ларюэттъ прибылъ въ Парижъ, богатый надеждами, бѣдный деньгами; тщетно просился онъ въ нѣкоторые лирическіе * театры—нигдѣ его не принимали, а между-тѣмъ кошелекъ его все болѣе и болѣе пустѣлъ.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Ларюэтту пришла въ голову самая странная, самая непостижимая мысль, которая когда-либо можетъ родиться въ головѣ молодаго человѣка безъ всякаго состоянія и занятія.... Ларюэттъ захотѣлъ жениться!

— Дѣвушка, на которую палъ выборъ его, была молодая актриса при одномъ изъ второстепенныхъ столичныхъ театровъ; всѣ отзывались о ней съ чрезвычайной похвалою, но красота и таланты составляли все приданое ея. Время свадьбы было назначено, билеты разосланы къ многочисленнымъ знакомымъ, съ приглашеніемъ явиться къ ужину.

Гости явились, но.... увы! даже приготовленія къ ужину не были начаты! Ларюэттъ забылъ, что финансы его были

---

* Читай *балалаечные, гитарные* или *фортепьянные*, по совѣту *Маяка*. См. сентябрьскую книжку 1843 года, въ отд. критики, стр. 19.

въ самомъ жалкомъ положеніи; что кошелекъ его былъ совершенно пустъ. Представьте-же себѣ отчаяніе новобрачныхъ при видѣ многочисленной толпы, привлеченной приманкой вкуснаго ужина!

Въ пустой столовой сталъ Ларюэттъ совѣтоваться съ женою, призывая къ себѣ на помощь всѣ средства воображенія и изобрѣтательнаго генія своего, чтобы съ честію выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ самъ такъ легкомысленно поставилъ себя.

— Подумай, дружокъ, говорилъ пѣвецъ: авось найдемъ мы какое-нибудь средство, чтобы накормить этихъ господъ.

Молодая жена тщательно осмотрѣла всѣ шкафы, и наконецъ положительно оказалось, что весь запасъ ихъ состоялъ изъ бутылки вина и половины цыпленка.

— Ничего! вскричалъ Ларюэттъ, не унывая: и то уже хохошо, что намъ-самимъ есть чѣмъ поужинать!... Потомъ онъ воротился къ гостямъ, и обращаясь къ нимъ, сказалъ, какъбы чрезвычайно-огорченный:

— Господа, я надѣялся угостить васъ сегодня у себя, но знаменитый поваръ, обѣщавшій мнѣ приготовить ужинъ, не сдержалъ своего слова. Слѣдовательно, я принужденъ взять другія мѣры. Если вамъ угодно, то мы отправимся въ *Роще-де-Канкаль* и тамъ окончимъ этотъ счастливый для насъ день.

Подали кареты, всѣ усѣлись, и черезъ нѣсколько минутъ подъѣхали къ знаменитому гастрономическому заведенію; но было уже половина двѣнадцатаго и трактиръ былъ запертъ.

— Ничего, вскричалъ Ларюэттъ: отправимтесь къ *Братьямъ-Провансаламъ*,—тамъ, вѣрно, мы будемъ счастливѣе.

И всѣ экипажи направились къ Пале-Роялю.... но и тамъ все было заперто!

Пять или шесть подобныхъ попытокъ остались тщетными; между-тѣмъ гости, которымъ начинали надоѣдать эти ночныя странствованія, мало-по-малу разсѣялись и воротились домой.... Этого ждалъ и надѣялся Ларюэттъ.

Когда всѣ гости разъѣхались, новобрачные поскорѣе воротились домой, сѣли къ столу, выпили свою бутылку вина и съѣли половину цыпленка, между-тѣмъ-какъ Ларюэттъ, громко смѣясь, говорилъ молодой женѣ своей:

— Не говорилъ-ли я тебѣ, что намъ будетъ чѣмъ поужинать?...

— **ВОЕННЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ АФРИКѢ.** Чтобы проводить съ нѣкоторою пріятностію время, свободное отъ тяжкихъ трудовъ и нападеній тигровъ Абдъ-ель-Кадера, французскіе солдаты въ Алжирѣ устроили у себя походные театры, изъ которыхъ нѣкоторые достигли даже извѣстности, а именно театръ *Туміэтъ* или *Эль-Хружской*.

Представленія бываютъ обыкновенно два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, и точно также, какъ и въ европейскихъ театрахъ, вечеромъ, при огненномъ освѣщеніи.

Нѣсколько дурно сколоченныхъ досокъ, подъ большою полотняною палаткою, открытою всѣмъ вѣтрамъ, двѣ кинкетки, привѣшенныя къ столбу, двѣ или три ширмы, замѣняющія декораціи, вотъ всѣ принадлежности этихъ театровъ. Солдаты замѣняютъ зрителей, актеровъ, актрисъ, музыкантовъ, машинистовъ, суфлеровъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ роды драматическихъ представленій, исключая оперъ, даются на этихъ театрахъ, но преимущественно водевили, съ удивительнымъ искусствомъ и согласіемъ.

Мы опишемъ одно изъ этихъ замѣчательныхъ представленій, данное на театрѣ Туміэтъ, въ Константинской Провинціи.

Въ день представленія, въ мѣстахъ, болѣе посѣщаемыхъ, на караульняхъ и на пушкахъ, видны были аффиши, слѣдующаго содержанія:

ТЕАТРЪ ТУМІЭТЪ.

Сегодня вечеромъ:

Наслѣдница, комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Антоній, драма въ пяти дѣйствіяхъ.

(Начало въ семь часовъ.)

Въ половинѣ седьмаго часа зала была уже полна и зрители представляли самую разнообразно-живописную картину. Близъ поселенцевъ, недавно прибывшихъ изъ Оверньи и Швейцаріи, видны были Мавры Константинскіе; Берберы, съ высотъ Атласа, дружески разговаривали съ Жидами и Поляками; Эѳіопскій негръ улыбался маркитанткѣ, Турокъ изъ Константинополя важно курилъ трубку возлѣ Итальянца, объяснявшаго ему содержаніе піесы. Мальтійцы, Испанцы, Нѣмцы, Англичане, Марокайцы были въ числѣ зрителей.

Въ семь часовъ занавѣсъ поднялся; молодой солдатъ, бывшій нѣкогда актеромъ дѣтскаго театра г-на Конта въ Пари-

жѣ, игралъ роль любовника; любовницу игралъ другой молодой солдатъ изъ отряда *Spahes;* онъ недавно еще прибылъ изъ Франціи, а потому солнце не успѣло покрыть лица его коричневымъ цвѣтомъ, придающимъ Африканцамъ такой суровый видъ.

Представленіе водевиля шло прекрасно; только громкія рукоплесканія зрителей, частые отдаленные рѣзкіе крики шакаловъ, да восклицанія часовыхъ прерывали тишину.

Антрактъ былъ непродолжителенъ. Во второй разъ поднялся занавѣсъ, началась драма, и зрители, молча, принялись курить.

Но едва первая сцена драмы была кончена, какъ раздался громкій крикъ: *къ оружію!* и въ то-же мгновеніе началась сильная перестрѣлка. Десять тысячъ Кабаиловъ напали на лагерь — но актеры и актрисы не забыли главной роли своей.

Быстро перемѣнилась декорація: благородный отецъ, любовникъ, любовница, субретка и проч., твердо зная реплику свою, прекрасно выполнили роли въ новой драмѣ.

Субретка прикладомъ ружья положила на мѣстѣ стараго Кабаила, волокиту; любовница сбила съ ногъ двухъ дюжихъ горцевъ; благородный отецъ, старый сержантъ, спасъ жизнь и честь кокеткѣ, которую хотѣлъ похитить Бедуинъ.

Словомъ, послѣ двухъ-часоваго представленія, занавѣсъ опустился и драма кончилась, къ величайшей славѣ французскихъ актеровъ!

На слѣдующій день была окончательная развязка драмы, сыгранной экспромтомъ: хоронили убитыхъ!

— **ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ АФФИШИ.** Нѣтъ ничего забавнѣе изобрѣтательности французскихъ содержателей странствующихъ труппъ въ составленіи аффишъ, которыми они стараются завлечь къ себѣ публику.

Намъ случайно попалась въ руки аффиша, явившаяся прошлымъ лѣтомъ въ одномъ изъ маленькихъ городковъ, Франціи. Мы переведемъ ее слово-въ-слово:

Съ дозволенія г. Помощника Мэра, по случаю отсутствія самаго г. Мэра,

сегодня, въ четвергъ, 15 іюня, труппа драматическихъ артистовъ, находящихся подъ дирекціею г-на Симонена, по-

вѣреннаго г-на Дюфло, будетъ имѣть честь дать первое представленіе, состоящее изъ нижеслѣдующихъ піесъ:

ВЕРЪ-ВЕРЪ.

Одинъ изъ забавнѣйшихъ водевилей гг. Скриба и Мельвиля, въ пяти дѣйствіяхъ. Піеса эта выдержала въ столицѣ болѣе 200 представленій на большомъ Пале-Ройяльскомъ театрѣ.

Актеры и *Актрисы:* гг. Жюль, Альфредъ, Паскаль, Оноре; г-жи Жюль, Альфредъ, *Розмондина* и маленькая Адель, шести лѣтъ отъ роду.

За оною послѣдуетъ также первое представленіе піесы:

ВДОВСТВО,

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ г. Сансона, члена Королевскаго Французскаго Театра и придворнаго актера Короля Французовъ.

Эта комедія, напоминающая творенія великаго Мольера, потому-что и г. Сансонъ тоже придворный актеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитый авторъ, будетъ сыграна гг. актерами Жюлемъ, Альфредомъ, Паскалемъ, Оноре и г-жами Жюль, Альфредъ и Паскаль.

Въ началѣ спектакля данъ будетъ:

ОБѢДЪ МАДДОНЫ

или

Онъ боится, чтобы ему не обрѣзали ушей!

Чрезвычайно-остроумный водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Актеры и *Актрисы:* гг. Жюль, Альфредъ и г-жа Жюль.

Примѣчаніе. Г-жа Розмондина, въ первый разъ являющаяся на сцену въ роли Веръ-Вера, будетъ одѣта въ мужскомъ костюмѣ (курточка изъ зеленаго атласа и розовые панталоны въ натяжку); она должна сильно возбудить любопытство публики. Г-жа Розмондина, о настоящемъ имени которой мы умалчиваемъ, есть одна изъ жительницъ этого города и всѣмъ извѣстна по красотѣ своей, въ-слѣдствіе которой ее и прозвали *прелестной кондитершой;* мы ручаемся за справедливость этого прозвища во всѣхъ отношеніяхъ. Чрезвычайная красота ея и непреодолимое стремленіе къ изящному драматическому искусству побудили ее вступить въ нашу труппу, которой она составитъ украшеніе.

— **ДѢЙСТВІЕ КРАСНОРѢЧІЯ НА ВОРА.** Дѣвица Конта (Contat) была первымъ образцомъ знаменитой Марсъ, кото-

рая оказалась въ послѣдствіи достойною наслѣдницею учительницы своей.

Дѣвица Конта была на вершинѣ торжества своего во времена французской Республики; какъ женщина свѣтская и умная, она была въ сношеніяхъ со всѣми тогдашними знаменитостями.

Однажды вечеромъ была она вмѣстѣ съ поэтомъ Шенье и адвокатомъ Л** въ одномъ изъ маленькихъ салоновъ трактира Фраскати. Вечеръ былъ теплый и стеченіе народа было велико.

Вдругъ актриса вскрикнула со страхомъ.

— Что̀ съ вами? спросилъ Шенье.

— У меня сей-часъ украли браслетъ, отвѣчала дѣвица Конта: я въ отчаяніи!

— Увѣрены-ли вы въ томъ, что онъ былъ еще на рукѣ вашей, когда мы вошли сюда? спросилъ адвокатъ.

— О! совершенно увѣрена.

— Въ такомъ случаѣ, прибавилъ онъ, успокойтесь! Браслетъ будетъ вамъ возвращенъ: и послѣ этихъ словъ адвокатъ съ важнымъ видомъ выступилъ на средину залы и торжественнымъ голосомъ сказалъ:

— Граждане! Жемчужина театра Республики, дѣвица Конта, *лишилась* браслета, которымъ она чрезвычайно дорожитъ. *(Глубокое молчаніе.)* Я, Л**, адвокатъ, покорно прошу *особу*, въ *распоряженіи* которой находится теперь браслетъ, возвратить его сегодня-же вечеромъ, привратнику дома, въ которомъ живетъ прелестная актриса наша. Граждане, я увѣренъ, что просьба моя будетъ исполнена!

Вечеромъ того-же дня, когда дѣвица Конта воротилась домой, привратникъ вручилъ ей маленькій ящичекъ, на которомъ было написано:

«Меркурій Таліи».

Въ наше время воры не такъ вѣжливы и не такъ хорошо знакомы съ миѳологіей: свидѣтельствомъ тому служитъ процессъ, который имѣла г-жа Марсъ, по случаю похищенныхъ у нея бриліантовъ.

— **ФАБРИКАЦІЯ ПАРИЖСКИХЪ ВОДЕВИЛЕЙ.** Нельзя не удивляться безчисленному множеству водевилей, комедій и драмъ, безпрестанно появляющихся на парижскихъ театрахъ, между-тѣмъ-какъ число драматическихъ писателей

совсѣмъ не такъ велико, какъ оно кажется съ перваго взгляду; хотя большая часть піесъ является подъ фирмою двухъ или трехъ писателей, однакожъ одно имя, по-крайней-мѣрѣ, выставлено только какъ приманка, чтобы придать піесѣ болѣе ходу. Важную роль въ подобныхъ сдѣлкахъ играютъ нѣкотораго рода промышленики, которыхъ лучше нельзя назвать, какъ *драматическими свахами*, называющими себя драматическими писателями, хотя они не умѣютъ ни сюжета придумать, ни куплета сочинить, ни даже, (что бываетъ весьма часто) правильно писать. Вотъ какъ происходитъ сдѣлка:

Между парижскими драматическими писателями есть человѣкъ двѣнадцать, заслужившихъ любовь публики, и слѣдовательно, уваженіе директоровъ театровъ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ водевилей, являющихся въ лѣтнее время на сценахъ парижскихъ, директоры не скоро соглашаются принять піесу, на которой не выставлено имя одного изъ извѣстнѣйшихъ писателей. Есть даже директоры, которые, вмѣсто того, чтобы прочесть предлагаемую піесу, отсылаютъ молодаго автора ея безъ дальнихъ околичностей къ какому-нибудь изъ модныхъ театральныхъ поставщиковъ.

— Сходите къ господину N., говорятъ они: и если ему угодно будетъ *написать эту піесу съ вами*, то я охотно соглашусь принять ее; а нѣтъ, такъ.... не прогнѣвайтесь!

И молодой человѣкъ, часто внутренно чувствующій достоинство произведенія своего, соглашается на все, лишь-бы видѣть, лишь-бы слышать, какъ толпа будетъ сочувствовать ему, какъ толпа будетъ рукоплескать ему.... О, суста! Является молодой писатель къ драматической *свахѣ*, которая принимаетъ его въ великолѣпной квартирѣ, въ богатомъ халатѣ, сажаетъ его въ мягкія кресла, беретъ піесу, обѣщая внимательно прочесть ее и дать въ самомъ скоромъ времени отвѣтъ.

Очарованный ласковымъ пріемомъ свахи, отправляется молодой писатель домой. Что-же дѣлаетъ между-тѣмъ сваха? Вы думаете, что онъ станетъ читать рукопись, исправлять слогъ, передѣлывать завязку, чтобы придать развязкѣ болѣе эффекту... нѣтъ! онъ слишкомъ занятъ, чтобы заниматься такими бездѣлками.

Сваха надѣваетъ самый лучшій фракъ свой и отправляется съ рукописью не къ содержателю театра, но къ автору, имя

котораго сдѣлалось народнымъ, и выдаетъ піесу за свое сочиненіе.

Если драматическій писатель съ народнымъ именемъ соглашается исправить піесу, то поставщикъ немедленно отправляется къ молодому автору съ извѣстіемъ, что піеса его будетъ принята, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была исправлена и одобрена знаменитымъ писателемъ.

— Это я сдѣлалъ только изъ любви къ вамъ, говоритъ сваха: потому-что вы можете быть увѣрены, что при такихъ условіяхъ піеса *наша* будетъ имѣть огромнѣйшій успѣхъ!...

Молодой писатель, заботящійся не столько о деньгахъ, сколько о славѣ, соглашается на все.

— Соглашаюсь, говоритъ онъ, потирая руки, коли ужъ не можетъ быть иначе: вмѣсто половины процентовъ съ каждаго представленія, я буду получать только треть — что-жъ дѣлать? Это все-таки лучше нежели ничего!

— Какъ можно! восклицаетъ поставщикъ: господинъ N. никогда не беретъ менѣе половины процентовъ!

— Правда, правда, я и забылъ, отвѣчаетъ молодой человѣкъ, почесываясь за ушами: такимъ-образомъ намъ придется только по четверти?

— Намъ? Что вы, какъ можно!... я никогда менѣе трети не беру; я-было не хотѣлъ взять менѣе половины, но изъ любви къ вамъ уступаю вамъ одну треть.

— Гмъ! Одну треть?

— Еще благодарите Бога! другіе и этого не получаютъ.

— Впрочемъ, что за бѣда! отвѣчаетъ молодой человѣкъ съ притворнымъ равнодушіемъ: вѣдь главное не деньги, а извѣстность; за нею придутъ и деньги!

— Конечно, придутъ.

— Вѣдь г-ну N. все равно, будетъ-ли имя его на аффишѣ или нѣтъ?

— О, совершенно равно!

— Я очень-радъ тому потому-что піеса не такъ велика, чтобы прилично было выставить имена трехъ сотрудниковъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами.

— Слѣдовательно, вмѣстѣ съ моимъ именемъ будетъ упомянуто только ваше?

— А, нѣтъ! вы разсуждаете слишкомъ опрометчиво — этого нельзя сдѣлать!

— Какъ нельзя? Да вѣдь вы сами говорите, что г-ну N. рѣшительно все равно, будетъ-ли имя его упомянуто на аффишѣ или нѣтъ?

— Конечно, г-ну N. все-равно, но не все-равно директору: онъ рѣшительно требуетъ, чтобы имя г. N. было выставлено; на одномъ этомъ имени основываетъ онъ успѣхъ всей піесы.

— Такъ, слѣдовательно, будутъ три имени!

— Какъ можно! не сами-ли вы соглашались съ тѣмъ, что піеса не такъ значительна, чтобы можно было выставлять имена трехъ сотрудниковъ?

— А, понимаю, понимаю! Вы такъ добры, что отступаетесь.... понимаю, и вполнѣ благодаренъ вамъ....

— Ахъ, Боже мой! Я-бы охотно отказался, но директоръ настоятельно требуетъ, чтобы и мое имя было выставлено; какъ я ни спорилъ съ нимъ, онъ и слышать ничего не хочетъ.

— Такъ неужели мнѣ?...

— Что дѣлать! Но будьте увѣрены, что въ первый разъ, какъ вы напишете что-нибудь новое, имя ваше будетъ выставлено. Впрочемъ вы можете объявить друзьямъ и знакомымъ вашимъ ...

— Помилуйте, да для нихъ-то и не нужна моя фамилія на аффишѣ!

— Что дѣлать! Впрочемъ, если вы не хотите, то я возвращу вамъ піесу вашу.

Бѣдный молодой авторъ, надѣясь на будущее, соглашается по-неволѣ. Между-тѣмъ ему остается еще одно средство, чтобы дать знать публикѣ, что онъ авторъ піесы, но это только въ такомъ случаѣ, когда піеса не имѣетъ успѣха: тогда вся отвѣтственность падаетъ на него.

Вотъ новый родъ промышленности, который по-счастію, еще не нашолъ себѣ у насъ послѣдователей. За будущее не ручаемся!..

— **БЕЗЦЕРЕМОННЫЙ ПѢВЕЦЪ.** Въ нашъ вѣкъ большая часть оперныхъ *пѣвцовъ* стараются быть хорошими *актерами*, по примѣру Гарчіа, Пеллегрини и Малибранъ. Но въ старину было иначе; даже знаменитая Каталани не имѣла никакого понятія о драматическомъ искусствѣ.

Но менѣе всѣхъ извѣстныхъ пѣвцовъ заботился объ игрѣ синьоръ Таккинарди, отецъ знаменитой Персіани. Этотъ Рубини своего времени былъ невысокъ ростомъ и съ огромною головою; онъ на сценѣ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшаго жеста, отговариваясь тѣмъ, что онъ условился *пѣть* и — *поетъ*.

Таккинарди преспокойно выходилъ на сцену съ шляпой въ одной и тростью въ другой рукѣ, подходилъ къ рампѣ, закидывалъ руки на спину и пѣлъ свои аріи, дуо, тріо и каватины, не шевеля руками, не трогаясь съ мѣста и ни мало не заботясь ни о либретто, ни о роли, которую долженъ былъ выполнять.

Публика, привыкшая къ этому, не обращала вниманія на *безцеремонность* его. Но однажды, во время путешествій своихъ, первое появленіе его въ какомъ-то театрѣ, гдѣ его совершенно не знали, произвело шумъ. Многіе изъ зрителей принялись шикать, другіе смѣялись.

Таккинарди, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на зрителей костюмомъ его, подошолъ къ рампѣ, вѣжливо поклонился и сказалъ:

– Господа, я надѣюсь, что вы пришли сюда не для того, чтобы видѣть меня, но для того, чтобы слышать! Извольте-жъ слушать!

Выговоривъ эти слова, онъ всталъ въ обыкновенную позицію свою и принялся пѣть. Громкія рукоплесканія замѣнили вскорѣ и шиканье и смѣхъ.

— ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗНАМЕНИТОЙ ФРАЗЫ «RIDENDO CASTIGAT MORES». Насмѣшкой исправлять нравы, въ старыя времена, поставлялось главною цѣлію всякой комедіи. Знаменитую фразу: «Ridendo castigat mores» писали, бывало, на занавѣсахъ. Но кто былъ авторъ этой, нынѣ столько истертой, сентенціи? А вотъ послушайте.

Доминикъ, знаменитый арлекинъ Итальянской Комедіи въ Парижѣ, въ подражаніе бо́льшей части знаменитостей своего времени, велѣлъ сдѣлать съ себя портретъ.

Портретъ былъ готовъ, но не доставало латинской надписи, которыя въ то время были въ большой модѣ. Болѣе всѣхъ славились надписи Сантеля, одного изъ первыхъ латинскихъ поэтовъ своего времени, и къ нему-то Доминикъ рѣшился обратиться.

Сантель былъ человѣкъ прямой, даже нѣсколько грубый; охотникъ повеселиться, попить; странности его были такъ поразительны, что онъ не разъ былъ провозглашонъ помѣшаннымъ.

Доминикъ, въ партикулярномъ платьѣ, явился къ Сантелю въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ сочинялъ, громко декламируя, размахивая руками и большими шагами расха-

живая по комнатѣ.... Услышавъ, что кто-то стучится, онъ подбѣжалъ къ двери.

— Кто вы? зачѣмъ пришли? какая вамъ до меня надобность? почему вы меня знаете? отъ кого вы пришли? гдѣ мы съ вами видѣлись?... спросилъ Сантель скороговоркою, и не дожидаясь отвѣта, захлопнулъ дверь и продолжалъ декламировать и расхаживать по комнатѣ.

— Ого! подумалъ Доминикъ, пораженный этимъ страннымъ пріемомъ: онъ не слишкомъ вѣжливъ. Нечего дѣлать! зайду въ другой разъ — и удалился.

Нѣсколько дней спустя, Доминикъ опять стучался у дверей поэта; но въ этотъ разъ онъ уже не былъ въ партикулярномъ платьѣ: на немъ былъ пестрый костюмъ арлекина, со всѣми принадлежностями его.

— Кто тамъ? вскричалъ Сантель, сочинявшій, какъ и въ первое посѣщеніе Доминика, какой-то гимнъ.

Доминикъ, не отвѣчая, продолжалъ стучаться.

— Кто тамъ? повторилъ Сантель.

Доминикъ все стучался.

— Да кто-же тамъ? кто тамъ? кто тамъ? кричалъ Сантель съ бѣшенствомъ, не трогаясь однакожъ съ мѣста; но не получая отвѣта, онъ продолжалъ: хоть-бы ты былъ самъ чортъ, войди если хочешь!

Этого-то арлекину и надобно: онъ сбросилъ съ себя широкій плащъ, надѣлъ маску и шляпу свою, и однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ.

Сантель, изумленный, даже испуганный, не могъ выговорить ни слова и молча смотрѣлъ на арлекина, между-тѣмъ какъ тотъ, съ быстротою и легкостью обезьяны, пустился бѣгать, прыгать по комнатѣ, каждый разъ принимая какую-нибудь новую позу.

Пришедъ въ себя, Сантель хотѣлъ остановить арлекина и пустился бѣгать за нимъ; но Доминикъ, увертываясь съ удивительною ловкостью, билъ деревянной шпагой своей поэта по пальцамъ, по щекамъ, по плечамъ, по животу или по.... спинѣ. Взбѣшенный легкими ударами, какъ градъ сыпавшимися на него, поэтъ, сжавъ кулаки, рѣшился проучить незваного гостя, но арлекинъ увертывался безпрестанно. Долго продолжалась эта странная борьба, въ которой Сантель, совершенно забывшись и все болѣе и болѣе раздражаемый тѣмъ, что арлекинъ ускользалъ изъ рукъ его, какъ угорь, принималъ такое дѣятельное участіе, что наконецъ выбился изъ силъ, и повалившись въ кресла, закричалъ:

— Да кто-же ты, чортъ тебя возьми!

— Я, отвѣчалъ Доминикъ, никто-иной, какъ Сантель италіянской комедіи.

— Слѣдовательно мнѣ, отвѣчалъ поэтъ смѣясь, остается быть Доминикомъ латинской поэзіи, и новые друзья обнялись.

— Зачѣмъ-же ты пришолъ ко мнѣ? спросилъ поэтъ.

— Я велѣлъ награвировать портретъ свой.

— Это для меня не новость. Вчера еще я видѣлъ, какъ въ какой-то лавкѣ твой портретъ висѣлъ возлѣ моего.

— Радуюсь этой чести, отвѣчалъ Доминикъ, поклонившись съ самою комическою важностью.

— Но я все еще не понимаю....

— Подъ вашимъ портретомъ есть стихи.

— Еще-бы!

— Подъ моимъ ничего нѣтъ.

— Напиши себѣ что-нибудь.

— Еслибъ умѣлъ, то не пришолъ-бы къ вамъ.

— Такъ ты только за этимъ явился ко мнѣ въ костюмѣ арлекина?

— Именно. Вы сейчасъ обняли арлекина, между-тѣмъ какъ на дняхъ чуть не выгнали простаго гражданина, и Доминикъ разсказалъ Сантелю, о первомъ посѣщеніи своемъ.

— Что-жъ? тебѣ очень хочется стиховъ?..

— Неужели вы думаете, что я рѣшился-бъ по-напрасну подвергнуться опасности пасть подъ ударами вашими? отвѣчалъ, улыбаясь, арлекинъ.

Сантель громко засмѣялся; пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ и остановившись предъ Домиником, онъ сказалъ ему только три слова, пріобрѣтшія европейскую извѣстность:

«Ridendo castigat mores».

На другой-же день подъ всѣми портретами арлекина явилась эта подпись.

— **ДЕБЮТАНТЪ ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.** Молодой человѣкъ, съ довольно-пріятнымъ и звучнымъ голосомъ, рѣшился выступить на сцену, въ роляхъ тенора комической оперы. Его звали Бельвалемъ.

Онъ выбралъ для дебютовъ своихъ три оперы:

«La Dame Blanche», «Le Pré aux Clercs» и «Fra-Diavolo», и подъ разными именами являлся почти на всѣхъ театрахъ во Франціи и Бельгіи, но увы! никогда не былъ допущенъ до втораго дебюта въ одномъ и томъ-же городѣ.

Однажды пріѣхалъ онъ въ маленькій городокъ и дебютировалъ въ *Фра-Діаволо*. Будучи окруженъ самыми плохими актерами и пѣвцами, онъ довольно-порядочно выполнялъ роль свою, къ всеобщему удовольствію и при громкихъ, шумныхъ одобреніяхъ публики, мало взыскательной.

Кончилось первое дѣйствіе, дебютантъ былъ вызванъ.

Директоръ съ распростертыми объятіями бросился къ нему на встрѣчу.

— Вы мой спаситель! вскричалъ онъ: у васъ очаровательный голосъ, превосходная метода! О, позвольте обнять васъ!

— Убирайтесь вы къ чорту! закричалъ съ досадою Бельваль.

— Что съ вами? чѣмъ мы обидѣли васъ?

— Чѣмъ? А тѣмъ, что вы-бъ должны мнѣ были впередъ объявить, что у васъ такая публика.

— Какая публика?

— Какая, какая! Что тутъ спрашивать? Могъ-ли я знать, что меня такъ примутъ?

— Да васъ приняли прекрасно!

— То-то и бѣда! Мнѣ нигдѣ не позволяли кончать перваго дѣйствія во всѣхъ операхъ, которыя я знаю, а потому я рѣшительно забылъ вторыя....

— Вы шутите!

— Нисколько; восемь лѣтъ тому назадъ, я зналъ цѣлыя оперы, а теперь забылъ!...

Бѣдный директоръ долженъ былъ извиниться предъ публикою внезапною болѣзнію дебютанта, который въ теченіи недѣли успѣлъ повторить вторыя и третьи дѣйствія знакомыхъ ему оперъ и по-сію-пору составляетъ наслажденіе жителей маленькаго городка, постигшихъ талантъ его.

— **ТАЛЬМА — КРЕДИТОРЪ НАПОЛЕОНА**. Наполеонъ, будучи генераломъ въ отставкѣ и проживая въ Парижѣ для пріисканія себѣ мѣста, находился въ чрезвычайно-затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Онъ квартировалъ въ отелѣ Монтескье, старинномъ, мрачномъ зданіи, и занималъ одну меблированную комнатку, въ которую не скоро по-

шолъ-бы жить даже камердинеръ какого-нибудь знатнаго барина. Запершись въ этой тюрьмѣ, Наполеонъ весь предался ученью, рѣдко выходилъ со двора и все его знакомство ограничивалось почти однимъ Тальмою. Но Фаншетта, дочь его хозяина, премиленькая брюнетка, страстно полюбила его, и однажды вечеромъ призналась въ этомъ отцу, который съ своей стороны не прочь былъ породниться съ молодымъ генераломъ. Въ тотъ-же вечеръ Наполеонъ былъ гдѣ-то въ обществѣ и Тальма провожалъ его домой. Наполеонъ чрезвычайно ропталъ на свое безнадежное положеніе, какъ вдругъ Тальма спросилъ его полушутливо, полусеріозно:

— Не хотите-ли жениться, генералъ?

Наполеонъ усмѣхнулся.

— Въ васъ страстно влюблена Фаншетта, миленькая дочка вашего хозяина, а у него есть таки денежки — какъ вы думаете?

— А развѣ вы не знаете, Тальма, что я далъ ужъ слово.

Тальма съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Я обручился уже съ наукою и трудомъ!

— Вы будете великимъ человѣкомъ, генералъ, а теперь покуда позвольте мнѣ предложить вамъ вотъ эту малость.

Тальма подалъ ему небольшой сверточекъ денегъ, Наполеонъ не хотѣлъ брать.

— Не стыдитесь, генералъ, занимать у меня: одинъ бѣдный англійской дворянинъ занялъ разъ точно такую-же сумму у актера; послѣ этотъ дворянинъ сдѣлался Герцогомъ Малборугъ, актеръ былъ — Гаррикъ!

Наполеонъ взялъ деньги.

— Я заплачу вамъ, когда буду герцогомъ, сказалъ онъ, улыбаясь Тальмѣ, и вошолъ въ свой домъ. Онъ зашолъ къ хозяину за ключомъ. Фаншетта съ радостію спѣшила ему на-встрѣчу. Бѣдная дѣвушка едва могла дождаться его возвращенія.

— Пожалуйте мнѣ счетъ мой, сказалъ Наполеонъ.

— Развѣ вы хотите съѣзжать отъ насъ? вскричала испуганная дѣвушка.

— Нѣтъ, душа моя, но я не люблю долговъ.

— О, въ такомъ случаѣ торопиться незачѣмъ, сказалъ хозяинъ.

— Я прошу васъ объ этомъ, сказалъ Наполеонъ тономъ, недопускавшимъ противорѣчій: но, милая Фаншетта, нѣтъ-ли ко мнѣ писемъ?

— Да, да есть одно письмо, а я-было совсѣмъ забыла про него.

Наполеонъ дружески распростился съ Фаншеттою и Фаншетта заснула въ сладкихъ мечтаніяхъ. Бѣдная Фаншетта! Письмо было отъ Баррасса и призывало Наполеона на другой-же день утромъ на Конвентъ. Настало утро, Наполеонъ достигъ своей цѣли: черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ уже начальникомъ полка и навсегда погибъ для Фаншетты....

— **АВТОРСКАЯ ПЛОДОВИТОСТЬ.** Плодовитость нѣкоторыхъ писателей можетъ почти назваться баснословною. Напримѣръ: Томасъ Аквино, умершій въ 1274-мъ году, издалъ болѣе ста твореній. — Антонъ Арнольдъ, умершій въ 1694 году, оставилъ 104 сочиненія, бо́льшею частію полемическаго содержанія. — Августинъ Аврелій, извѣстный изъ Отцовъ Церкви, умершій въ 430 году, написалъ многія сотни книгъ, изъ коихъ важнѣйшая: «De civitate Dei.» — Бюшингъ, извѣстный географъ, издалъ болѣе ста сочиненій, въ томъ числѣ многія въ 6 томовъ, а одно въ 22. — Калдеронъ Донъ-Педро де ла Барка, умершій въ 1687 году, написалъ 127 комедій, 95 духовныхъ драмъ и 100 дивертисментовъ.— Кальме (Calmet), католическій богословъ, издалъ, не считая уже книгъ въ 8-ю долю листа, 25 томовъ въ листъ и 24 въ четвертку. — Камнераріусъ, умершій въ 1574-мъ году, написалъ столько, что одинъ каталогъ его сочиненій, помѣщенный въ Фабриціевой «Bibliotheca graeca» занимаетъ тридцать страницъ въ четвертку. — Между древними философами Хризиппъ, какъ кажется, написалъ болѣе всѣхъ. Сочиненій его насчитываютъ до 705 томовъ, изъ которыхъ однако большая часть потеряна. — Дарьясъ, умершій въ 1791-мъ году, оставилъ 59 сочиненій, бо́льшею частію философическихъ.—Произведеній Эйлера, умершаго въ 1783-мъ году, насчитываютъ 14 томовъ въ осьмушку, 31 одинъ въ четвертку и 681 брошюру. Послѣ Форная, умершаго въ 1797 году, осталось до 700 печатныхъ томовъ. — Голдони, умершій въ 1792 году, сочинилъ 200 театральныхъ піесъ. — Іезуитъ І. Гретзеръ (Gretser) прозванный за свои «Пренія» *бичомъ еретиковъ*, написалъ 150 разныхъ сочиненій. — А. фонъ Галлеръ (Haller) анатомъ, физіологъ, ботаникъ, поэтъ и критикъ, написалъ безчисленное множество сочиненій по всѣмъ этимъ отраслямъ науки и помѣстилъ въ одной только «Göttinger gelehrte Zeitung» до 12,000 рецензій. — Джонсонъ, умершій въ 1784-мъ году, трудился 7-мь лѣтъ надъ словаремъ англійскаго языка, из-

далъ сочиненія Шекспира съ комментаріями, и 68 томовъ Біографій англійскихъ поэтовъ.—Лессингъ, умершій въ 1781 году, издалъ до 150 отдѣльныхъ сочиненій.—Маттесонъ (Mattheson), директоръ музыки въ Гамбургѣ, написалъ 88 сочиненій о морали, исторіи и музыкѣ.—Меланхтонъ, умершій въ 1560-мъ году, писалъ учебники почти по всѣмъ отраслямъ наукъ. Его греческая граматика, еще при жизни его, выдержала 28 изданій, а латинская 32.—Метастазіо, умершій въ 1782 году, на двѣнатцатомъ году отъ роду перевелъ на италіянскій языкъ Гомера, написалъ 28 Opera-seria и множество драмъ, кантатъ и разныхъ стихотвореній.—Полныя сочиненія Мозера, умершаго въ 1785-мъ году, заключаются въ 500 томахъ, въ томъ числѣ его «Нѣмецкое Политическое Право» въ 52-ти томахъ, въ четвертку.—Оригенъ написалъ, какъ говорятъ, до 6000 книгъ.—Рихтеръ, пасторъ въ Гермизѣ, написалъ до 6000 проповѣдей, кромѣ множества другихъ богословскихъ разсужденій.—Гансъ-Саксъ, умершій въ 1576 году, самъ говоритъ о своихъ драматическихъ сочиненіяхъ: «Съ помощію Божіею, накропалъ я до двухъ-сотъ штукъ разнаго содержанія, чему и самъ дивлюсь». Кромѣ того онъ написалъ еще 197 сочиненій шуточныхъ, 115 аллегорическихъ, 272 свѣтскихъ разсказа и духовныхъ стихотвореній.—Зейлеръ Г. Ф. Кирхенратъ и профессоръ въ Эрлангенѣ, умершій въ 1807-мъ году, издалъ 137 сочиненій. Его «Книги для городскихъ и сельскихъ жителей» разошлось 60,000 экземпляровъ.—Лопе-де-Вега, умершій въ 1635 году, написалъ 1800 театральныхъ піесъ. Кто-то вычислилъ, что его сочиненія напечатано 21,300,000 строчекъ.—Изданыя Бомарше сочиненія Вольтера, умершаго въ 1788-мъ году, заключаются въ 70 томахъ въ осьмушку.—Изъ современныхъ русскихъ писателей плодовитѣе всѣхъ—Н. А. Полевой.

—**НАРУЖНОСТЬ И ПРИВЫЧКИ ШИЛЛЕРА.** Всякому, кто видѣлъ и зналъ этого великаго германскаго поэта, извѣстно, что на лицѣ его соединялись прелесть и достоинство и что въ дружескомъ взорѣ было что-то въ высшей степени привлекательное. Но за то фигура его, его безобразныя ноги и странное движеніе головы были чрезвычайно непріятны. Одѣвался онъ нетолько безъ всякаго вкуса, что̀ еще простительно, но иногда даже странно и смѣшно, особенно когда онъ хотѣлъ, что̀ называется, принарядиться. Тогда онъ готовъ былъ надѣть голубой фракъ, розовый галстукъ, желтые панталоны и чорные чулки. Голосъ его въ дружескомъ

разговорѣ былъ пріятенъ, и, исключая нѣкоторую сиповатость, довольно-звученъ. Но слышать, когда онъ декламируетъ какіе-нибудь стихи свои, было просто невыносимо. Всякой, незнавшій его и слышавшій, какъ онъ декламируетъ превосходные стихи своимъ противнымъ школьнымъ напѣвомъ, непремѣнно счелъ-бы его за невѣжду, который не понимаетъ того, что̀ читаетъ. Ко всему, что̀ ни приходило ему въ голову, онъ привязывался сильно и постоянно: такъ, напримѣръ, вздумалось ему купить лошадь,—и онъ уже постоянно каждый день ѣздилъ верхомъ и всегда изъ дому галопомъ, а домой во весь карьеръ, такъ-что не въ состояніи былъ даже удерживать лошади и спасался отъ несчастія только тѣмъ, что буцефалъ его очень-хорошо зналъ свою квартиру и что при домѣ его не было ни воротъ, ни какого-нибудь узкаго проѣзда.

=

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Первый аѳинскій театръ былъ просто деревянный, въ которомъ, также какъ и въ амфитеатрахъ, мѣста возвышались постепенными рядами; но однажды, при представленіи піесы какого-то Пратинаса, амфитеатръ, слишкомъ набитый народомъ, вдругъ обрушился, и этотъ-то случай былъ поводомъ къ созданію въ Аѳинахъ тѣхъ великолѣпныхъ громадныхъ театровъ, которымъ потомъ еще съ большимъ блескомъ и великолѣпіемъ подражали Римляне. Устройство этихъ театровъ было слѣдующее: они раздѣлялись на двѣ половины, изъ которыхъ одна дѣлалась полукругомъ, а другая квадратомъ; въ полукругѣ устроены были этажами мѣста для зрителей, а продолговатый квадратъ служилъ сценою и помѣщеніемъ прочихъ принадлежностей театра. Тамъ находились всевозможныя машины для боговъ небесныхъ, морскихъ и адскихъ; тамъ появлялись дворцы, храмы, площади въ перспективѣ и цѣлые города въ отдаленіи. Перемѣны декорацій, полеты, облака, солнцы, звѣзды, словомъ всѣ принадлежности великолѣпной обстановки современныхъ намъ піесъ были и у древнихъ, и притомъ еще совершеннѣе и блистательнѣе. Подъ концентрическими полукругами, гдѣ помѣщались зрители, устроены были портики для убѣжища въ дурную погоду, потому-что всѣ почти древніе театры были непокры-

тыми. Для защиты-же отъ палящихъ лучей солнца, протягивались на шнурахъ, прикрѣпленныхъ на концахъ полукруговъ покрывала, иногда изъ драгоцѣнныхъ матерій; роскошь простиралась даже до того, что въ статуяхъ, украшавшихъ карнизъ дѣлались безчисленныя микроскопическія отверзтія, и изъ этихъ отверзтій струились на зрителей, мелкою росою, благовонныя воды. Чрезвычайно-замѣчательны были маски, въ которыхъ обыкновенно играли актеры. Огромное отверзтіе для рта въ этихъ маскахъ было такого устройства, что, на подобіе рупора, чрезвычайно усиливало голосъ говорившаго подъ такою маскою, что̀ впрочемъ было и необходимо по огромности театра. Съ тою-же цѣлію разставлены были на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой мѣдныя вазы. Вазы эти, настроенныя по различнымъ тонамъ человѣческаго голоса и инструментовъ музыкальныхъ, созвучіемъ своимъ дѣлали пріятнѣе, сильнѣе и яснѣе звуки голоса и музыки.

— Архелаю хотѣлось, чтобы Эврипидъ прославилъ его имя какою-нибудь трагедіею; но Эврипидъ остроумно отвѣчалъ ему: Молю боговъ, чтобы съ вами никогда не случилось ничего такого, что̀-бы могло сдѣлать васъ сюжетомъ для трагедіи.

— Знаменитый греческій комикъ Аристофанъ, отдавая на сцену первую свою комедію (потерянную), не объявилъ своего имени, потому-что ему не было еще тридцати лѣтъ, а по закону греческому никакой поэтъ *моложе тридцати лѣтъ* не смѣлъ отдавать на сцену написанной имъ піесы.

— Въ Аѳинахъ было десять человѣкъ судей, которые опредѣляли достоинство драматическихъ произведеній. Судьи эти имѣли почетныя мѣста, на особой скамейкѣ. Это были люди пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, правоты безукоризненной, и при вступленіи въ это званіе давали клятву судить по справедливости, не взирая ни на просьбы, ни на происки, ни на заговоры партій. Порученною имъ властію они имѣли право нетолько награждать истинный талантъ, но и наказывать, даже и тѣлесно, дерзкаго, осмѣлившагося явиться на борьбу, безъ достоинствъ, сто̀ющихъ вниманія публики. Такъ Люціенъ разсказываетъ, что нѣкто Эвангелусъ подвергся такому строгому наказанію, т. е. былъ высѣченъ розгами! Напротивъ того «Антигона» доставила Софоклу префектуру Самоса.

— Россини, какъ говорятъ, написалъ въ 1829-мъ году оперетку: «Послѣдній музыкантъ», идея которой заимствована изъ извѣстной Гайдновой симфоніи: «Прощаніе Гайдна», въ которой музыканты постепенно одинъ за другимъ тушатъ свои свѣчки и уходятъ изъ оркестра. Либретто написано Скрибомъ и, говорятъ, чрезвычайно остроумно и наполнено сатирическими примѣненіями къ новой музыкѣ, а Россини чрезвычайно удачно выразилъ этотъ характеръ піесы въ своей музыкѣ и будто-бы включилъ пародію даже на самаго-себя. Но неизвѣстно, давали-ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь эту оперетку.

— Какой-то жалкой писака прислалъ къ Вольтеру прежалкую трагедію своей стряпни, и просилъ его сказать свое мнѣніе объ этомъ дѣтищѣ его глупости. Вольтеръ прочелъ піесу, положилъ ее на столъ и сказалъ, поморщась: «Не трудно написать такую трагедію, но чрезвычайно-трудно высказать мнѣніе свое объ ней ея автору».

— Одна изъ новыхъ улицъ въ Ньюйоркѣ названа въ честь незабвенной для Американцевъ Фанни Эльслеръ, улицою Фанни Эльслеръ. Гостинница, въ которой она квартировала, также называется теперь ея именемъ.

— Разсказываютъ, что когда въ 1817-мъ году горѣлъ Берлинскій театръ (Schauspielhaus) и еще не успѣли совсѣмъ погасить пылающее зданіе, къ Директору явился какой-то отчаянный театралъ и требовалъ билета на первое представленіе въ будущемъ новомъ театрѣ. На это забавное и неожиданное требованіе остроумный директоръ сдѣлалъ еще болѣе забавный и неожиданный отвѣтъ:—«Всѣ розданы».

— Въ 1793-мъ году, въ Глазговѣ гостила знаменитая Лондонская актриса Мистрисъ Кроссъ. Одинъ изъ высшихъ сановниковъ этого города былъ въ театрѣ, въ литерной ложѣ. Піеса шла своимъ порядкомъ до самаго появленія героини, какъ вдругъ упомянутый сановникъ пришелъ въ движеніе, потомъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста и громко закричалъ: «Постойте! постойте! мнѣ надобно переговорить съ этою дамою!» Можно представить себѣ изумленіе и неудовольствіе зрителей при этомъ злоупотребленіи власти начальственной особы. Однакожъ надобно было повиноваться; занавѣсъ опустили и глазговскій лордъ-меръ спѣшилъ въ гардеробную пораженной артистки, и что-же? черезъ минуту она съ крикомъ восторга лежала въ его объятіяхъ. Арти-

стка эта была законная его супруга, разлученная съ нимъ какимъ-то страннымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, и какъ онъ, такъ и она считали уже другъ друга несуществующими болѣе на свѣтѣ.

– Нѣкто изъ искусниковъ жить на чужой счетъ умеръ, оставивъ послѣ себя тьму долговъ.—«Ну, ну, сказалъ одинъ изъ его кредиторовъ, услыхавъ объ этомъ: Тутъ похоронятъ порядочную сумму моихъ денежекъ»!—«Да и моихъ не меньше», отвѣчалъ другой.—«Теперь я вижу, прибавилъ слышавшій эти жалобы острякъ: что если человѣкъ и не беретъ съ собою на тотъ свѣтъ ничего своего, такъ много забираетъ чужаго.

ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(сентябрь).

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

THÉATRE DE L'OPÉRA-COMIQUE.

Lamber Simnel, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, Скриба и Мельвиля, посмертная музыка Ипполита Монпу.

Ланберъ Симнель, старшій подмастерье пирожника Джона Бреда, добрый, благородный и честный малый, страстно влюбленъ въ дочь хозяина своего. Живя во времена распрей между домами Іоркскимъ и Ланкастерскимъ, онъ, самъ не зная почему, привязался къ Іоркской партіи и часто забываетъ пирожки, чтобы принимать участіе въ стычкахъ, случающихся почти ежедневно. Джонъ Бредъ, которому не нравится воинственный духъ подмастерья своего, не рѣдко превращающій пирожки въ уголь, ни за что̀ не хочетъ отдать за него дочь свою и самымъ вѣжливымъ образомъ проситъ его убира̀ться вонъ изъ своего дому.

Ланберъ съ отчаянія хочетъ идти въ солдаты; но мать ободряетъ и упрашиваетъ его обождать недѣли двѣ, не болѣе; въ это время она предприметъ поѣздку, слѣдствіемъ которой будетъ женитьба Ланбера съ Катериной, дочерью пирожника. Она уѣзжаетъ.

Однажды, въ отсутствіе ея, приходятъ къ пирожнику какіе-то три человѣка подозрительной наружности, это: графъ Линкольнскій, какой-то докторъ и маіоръ. Графъ разсказываетъ двумъ товарищамъ своимъ про несчастіе, разстроившее

всѣ честолюбивыя надежды ихъ: молодой герцогъ Іоркскій, котораго они надѣялись возвесть на престолъ и которымъ думали управлять, какъ ребенкомъ, умеръ.

— Что̀ дѣлать? Теперь все пропало! говоритъ графъ.

— Совсѣмъ, нѣтъ, отвѣчаетъ докторъ таинственно и посматривая въ сторону: — взгляните на этого молодаго человѣка, подавшаго намъ пирожки и вино, и вы увидите чрезвычайное сходство его съ герцогомъ Іоркскимъ!

— Въ-самомъ-дѣлѣ! О, какая мысль!... Но какъ уговорить его?

— Очень-легко. Мы его самого обманемъ.

Сказано, сдѣлано. Графъ подаетъ знакъ начальникамъ надъ войсками своими; они входятъ и, преклонивъ колѣна предъ Ланберомъ, признаютъ его королемъ своимъ, объяснивъ ему, что родители съ намѣреніемъ заставили его вступить въ это званіе, чтобы спасти отъ преслѣдованій ланкастерцовъ.

Ланберъ очень-охотно вѣритъ всему, тѣмъ-болѣе, что мать его всегда скрывала отъ него настоящее происхожденіе его и что онъ до-сихъ-поръ не зналъ имени отца своего. Къ тому-же, при видѣ оружія, въ немъ пробуждаются воинственныя наклонности. Простившись съ бѣдной Катериной, онъ идетъ предводительствовать войсками своими.

Вскорѣ Ланберъ оказываетъ чудеса храбрости и рѣдкія военныя способности; графъ и пріятели его замѣчаютъ, что они попали въ собственную западню, избравъ себѣ повелителя, на каждомъ шагу выказывающаго твердую волю свою и нетерпящаго противурѣчій.

Бывшій подмастерье пирожника вполнѣ увѣренъ, что онъ точно герцогъ Іоркскій, а потому дѣйствуетъ такъ, что всѣ любятъ и боятся его. Непріятельская армія потерпѣла уже нѣсколько уроновъ; сообщенія принца Эдуарда съ Лондономъ отрѣзаны; самъ принцъ въ бѣгствѣ и никто не знаетъ, куда онъ дѣвался. Въ надеждѣ сдѣлать Эдуарда плѣнникомъ, Ланберъ приказываетъ осматривать всѣ фермы и замки, и вскорѣ схватываютъ человѣка, скрывавшагося въ костюмѣ сокольника. Этотъ человѣкъ никто-иной, какъ самъ принцъ Эдуардъ; графъ Линкольнскій узнаетъ его и говоритъ Ланберу:

— Герцогъ, въ вашей власти теперь положить конецъ всѣмъ междоусобнымъ войнамъ.... велите казнить Эдуарда!

— Графъ! отвѣчаетъ Ланберъ, я не убійца! Мы сразимся съ нимъ и пусть на полѣ битвы рѣшится, кто изъ насъ правъ!

— Но, В. В., прочтите эти прокламаціи: онъ называетъ васъ самозванцемъ и предлагаетъ награду тому, кто убьетъ васъ!

— А я дарю ему жизнь! Освободить его! Я хочу, чтобы по одному уже этому поступку судили, кто изъ насъ болѣе достоинъ престола!

Посреди военныхъ тревогъ, Ланберъ часто вспоминаетъ о прежней, мирной жизни своей и о Катеринѣ, которую онъ все еще любитъ, и которая, будучи принуждена отцомъ отдать руку другому, явилась къ герцогу просить согласія его на этотъ бракъ. Мнимый герцогъ соглашается по-неволѣ; да и можетъ-ли онъ не согласиться? Онъ все еще любитъ Катерину, но она не можетъ-быть женой его, а, какъ говоритъ Джонъ Бредъ, надобно-же, чтобы она за кого-нибудь вышла. Но Ланберъ отгоняетъ сердечныя заботы; забота о государствѣ, о подданныхъ одна должна занимать его. Графъ Линкольнскій является къ нему за приказаніями, вмѣстѣ съ докторомъ и маіоромъ.

Ланберъ по-несчастію не умѣетъ ни писать, ни читать, и ему теперь нѣкогда учиться, а потому онъ долженъ диктовать приказанія свои. — Измѣнникъ Линкольнъ, пользуясь этимъ, велитъ сообщнику своему, маіору, писать рѣшительно противное тому, что диктуетъ Ланберъ.

По уходѣ трехъ измѣнниковъ, Ланберу становится чрезвычайно-грустно; онъ думаетъ о Катеринѣ, которая въ тотъ-же день должна выдти за другаго. Является мать его, непонимающая причины тѣхъ почестей, которыми сынъ ея окружонъ. Она ничего не знаетъ и удивленіе ея возрастаетъ до высшей степени, когда она слышитъ, что сына ея величаютъ *высочествомъ* и что онъ даетъ приказанія, которыя исполняются съ удивительною быстротою.

— Да кто-же этотъ господинъ? спрашиваетъ она у окружающихъ.

— Это герцогъ Іоркскій.

— Герцогъ Іоркскій! Это что̀ значитъ?... Герцогъ Іоркскій! Какъ-бы не такъ!... Это сынъ мой, Ланберъ Симнель — слышите-ли вы, это сынъ мой! и пусть кто-нибудь осмѣлится сказать противное.

— Матушка! что̀ вы говорите?

— Да, Ланберъ, тебя обманываютъ; выслушай всю правду: я никогда не осмѣливалась открыть тебѣ проступка юности

моей, но теперь дѣло должно объясниться.... Ты сынъ вельможи и я ѣздила къ нему, чтобы онъ далъ тебѣ средства жениться на Катеринѣ....

— Правду-ли вы говорите, матушка!

— Богъ мнѣ свидѣтель!

— О! все можетъ еще устроиться къ лучшему; бѣгите къ Джону Бреду и остановите свадьбу!

— Вотъ онъ самъ!

Джонъ Бредъ, узнавъ новую перемѣну, происшедшую въ жизни Ланбера, и услышавъ о значительномъ приданомъ его, соглашается отдать за него дочь свою.

— Обними меня, сынъ мой — я хочу осчастливить тебя! Я обѣщалъ уже другому руку дочери своей и не скрываюсь въ томъ, но я не люблю измѣнять обѣщанію своему, тѣмъболѣе, что я тебѣ уже прежде отказалъ, то есть.... Когда ты просилъ.... но потомъ. .. о, я твердъ въ словѣ своемъ! Вотъ тебѣ дочь моя, женись на ней и будемъ счастливы!

Но остается еще окончить важнѣйшее дѣло. Принцъ Эдуардъ желаетъ имѣть свиданіе съ Ланберомъ и проситъ у него на часъ перемирія — Ланберъ охотно соглашается. Является Едуардъ и всѣ Іоркскіе полководцы и солдаты слѣдуютъ за нимъ.

— Намъ не нужно столькихъ свидѣтелей, говоритъ Эдуардъ.

— На-противъ, В. В., отвѣчаетъ Ланберъ, я хочу, чтобы все войско могло услышать меня и вы сей-часъ увидите почему: «Воины, я былъ обманутъ низкимъ образомъ и невольно обманулъ васъ самихъ! Я не герцогъ Іоркскій.... онъ умеръ, слѣдовательно вотъ настоящій и единственный король вашъ: Да здравствуетъ принцъ Эдуардъ! Да здравствуетъ Король!»

Солдаты повторяютъ восклицаніе его; измѣнника, графа Линкольнскаго, ведутъ на висѣлицу, а великодушный соперникъ Эдуарда по-прежнему дѣлается Ланберомъ Симнелемъ и женится на Катеринѣ.

Большая половина музыки этой оперы принадлежитъ Ипполиту Монну, котораго блистательный карьеръ пресѣченъ преждевременною смертію. И въ этой оперѣ легко можно узнать стиль прежнихъ сочиненій его и тѣ мелодическіе обороты, имѣющіе коморитъ среднихъ вѣковъ, изъ которыхъ Монну умѣлъ извлекать такую пользу. Монну часто въ сочиненіяхъ своихъ доходилъ до оригинальности и хотя въ

нихъ не всегда вѣрно выраженіе, но они вообще нравятся, они звучны, пріятны и всякій охотно слушаетъ, запоминаетъ и повторяетъ ихъ.

Новая опера, оконченная и дополненная Адамомъ, имѣетъ прекрасныя мѣста и вполнѣ заслужила одобреніе публики.

THÉATRE FRANÇAIS.

Turcaret, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Лесажа.

Тюркаре есть лучшее драматическое произведеніе Лесажа, точно такъ, какъ *Жиль-Блазъ* есть лучшій изъ романовъ его.

Эта комедія была представлена въ первый разъ 14-го февраля 1709 года. Она была принята актерами съ восторгомъ, но авторъ читалъ ее въ нѣсколькихъ обществахъ и тѣмъ вооружилъ противу себя тогдашнихъ банкировъ, которые будучи жестоко осмѣяны и унижены въ этой піесѣ, употребили всѣ усилія, что-бы попрепятствовать появленію ея на сценѣ.

Лесажъ прибѣгнулъ къ самому министру, который приказалъ актерамъ *немедленно* сыграть эту комедію.

Между-тѣмъ авторъ не переставалъ читать комедію свою въ обществахъ и тѣмъ все болѣе и болѣе навлекалъ на себя непріязнь банкировъ, которые въ первое представленіе старались ошикать піесу, но не успѣли въ томъ, потому-что большинство публики приняло ее съ одобрительными рукоплесканіями.

Тюркаре особенно отличается вѣрностью характеровъ и остроумною, рѣзкою оригинальностію разговоровъ.

Она была возобновлена въ послѣднее время на Королевскомъ Французскомъ Театрѣ съ большимъ успѣхомъ.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

L'Ecrin, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Дюпора и Фуше.

Вдова Боассаръ имѣетъ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ брильянтовыхъ и золотыхъ вещей въ Парижѣ. Госпожа де-Курсоль, старая мегера, заказываетъ у вдовы богатый уборъ изъ аметистовъ, и изъ одной злобы, изъ одного желанія сдѣлать кому-нибудь непріятность, посылаетъ каждый день Эвелину, жену племянника своего, графа де Курсоля, смотрѣть, подвигается-ли отдѣлка убора. Старуха надѣется, что Эвелину будетъ мучить зависть, но очень ошибается! Эвелина очень-охотно ходитъ къ брильянщицѣ, потому что-каждый

разъ встрѣчается тамъ съ герцогомъ Арманомъ де-Боалеверомъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, между-тѣмъ-какъ мужъ ея, настоящій негодяй, заставляетъ ее страдать болѣе еще, чѣмъ почтенная тетушка его. Этотъ графъ де-Курсоль, отставной денди, левъ безъ гривы, графъ безъ чести, мужъ безъ любви, человѣкъ безъ души, волочится за танцовщицею, которой *подарилъ портретъ жены своей* (?!) — Танцовщица угрожаетъ ему продать портретъ, если онъ не достанетъ ей аметистоваго убора, а беззубый Курсоль, боясь, чтобы жена его не узнала о томъ, что онъ сдѣлалъ съ портретомъ ея, предлагаетъ танцовщицѣ брильянты, золото; но она капризна и непремѣнно хочетъ аметистовый уборъ, или-же публично оскорбить *соперницу* свою!

Что дѣлать старому льву? Уборъ готовъ и находится въ красивой шкатулкѣ у брильянщицы. Курсоль рѣшается идти взять его отъ имени тетки своей, но нѣкто Боассаръ, зять брильянщицы и повѣренный въ дѣлахъ старой графини, предупреждаетъ его.

— Гдѣ шкатулка? Куда она дѣвалась? Я погибъ! И вы тоже, сударыня! восклицаетъ Арманъ, встрѣтившись съ Эвелиной у брильянщицы.

— Я погибла? отчего? спрашиваетъ Эвелина.

— Я написалъ вамъ письмо и положилъ его въ шкатулку, которую унесъ г. Боассаръ; теперь тетушка ваша найдетъ письмо и прочтетъ его!

— Несчастная! восклицаетъ съ горестію Эвелина. А, герцогъ, вы погубили меня!

Страхъ бѣдной Эвелины ненапрасенъ, потому-что злоба старой графини всѣмъ извѣстна. Одинъ примѣръ тому уже—бѣдный Боассаръ, котораго она сдѣлала своей игрушкой, своимъ рабомъ! Боассаръ былъ нѣкогда живой, веселый и умный молодой человѣкъ, но онъ отъ всего отрекся, чтобы вступить въ службу высокомѣрной и жестокой графини. Вы, вѣроятно, уже сами догадались, что тутъ есть какая-то тайна? Именно.

Боассаръ, бывшій нѣкогда учителемъ словесности, давалъ уроки молодой дѣвушкѣ знатной фамиліи, которая вышла наконецъ за какого-то стараго герцога; не смотря на то, она сдѣлалась матерью, чему крайно обрадовались старый герцогъ и.... молодой Боассаръ.

Графиня де-Курсоль узнала причину радости Боассара, и будучи сама влюблена въ него, изъ ревности стала угрожать

ему безчестіемъ молодой герцогини и несчастіемъ ребенка, если онъ, Боассаръ, не согласится вступить къ ней управляющимъ. Посудите сами, какую жалкую жизнь велъ бывшій учитель словесности!

Но всему есть конецъ; Боассаръ приноситъ старухѣ шкатулку съ аметистовымъ уборомъ, но ей не до него.... послѣдній часъ ея насталъ! Старая грѣшница умираетъ....

Тутъ интрига драмы ужасно запутывается. Всѣ вещи старой графини запечатаны, а между-тѣмъ графу непремѣнно надобно достать уборъ для танцовщицы; Арманъ и Эвелина болѣе прежняго хлопочутъ о томъ, какъ-бы достать записку, спрятанную въ шкатулкѣ, гдѣ лежитъ уборъ — но шкатулка находится въ бюро, а бюро запечатано!

— Разломаю печать и замокъ! говоритъ де-Курсоль.

— Разломаю печать и замокъ! говоритъ Арманъ.

— Жена моя ничего не узнаетъ, говоритъ де-Курсоль.

— Мужъ ея ничего не узнаетъ, говоритъ Арманъ.

Наступаетъ ночь. Честный Боассаръ рѣшился провесть ночь въ комнатѣ покойной графини; онъ вооруженъ двумя пистолетами. Мало по-малу сонъ овладѣваетъ имъ.... глаза его смыкаются.... Боассаръ засыпаетъ....

Входитъ Арманъ, разламываетъ печать, отворяетъ бюро и похищаетъ шкатулку, въ которой лежитъ записка его. Въ эту критическую минуту Боассаръ просыпается, видитъ открытое бюро, хватается за пистолеты, бросается къ окну и....

— Несчастный! я хотѣлъ убить сына своего! восклицаетъ онъ.

И точно, Арманъ-то и есть сынъ стараго герцога, то есть сынъ молодаго учителя словесности!...

Утромъ нотаріусъ покойницы является, чтобы снять печати и прочесть духовную; но бюро разломано, аметистовый уборъ похищенъ! Бѣдный Боассаръ въ ужасномъ положеніи: всѣ подозрѣваютъ его въ похищеніи аметистовъ, а онъ долженъ молчать, иначе погубитъ сына своего!... Но нотаріусъ однимъ словомъ приводитъ все дѣло въ порядокъ, объявивъ, что Боассаръ назначенъ покойницей единственнымъ наслѣдникомъ всего имущества ея.

Между-тѣмъ Боассаръ узналъ, зачѣмъ Арманъ унесъ шкатулку.

— Примете-ли вы меня, говоритъ добрый старикъ Арману, въ управляющіе къ себѣ?

Арманъ соглашается, тѣмъ-болѣе, что на другой-же день онъ долженъ ѣхать куда-то съ важнымъ порученіемъ.

А Эвелина?... Увы! она бѣдняжка остается одна или, что̀ еще хуже, съ несноснымъ мужемъ своимъ. Но одно утѣшаетъ публику: докторъ Ротоленъ даетъ всѣмъ понять, что бѣдный Курсоль не проживетъ трехъ лѣтъ. Туда и дорога! За то, послѣ трехъ лѣтъ Эвелинѣ можно будетъ сдѣлаться герцогинею де-Боалеверъ.

Не-смотря на запутанность и безтолковость свою, эта маленькая драма имѣла успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ лучшихъ актеровъ театра, на которомъ она была играна.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

Patineau ou l'Héritage de ma Femme, водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Леона Демутье.

Въ мрачную декабрьскую ночь несчастный старикъ умиралъ на бѣдной постелѣ, въ бѣдной мансардѣ, при свѣтѣ единственнаго, догоравшаго сальнаго огарка.... дождь стучалъ въ разбитыя окна, заклѣенныя толстой бумагой. Въ одномъ уголку жалкой мансарды стоялъ красивый ящичекъ изъ точоной слоновой кости.... это была единственная роскошь всей квартиры, потому-что въ немъ хранилось послѣднее сокровище умиравшаго старика – локоны волосъ, бѣлокурыхъ, русыхъ и чорныхъ. Смерть, разочаровывающая во всемъ, оставила старику единственное усладительное чувство въ воспоминаніи прежнихъ, прекрасныхъ дней его.... но старикъ умеръ. Прелестная и добродѣтельная дѣвушка явилась тутъ очень-кстати, чтобы было кому принять послѣдній вздохъ старика и закрыть ему глаза.

На слѣдующій день къ воротамъ дома былъ прибитъ билетъ: *Отдается квартира*. Какой-то бѣднякъ нанялъ ее и вскорѣ покойникъ былъ забытъ.—Вотъ что̀ произошло за нѣсколько лѣтъ до того, когда г. Демутье угодно было приказать поднять занавѣсъ.

Въ прекрасное мартское утро, г. Патино, свѣчной фабрикантъ, былъ позванъ къ нотаріусу, за весьма-важнымъ дѣломъ. Погода была прекрасная, солнечные лучи согрѣли воздухъ, небо было чисто-голубое, а потому г. Патино̀ не нашелъ ни малѣйшей причины отложить до другаго времени прогулку къ нотаріусу и немедленно вышелъ изъ дому. Дорогой онъ долго разсуждалъ о томъ, за какимъ-бы весьма-важнымъ дѣломъ его требовали.

— Вы-ли господинъ Патино? спросилъ нотаріусъ.

— Я!

— Мужъ г-жи Клемансъ Патино?

— Смѣю надѣятся!

— Очень-радъ.

— Помилуйте! вы слишкомъ-добры.

— Вотъ, господинъ Патинò, у меня тутъ лежитъ 100,000 франковъ, которые какой-то старикъ, умершій въ томъ домѣ, въ которомъ вы живете, оставилъ супругѣ вашей въ наслѣдство.

Внѣ себя отъ радости, Патинò бѣжитъ домой, но по дорогѣ закупаетъ морскаго рака, индѣйку, начиненную трюфлями, полишинеля, бутылку вина и картонную собачку, куклу и ананасъ.

— Жена! кричитъ онъ, воротившись домой, мы *закутимъ!* Я тебѣ закажу бархатное платье, а себѣ... себѣ велю написать новую вывѣску!... Потомъ, показывая ей покупки свои, онъ распредѣляетъ ихъ.

— Вотъ это тебѣ, это мнѣ, а это.... знаешь-ли кому это?

— Не знаю, другъ мой!

— Это *имъ*! говоритъ, лукаво улыбаясь, Патинò.

— Кому *имъ*?

— Хе! хе! хе!... неужели ты не понимаешь? Это *имъ*, т. е. тѣмъ, которые у насъ будутъ.... знаешь, крошкамъ?

Г-жа Патинò покраснѣла и потупила глаза.

Но зависть не дремлетъ! Г. Рафле, сосѣдъ г. Патинò, не можетъ спокойно видѣть радости его. Онъ ужасно завидуетъ неожиданному счастію *пріятеля* своего и рѣшается, во что-бы то ни стало, повредить ему.

И вотъ богатство и счастіе содѣлали изъ мирнаго гражданина Патинò, человѣка извѣстнаго — а всякая извѣстность навлекаетъ на себя враговъ.

Рафле съ печальнымъ лицомъ приходитъ къ Патинò, и говоритъ ему:

— Другъ мой! мнѣ жаль тебя!

— Что случилось? спрашиваетъ съ безпокойствомъ Патино.

— Тебя такъ *отдѣлали* въ одной газетѣ, что бѣда!

— *Отдѣлали?* меня? А за что?

Рафле показываетъ пріятелю своему газету и — конецъ счастію, конецъ спокойствію бѣднаго свѣчнаго фабриканта!

— Что, думаетъ онъ, если газета говоритъ правду? Если въ-самомъ-дѣлѣ жена моя *имѣла преступную связь* съ этимъ

старымъ злодѣемъ, благодѣтелемъ моимъ?... А, чортъ возьми! Я шутить не люблю! Не нужно мнѣ денегъ его! Не хочу я денегъ его! Не хочу ничего!

И въ бѣшенствѣ бѣдный Патино бросаетъ индѣйку, ананасъ, разбиваетъ бутылку съ виномъ, ломаетъ игрушки....

Между-тѣмъ добрая, и честная г-жа Патино, ничего не зная, заботится съ материнскою попечительностію о ребенкѣ г. Вальноара, хозяина дома, въ которомъ она живетъ. Этотъ г Вальноаръ страстно влюбленъ въ молодую дѣвушку, Ортансу де * * * и взаимно любимъ ею, но какія-то обстоятельства препятствуютъ имъ сочетаться законнымъ бракомъ. Эти обстоятельства не помѣшали имъ однакожъ сдѣлаться родителями хорошенькаго ребенка.

Патино, сдѣлавшись чрезвычайно-ревнивъ, начинаетъ слѣдить за женой своей и открываетъ, что она беретъ большое участіе въ какомъ-то ребенкѣ; въ то-же время ему попадается въ руки письмо Вальноара.

«Милая Ортансъ, пишетъ онъ: ребенокъ нашъ, благодаря «Богу, здоровъ и веселъ! Успокойся, милый другъ мой, вско-«рѣ настанетъ время, когда мнѣ можно будетъ сдѣлаться му-«жемъ твоимъ!»

Эти послѣднія слова поражаютъ несчастнаго Патино ужасомъ.

— Какъ! восклицаетъ онъ, этотъ злодѣй хочетъ сдѣлаться мужемъ жены моей? А я-то что? Куда-жъ они меня дѣнутъ?

Въ это самое время вбѣгаетъ служанка запыхавшись.

— Сударыня, говоритъ она хозяйкѣ: аптекарь говоритъ, что лучше всего взять мышьяку!

— Мышьяку! восклицаетъ Патино съ отчаяніемъ.

— Хорошо, мужъ мой согласенъ, отвѣчаетъ хозяйка. Вели принесть.

— Какъ, сударыня! кричитъ внѣ себя свѣчной фабрикантъ: я согласенъ? Съ чего вы это взяли! О.... о.... о! мнѣ дурно!

И добрая жена приноситъ ему стаканъ воды съ сахаромъ. Патино съ отвращеніемъ отталкиваетъ отъ себя стаканъ, въ полной увѣренности, что вода отравлена.

— Боже мой! восклицаетъ онъ съ отчаяніемъ: жена моя, обезславленная несчастнымъ наслѣдствомъ, любовница Вальноара, мать ребенка, которому я не отецъ, жена моя хочетъ еще отравить меня! Нѣтъ, не бывать тому, я лучше разведусь съ нею, лучше уѣду, лучше разобью себѣ голову объ стѣну!... О, какъ нынче свѣтъ испорченъ!

Однакожъ наконецъ все дѣло объясняется.

Вы помните молодую дѣвушку, которая закрыла глаза старику?... Это была мадамъ Патино, слѣдовательно это обстоятельство объясняетъ и наслѣдство, оставленное ей. Г Вальноаръ женится на Ортансѣ де * * * и признаетъ ребенка своимъ. Мышьякъ былъ назначенъ крысамъ и мышамъ, поселившимся въ кладовахъ, около свѣчей г. Патино.

Но неужели преступленіе останется безнаказаннымъ? Неужели злоба г. Рафле не получитъ достойное возмездіе?

Утѣшьтесь, хорошенькая и забавная піеса г. Демутье написана по всѣмъ правиламъ драматическаго искусства. Наказаніе, слѣдующее г. Рафле заключается въ шкатулкѣ изъ слоновой кости, которую старикъ оставилъ въ наслѣдство или лучше сказать возвратилъ той, которой принадлежала большая часть локоновъ, а именно — г-жѣ Рафле.

THÉATRE DES VARIÉTÉS.

Le Trombonne du Régiment, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Дюпети, Кормона и Сентъ-Амана.

Сюжетъ этой піесы обработанъ изъ старинной пѣсни:

Toi, qui connais les hussards de la garde,
Connais-tu pas l'trombonne du régiment? и проч.

— Этотъ полковой трубачъ—человѣкъ весьма-опасный; онъ влюбленъ въ одно и то-же время въ Мадлену, Памелу, Розалію, Фифину, Тапотту, Клоринду.... сколько ихъ? Не знаю. Впрочемъ это нетрудно узнать и вотъ какимъ образомъ: трубачу слѣдуетъ отъ кого-то получить 30,000 фран., но онъ, какъ добрый малый, дѣлитъ эти деньги между дѣвушками, въ которыхъ влюбленъ. Каждой приходится 6000 франковъ; сколько-жъ женщинъ приходится на одного трубача?

Только одна Эмма, племянница г. Котонне, любитъ не трубача, но квартирмейстера того-же полка. *Въ слѣдствіе этого* Эмма назначаетъ свиданіе Сезару....

— Это еще кто?

— Это самъ трубачъ-то и есть.

—Да какъ-же? Вѣдь Эмма любитъ не его, а....

— Квартирмейстера; весьма справедливое замѣчаніе, однакожъ все-таки она назначаетъ свиданіе трубачу Сезару и

вы сейчасъ узнаете зачѣмъ, позвольте только все разсказать по порядку.

Эмма назначаетъ Сезару свиданіе на сельскомъ балѣ и даетъ ему знать, что онъ узнаетъ ее *по розѣ, которая у нея будетъ въ рукахъ!*

Но вотъ бѣда! Сезаръ встрѣчаетъ на балу болѣе дюжины женщинъ съ розами въ рукахъ, но наконецъ настоящая сама подходитъ къ нему и шепчетъ ему на ухо:

— Ждите меня за бесѣдкой!

— Слушаю-съ! отвѣчаетъ Сезаръ, лукаво мигнувъ однимъ глазомъ.

За бесѣдкой Эмма разсказываетъ ему, что она не хочетъ выдти за него, потому-что любитъ Жоржа. Это странное признаніе очень озадачиваетъ трубача, какъ вдругъ является самъ Жоржъ, который взбѣшонъ, потому-что не слышалъ разговора ихъ, а только засталъ Эмму съ трубачомъ.

— Завтра, за садомъ, на сабляхъ! говоритъ Жоржъ.

На слѣдующій день объясняется, что Сезаръ *природный* сынъ отца Жоржа, слѣдовательно они *природные* братья, а потому имъ не совсѣмъ ловко хлопотать о томъ, какъ-бы другъ-другу раскроить голову.

Братья обнимаются. Жоржъ, удостовѣрясь въ невинности Эммы, женится на ней, а Сезаръ, получивъ отъ г. Котонне слѣдуемые ему 30,000 франковъ, не желая обидѣть всѣхъ дѣвушекъ, влюбленныхъ въ него, не женится ни на одной изъ нихъ.

Довольно-забавный водевиль.

THÉATRE DES VARIÉTÉS.

Le Voyage en Espagne, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Теофила Готье и Сиродена.

Дезире Ренифларъ, невыѣзжавшій никогда изъ Парижа, рѣшается въ восторженную минуту предпринять *путешествіе въ Испанію*. Онъ прочолъ столько описаній Испаніи, столько повѣстей объ Андалузянкахъ, минуэтахъ, серенадахъ, мантильяхъ, маскахъ, кастаньеткахъ, алгвазиляхъ и дуэньяхъ, что самъ хочетъ познакомиться съ родиной Донъ-Кихота, Фигаро, Жиль-Блаза, Донъ-Жуана, Доньи Эльвиры, не говоря уже о Мурильо и Веласкуэцѣ, инквизиціи и севильскихъ жидахъ.

Едва пріѣхавъ въ Севилью, Ренифларъ встрѣчается съ какимъ-то отчаяннымъ великаномъ, который наступаетъ ему на ногу.

— Клянусь Сидомъ! восклицаетъ Испанецъ, донъ Рамонъ: это вамъ сударь не пройдетъ даромъ! Вы кровью заплатите за обиду!

Ренифларъ до того изумленъ этимъ, что начинаетъ думать, не-смотря на боль, которую чувствуетъ въ ногѣ, что, вѣроятно, онъ наступилъ на ногу Испанцу, коли тотъ обижается, и проситъ у него извиненія.

Послѣ ухода Испанца, входитъ къ Ренифлару прелестная Испанка, покрытая вуалью.

— Ага! думаетъ Парижанинъ, потирая руки: вотъ начинаются любовныя приключенія! Чудесно, пламенная Испанка, я обожаю тебя!...

— Женись на мнѣ, отвѣчаетъ прелестная Испанка.

Это не совсѣмъ согласно съ идеями Ренифлара и онъ отвѣчаетъ ей съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Ты, владычица души моей, требуешь, чтобы я на тебѣ женился? Это дѣло весьма-важное. Я готовъ обожать тебя, но чтобы жениться, надобно....

— Ты долженъ жениться, несчастный! восклицаетъ кто-то грубымъ голосомъ. Опять донъ Рамонъ. — Ты обольстилъ сестру мою, продолжаетъ онъ, и долженъ жениться на ней!

— Позвольте, позвольте, отвѣчаетъ Ренифларъ: вы ошибаетесь! вы очень-ошибаетесь! Я имѣю честь видѣть сестрицу вашу въ первый разъ, слѣдовательно....

— Ты еще хочешь обмануть меня, несчастный! восклицаетъ донъ Рамонъ, хватаясь за кинжалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ не хочу обманывать!

— Слѣдовательно, ты сознаешься?

— Въ чемъ?

— Что обольстилъ сестру мою?

— Позвольте вамъ повторить....

— Да или нѣтъ? Отвѣчай! — и донъ Рамонъ приставилъ кинжалъ къ груди несчастнаго Ренифлара.

— Да, да! отвѣчаетъ онъ съ отчаяніемъ.

Нечего дѣлать! Парижанинъ долженъ въ полночь жениться на донѣ Каталинѣ!... Между-тѣмъ онъ хлопочетъ о томъ, чтобы нанять себѣ слугу. Хозяинъ гостинницы, въ которой онъ остановился, представляетъ ему пріятеля своего Небло, человѣка самой страшной наружности.

— Нѣтъ! говоритъ Ренифларъ, этотъ человѣкъ мнѣ не нравится; поищите мнѣ лучше другаго слугу.

— Какъ хотите, говоритъ Пебло: но этимъ вы наносите мнѣ обиду, требующую крови. Я дворянинъ, хотя бѣдный, но дворянинъ, родъ котораго древнѣе рода королей испанскихъ! Я отомщу за обиду!...

Бѣдный Ренифларъ по-неволѣ долженъ взять къ себѣ въ услуженіе этого человѣка, и чтобы дать ему сейчасъ занятіе, говоритъ:

— Пебло, вычисти мнѣ сапоги.

— Я не люблю фамильярности, отвѣчаетъ слуга, грозно посмотрѣвъ на оторопѣвшаго господина.

— Господинъ Пебло, потрудитесь мнѣ вычистить сапоги.

— Вотъ еще!... Если вамъ некогда, такъ я пожалуй помогу вамъ; возьмите лѣвый, а я возьму правый сапогъ!

И вотъ слуга и господинъ чистятъ по сапогу; бѣдный Ренифларъ по этому случаю пускается въ весьма-комическія разсужденія.

Вычистивъ *сапогъ*, слуга уходитъ, объявивъ господину своему, что ему надобно идти со двора и что онъ воротится не ранѣе, какъ на слѣдующее утро. Между-тѣмъ наступаетъ полночь.... Ренифларъ долженъ жениться на донѣ Каталинѣ! Кто-то идетъ.... это донъ Иниго, молодой испанскій грандъ, влюбленный въ Каталину.

— Несчастный! говоритъ онъ Парижанину: если ты осмѣлишься жениться на той, которую я люблю, то смерть твоя неизбѣжна!...

Уфъ! дайте отдохнуть и перечтемте сколько смертей угрожали и угрожаютъ бѣдному парижанину Дезире Ренифлару!

Во-первыхъ донъ Рамонъ наступаетъ ему на ногу и за то хочетъ убить его—разъ! Потомъ донъ Рамонъ-же застаетъ его съ сестрой своей и заставляетъ жениться или убьетъ — два! Потомъ слуга говоритъ ему: нанимайте или убью — три! Потомъ донъ Иниго: не женись или убью — четыре! Три раза спасся онъ отъ смерти, но на четвертый трудненько, однако и тутъ добрый геній спасаетъ его.

Ренифларъ употребляетъ средство, хотя немножко устарѣлое, но спасающее въ затруднительныхъ драматическихъ обстоятельствахъ. Донъ Иниго надѣваетъ платье его и такимъ-образомъ заступаетъ мѣсто его и женится на Каталинѣ. Слѣдовательно Ренифларъ спасенъ и, насмотрѣвшись довольно

на испанскіе нравы, которые въ этомъ водевилѣ запутаны болѣе *испанскихъ дѣлъ*, рѣшается поскорѣе воротиться въ прелестную Францію свою, но.... тщетная надежда! Являются альгвазилы и бросаютъ его въ темницу, полагая, что онъ шпіонъ.

Но онъ остается въ темницѣ не болѣе, какъ въ продолженіе одного антракта, потому-что во второмъ дѣйствіи онъ уже свободенъ, какъ птичька, и торопится пѣшкомъ добраться до Франціи. Но вдругъ видитъ онъ въ кустарникѣ полдюжины карабиновъ, и Кастигельба, начальникъ шайки разбойниковъ, требуетъ отъ него *кошелька или жизни!*

Доказавъ самымъ вѣрнымъ образомъ, что у него нѣтъ кошелька, Ренифларъ полагаетъ, что разбойники оставятъ ему жизнь, однакожъ не тутъ-то было!

— Пиши письмо къ родителямъ своимъ въ Парижъ, чтобы они немедленно выслали тебѣ денегъ! говоритъ Кастигельба, и бѣдный Ренифларъ пишетъ подъ диктовку его. Но вотъ является молоденькая *манола* (швейка), живая и веселенькая, сдѣлавшаяся покровительницей Парижанина изъ патріотизма, потому-что она сама Француженка. Розина помѣшала браку его съ Каталиной, спасла его изъ тюрьмы и теперь рѣшилась освободить его изъ рукъ разбойниковъ.

— Прелестная манола, говоритъ Кастигельба: намъ съ тобой будетъ очень весело! Мы сядемъ обѣдать, а Ренифларъ будетъ прислуживать намъ. Ты протанцуешь мнѣ фанданго, а онъ качучу! — Розина повинуется разбойнику, ѣстъ, пьетъ и танцуетъ.

— Теперь танцуй ты качучу! говоритъ бандитъ, обращаясь къ Ренифлару.

— Не умѣю, отвѣчаетъ онъ.

— Не умѣешь? Ну, такъ мы тебя сейчасъ научимъ! Эй, сюда! Поучите его танцовать качучу!... И два разбойника приставляютъ пистолеты къ груди несчастнаго, который поневолѣ долженъ плясать качучу *на-память*.

Донъ Иниго хочетъ выкупить бѣднаго Парижанина, но Кастигельба отвѣчаетъ, что это не его дѣло и что за этимъ надобно обратиться къ донъ Рамону, который завѣдываетъ, по-видимому, финансовою частію шайки.

Дѣйствіе третье. Ренифларъ отправляется подъ строгимъ присмотромъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ разбойника къ дону Рамону, но едва послѣдній прочелъ письмо, какъ

велитъ бросить его въ темницу. Пропалъ бѣдный Парижанинъ! Теперь не спасетъ его и Розина....

Между-тѣмъ въ Испаніи перемѣна правленія. Всѣ заключенные по дѣламъ стараго правленія освобождаются. Ну, слава Богу! теперь Ренифларъ спасенъ!... Какъ-бы не такъ! Донъ Иниго, сдѣлавшійся главою новаго правленія, отчего-то начинаетъ думать, что Ренифларъ шпіонъ, и опять его въ тюрьму.... нѣтъ, виноватъ! не въ тюрьму, а подъ военный судъ!

— Что со мной будетъ, что со мной будетъ! восклицаетъ съ отчаяніемъ несчасный Ренифларъ.

— Успокойтесь, говоритъ ему Розина: вы еще можете быть спасены, но только въ такомъ случаѣ, когда рѣшеніе суда будетъ — разстрѣлять васъ!

— Розина, я начинаю думать, что шутки ваши неумѣстны!

— Да выслушайте-жъ меня! Ружья будутъ заряжены холостымъ зарядомъ—вы притворитесь мертвымъ, а какъ смеркнется, такъ мы уѣдемъ во Францію, — все будетъ приготовлено!

Увѣрившись въ томъ, что это единственное средство спасенія, Ренифларъ становится великимъ храбрецомъ. Онъ является предъ военнымъ судомъ.

— Ты шпіонъ? спрашиваютъ его.

— Хуже, чѣмъ шпіонъ! Я.... я.... я, просто, злодѣй, извергъ, варваръ! Я ненавижу всѣхъ Испанцевъ, я готовъ продать ихъ всѣхъ за одинъ франкъ! Всѣхъ!

— Можете-ли вы что-нибудь сказать въ оправданіе свое?

— Какое оправданіе! Вы развѣ не слышали, что я вамъ, сказалъ? Я злодѣй, и горе вамъ, если вы меня освободите!

Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, судьи объявляютъ ему, что онъ осужденъ на смерть.

— Осужденъ! восклицаетъ онъ, весело потирая руки — чудесно! На смерть?

— На смерть!

— Я буду разстрѣлянъ?

— Повѣшенъ!

— А! восклицаетъ съ внезапнымъ ужасомъ Ренифларъ. Какъ повѣшенъ? Нѣтъ, постойте, постойте! Вѣдь это шутка плохая! Постойте, господа, это противъ уговора! Вѣдь веревку нельзя зарядить холостымъ зарядомъ! Нѣтъ, господа, нѣтъ, я не шпіонъ!...

Бѣдный Ренифларъ въ отчаяніи, но къ-счастію его правленіе опять перемѣняется въ Испаніи. Парижанинъ уже думаетъ, что онъ спасенъ, какъ вдругъ въ начальникахъ новаго правленія узнаетъ дона Рамона и бывшаго слугу своего.... Увы! теперь уже нѣтъ надежды бѣдному: онъ погибъ!...

Но довольно.... Мы устали разсказывать вамъ несчастія бѣднаго Ренифлара. Скажемъ только, что онъ спасенъ! Донъ Рамонъ прощаетъ ему, Небло, Иниго прощаютъ, а Розина отдаетъ ему руку и сердце свое. Къ довершенію счастія Небло хочетъ обогатить его.

— Вотъ, говоритъ онъ, бумажникъ, наполненный *испанскими ассигнаціями*: возьмите его и будьте счастливы!

Ренифларъ морщится и проситъ Небло, не можетъ-ли онъ дать ему вмѣсто этихъ ассигнацій сотни двѣ папиросовъ.

— Двѣ много, а одну дамъ, отвѣчаетъ Небло.

— И то слава Богу! восклицаетъ Ренифларъ: все-таки я около трехъ су въ барышѣ!...

Бѣдная Испанія!

Этотъ водевиль, не-смотря, а можетъ-быть и благодаря запутанности своей, исполненъ комическихъ сценъ и имѣлъ хорошій успѣхъ.

THÉATRE DU GYMNASE-DRAMATIQUE.

L'amour et le hasard, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Люси.

Идея этой піесы, передѣланной изъ старинной комедіи, какого-то остряка XVIII столѣтія, г. Віаля, очень-оригинальна и мила.

Дюклюзель богатый помѣщикъ, у котораго есть очень-хорошенькая дочка. Эмилія 16 лѣтъ, у нея свѣженькое личико, хорошенькіе глаза и нѣжное сердце, которое однакожъ еще очень-спокойно находится при ней — такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаетъ добрый отецъ ея.

Очень-понятно, что у такой хорошенькой и притомъ богатой невѣсты, не можетъ быть недостатка въ обожателяхъ; но Дюклюзель далъ уже слово старому пріятелю своему де-Морни, у котораго два сына. Однакожъ оба не могутъ-же жениться на Эмиліи, а потому отецъ ея, вполнѣ полагаясь на случай, объявляетъ, что тотъ, который первый пріѣдетъ изъ Парижа въ помѣстье его, получитъ руку его дочери.

Тутъ начинаются между молодыми людьми разныя хитрости; Леонъ старается перехитрить Густава. Жокей послѣдняго, молодой англичанинъ, служитъ и тому и другому, но Леонъ даетъ ему денегъ, а Густавъ... бьетъ его хлыстомъ.

— Годдемъ! говоритъ жокей: Леону служить выгоднѣе; буду служить Леону!

И вотъ оба выѣзжаютъ изъ Парижа и пріѣзжаютъ къ Ренардо, управляющему имѣніями Дюклюзеля. Тамъ происходятъ самыя комическія сцены, въ слѣдствіе которыхъ молодые люди засыпаютъ или, лучше сказать, притворяются спящими. Тогда жокей увѣряетъ Густава, что они находятся у Дюклюзеля, а самъ съ Леономъ уѣзжаетъ.

Слѣдовательно Леонъ пріѣзжаетъ первый, но этимъ дѣло еще не кончается. Старикъ Дюклюзель, въ слѣдствіе анонимнаго письма, принимаетъ Леона за обманщика, и тутъ опять слѣдуетъ нѣсколько весьма-забавныхъ сценъ; но наконецъ прибытіе Густава объясняетъ все дѣло и Леонъ женится на Эмиліи.

Очень-миленькая комедія, имѣвшая большой успѣхъ.

— *Un jour d'orage*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Фурнье.

Молодая и прелестная Ортансъ *де* Монжеронъ имѣла несчастіе выдти за-мужъ за негоціанта, купца, котораго, къ довершенію несчастія, зовутъ господиномъ Лемонье, просто, безъ малѣйшей частицы *де*!... Мадамъ Лемонье, прошу покорно! съ такой фамиліей стыдно въ люди показаться!

Тотчасъ послѣ свадьбы Лемонье увозитъ жену свою въ одно изъ помѣстьевъ своихъ, но.... Ортансъ не хочетъ и видѣть мужа и осыпаетъ его горькими упреками.—Ей скучно съ нимъ, — она до-сихъ-поръ не знала, что̀ за существо купецъ,—она не хочетъ, чтобы ее звали мадамъ Лемонье, — къ тому-же она не понимаетъ, что̀ могло заставить отца ея выдать ее за купца, потому-что она получила въ приданое 300,000 франковъ!...

Тогда бѣдный Лемонье, выведенный изъ терпѣнія, доказываетъ ей, что хотя онъ и далъ росписку въ полученіи приданаго, однакожъ нетолько ничего не получилъ, но еще самъ далъ въ займы отцу ея большую сумму денегъ.

И это доказательство безкорыстной любви не трогаетъ Ортансу, потому-что и кузенъ ея, котораго она любитъ, сдѣлалъ-бы тоже самое. Густавъ, молодой денди, который-бы лучше согласился умереть, чѣмъ пуститься въ торговлю, —

Густавъ, который такъ прекрасно описывалъ ей любовь свою! У Лемонье есть на все отвѣтъ.

— Вы увѣрены въ любви Густава, говоритъ онъ женѣ: такъ не угодно-ли вамъ прочесть нѣсколько страничекъ изъ записной книжки его!

Вотъ что Ортансъ прочла въ этой книжечкѣ:

10 іюня. — Ортансъ! — Не забыть-бы спросить у Альфреда, гдѣ онъ покупаетъ свои сигары.

12 іюня. — Какіе у нея прелестные глаза и какъ она любитъ меня, милая Ортансъ!—Перемѣню сапожника; у меня никогда не было прежде мозолей. Завтракъ нашъ въ Роше-де-Канкаль былъ очень-веселъ. О, Ортансъ!

15 іюня. — Я простился съ *нею*. Она чуть не плакала. Шолъ сильный дождь.

25 іюня. — Миланъ, чудный городъ! . . . Хорошенькая служанка съ живыми, чорными глазками.

26 іюня. — Ортансъ! Ортансъ! Она выходитъ за-мужъ.... и за кого? за купца, Боже праведный!... А я и не зналъ, что у нея такое чудное приданое! . . . Нечего дѣлать, опоздалъ! Все-равно, ѣду въ Парижъ, познакомлюсь съ мужемъ, а потомъ....

Ортансъ не хотѣла далѣе читать, бросила книжку, а сама обняла мужа.

Остроумный водевиль, въ которомъ всего только два дѣйствующія лица: Ортансъ и мужъ ея.

THÉATRE DU PALAIS-ROYAL.

Paris, Orléans et Rouen, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, гг. Баяра и Варена.

Теодоръ Пассаванъ, музыкантъ, пріѣзжаетъ изъ Санлиса въ Парижъ, чтобы оттуда отправиться по желѣзной дорогѣ въ Руанъ. Въ Парижѣ встрѣчается онъ съ старымъ пріятелемъ своимъ Гамба, который, желая подшутить надъ простачкомъ Теодоромъ, рѣшается ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Пассаванъ чрезвычайно благодаренъ услужливому другу, взявшему на себя всѣ путевыя хлопоты, и устроившему ихъ такъ, что они отправляются въ тотъ-же день. Пріѣзжаютъ. Теодоръ, принарядившись, идетъ къ будущему тестю своему, кандитеру, чтобы представиться дочери его, съ которой онъ заочно обрученъ.

Теодоръ Пассаванъ прекрасно принятъ въ домѣ кандитера, и все идетъ какъ нельзя лучше, какъ вдругъ онъ слышитъ, что тестя его кто-то называетъ г. Кабасолемъ.

— Позвольте, позвольте, говоритъ Теодоръ, отводя будущаго тестя въ сторону: какъ онъ васъ называетъ?

— Г. Кабасолемъ, отвѣчаетъ кандитеръ.

— Съ какой стати?

— Что-съ?

— Я говорю съ какой стати, то есть—зачѣмъ?

— Да какъ-же прикажете меня называть?

— Тѣмъ именемъ, которое вамъ покойные папенька и маменька изволили оставить въ наслѣдство.

— Да вѣдь онъ тѣмъ и называетъ.

— Старый шутникъ! говоритъ Теодоръ, ударяя кандитера по животу.

Кандитеръ съ безпокойствомъ смотритъ на Теодора, полагая, что онъ немножко помѣшанъ; и Теодоръ не совсѣмъ спокоенъ, слыша, что всѣ называютъ кандитера г. Кабасолемъ.

— Скажите пожалуста не шутя, какъ васъ зовутъ? спрашиваетъ наконецъ Пассаванъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Кризостомъ Кабассоль.

— Не шутя?

— Нисколько.

— Прощайте!

— Какъ, прощайте? Что это значитъ?

— Это значитъ, что я попалъ не туда, куда слѣдовало. Вы господинъ Кабассоль, а мнѣ нужно г. Галопеня!

— Да вы то кто?

— Пассаванъ.

— Да помилуйте, вы нареченный женихъ моей дочери!

Суматоха. Кабассоль говоритъ, что родители Пассавана заочно обручили сына своего съ дочерью его; Пассаванъ съ этимъ соглашается, но только говоритъ, что его обручили съ дочерью г. Галопеня.

За этимъ слѣдуетъ множество qui pro quo, одни забавнѣе другихъ, тѣмъ-болѣе, что г. Кабассоль узнаетъ, что Пассавана зовутъ Теодоромъ, между-тѣмъ-какъ онъ ожидаетъ Теофила.

Чѣмъ-же разрѣшается загадка?

Во-первыхъ пріѣздомъ Теофила, который, будучи очень-обиженъ тѣмъ, что какой-то обманщикъ хотѣлъ перебить у него невѣсту, идетъ объясняться съ Теодоромъ.

— Какъ вы, милостивый государь, говоритъ онъ, осмѣлились войдти въ почтенное семейство, принявъ на себя чужое имя?

— Во-первыхъ я вамъ доложу, отвѣчаетъ Теодоръ, что имя Пассаванъ мое собственное; а во вторыхъ, я попалъ сюда ошибкою, которую я сейчасъ постараюсь исправить, отыскавъ г. Галопеня и представивъ его свидѣтелемъ въ справедливости словъ моихъ....

— Кого хотите вы отыскать?

— Г. Галопеня, кандитера.

— Скажите пожалуста, что̀ вы, смѣетесь надо мною или нѣтъ?

— Нисколько.

— Какъ-же вы хотите здѣсь отыскивать г. Галопеня, который живетъ въ Руанѣ?

— Кажется вы изволите подшучивать.

— Нисколько, потому что я самъ хорошо знаю г. Галопеня и передъ отъѣздомъ своимъ видѣлся съ нимъ.

— Такъ гдѣ-же мы теперь находимся?

— Въ Орлеанѣ.

Представьте себѣ отчаяніе бѣднаго Теодора, который, по милости пріятеля своего, Гамба, думая ѣхать въ Руанъ, попалъ въ Орлеанъ!

Очень-забавный водевиль съ хорошенькими, остроумными куплетами.

=

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Вѣнскіе театры въ прошедшемъ мѣсяцѣ были очень еще небогаты новостями. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ.

Theater in der Josephstadt.

Bruder Kain oder Trug und Wahrheit (Братъ Каинъ или ложь и правда), драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, взятая изъ старинной хроники Гейнрихомъ Шмитомъ.

Джулio или графъ Эртхольмъ, въ-слѣдствіе какого-то государственнаго преступленія своего родителя, принужденъ покинуть отчество, Данію, и блуждаетъ, въ сопровожденіи сына своей кормилицы, т. е. молочнаго брата своего, Олафа Петерсона, подъ яснымъ небомъ Италіи. Но скоро, благодаря покровителю, маркизу Ровередо, невинность отца его открывается и ему позволено возвратиться въ отечество и за-

нять прежнее мѣсто въ обществѣ. Мало того, его дядя, канцлеръ, обѣщаетъ ему, по пріѣздѣ его, руку своей дочери, прекрасной Брунгильды. Кажется, есть чему порадоваться, и Джулio радуется изъ всѣхъ силъ. Но къ-несчастію вмѣшательство Олафа Петерсона бросаетъ мрачную тѣнь на эту веселую картину. Олафъ любитъ и любитъ несчастливо, по тому-что онъ всего только два раза видѣлъ предметъ своей страсти, одинъ разъ въ маскерадѣ, а другой въ ночной прогулкѣ въ гондолахъ, и притомъ только что *видѣлъ*. Какъ вдругъ Олафъ случайно открываетъ, что невѣста графа Эртхольма, «цвѣтъ Зеландіи, съ голубыми глазами», есть тотъ самый идеалъ, о которомъ онъ мечтаетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ братья соперники отправляются на кораблѣ въ отечество. Буря разбиваетъ корабль, всѣ погибаютъ, спасены только одинъ Олафъ и документы графа Эртхольма. Очень-натурально, что Олафъ прибралъ къ рукамъ эти бумаги, столкнулъ опять въ море выброшеннаго волнами, еще-дышащаго Эртхольма, и отправляется подъ его именемъ требовать руки Брунгильды. Развязку отгадать нетрудно: Зеландскія красавицы чрезвычайно-проницательны; Брунгильда отвергаетъ Олафа; два раза утонувшій графъ снова является въ живыхъ и вступаетъ въ свои права, а Олафъ приговоренъ къ вѣчному заключенію.

Въ піесѣ видно хорошее знаніе сцены и есть довольно-эффектныя мѣста: такъ, напримѣръ, послѣдняя сцена, въ которой оба соперника должны представить по три свидѣтеля въ доказательство своихъ правъ и своего имени, чрезвычайно-интересна; языкъ чистый, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поэтическій. Словомъ, не-смотря на нѣкоторыя длинноты, піеса заслуживаетъ вниманія и нисколько не повредила имени автора, пользующагося извѣстностію во многихъ родахъ литературы.

— Der goldene Boden (Золотое дно), комедія съ пѣніемъ. Довольно-недурная піеса, украшенная сверхъ-того хорошенькою музыкою К. Биндера.

Theater an der Wien.

— Der Dichter im Verſammlungszimmer, комедія въ одномъ дѣйствіи. Г. Голтея.

Голтей изобразилъ въ этой піесѣ мученія и надежды драматическаго писателя въ первое представленіе его піесы, и изобразилъ съ такою истиною, съ такою жизнію, что не-смо-

тря на нѣкоторыя, слишкомъ-рѣзкія выраженія, на-счетъ непризнанныхъ судей, обыкновенно владычествующихъ въ партерѣ, судей, нисколько нелюбящихъ искусства, приговоры которыхъ основаны на духѣ партій и на личныхъ отношеніяхъ ихъ къ автору, піеса его принята съ всеобщимъ одобреніемъ. Цѣль автора заслуживаетъ полную благодарность. Бѣдный, униженный, опозоренный драматическій писатель такъ рѣдко находитъ себѣ защитника; а спросите, въ чемъ состоитъ его преступленіе?—Въ томъ, что онъ желалъ талантомъ своимъ позабавить публику и что это не удалось ему! И за это-то съ нимъ часто поступаютъ такъ, какъ будто-бы онъ сдѣлалъ какое-нибудь важное преступленіе. Вотъ противъ чего возсталъ со всею силою своего таланта Голтей, и всеобщее одобреніе и блестящій успѣхъ піесы доказали, что собственно публика, то есть великодушная, любящая искусство и незараженная духомъ партіи и личностями, вполнѣ согласна съ нимъ.

— Indienne und Zephirin, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

Первое дѣйствіе этого водевиля передѣлано изъ французскаго водевиля «Indiana et Charlemagne» а второе изъ французскаго-же водевиля «Omelette fantastique».

Theater nächst der Kärtnerthore.

Die schöne Athenienserinn (Прекрасная Аѳинянка), оригинальная комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, Л. Фельдмана.

Молодой баронъ фонъ-Фалкенъ никакъ не хочетъ жениться на Нѣмкѣ: ему непремѣнно нужно Гречанку, потому-что, по его мнѣнію, у Гречанокъ носы гораздо-красивѣе, чѣмъ у Нѣмокъ. И такъ онъ отправляется въ Грецію, съ другомъ своимъ фонъ-Веллнау, которому напротивъ того никто не нравится, кромѣ Нѣмокъ. Еще замѣчательнѣе вкусъ третьяго спутника, слуги Якова, который, вѣроятно, для того, чтобы превзойти странностію даже и господъ своихъ, выбралъ себѣ идеаломъ ни Нѣмку, ни Гречанку, а просто Арабку. До Аѳинъ, куда наши искатели невѣстъ прибыли во второмъ дѣйствіи, уже дошолъ слухъ о цѣли ихъ путешествія, и двѣ молодыя дамы, Нѣмка, Емилія Селхофъ, и Гречанка Цахарулла, приготовляются мистифировать чудаковъ, преобразившись Нѣмка въ Гречанку, а Гречанка въ Нѣмку. Въ тоже время приходитъ къ нимъ просить убѣжища бѣглая Турчанка, которая для того, чтобы укрыться отъ своего хозяи-

на, преобразуется въ Арабку. Такимъ-образомъ судьба позаботилась и о слугѣ чудаковъ. Конецъ, разумѣется, тотъ, что Нѣмецъ женится на Гречанкѣ, Грекоманъ на Нѣмкѣ, а слуга на прежней, забытой имъ любовницѣ. — Піеса растянутая на два лишнихъ акта и наполненная несообразностями.

=

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Оба лондонскіе, такъ называемые «національные театры», Ковентгарденскій и Друриленскій, уже съ давняго времени хвораютъ и, какъ видится, имъ приходитъ очень-плохо: директоры одинъ за другимъ банкрутятся, акціонеры плачутъ съ акціями, владѣльцы театральныхъ зданій не получаютъ за квартиру. Метода, принятая директорами, превосходитъ одинъ другаго новостью и роскошью спектаклей, до-того избаловала публику, что теперь ее ничѣмъ и удовлетворить нельзя. Дороговизна мѣстъ тоже удерживаетъ многія семейства отъ наслажденія театромъ, особенно живущихъ въ отдаленныхъ частяхъ города: они расчитываютъ, что, заплатя дорогую цѣну за ложу, имъ надобно еще нанимать карету. Къ этому присоединилось еще и то, что въ послѣднія десять лѣтъ развелось, какъ въ Старомъ городѣ такъ и въ Новомъ городѣ множество маленькихъ театровъ, которые хотя и не отличаются великолѣпными обстановками піесъ, но за то берутъ верхъ дешевизною мѣстъ. Подражая отчаянному игроку, ставящему на одну или на двѣ карты всѣ остальныя свои деньги, директоры попробовали наконецъ прибѣгнуть къ такъ-называемой «staar system» т. е. отдавать большую часть доходовъ одному, особенно любимому публикою актеру, чтобы публика, наслаждаясь имъ, смотрѣла сквозь пальцы на всѣ прочіе недостатки. Такіе *дорогіе* артисты называются на театральномъ языкѣ: staars (звѣзды). Карлу Кину платилось за каждый спектакль по 50 фунт. стерлин., а потомъ еще болѣе! Миссъ Кембль въ прошлогодній сезонъ получала поспектакельныхъ по 100 ф. ст., а такъ-какъ она постоянно пѣла по три раза въ недѣлю, то стало-быть еженедѣльное жалованье ея состояло изъ 300 ф. стер. Рубини тоже получалъ по 100 фунт. стерл. за каждый спектакль. Но скоро оказалось, что и эта метода хороша только не надолго. Конечно, сначала было-таки довольно охотниковъ полюбоваться на эти блестящія «звѣзды», но потомъ и къ нимъ какъ-то присмотрѣлись; напримѣръ, хоть-бы съ д-цею Рашель шло было чудесно, но прошедшею зимою, когда она въ третій разъ появилась

въ Лондонѣ, вдругъ оборвалось, и театръ, ангажировавшій ее по 100 ф. стер. за спектакль, очень-очень промахнулся. Попытка давать италіянскія оперы, переработавъ ихъ въ англійскія, съ убавками и прибавками, тоже не удалась, и, какъ кажется, дѣла лондонскихъ національныхъ театровъ улучшатся не прежде, какъ когда они, подобно парижскимъ, ограничатся легкими драматическими произведеніями, обращая главнѣйшее вниманіе на выборъ піесы и исполненіе ея, а въ постановкѣ ея, откинувъ все излишнее, будутъ употреблять только то, чего хотѣла идея автора піесы и требованія сценическія. Доказательствомъ этому служитъ довольно-порядочный успѣхъ М-me Вестрисъ, когда она управляла Олимпійскимъ театромъ, и давала на немъ только легкія комедіи и водевили.

Теперешній директоръ Ковентгарденскаго театра, г-нъ Буннъ, въ полномъ смыслѣ слова дѣятельный и предпріимчивый человѣкъ, но ему не достаетъ прямыхъ средствъ, и потому едва-ли онъ долго продержится. Однакожъ онъ обѣщаетъ, что въ будущій сезонъ у него появятся многіе чужеземные артисты первой степени и между-прочимъ г-нъ Штаудигль. Но вотъ бѣда—повѣрятъ-ли эти артисты посуламъ г-на Бунна и что онъ представитъ имъ въ обезпеченіе? Да и рѣшатся-ли чужеземные артисты играть въ англійскихъ операхъ, въ которыхъ они, безъ сомнѣнія, никогда себя не испытали? они пораздумаютъ, какъ опасно вступать въ общество артистовъ, которые могутъ не поддержать ихъ какъ надобно, и, слѣдовательно, повредить славѣ ихъ. Это испытали уже въ нынѣшній сезонъ Ковентгарденскаго театра Миссъ Кембль и мистриссъ Шавъ (Shaw): обѣ онѣ хотѣли вступить въ Италіянскую Оперу, но, кажется, едва-ли успѣли. Послѣдняя, впрочемъ, будетъ и въ будущемъ сезонѣ пѣть въ Италіянской Оперѣ, первая-же отправляется съ мужемъ своимъ г-мъ Сарторисъ, на твердую землю; сестра ея, М-me Бутлеръ, бывшая миссъ Фанни Кембль, отправляется съ мужемъ на его родину, въ Америку, а отецъ Карла Кина, бывшій директоръ Ковентгарденскаго театра, живетъ на покоѣ. Ковентгарденскій театръ все еще кое-какъ перебивается по sharing system, т. е. изъ сбора сначала выплачиваются необходимыя издержки, какъ-то: на наемъ помѣщенія, освѣщеніе, рабочій народъ и пр., а остатокъ, если онъ есть только, дѣлятъ уже артисты. До-сихъ-поръ система эта была для нихъ не совсѣмъ-то выгодна,—частенько выходятъ они съ пустыми карманами. Впрочемъ теперь всякой актеръ беретъ нѣсколько билетовъ, и съ тѣхъ, которые продастъ, получаетъ извѣстные проценты. Разумѣется, билеты эти расходятся не по настоящей цѣнѣ, а по такой, кто какую дастъ, и потому часто случается, что въ театрѣ народу много, а сборъ плохъ.

Финансовыя обстоятельства Дрюлиленскаго театра немного лучше. Конечно Пурселлева опера: «Король Артуръ», либретто Драйдена (Dryden), играется довольно-часто, и благодаря искусству костюмера, декоратера и машиниста, даетъ порядочный сборъ, но за то и постановка ея стоитъ каждый разъ 300 ф. стерл., такъ, что директору, г-ну Мэкриди, остается очень-мало или ничего; въ другіе-же спектакли, со времени удаленія г-жи Вестрисъ, сборы очень, очень-плохи. Г-жа Вестрисъ играетъ съ возрастающимъ успѣхомъ на Геймаркетской сценѣ и театръ всегда почти полонъ; она съ мужемъ получаетъ по 100 ф. стерл. въ недѣлю.

Вотъ нѣсколько новостей, которыя появились или скоро появятся на лондонскихъ театрахъ: Дирекція Ковентгарденскаго театра извѣщаетъ, что сезонъ ея откроется 2-го октября, новою комедіею автора піесы: «London Assurance». Композиторъ К. Хорнъ, недавно возвратившійся изъ Америки, занялъ мѣсто капельмейстера при этомъ театрѣ. Въ числѣ артистовъ Дрюлиленскаго театра, тоже скоро откроющаго свой сезонъ, находятся: г. Темплетонъ (Templeton), шесть лѣтъ уже не появлявшійся на сценѣ; г-да Гаибилеи (Gaibilei), Гаррисонъ, Лефлеръ, Синклеръ (Sinclair) и Джонесъ (Jones); дѣвицы Рапнфортъ (Rainfort), Ромеръ (Romer) и Пооло (Poolo) и г-жи Штирлингъ и Джонесъ. До Рождества въ этомъ театрѣ будутъ преимущественно даваемы оперы и балеты, а тогда уже поступятъ трагедія Карла Кина и другія замѣчательныя драмы. Такъ-какъ новая опера Балфе постоянно привлекаетъ публику въ театръ Принцесы (Princess-Theater), то директоръ онаго отложилъ окончаніе своего сезона, обыкновенно бывшее въ августѣ, на неопредѣленное время. Margate-театръ запертъ, потому-что въ послѣдніе шесть спектаклей едва-едва собрано 120 флориновъ.

На Геймаркетскомъ театрѣ даются слѣдующія новыя піесы: Who's your friend? or the Queensbury-Fête (Кто вашъ другъ? или праздникъ въ Квенсбюри, миленькая комедія съ танцами и пантомимою, большею частію передѣланная съ французскаго.—«The Wedding Breakfast» (Свадебная пирушка), новая *шутка* неистощимаго актера и писателя Мортона, чрезвычайно нравящаяся публикѣ.—«A cure for love», (Лекарство отъ любви), небольшая шутка въ двухъ актахъ, могущая также служить лекарствомъ отъ страсти къ самоубійству, къ-несчастію такъ сильно укоренившейся въ Англіи. Вотъ ея содержаніе: Адвокатъ Садгровъ (Sadgrove) влюбился на балу въ Батѣ въ молодую дѣвушку, которая сначала подаетъ ему нѣкоторую надежду на взаимность, но потомъ предпочитаетъ ему одного богатаго ость-индскаго капиталиста. Адвокатъ приходитъ въ отчаяніе отъ этой измѣны, оставляетъ всѣ дѣла и отправляется странствовать вокругъ свѣта. Черезъ 9-ть лѣтъ онъ возвращается назадъ, получаетъ богатое наслѣд-

ство, но и это не залечиваетъ раны, нанесенной сердцу его измѣнницею. Рѣшившись окончить свои страданія смертію, онъ вздумалъ утопиться; впрочемъ мысль эта вертѣлась уже у него въ головѣ еще во время его странствія, но ему казалось гораздо возвышеннѣе и пріятнѣе погребсти несчастія въ родныхъ волнахъ рѣки отечественной. Съ этой цѣлью онъ ходитъ по берегу Темзы, отыскивая поудобнѣе мѣстечко для исполненія своего намѣренія; тамъ-же и, какъ кажется, съ такимъ-же намѣреніемъ, прохаживается еще другой человѣкъ, довольно-пожилыхъ лѣтъ; оба несчастливца стараются укрыться одинъ отъ другаго, прячутся за деревья, потомъ оба въ одно мгновеніе бросаются изъ своихъ убѣжищъ къ рѣкѣ, сталкиваются и отъ этого столкновенія завязывается между ними разговоръ, изъ котораго оказывается, что незнакомецъ г-нъ Фелпксъ Триммеръ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ и мирнаго характера, женился недавно на молодой вдовѣ и не въ силахъ будучи переносить бранчиваго характера своей молодой супруги и несноснаго упрямства и грубости своей тещи, рѣшился было тоже окончить мученія свои въ волнахъ Темзы. Посѣтовавъ на судьбу и пожалѣвъ другъ о другѣ, новые знакомцы рѣшили благоразумно, что не сгодитъ изъ-за этого губить жизнь свою и придумали лучше пойти размыкать горе за бутылкою добраго вина. Покуда они бражничали въ ближней гостинницѣ, къ нимъ понашло еще нѣсколько знакомцевъ Триммера и всѣ вмѣстѣ отправились къ нему домой, оканчивать пирушку и задать хорошій урокъ злой женѣ и негодной тещѣ. При этомъ случаѣ нашъ адвокатъ узнаетъ въ бранчивой мистриссъ Триммеръ свою возлюбленную и излечивается навсегда отъ своей глупой страсти.

Въ Олимпійскомъ театрѣ дана очень-посредственнаго достоинства шутка: «Love and war» (любовь и война). Главные персонажи тутъ квартирмейстеръ и сержантъ: каждый изъ нихъ влюбленъ и взаимно любимъ одною изъ двухъ племянницъ одной пожилой вдовушки. Дѣвушки всѣми силами стараются скрыть свои интрижки отъ строгой тетушки, и изъ этого проистекаютъ разныя, обыкновенныя въ такихъ случаяхъ сцены. Между-тѣмъ на одну изъ красавицъ обратилъ вниманіе свое торговецъ сыромъ. Торговецъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ. Написавши стихами пренѣжное объясненіе въ любви, онъ завернулъ въ эти стихи кусокъ сыру и послалъ его предмету своей страсти. По несчастію посылка попала въ руки тетки, та приняла все на свой счетъ, и, обрадовавшись случаю покинуть наскучившее уже ей состояніе вдовы, тотчасъ-же потребовала отъ бѣднаго поэта, чтобы онъ загладилъ нанесенное этимъ посланіемъ оскорбленіе ея чести, какъ слѣдуетъ, законнымъ бракомъ. Бѣдный сыроторговецъ приходитъ въ отчаяніе отъ такого неожиданнаго

счастія, напивается съ горя пьянымъ и пьяный продается въ солдаты, но, проспавшись, разумѣется, раскаивается въ своей опрометчивости—поэтъ слишкомъ чувствителенъ для воина—и не знаетъ, какъ-бы выпутаться изъ этого непріятнаго положенія. Квартирмейстеръ и сержантъ помогаютъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ женился на старой тетушкѣ и уговорилъ ее выдать за нихъ своихъ племянницъ.

Въ театрѣ Adelphi съ-большимъ успѣхомъ дана была небольшая хорошенькая комедія: «You know what» (Вы знаете..), авторомъ которой выдаетъ себя г. Бицлей (Beazley), но которая есть ничто-иное, какъ передѣлка Скрибовой комедіи «Le mari qui trompe sa femme», игранной и у насъ на русской сценѣ.

Вѣроятно многимъ читателямъ нашимъ любопытно знать почему Adelphi-театръ носитъ это названіе, которое на греческомъ языкѣ значитъ: «Братья». Adelphi называется въ Лондонѣ собственно рядъ зданій, находящихся противъ театра, носящаго это имя, и построенныхъ двумя братьями—Робертомъ и Джономъ Адамсъ, въ память покойнаго своего родителя. А такъ-какъ почти всѣ лондонскіе театры называются именемъ той улицы или части города, въ которой они находятся, то и этотъ театръ названъ Adelphi-театромъ. Въ одномъ изъ зданій Adelphi жилъ Гаррикъ и тамъ-же въ 1822 году скончалась вдова его.

Ковентгарденскій театръ тоже получилъ это прозваніе отъ мѣстности, въ которой онъ находится и которая называется Ковентгарденъ потому, что тутъ когда-то былъ монастырь Св. Петра, и при этомъ монастырѣ большой садъ. Тутъ-же по близости находится и Дрюлиненскій театръ, названный такъ по имени узенькой улицы, на которую онъ выходилъ прежде главнымъ фасадомъ, но послѣ перестройки всего зданія, въ 1811-мъ году, по плану архитектора Віатта (Wyatt) выходитъ однимъ изъ боковыхъ фасадовъ. Геймаркетскій театръ названъ тоже по имени площади, на которой прежде торговали сѣномъ.

Лондонскіе театры раздѣляются на большіе и малые. Первые называются также *патентованными* театрами и изъ нихъ Дрюлиненскій самый старшій. Томасъ Киллегрю (Thomas Killegrew) получилъ при Карлѣ-Второмъ королевскій патентъ на заведеніе театральныхъ зрѣлищъ и выстроилъ въ 1622 году, въ узенькой улицѣ Дрюри театръ. Театръ этотъ сгорѣлъ въ 1671-мъ году и на мѣстѣ его К. Вренъ (Wren) выстроилъ другой, существовавшій до 1793 года, въ которомъ былъ сломанъ и выстроенъ гораздо-обширнѣе, по плану архитектора Голланда. 24-го февраля 1809 года сгорѣло и это зданіе и черезъ два года выстроенъ теперешній театръ, внутренность котораго впрочемъ въ 1822-мъ году опять передѣ-

лана по плану архитектора Бицлея (Beazley). Ковентгарденскій театръ тоже имѣетъ патентъ, пожалованный Сиру Давенанту, труппа котораго съ 1662 года давала представленія свои въ улицѣ Дорсетъ и въ одномъ изъ зданій на площади Lincoln Innfields. Только въ 1733 году владѣтели патента выстроили собственный свой театръ въ улицѣ Бовъ. Театръ этотъ много разъ передѣлывали; 2-го сентября 1808 года онъ сгорѣлъ, со всѣмъ, въ немъ находившимся, и на мѣстѣ его выстроенъ нынѣшній театръ, который и открытъ 18-го сентября 1809 года, трагедіею «Макбетъ». Итальянская Опера при основаніи ея должна была бороться противъ сильной оппозиціи. Сначала Итальянцы допускались только на главныя роли. Герой оперы говорилъ и пѣлъ по-итальянски, а прочіе актеры по-англійски. Потомъ попробовали-бы ло составить всю оперу изъ Итальянцевъ, но попытка не удалась, а притомъ еще и Аддиссонъ, поддерживаемый сильною партіею, изъ всѣхъ силъ воспротивился этому. Но наконецъ слѣдующее обстоятельство рѣшило дѣло въ пользу итальянской оперы: человѣкъ тридцать знатныхъ Англичанъ, путешествовавшихъ по Италіи и плѣнившихся тамошними операми, составили общество и опредѣлили значительную сумму на постройку итальянскаго опернаго дома, который и былъ построенъ Сиръ Джономъ Ванбругомъ (Wanbrugh) въ Геймаркетской улицѣ, и которому основатели выхлопотали тоже право называться Королевскимъ театромъ. Итальянская опера, которою онъ былъ открытъ 9-го апрѣля 1705 года, не имѣла большаго успѣха; тогда очень-немногіе еще знакомы были съ итальянскимъ языкомъ, однакожъ, при пособіи знатныхъ покровителей, представленія продолжались, и въ 1720-мъ году, для поддержки этой Оперы, собрано по подпискѣ 50,000 фунт. стерлинговъ. Первоначальное зданіе Оперы сгорѣло 17 іюня 1789, и въ слѣдующемъ-же году выстроено опять по новому, улучшенному плану, а въ 1818 году внутренность его опять передѣлана по плану архитектора Наша (Nasch). Теперешнее зданіе просто, пышно и вполнѣ сообразно съ своимъ назначеніемъ. Наружность его украшена чугунною колоннадою дорическаго ордена, прекрасною галлереею и барельефомъ на фронтонѣ, представляющимъ происхожденіе и успѣхи тоническаго искусства. Внутренность театра богата и великолѣпна. Сцена въ 60 футовъ длиною и въ 80 шириною. Каждая ложа можетъ быть задернута зеленымъ шолковымъ занавѣсомъ и въ каждой находится шесть стульевъ. Ложъ пять рядовъ; въ нихъ помѣщается до 900 человѣкъ зрителей; въ партерѣ 800 человѣкъ и въ галлереѣ 900. Итальянскую Оперу посѣщаетъ самое высшее общество, особенно теперь, когда тамъ довольно-часто бываетъ Королева Викторія и всегда въ сопровожденіи почти всего двора. Посѣтители и посѣтительницы этого теа-

тра всегда являются туда въ самыхъ лучшихъ парадныхъ костюмахъ, и еще недавно въ одной лондонской газетѣ какой-то театральный денди написалъ огромную статью о томъ, что теперь замѣтны у многихъ посѣщающихъ Итальянскую Оперу перчатки въ 30 пенсовъ, тогда какъ прежде никто не являлся иначе, какъ въ перчаткахъ въ полгинеи. Итальянской оперный сезонъ въ Лондонѣ продолжается съ января по іюль

Остальные лондонскіе театры, у которыхъ нѣтъ патента, т. е. королевскаго дозволенія, всѣ принадлежатъ къ разряду малыхъ театровъ и называются также вольными потому-что они получаютъ позволеніе отъ гофмаршала, подъ надзоромъ котораго находятся всѣ театры въ Лондонѣ. Впрочемъ и гофмаршалъ рѣдко вмѣшивается въ дѣла театровъ, такъ-какъ они вполнѣ частныя предпріятія и казна не тратитъ на нихъ ни копѣйки. Акціонеры Дрюриленскаго и Ковентгарденскаго театровъ долго противились допущенію правильныхъ драматическихъ представленій на малыхъ театрахъ, однакожъ голосъ публики былъ противъ нихъ. Они ссылались на королевскій патентъ, будто-бы однимъ имъ дозволявшій представленіе правильныхъ драмъ; но въ этихъ патентахъ не было сказано, чтобы, не-смотря ни на какую необходимость, не строить болѣе театровъ, и потому гофмаршалъ не призналъ этого права вышеупомянутыхъ театровъ и раздавалъ позволительные виды всѣмъ желающимъ и доказавшимъ, что они имѣютъ средства для открытія новаго театра: съ-тѣхъ-поръ число малыхъ театровъ безпрерывно возрастаетъ и, вѣроятно, скоро, подобно тому, какъ на всякой лондонской улицѣ есть свой докторъ, на всякой улицѣ будетъ и свой театръ. Замѣчательнѣйшіе изъ малыхъ театровъ суть: Adelphi, Геймаркетскій, Олимпійскій, Strand и Соррейскій. Въ Лицеѣ или, такъ называемомъ, англійскомъ оперномъ домѣ, даются теперь promenade concerts, т. е. концерты, во время которыхъ посѣтители прогуливаются по залѣ и разговариваютъ; однакожъ концерты эти идутъ очень-плохо и вообще дѣла Лицея въ дурномъ положеніи—Чего не пробовали давать въ немъ? оперы, комедіи, трагедіи—ничто не удавалось. Promenade concerts придуманы назадъ тому два года; шестьдесятъ артистовъ составили для этого общество по sharing system, т. е. каждый получалъ соразмѣрную часть изъ сбора. Покуда эта выдумка была новинкою, такъ дѣло шло таки изрядно, но потомъ, когда посѣтителей стало являться все меньше и меньше, придумали помочь горю ангажированіемъ знаменитыхъ и, слѣдовательно, дорогихъ артистовъ: Мюсару и еще двумъ или тремъ главнымъ музыкантамъ платилась бо́льшая часть сбора, а достальные 57-мь не получали почти ничего. При такихъ условіяхъ, разумѣется, дѣло не могло существовать. Попытка возстановить его, сдѣланная

въ прошедшемъ году, продолжалась только одинъ мѣсяцъ и оказалась вполнѣ неудачною. Тѣмъ-болѣе, что теперь концерты даются еще въ театрѣ St-James и въ Hanover-square-rooms, и притомъ еще даромъ. Недавно въ англійскомъ оперномъ домѣ помѣстился Фанъ-Амбургъ съ своимъ звѣринцемъ. Въ Whitechapel, отдаленной и тоже нефашіонабельной части Лондона, находится Pavilion-театръ. Теперешній директоръ этого театра пришелъ не въ состояніе платить за помѣщеніе, и владѣлецъ театра придумалъ необыкновенное средство для полученія слѣдующихъ ему денегъ. Назначено было дать «Мазепу». А такъ-какъ въ этой піесѣ потребно было восемь лошадей, то директоръ и нанялъ ихъ у извощика. Собрались зрители, подняли занавѣсъ, и что-же? вмѣсто актеровъ является на сцену хозяинъ театральнаго зданія съ полицейскимъ коммисаромъ, и коммисаръ прочитываетъ указъ, которымъ, за неплатежъ за квартиру, секвеструется касса, лошади, декораціи, словомъ все принадлежащее театру. На другой день зрители отправились къ главному полицейскому судьѣ требовать совѣта, какъ-бы получить заплаченныя ими по-пусту деньги; туда-же явился и извощикъ хлопотать о своихъ восьми лошадяхъ. Судья отказался удовлетворить просителей и велѣлъ имъ прибѣгнуть къ адвокатамъ.

Кромѣ большихъ и малыхъ театровъ, имѣющихъ позволеніе, есть еще множество мелкихъ театровъ, за входъ въ которые платится не болѣе 1 пенса, и которые терпятся правительствомъ до-тѣхъ-поръ, покуда въ нихъ не происходитъ безпорядковъ, что впрочемъ, при собирающейся туда сволочи, бываетъ нерѣдко: часто даже бываетъ, что во время представленія кто-нибудь изъ зрителей, обкраденный наполняющими обыкновенно эти театры мошенниками, закричитъ «караулъ», входитъ полиція, нѣкоторыхъ зрителей арестуетъ, другихъ выгоняетъ и запираетъ театръ....

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Копенгагена пишутъ отъ 27 августа: «Нашъ знаменитый хорографъ, Антуанъ Теодоръ Бурнонвиль, которому Данія обязана созданіемъ въ ней балета, скончался на 83-мъ году отъ роду, въ королевскомъ замкѣ Фредансборгѣ, гдѣ покойный король Фредерикъ VI отвелъ этому великому артисту прелестное убѣжище для преклонныхъ дней. Бурнонвиль родился въ Ліонѣ 19 мая 1760 года и изучалъ пантомиму и хорографію въ Вѣнѣ, у знаменитаго Новерра. Въ 1780 и 81 годахъ онъ занималъ амплуа перваго танцовщика на сценѣ

театра Королевской Академіи Музыки въ Парижѣ; въ слѣдующемъ году онъ съ большимъ успѣхомъ являлся въ Лондонѣ, а въ 1783-мъ году заключилъ контрактъ съ королевскимъ театромъ въ Стокгольмѣ, при которомъ и оставался до смерти Густава III (1792), когда по приглашенію Датскаго Короля принялъ на себя обязанность устроить при королевскомъ театрѣ въ Копенгагенѣ коръ-де-балетъ и танцовальную школу, и въ тоже время сдѣланъ директоромъ обоихъ этихъ заведеній. Бурнонвиль занималъ эту должность тридцать-семь лѣтъ и сдѣлалъ для Даніи чрезвычайно-многое. Онъ составилъ ей коръ-де-балетъ, не одинъ разъ соперничавшій съ кор-де-балетами первѣйшихъ театровъ Европы; перенесъ на датскую національную сцену знаменитѣйшія хореграфическія произведенія сценъ иностранныхъ, и самъ создалъ довольно-значительное число балетовъ, изъ которыхъ многіе съ большимъ успѣхомъ были представлены въ Германіи, Англіи и Италіи. Въ числѣ многочисленныхъ учениковъ, образованныхъ Бурнонвилемъ, первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ сыну его Карлу Бурнонвилю, который наслѣдовалъ не только мѣсто своего отца но и талантъ его; онъ поставилъ нѣсколько балетовъ; изъ которыхъ два: «L'Enfant du roi Eric Menveld» и «la Fiancée du pêcheur ou la Grotte bleue», имѣли блестящій успѣхъ на Копенгагенской, Гамбургской и Ганноверской сценахъ. Какъ танцоръ, Карлъ Бурнонвиль можетъ похвалиться тѣмъ, что съ величайшимъ одобреніемъ былъ принятъ парижскою публикою, и тѣмъ, что образовалъ такихъ ученицъ, каковы, M-lles Гранъ, Нильсенъ и Фельстедтъ.

— Какъ ни расхваливаютъ мелкія парижскія газеты настоящей Итальянской Оперы въ Парижѣ, но петербургская итальянская опера далеко перещеголяетъ парижскую. Пособіе, которымъ театръ этотъ до сего времени пользовался отъ Правительства, нынѣ отнято; въ-слѣдствіе чего дирекція Итальянской Оперы принуждена возвысить цѣны на мѣста: эта мѣра, конечно, не будетъ отяготительна для высшей публики посѣщающей Итальянскую Оперу, но за то она налагаетъ болѣе обязанностей на дирекцію Оперы. Въ Парижѣ, гдѣ имена старѣются скорѣе, нежели таланты, угодить публикѣ труднѣе, нежели гдѣ-либо. Парижане крѣпко жалѣютъ о Рубини и Тамбурини. Лаблашъ все что-то прихварываетъ, и отправился для поправленія здоровья въ Неаполь, откуда возвратится только въ декабрѣ, и тогда снова появится на сценѣ Итальянской Оперы. Слѣдовательно, въ октябрѣ и ноябрѣ басовыя партіи остаются въ полномъ и нераздѣльномъ

владѣніи Ронкони и Форнаццари. Италіянскій оперный сезонъ начнется оперою Доницетти «Lucia», въ которой теноръ Салви будетъ деботировать въ роли Эдгара. — Потомъ послѣдуютъ оперы: «Belisario», для дебюта Форнаццари, и «Maria di Rohan», въ которой Доницетти многое прибавилъ и измѣнилъ. Доницетти дѣятельно занимается репетиціями своего «Don Sebastien», а между-тѣмъ успѣлъ однако поставить вновь на сцену своихъ «Martyrs». Успѣхъ этой оперы былъ самый блистательный и въ исполненіи ея участвовали, можно сказать, все самые первѣйшіе артисты, хотя въ голосѣ Дюпре съ каждымъ днемъ становятся замѣтнѣе и замѣтнѣе слѣды всесокрушающаго времени. Скоро ожидаютъ Мейербера, который все еще находится въ Баденѣ. Однакожъ его «Prophète» едвали будетъ данъ въ нынѣшнемъ году, потому-что разучиваніе «Don Sebastien» Доницетти, вѣроятно, продолжится до декабря, а до постановки этой оперы никакая другая, по условію, не можетъ-быть дана на сценѣ Италіянской Оперы. — Россини уѣхалъ опять въ Болонію, проживя въ Парижѣ тихо и смирно. — Молодой маэстро Маттео Сальви окончилъ свою оперу—серію, назначенную имъ для театра della Scala и на дняхъ уѣхалъ въ Миланъ для постановки ея. Опера эта написана для Джіуліо Борзи и тенора Феретти и, какъ говорятъ, богата хорошими мѣстами.

— Французская драма и театральная критика сыграли недавно преуморительный водевиль. Дюма написалъ комедію «Les Demoiselles de St. Cyr»; Жаненъ написалъ злую на нее критику; авторъ комедіи отвѣчалъ на критику колкою, ѣдкою, остроумною статьею; Жаненъ на эту критику написалъ новую статью, исполненную ругательствами и намѣками нелитературными. C'est tout comme chez nous! Слѣдствіемъ этого былъ картель. Жаненъ самъ разсказываетъ объ этой дуэли, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ. Поговоривъ о взаимномъ раскаяніи въ употребленіи слишкомъ сильныхъ выраженій, Жаненъ объявляетъ, что у нихъ все кончено личнымъ объясненіемъ, но что онъ однакожъ не отказывался отъ дуэли, до которой не допустили ихъ секунданты, предоставившіе обоимъ противникамъ право — Жанену, какъ критику, говорить смѣло: «вотъ то-то и то-то дурно», а А. Дюма, какъ автору, защищать свои произведенія, но только въ учтивыхъ выраженіяхъ, если только критикъ не отступаетъ отъ нихъ. «Теперь», прибавляетъ критикъ: «я буду обязанъ еще строже прежняго смотрѣть на произведенія Дюма, но за то и ему скоро представится случай отмстить мнѣ: онъ, безъ всякаго

сомнѣнія, скоро будетъ членомъ Академіи; можетъ случиться тогда, что вдругъ строгій критикъ его явится къ нему и скажетъ: У меня недостаетъ третьяго или четвертаго голоса, могу-ли я надѣяться на васъ?—И какъ-бы ни былъ строгъ этотъ критикъ, но все можетъ быть увѣренъ, что желаніе его будетъ исполнено, если не авторомъ *Demoiselles de St Cyr*, такъ авторомъ *Карла VII, Генриха III* и *Христины въ Фонтенбло*. Дюма до-сихъ-поръ еще ничего не отвѣчалъ на это объясненіе.—Французы, всегда готовые поглумиться кстати, выпустили уже нѣсколько каррикатуръ на это происшествіе; вотъ одна изъ нихъ: Драма и Фельетонъ сходятся, въ сопровожденіи четырехъ секундантовъ на мѣсто поединка. Двое изъ свидѣтелей несутъ подъ мышкою по огромному свертку бумаги; на одномъ свертке написано: «Journal des Débats», а на другомъ «Presse» Два другіе свидѣтеля готовятъ оружіе для поединка, т. е. они подаютъ противникамъ по длинному гусиному перу, обмакнувъ ихъ прежде въ огромную чернилицу, приговаривая: «Продолжайте господа». Внизу подписано: «Дуэль, шутка въ 3 актахъ, безъ развязки.

— Довольно многочисленная италіянская труппа, бывшая прежде въ Берлинѣ, находится теперь въ Варшавѣ и чрезвычайно нравится варшавской публикѣ. И здѣсь, какъ въ Берлинѣ, особенно восхищаетъ любителей театра королевско-прусская пѣвица Лаура Ассандри. Отзывы публичныхъ газетъ, какъ напримѣръ «Kurjer Warszawski» и «Gazetta Codzienna», перешедшіе отъ хладнокровныхъ похвалъ къ живѣйшему энтузіасму, служатъ только выраженіемъ общаго фуроре, который производитъ въ Варшавѣ эта превосходная артистка: напримѣръ, въ «Отелло» (26 августа), синьора Ассандри была вызываема послѣ каждаго акта, а по окончаніи піесы два раза; въ «Нормѣ» (20 августа) пять разъ, а въ «Лукреціи Борджіа» (23 августа) семь разъ. Нельзя описать тѣхъ тріумфовъ, которыми восторженные Поляки каждый спектакль осыпаютъ артистку, но за то и артистка, признательная за такой благосклонный пріемъ, превосходитъ сама-себя. Однакожъ, сколько ни просилъ ее директоръ труппы остаться въ Варшавѣ, она еще не соглашается и едва-ли согласится. Дѣла дирекціи этой труппы идутъ чудесно: Большой театръ всегда полонъ и билетовъ нельзя достать почти уже за недѣлю. Въ Петербургѣ пронесся слухъ, что Синьора Ассандри пріѣдетъ сюда и приметъ участіе въ нашей итальянской оперѣ.

— Нѣкто Мирлаво, фабрикантъ шолковыхъ матерій въ Ліонѣ, изобрѣлъ способъ приложить механическую систему Жакара къ музыкальнымъ инструментамъ. Первый опытъ сдѣлалъ онъ съ акордеономъ. Подвижной картонъ, служащій для разнообразія рисунковъ въ искусствѣ тканья матерій, служитъ здѣсь точно также для варированія мелодій, и посредствомъ механической ручки всякой можетъ играть также хорошо, какъ и самый искусный артистъ. Мирлаво посвятилъ этому изобрѣтенію пятилѣтніе труды и все свое состояніе, и теперь, для ознакомленія съ нимъ публики и для поправки своихъ денежныхъ обстоятельствъ, показываетъ его любопытнымъ за деньги.

— Французскія газеты разсказываютъ слѣдующую новость, не ручаясь за ея достовѣрность: Нѣкто Фабръ, Фрибургскій урожденецъ, побѣдилъ наконецъ всѣ трудности, какія представляло составленіе такого инструмента, который подражалъ бы человѣческому голосу. Онъ сдѣлалъ наконецъ такую машину. Весь аппаратъ ея состоитъ изъ каучуковой гортани, каучуковаго языка, каучуковыхъ ноздрей, пары мѣховъ, приводимыхъ въ движеніе педалью, и ряда ключей, служащихъ для измѣненія звуковъ. Но такъ-какъ температура имѣетъ большое вліяніе на каучукъ, то Фабръ и сознается, что не-смотря на то, что онъ и можетъ извлекать изъ своего инструмента всѣ возможныя измѣненія голоса, и даже дѣлать ударенія надъ словами и буквами, инструментъ его все-таки требуетъ еще много усовершенствованій и улучшеній. Необходимость этихъ усовершенствованій особенно замѣчательна тогда, когда машина г. Фабра поетъ. Впрочемъ это замѣчаніе можно отнести и къ многимъ живымъ пѣвцамъ *.

— Мэкриди (Macready), приводившій въ восторгъ весь Парижъ, когда онъ, назадъ тому четыре года, участвовалъ въ представленіяхъ англійской труппы, въ залѣ Фаваръ, этотъ единственный оставшійся въ Англіи представитель великаго Шекспира, отправился въ Соединенные Штаты. Онъ надѣется въ теченіе годичнаго путешествія приобрѣсти отъ 5 до 6,000 фунт. стерлинг. (отъ 125 до 150 тысяч. франк.)— Въ Лондонѣ остался теперь одинъ Карлъ Кинъ признаннымъ художникомъ для піесъ Шекспира. Однакожъ англійскіе критики не вполнѣ довольны ни тѣмъ, ни другимъ: у нихъ,

* Не про *Фаберову*-ли говорящую машину разсказываютъ французскія газеты?

подобно тому, какъ у нѣмецкихъ театральныхъ рецензентовъ, только и вертится на языкѣ ихъ великій Девріентъ, такъ у англійскихъ ихъ Гаррикъ. Только и слышишь: «Ему далеко до Гаррика»! Такими сравненіями съ великими покойниками можно умертвить всякой живой талантъ; и при томъ сравненія эти такъ легки и удобны, гораздо полегче, чѣмъ оцѣнить и характеризовать живой талантъ по достоинству.

— М-lle Сара Феликсъ, сестра знаменитой Рашели, отправилась въ Италію для усовершенствованія себя въ искусствѣ пѣнія. Она намѣрена брать уроки у знаменитаго профессора Романи во Флоренціи—рѣшимость достойная похвалы въ артисткѣ, увѣнчанной Консерваторіею, и получавшей отвсюду самыя лестныя приглашенія на дебюты.

— Молодой талантливый механикъ Карлъ Гернгхоферъ устроилъ въ Вѣнѣ, въ Іозефштатскомъ театрѣ, освѣщеніе кулисъ и сцены по новому, простому и дешовому способу, такъ что теперь темнота на сценѣ производится разомъ, посредствомъ машины, устроенной въ люкѣ суфлера, тогда-какъ прежде во всякой кулисѣ и къ переднимъ лампамъ требовался для этого особый человѣкъ. Вѣроятно, новость эта скоро введена будетъ на многихъ театрахъ, тѣмъ-болѣе, что, при выгодности ея, она еще больше прежняго способа удобна для произведенія сценическаго очарованія.

— Изъ Брисселя пишутъ отъ 6-го сентября: Вчера, въ послѣдней, довольно-драматической сценѣ оперы «Велизарій» случилось слѣдующее забавное происшествіе: носилки, на которыхъ приносятъ умирающаго полководца, треснули подъ тяжестію его тѣла; замѣтивъ это и опасаясь совершеннаго паденія, умирающій вдругъ соскочилъ съ нихъ и побѣжалъ за кулисы; но носильщики, неустрашенные этимъ внезапнымъ возстаніемъ съ одра болѣзни, бросились за своею добычею, догнали ее и преспокойно продолжали опять свое торжественное шествіе.

— Передъ отъѣздомъ своимъ въ Россію, Бальзакъ отдалъ на театръ de la Gaîté новую драму «Pamél a Giraud». Въ отсутствіе его, Жюль Жаненъ завѣдывалъ постановкой этой драмы на сценѣ и репетиціями. Первое представленіе «Памелы» было 26 сентября. Драма плоха, по сознанію самого Жанена.

— Счастливый драматическій писатель и плодовитый предшественникъ Скриба, Казиміръ Делавинь занемогъ довольноопасною болѣзнію, которая очень тревожитъ друзей и родныхъ его.

— Говорятъ, что Викторъ Гюго хочетъ написать новую *классическую* трагедію для Королевскаго Театра въ Парижѣ—Théâtre-Français. Онъ избралъ героемъ своимъ Вильгельма Телля, въ отчизнѣ котораго онъ теперь путешествуетъ.

— Парижскіе французскіе театры запаслись огромнымъ количествомъ новыхъ піесъ на зиму. Скучно было-бъ изчислять всѣ эти новыя *созданія* или *творенія*; упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ пятиактныхъ:

Трагедіи: Катилина; авторъ неизвѣстенъ даже за театральными кулисами;—*Жане Шоръ*, г. Александра Лайя, подражаніе Шекспиру;—*Сарданапалъ*, г. Лефевра, подражаніе Лорду Байрону;—*Шарлотта Кардэ*, г-жи Луизы Колэ.

Драмы: Герцогиня де Шатору, г-жи Софіи Гэ; *Честь дѣвушки*, г-жи Ашиль Контъ; *Бернара*, соч. А. Дюма; *Андре Шенье*, неизвѣстнаго.

Комедіи: Школа правителей, г. Лефевра;—*Сеговійскій Бакалавръ* и *Опасныя средства;* авторы двухъ послѣднихъ піесъ неизвѣстны; *Діогенъ*, аристофаническая комедія г. Феликса Пійя, и пр.

— Мы говорили уже въ прошедшей книжкѣ, что на театрѣ de la Porte-Saint-Martin готовится новая драма, передѣланная изъ романа «*Парижскія тайны*», самимъ Е. Сю и всегдашнимъ сотрудникомъ его, Динô. Театръ de la Porte-Saint-Martin основываетъ большія надежды на этой драмѣ и самъ авторъ напечаталъ письмо, въ которомъ запрещаетъ всѣмъ передѣлывателямъ пользоваться, не только романомъ, но даже заглавіемъ его, угрожая процессомъ.

Впрочемъ предосторожность Сю совершенно-излишняя, потому что, когда уже самъ авторъ рѣшается передѣлать романъ свой въ драму, то ясно, что никто не захочетъ мѣшать ему. Не-смотря на то, нѣкоторые журналы объявили, что большая драма, которую репетируютъ на театрѣ de l'Ambigu Comique и которая будетъ называться: *Les Bohémiens de Paris* есть подражаніе извѣстному роману. Если это справедливо, то мы, вѣроятно, будемъ имѣть случай разсказать читателямъ нашимъ подробности одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ литературныхъ процессовъ, доставляющихъ парижскимъ фельетонистамъ и зѣвакамъ (badauds) столько наслажденія.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

30 сентября.

Нашъ театральный сезонъ начался прекрасно: новостей, со всѣхъ сторонъ, не оберешься. Но первая, главная, великая новость, — новость, отъ которой волнуется сердце, трепещутъ всѣ жилки, — новость, которая отгоняетъ сонъ, заставляетъ забывать объ ѣдѣ, о дѣлахъ, обо всемъ, — новость, которая не сходитъ съ языка, раздается вокругъ васъ вездѣ — на улицѣ, въ театрѣ, въ пріятельской бесѣдѣ, — новость, отъ которой жены дѣлаются вдвое ласковѣе, дочьки любезнѣе, а мужья и отцы морщатся да почесываются — эта великая, изумительная, оглушительная новость —

Итальянская опера въ Петербургѣ!

И такъ наши сладкія мечты, наши пламенныя желанія скоро осуществятся. Теперь не Петербургъ Парижу, а Парижъ Петербургу можетъ позавидовать: мы имѣемъ уже двухъ первыхъ пѣвцовъ въ мірѣ — *Рубини* и *Тамбурини*; ожидаютъ *Віардо-Гарціа*. Для вторыхъ ролей прибыли вмѣстѣ съ Рубини воспитанница его *Тадини*, которая прошедшею весною съ большимъ успѣхомъ дебютировала на театрѣ della Scala, въ Миланѣ, и второй теноръ *Пазини*, для котораго Доницетти написалъ *Велизарія*. Говорятъ еще о пріѣздѣ г-жи *Ассандри*, которая въ это время находится въ Варшавѣ. Однимъ словомъ, итальянская опера нынѣшней зимою будетъ у насъ на-славу. Публика съ восторгомъ приняла эту новость, и въ нѣсколько дней разобрала почти всѣ ложи и кресла на всѣ представленія итальянской оперы. Представленія, какъ слышно, начнутся въ половинѣ октября. Репер-

туаръ будетъ состоять изъ *осьмнадцати* оперъ. Готовьтесь къ наслажденіямъ!

Нѣмецкая оперная труппа уѣхала въ Москву. Недавно обогатилась она новымъ замѣчательнымъ дарованіемъ: мы говоримъ о тенорѣ Вейсѣ, который въ началѣ нынѣшняго мѣсяца дебютировалъ въ роли *Элеазара* въ «Жидовкѣ», и былъ принятъ публикою съ единодушнымъ одобреніемъ. У него голосъ обширный, сильный; пѣніе исполнено пріятности и чувства. Г-нъ Вейсъ въ первый разъ поступилъ на сцену. Со-временемъ, когда онъ болѣе ознакомится съ тайнами ея, нѣтъ сомнѣнія, онъ станетъ на ряду съ замѣчательнѣйшими артистами.

Не-смотря на всѣ достоинства нашей французской труппы, она ежегодно становится богаче и полнѣе.

Прелестная, талантливая гостья наша, г-жа Альберъ, пропѣла намъ прощальное «au revoir», которое едва-ли сбудется.... осыпанная цвѣтами, оглушенная рукоплесканіями, со слезами на глазахъ и съ сжатымъ сердцемъ видѣла она, какъ занавѣсъ, подобно непреодолимой преградѣ, опустился между ею и тѣми, которымъ она подарила столько пріятныхъ, столько счастливыхъ минутъ!... Но занавѣсъ опустился, прошла ночь, наступило утро и еще разъ, можетъ-быть, въ послѣдній, коснулась ножка ея гранитныхъ береговъ Невы.... зашумѣли колеса парохода, онъ понесся, и долго, долго еще виднѣлась на горизонтѣ черная полоса дыму....

На слѣдующее представленіе мы съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ воротились въ театръ. Играла М-me Аллань. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту ея, мы однакожъ невольно должны сознаться, что она *потеряла право* являться въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ она *никогда* была такъ неподражаемо хороша. Мы никогда не забудемъ нѣкоторыхъ сценъ изъ *La lectrice, Mathilde, Une faute, La savonette Impériale, Faute de s'entendre, La pensionnaire mariée* и многихъ другихъ піесъ, въ которыхъ М-me Аллань была совершенна, но увы! поэзія прошла.... Но впечатлѣнія произведенныя на насъ игрою М-me Аллань, такъ глубоки, такъ сильны, что мы смотримъ и будемъ еще смотрѣть на игру ея памятью сердца и уже по одному этому она еще долго будетъ нравиться намъ.

Непосредственно за М-me Аллань слѣдуетъ во французской труппѣ М-me Александръ-Майэръ. Не помнимъ, чтобы когда-либо игра послѣдней производила на насъ глубокое впечатлѣніе. Веселый, остроумный куплетъ, мужской костюмъ, *легкое* словцо, граціозность, непринужденность, вотъ неотъемлемыя принадлежности М-me Александръ. Пока она на сценѣ, вы веселы, вы смѣетесь, вы апплодируете: но занавѣсъ опустился и.... все забыто! Только изрѣдка воспоминаніе объ отдѣльныхъ мелодіяхъ куплетовъ или объ остромъ словцѣ

мило сказанномъ, заставляютъ васъ улыбнуться.... Все это сказано не съ тѣмъ, чтобы отнять у М-me Александръ достоинства ея — совсѣмъ нѣтъ! Но надобно-же дать какой-нибудь отвѣтъ людямъ, ставящимъ ее выше М-me Алланъ и даже М-me Альберъ.

Упомянувъ еще о М-lle Анна, которая очень-мила въ роляхъ субретокъ, мы прибавимъ, что прочія актрисы впадаютъ въ златую посредственность или, что̀ еще хуже, играютъ роли красивыхъ, *размалеванныхъ* вывѣсокъ; такова М-lle Дегранжъ. Слѣдовательно, сколько мужская труппа богата и разнообразна, столько-же въ женщинахъ чувствовался и чувствуется по-сію-пору недостатокъ, который нисколько не пополненъ прибытіемъ новой актрисы, М-lle Эстеръ.

М-lle Эстеръ пріобрѣла себѣ въ Парижѣ маленькую извѣстность въ роляхъ гризетокъ, молодыхъ мальчиковъ и въ особенности въ умѣньи ловко протанцовать парижскую качучу — *cancan*! Но это чисто спеціальность, точно такъ какъ игра Григорьева 2-го, который едва-ли, въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Петербурга, можетъ имѣть успѣхъ. М-lle Эстеръ дебютировала *канканомъ* въ водевилѣ-Фарсѣ «L'Opium et le Champagne», который Французы, изобрѣтательные на новыя слова, назвали *chinoiserie*: она имѣетъ хорошенькую наружность; игра ея граціозно-тривіальна, но если всѣ достоинства ея состоятъ только въ этомъ, то-Богъ съ ней! Мы гораздо-охотнѣе будемъ смотрѣть М-me Александръ, потому-что она несравненно-выше М-lle Эстеръ....

Между-тѣмъ-какъ женская труппа осталась въ прежнемъ положеніи, мужская украсилась двумя прекрасными актерами.

Просперъ Готи занимаетъ тѣ-же самыя роли, въ которыхъ доселѣ игралъ у насъ Верне. Искусство перемѣнять физіономію доведено у него до высшей степени; игра его чрезвычайно натуральна и разнообразна и исполнена чистѣйшаго высокаго комизма. Въ роляхъ стариковъ, англичанъ и заикъ Просперъ и въ Парижѣ славился. Публика наша вполнѣ умѣла оцѣнить талантъ его и вамъ на долго предстоитъ рядъ удовольствій, которыя заставятъ насъ забыть хоть на одинъ вечеръ заботы и хлопоты дѣятельной жизни нашей.... Лучшія роли, въ которыхъ онъ являлся на нашей сценѣ, были роль *Калеба* въ піессѣ «Le Caleb de Walter Scott», и *Потара* въ «Prosper et Vincent».

Адріенъ Руже молодой человѣкъ съ большимъ дарованіемъ. Поль-Мине, выслуживъ года свои, отправляется, какъ говорятъ, во Францію; Адріенъ долженъ замѣнить его. Игра Адріена чрезвычайно-натуральна, безъ всякой натяжки, безъ фарсовъ; а между-тѣмъ онъ бываетъ уморительно-смѣшонъ своимъ веселымъ простодушіемъ. Въ немъ видна еще нѣкоторая неопытность; иногда весьма-забавныя мѣста проходятъ

у него незамѣченными, но судя по легкой, пріятной игрѣ его можно надѣяться, что со-временемъ, когда онъ пріобрѣтетъ по-болѣе опытности и когда попривыкнетъ ко вкусу *нашей* публики, онъ оправдаетъ ожиданія наши, потому-что уже теперь въ нѣкоторыхъ роляхъ онъ прекрасенъ. Такъ мы съ наслажденіемъ смотрѣли на него въ чрезвычайно-забавномъ водевилѣ «Prosper et Vincent», завязка котораго основана на необыкновенномъ сходствѣ двухъ братьевъ близнецовъ, и напоминаетъ Шекспирову «Comedy of errors».

Въ нѣмецкой драматической труппѣ также явилась дебютантка: дѣвица Граффъ. Эта актриса, созданная для высокой комедіи, займетъ мѣсто на нѣмецкой сценѣ, остававшееся доселѣ вакантнымъ.

Александринскій театръ не отстаетъ отъ другихъ новостями. Длинный рядъ бенефисовъ, который будетъ тянуться до самой масляницы, начался бенефисомъ *заслуженаго* артиста Александринской сцены г-на Толчонова 1-го. Въ этотъ бенефисъ даны были слѣдующія піесы:

— Правда лучшій другъ Царю, драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ.

Это «драматическое представленіе» передѣлано изъ прекрасной повѣсти *П. В. Кукольника*, которая называется «Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ», и которую вы, вѣрно, прочли, если не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ она была напечатана въ первый разъ, то въ собраніи повѣстей талантливаго писателя, а это самое избавляетъ насъ отъ обязанности разсказывать содержаніе «драматическаго представленія.»

Главное лицо въ піесѣ — Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, вельможа прямой, честный, благородный, достойный сподвижникъ великаго Царя. Роль эту занималъ В. А. Каратыгинъ. Играть въ ней было нечего, потому-что вся роль состоитъ изъ однѣхъ длинныхъ тирадъ; но почтенный артистъ нашъ умѣлъ придать и занимательность, и достоинство этой однообразной ролѣ, такъ, что піесу можно было дослушать и досмотрѣть до конца, безъ скуки.

Насъ поразила несообразность въ костюмахъ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ этой піесы. Въ піесѣ говорится не одинъ разъ, что гвардейскіе полки въ то время были одѣты въ зеленые, а армейскіе въ синіе мундиры, а между-тѣмъ и сержантъ гвардіи и полковникъ полеваго полка всѣ являются передъ зрителемъ въ зеленыхъ мундирахъ! — И еще, въ Лѣтнемъ саду, во время прогулки, дамы расхаживаютъ въ нынѣшнихъ мантильяхъ и съ нынѣшнею прическою! C'est du pent fort!

— Женскій умъ — лучше всякихъ думъ, драматическая пословица въ одномъ дѣйствіи — піеска старая, но смотрится съ величайшимъ удовольствіемъ, тѣмъ-болѣе, что къ прекрасной игрѣ прежде-участвовавшей въ этой піесѣ арти-

стки А. М. Каратыгиной присоединилась умная, благородная игра г-жи Самойловой 2-й.

— Невѣста рѣки или судья-геній, водевиль въ 2-хъ д., перев. съ французскаго.

Дѣйствіе этого водевиля происходитъ въ одномъ шотландскомъ городкѣ, на берегахъ Твида. Въ этомъ городкѣ существуетъ повѣрье, что всякой невѣстѣ, которая приходитъ ночью наканунѣ свадьбы своей на берегъ Твида, является геній этой рѣки и награждаетъ ее приданымъ. Объ этомъ геніѣ ходятъ впрочемъ самые различные слухи: одинъ являлся онъ брюнетомъ, другимъ — блондиномъ, кому — высокаго роста, кому низкаго.... Но приданое вещь нужная для дѣвушки, которая выходитъ за мужъ, а потому каждая изъ нихъ считаетъ долгомъ вызвать таинственнаго генія. Молоденькая и хорошенькая Клара выходитъ за мужъ за стараго безобразнаго судью; этотъ судья — опекунъ ея, прибравшій къ рукамъ своимъ все ея достояніе: отецъ Клары, отправляясь на войну съ Французами, поручилъ судьѣ все имѣніе свое и духовное завѣщаніе, которымъ сдѣлалъ наслѣдницею по себѣ малолѣтную Клару. Онъ умеръ далеко отъ своего отечества; судья воспользовался этимъ и скрылъ завѣщаніе. Клара думаетъ, что она — бѣдная дѣвушка и принимаетъ руку судьи, какъ великодушное благодѣяніе для себя.

Между-тѣмъ въ этотъ городокъ пріѣзжаетъ молодой французскій капитанъ Альфредъ. Онъ зналъ отца Клары, который даже и умеръ на рукахъ у него, и умирая, поручилъ ему отыскать Клару и передать ей духовное завѣщаніе такого-же содержанія, какъ и первое, оставленное у судьи. Альфредъ рѣшился свято исполнить волю покойника и пріѣхалъ отыскивать Клару. Судья, догадавшись по распросамъ Альфреда, что тутъ кроется что-нибудь недоброе, велѣлъ схватить его и посадить въ тюрьму, какъ подозрительнаго человѣка. Къ-счастію тюрьма эта — только слава, что тюрьма: она безъ запоровъ, безъ желѣзныхъ дверей и даже безъ четвертой стѣны, а потому Альфреду нетрудно вырваться на свободу.

Клара, какъ и всѣ невѣсты, считаетъ долгомъ наканунѣ свадьбы своей, побесѣдовать съ геніемъ рѣки. Ночью она отправляется на берегъ Твида. Геній обыкновенно является въ томъ образѣ, въ какомъ пожелаетъ невѣста. Разумѣется, Клара не можетъ пожелать, чтобы къ ней явился онъ въ видѣ безобразнаго жениха ея: она желаетъ видѣть передъ собою — Альфреда. Только-что Клара изъявила въ-слухъ свое желаніе, — пропѣвши хорошенькій романсъ, за который публика очень ей аплодировала, геній какъ тутъ передъ нею — въ образѣ Альфреда. Альфредъ, скрываясь отъ поисковъ судьи, совершенно-случайно попалъ на это мѣсто, и вышло очень-кстати. Онъ тотчасъ догадался въ чемъ дѣло, и рѣшился до конца

выдержать роль свою. Какъ добрый геній, онъ не оставилъ Клары и безъ приданаго: это приданое—духовное завѣщаніе отца ея. Между-тѣмъ въ разговорѣ Клары съ геніемъ встрѣтилось одно очень-затруднительное обстоятельство: геній хочетъ знать, любитъ-ли Клара жениха своего. Клара, не смѣя обманывать генія, признается ему откровенно, что нѣтъ.

— Но кого-же ты любишь? спрашиваетъ геній.

Клара никакъ не рѣшается сказать этого: она дѣвушка скромная, и хоть знаетъ, что передъ нею геній рѣки, но этотъ геній представляется въ образѣ того человѣка, котораго она любитъ, и потому ей какъ-то *неловко* признаться ему въ тайной любви своей! Она упрашиваетъ его принять *другой* образъ, хоть напримѣръ образъ ея жениха, и тогда непремѣнно откроетъ свою тайну. Только-что успѣла она сказать это, какъ за кустами послышался шорохъ: Альфредъ поскорѣй давай Богъ ноги! Клара не успѣла оглянуться, какъ передъ ней стоитъ геній совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ какого-то чудовища, покрытаго съ ногъ до головы зелеными листьями и съ лицомъ ея стараго, безобразнаго жениха. Судья, изволите видѣть, малый-то непромахъ, и зная, что Клара пойдетъ на берегъ Твида совѣтоваться съ геніемъ рѣки, вздумалъ нарядиться этимъ геніемъ.

Клара однако-жъ ничего не знаетъ, ничего не подозрѣваетъ: по обѣщанію своему, она открываетъ генію тайну настоящей любви своей. Судья слушаетъ — и дивится, едва вѣря ушамъ своимъ, и не понимая что-бы все это значило. Наконецъ онъ бѣсится, выходитъ изъ себя, какъ вдругъ въ это время является Альфредъ, съ толпой народа, и несчастнаго генія хватаютъ на мѣстѣ, и хотятъ бить.

Однакожъ скоро дѣло улаживается: проказы стараго плута судьи выведены наружу: онъ разомъ теряетъ и отнятое имѣніе и руку Клары, которая выходитъ за-мужъ за Альфреда.

Этотъ водевиль-фарсъ заставляетъ смѣяться до-слезъ. Мартыновъ въ роли судьи уморителенъ. Г-жа Самойлова, въ роли Клары, очень-мила. Есть и куплеты недурные.

— Улица Луны или возвращеніе изъ Африки, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго.

Тоже фарсъ, но чрезвычайно-забавный. Въ Парижѣ водевиль есть, нѣкоторымъ образомъ, лѣтопись народной жизни: тамъ не бываетъ ни одного случая, ни одного происшествія, важнаго-ли, неважнаго, а въ особенности сколько-нибудь смѣшнаго, чтобы Французы не склепли-бы изъ него водевиля, себѣ на потѣху. Въ Парижѣ, напримѣръ, срыли бульваръ въ улицѣ Луны (rue de la Lune); надобно было поднять дома, и сдѣлать ихъ этажемъ выше, такъ-что тотъ, кто жилъ въ первомъ этажѣ, очутился во второмъ, кто жилъ во второмъ—очутился въ третьемъ, и т. д. Пользуясь сею вѣрною

оказіею, водевилистъ представилъ человѣка, возвратившагося изъ похода въ Африку и прямо явившагося на старую свою квартиру, гдѣ онъ оставилъ молодую жену; а такъ-какъ прежде онъ жилъ во второмъ этажѣ, то и теперь приходитъ туда-же. Но второй этажъ сдѣлался третьимъ, стало-быть этотъ господинъ попалъ въ чужую квартиру, и, въ ожиданіи жены своей, сталъ распоряжаться какъ дома. Изъ этого выходятъ преуморительныя qui-pro quo между этимъ господиномъ, хозяиномъ квартиры, который въ его отсутствіе ухаживалъ за молоденькой женой его, и пр. и пр. Смѣхъ, хохотъ и апплодисменты не умолкаютъ отъ начала до конца піесы, которая, благодаря г-мъ Максимову и Мартынову, была сыграна прекрасно.

Вообще бенефисъ г-на Толчонова былъ составленъ очень-недурно, не-смотря на «драматическое представленіе», не совсѣмъ удавшееся.

Дирекція Императорскихъ Театровъ возобновила старую, лѣтъ пятнадцать, если не болѣе тому назадъ игранную комедію,—

Людовикъ XI въ Перонѣ. Это Кентенъ-Дюрвардъ, романъ Вальтера-Скотта, передѣланный въ «драматическое представленіе». Роль Людовика XI выполняетъ г-нъ Каратыгинъ 1-й.

20-го сентября наша заслужопая артистка, г-жа Сосницкая, пригласила публику въ свой бенефисъ. Въ этомъ бенефисѣ были даны—

Волшебный бочонокъ или Сонъ на яву, старинная нѣмецкая сказка, въ 2-хъ д., передѣланная *Н. А. Полевымъ*.

— Полчаса за кулисами, комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *Н. А. Полеваго*.

Обѣ эти піесы—въ рукахъ нашихъ читателей, и потому въ *нашемъ* дѣлѣ мы не можемъ быть судьями, предоставляя сдѣлать приговоръ двумъ новымъ произведеніямъ неутомимаго Н. А. Полеваго самимъ читателямъ «Репертуара и Пантеона». Мы, съ своей стороны, для исторической точности, замѣтимъ только, что *Волшебный бочонокъ* въ первое представленіе принятъ былъ публикою довольно-холодно; въ слѣдующія-же представленія піеса эта съ каждымъ разомъ нравилась болѣе и болѣе.

Полчаса за кулисами, маленькая комедія, или, лучше сказать, сцены—достойны были лучшей участи. Въ этой піесѣ есть мысль, которая годится и для большой комедіи; но роли были выполнены чрезвычайно-неудачно. Роль стараго французскаго вельможи—волокиты, дряхлаго подагрика, досталась на долю г-на Мартынова, артиста съ несомнѣннымъ, прекраснымъ дарованіемъ, но на этотъ разъ невникшаго хорошо въ свою роль. Г-нъ Мартыновъ былъ столько-же похожъ на знатнаго *вельможу* осьмнадцатаго вѣка, сколько ку-

рица похожа на индѣйку... Онъ не позаботился даже о костюмѣ, и вышелъ въ какой-то шутовской, изъ бумаги сдѣланной шапкѣ, которая безпрестанно падала съ головы его. Роль секретаря этого вельможи занималъ г-нъ Толчоновъ 2-й; по-несчастію въ этой роли есть нѣсколько длинныхъ монологовъ, а въ этихъ монологахъ много умныхъ вещей: г-нъ Толчоновъ 2-й скушалъ большую половину этихъ монологовъ (дай Богъ ему на здоровье!), такъ, что публика изъ пяти словъ слышала одно... Мудрено-ли послѣ этого, что зрители поняли піесу только въ половину? Но мы пророчимъ полный успѣхъ этой піесѣ въ Москвѣ: роль графа *де-Шапюи* выполнитъ г-нъ *П. Степановъ*, роль Зсфиретты — г-жа *Орлова*, роль секретаря... Кто-бы ни выполнилъ, все будетъ лучше г. Толченова 2-го.

— Разсказъ г-жи Курдюковой объ отъѣздѣ ея за границу, отрывокъ превосходно-прочитанный г-жою Каратыгиной; но, осмѣлюсь сказать, всякая шутка, а въ особенности такая, которую Французы называютъ *charge*, хороша только одинъ разъ. Стóило-ли повторять этотъ «разсказъ», въ которомъ нѣтъ ни на-волосъ ни остроумія, ни даже смысла? Такіе разсказы позволительно только импровизировать въ обществѣ, à vive voix, но предавать ихъ тисненію, право, совѣстно...

— Рецептъ для исправленія мужей, комедія водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *И. А. Коровкинымъ*.

Этотъ *рецептъ для исправленія мужей* — очень-старый рецептъ, и, по-несчастію, *аллопатическій*: мы должны были просмотрѣть два длинныя, предлинныя дѣйствія. Стóило-ли растягивать на два безконечныхъ акта тò, чтò давно уже было сдѣлано въ одномъ актѣ, и сдѣлано прекрасно Грибоѣдовымъ, напримѣръ, въ его комедіи «Молодые супруги», г-нъ Григорьевымъ 1-мъ въ миленькомъ водевилѣ «Мужъ, какихъ мало, жена, какихъ много», и пр., и пр., и проч ?..*)

*) Кстати о подражаніяхъ и объ этомъ *Рецептѣ*. Прежде, бывало, въ русской литературѣ подражали иностранцамъ: придумаютъ что-нибудь умное, хорошее Нѣмцы или Французы, въ слѣдъ за ними и мы сдѣлаемъ что-нибудь въ томъ-же родѣ. Нынѣ дѣла ведутся у насъ иначе: стали подражать не иностранцамъ, а своимъ-же соотечественникамъ; вы изобрѣли, придумали что-нибудь умное, дѣльное,—ваша мысль одобрена публикой, вы наслаждаетесь по всей справедливости плодомъ ума вашего, вашихъ трудовъ... вдругъ является меркантильность, живущая чужимъ умомъ, чужими трудами, и, видя успѣхъ вашего предпріятія, идетъ по слѣдамъ вашимъ. Такъ успѣхъ «Репертуара» породилъ у насъ «Панте-

Вотъ всѣ петербургскія театральныя новости прошедшаго мѣсяца. Что увидимъ и услышимъ впередъ, то сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона».

Мы получили пріятныя и любопытныя извѣстія изъ Москвы, которыми и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями.

«Вы вѣрно уже слышали»—пишутъ намъ—«объ открытіи большаго московскаго театра, по его возобновленіи? Неутомимая дѣятельность Дирекціи и огромное дарованіе архитектора (г-на Никитина) создали такой храмъ искусства, какой врядъ-ли найдете въ Европѣ. Роскошь, изящество, вкусъ поражаютъ взоры! Въ первое представленіе давали оперу «Жизнь за Царя», предъ которою сыграна была увертюра на тему *народнаго гимна*. Тысячи прелестныхъ дамскихъ головокъ красовались въ ложахъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, и украшенныхъ великолѣпными бронзовыми, сквозь огонь вызолоченными, орнаментами. При торжественныхъ аккордахъ рос-

---

онъ»; счастливымъ случаемъ эти два изданія соединились вмѣстѣ, и дружно идутъ къ одной цѣли, поощряемые вниманіемъ образованной публики; меркантильность не можетъ безъ зависти смотрѣть на этотъ успѣхъ, и вотъ она дѣлаетъ новое подражаніе «Репертуару»: нѣкто въ Москвѣ книгопродавецъ Улитинъ (ci-devant Глазуновъ) затѣялъ издавать, въ подражаніе «Репертуару и Пантеону» «Драматическій Альбомъ», составленный изъ тѣхъ піесъ, которыя *забракованы* Редакціей «Репертуара и Пантеона»; въ этомъ «Альбомѣ» напечатанъ между-прочимъ и «Рецептъ,» который съ конца прошлаго года лежалъ въ Редакціи «Репертуара» безъ всякаго употребленія. На одного изъ издателей «Репертуара и Пантеона» какъ-то особенно падаетъ эта участь—давать другимъ хорошіе *идеи* и заставлять подражать себѣ: онъ вздумалъ издавать «Экономъ», успѣхъ котораго превзошолъ всѣ его ожиданія, и вотъ «Литературная Газета» объявляетъ, что она будетъ печатать статьи *о кухнѣ* и проч., какія печатаетъ «Экономъ», подъ названіемъ «Записки для хозяевъ»! Мы слышали еще, что одинъ толстый журналъ, испытавшій всѣ мѣры къ поддержанію существованія своего и съ каждымъ-годомъ падающій больше и больше, намѣренъ въ будущемъ году, въ отдѣленіи *Русской Словесности*, печатать *драмы, комедіи и водевили, игранныя на сценѣ Александринскаго театра!*... Послѣ этого «Репертуару и Пантеону» слѣдовало-бы допустить на страницы свои отдѣленія: «Сельское Хозяйство», «Литературную Лѣтопись», и т. п.? Къ-счастію, онъ не имѣетъ въ этомъ никакой нужды.

Ред.

ной Пѣсни, всѣ въ восторгѣ и благоговѣніи встали съ своихъ мѣстъ—и театръ огласился кликами. Между-тѣмъ изъ-за исчезнувшихъ густыхъ облаковъ явилась зрителямъ новая передняя занавѣсъ, превосходное произведеніе декоратера *Журделя*. Однимъ словомъ, у насъ теперь такой театръ, который навсегда останется великолѣпнымъ памятникомъ уму, труду и любви къ искусству *Александра Михайловича Гедеонова*.

«Въ третье представленіе на возобновленномъ театрѣ московская публика впервые привѣтствовала оглушительными рукоплесканіями *Герту—Андреянову 2-ю*. Не-смотря на нѣкоторый духъ партіи, неблагопріятствующей петербургской танцовщицѣ, ваша прекрасная танцовщица въ оба представленія балета увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Теперь всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ «Гитану» и «Жизель» и тогда уже конечно пройдетъ охота сравнивать... Comparaison n'est pas raison.

«Третьяго дня (20 сентября) у насъ дебютировала на Маломъ Театрѣ ваша юная воспитанница школы *дѣвица Левкѣева*, въ водевилѣ «Комедія съ дядюшкой». Сколько естественности, благородства! Какой миленькій голосокъ для водевиля! И при всемъ томъ, какая собою красавица! Прелесть! прелесть!... О, она со-временемъ будетъ украшеніемъ сцены. Публика приняла ее съ восторгомъ.

«Московская французская труппа, которая въ послѣднее время была довольно въ жалкомъ положеніи, начинаетъ укомплектоваться. Недавно дебютировали Поль-Жене и Кресси. Первый на роли первыхъ комиковъ, вторая на роли молодыхъ дѣвушекъ (jeune première) оба съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Но во всякомъ случаѣ Поль-Жене не замѣнитъ намъ Герве. Что-же касается до Кресси, то она большая находка для нашей французской сцены».

РЕДАКТОРЪ *Межевичъ*.